АКАДЕМИЯ НАУК ТАТАРСТАНА
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
КАЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
КАФЕДРА ИСТОРИИ ТАТАРСКОГО НАРОДА

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИСТОРИИ УЛУСА ДЖУЧИ (ЗОЛОТОЙ ОРДЫ)

ОТ КАЛКИ ДО АСТРАХАНИ 1223 — 1556

КАЗАНЬ – 2001

Издание осуществлено при поддержке Казанского Совета народных депутатов.

Редакционный совет:

М.А.Усманов (отв.редактор), И.Вашари, Х.Гёкеньян, Д.М.Исхаков, В.Остапчук, Р.С.Хакимов, Ю.Шамильоглу, А.А.Арсланова (отв. секретарь).

Рецензенты:
доктор исторических наук И.А.Гилязов,
кандидат исторических наук И.К.Загидуллин

Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. – Казань, 2001. – 428с.

В книге собраны материалы Международного научного семинара «Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556», подготовленный и проведенный 23 – 26 июня 1998 г. Казанским государственным университетом, Институтом истории АН Татарстана, Обществом востоковедов РАН при организационной и материальной поддержке Казанского совета народных депутатов. Эта работа является первой в отечественной истории книгой, посвященной некоторым вопросам источниковедения истории одного из крупнейших средневековых государств – Улуса Джучи. В географическом и хронологическом планах сосредоточенные в настоящем исследовании тексты докладов участников форума отражают многообразие истории Золотой Орды и позднезолотоордынских татарских государств XV–XVI вв. Кроме выступлений ученых из Татарстана в работе представлены доклады участников из Москвы, Санкт–Петербурга и других научных центров России, а также ряда зарубежных стран – Великобритании, Венгрии, Германии, Канады, США, Тайваня, Турции, Украины.

Материалы семинара представляют интерес для историков–медиевистов, аспирантов, студентов и широкого круга читателей, интересующихся историей средневековых татарских государств.

© Институт истории АН РТ, 2001

М.А.Усманов

Состояние и перспективы источниковедения истории Улуса Джучи

События XIII–XVI столетий, как известно, оставили глубокий след в истории многих народов Азии и Европы. В результате почти «молниеносного» образования суперимперии Чингиз–хана, затем возникновения на его развалинах таких новых держав, как Юаньская империя, улусы Джучидов, Чагатаидов и Хулагуидов неоднократно перекраивалась этно–политическая карта всей Евразии. В процессе этих событий возникли, затем пали не только новые государства, ханства, но и в результате образовались смешения племен и народов, новые этнические общности, новые культуры, новые народности. И вряд ли сегодня возможно полноценное осмысление исторической судьбы многих народов «старого света» без знания особенностей судьбы их предков в XIII–XVI столетиях.

Такое же значение для понимания прошлого многих народов современной Евразии имеет история Улуса Джучи, то есть Золотой Орды в позднейшем наименовании, несколько сужающем содержание понятия.

Нельзя сказать, что история Джучиева Улуса совершенно не изучена. Но также нельзя утверждать, что изучение этого периода истории многих народов Евразии, особенно тех народов, которые вошли в дальнейшем в состав Российской империи, затем Советского Союза, шло равномерно и одинаково успешно. Всем хорошо известно, что освещение, вернее подача материалов и фактов по истории Улуса Джучи, часто носили идеологизированный, даже чересчур политизированный характер. Особенно тенденциозный и порой уродливый вид приобрел такой подход в бывшем Советском Союзе в результате появления известного постановления ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 г. Именно после этого постановления в учебниках по истории, филологии, также в ряде научных исследований делались попытки игнорирования, умаления значения почти трехсотлетнего периода истории. Народы же, входившие в состав Монгольской

империи, также Улуса Джучи, изображались дикарями, бессмысленно–жестокими завоевателями, не создавшими никаких культурных ценностей. Вместо того, чтобы выявлять новые факты для объективного осмысления сути прошедших событий, авторы всевозможных публикаций по истории монгольских завоеваний буквально соревновались, игнорируя элементарную логику, в подборе негативных сведений, лишь отрицательных эпитетов для их характеристики. Приведу несколько примеров.

Так, известный иранист И.П.Петрушевский, рисуя процесс завоевания монголами Ирана, в сборнике «Татаро–монголы в Азии и Европе» (М., 1970), ссылаясь на средневековые письменные памятники, утверждал, что в декабре 1221 г. «монголы, осадив и взяв Герат, вырезали в нем **все** население» (см. названный сборник, с. 224, подчеркнуто мной – М.У.). Казалось бы, с Гератом и его многочисленным населением покончено раз навсегда. Однако при повторном взятии того же Герата в 1222 г. были убиты еще 1 миллион 600 тысяч человек и «в городе уцелело только 40 человек», которые занимались грабежом (с. 228). Но оказывается, согласно тому же Петрушевскому, в 1270, 1288, 1289 и в последующие годы Гератский оазис и город Герат повторно подвергались разорению, с угоном в полон значительного – тысячного населения (с. 229). Спрашивается: откуда взялось в опустошенном Герате такое население? Или: какими способами и темпами размножались потомки тех «только 40 человек»?..

Таких курьезов или тенденциозных натяжек, гипербол, даже прямых фальсификаций относительно монгольских завоеваний в исторической литературе немало. И вряд ли возможно подобный подход к информации средневековых письменных памятников, изобилующих образными легендами, вольными мифами, назвать серьезной работой над источниками.

Другой пример. Ряд татарских историков 40–80х гг. XX столетия, освещая прошлое своего народа, историю Казанского ханства, возникшего в 1437 г., старались преподнести его как прямое продолжение **лишь** Булгарского царства, давшего якобы только в 1445 г. импульс для самостоятельности Казани. Самостоятельность же Булгарского государства была ликвидирована, как известно, в 1236 г. В результате всего этого 200–летний период политической исто-

рии региона оказался почти «спрятанным» от широкой публики. Такое было возможным только в результате желания всячески откреститься от золотоордынского наследия и игнорирования сведений нерусских, в особенности тюрко–татарских, письменных материалов.

Примеры подобных искажений, фальсификаций можно было бы привести и далее. Однако нет надобности в этом. Ибо фальсифицированность многих страниц истории народов бывшего Советского Союза – факт общеизвестный. Следует лишь сказать, что недоброкачественное, часто явно искаженное освещение прошлого, нашло свое яркое выражение в изложении и других аспектов истории периода Джучиева Улуса.

Полноценное же научное осмысление истории Улуса Джучи предполагает выявление и всестороннее изучение информации различных по происхождению и характеру письменных и вещественных источников.

Тесные социально–экономические, военно–политические, духовно–культурные, и наконец, этнические связи народов этого государства с дальними и ближними соседями, также многоэтничность населения самой державы Джучидов, способствовали появлению и отложению письменных памятников на многих языках – на арабском, персидском, монгольском, китайском, русском, латинском, армянском, грузинском и т.д. Следовательно, для нас в одинаковой степени ценными являются источники на всех этих языках. Но я сегодня, не вдаваясь в историографические и библиографические подробности источниковедения истории Улуса Джучи в целом, хотел бы прежде всего в тезисном плане, кратко остановиться на некоторых конкретных вопросах.

Особое место в системе письменных источников занимают тюркоязычные памятники XIII–XVI вв. Они, несмотря на их относительную малочисленность, имеют неоспоримое значение для полноценного и углубленного осмысления истории ряда тюрко–татарских обществ времен царствования Джучидов. В отличие, скажем, от авторов арабских или русских источников, наблюдавших события со стороны, тюркские сочинители в своем подавляющем большинстве освещали факты и явления изучаемой эпохи как бы **изнутри**. Поэтому, часто не только в суждениях, но и в стилисти-

ческих нюансах, терминологических особенностях тюркских памятников, может содержаться дополнительная информация. Такое явление связано не только с особенностями демографической среды, но и с этнической принадлежностью официального письменного языка как государства Джучидов в целом, так и тюрко–татарских ханств постзолотоордынской эпохи, в частности. По этой причине учитывание языковой, в том числе терминологической, диалектной специфики, имеет принципиальное значение. Ибо при этом можно будет более квалифицированно оценить уровень осведомленности авторов подобных памятников. Однако именно в данной области до сих пор продолжает иметь место ряд нерешенных по существу вопросов и немало дискуссионных по содержанию устремлений.

Относительная малочисленность, скорее всего, плохая сохранность тюркоязычных письменных памятников времен Золотой Орды и других тюрко–татарских ханств, также слабая разработанность теоретических и практических вопросов их источниковедческой оценки и текстологии стали причиной появления противоречивых суждений. Это наблюдается в толковании как природы, специфики отдельных фактов, так и целых явлений из истории этих государств, или конкретных обществ и сословий внутри них.

Аналогичная картина наблюдается и в оценке языковой, точнее, этнической принадлежности ряда тюркоязычных, в особенности литературных памятников, когда языку средневековых произведений с натяжкой *навязываются* качества национальных языков *позднейших* времен. При этом появлению таких явлений способствовал ряд причин. Во–первых, в исторической традиции часто преобладает сугубо «династийный» подход к интерпретации особенностей духовно–культурной истории огромного по территории и многоэтничного по населению государства. События и явления освещаются не исходя из таких фундаментальных факторов, *как учет этнической доминанты* населения изучаемой среды той эпохи, а через призму этнического происхождения *лишь* господствующей *династии*. Например, насколько правомерно называть Золотую Орду конца XIII–XV вв. «монгольским государством», исходя лишь из того, что предки и поздних Джучидов были действительно монголами? Далее, не равносильно ли это другой край-

ности, когда, исходя из этнического облика *поздних* Джучидов, делается попытка превратить в тюрка и самого Чингиз–хана?

На эти явные натяжки я специально обращаю внимание потому, что в исторической литературе часто встречаются факты такой сугубо «династийной» интерпретации истории и этнической принадлежности официального письменного языка государства Джучидов.

Во–вторых, имеет место и недостаточный учет особенностей этногеографической действительности регионов в далеком прошлом, отличавшейся от этнонациональных реалий этих же регионов более поздних времен. При таком подходе, продиктованном скорее всего политическими соображениями, нежели научными, происходит вульгарная модернизация минувшей действительности, то есть приспособление к современным реалиям явлений и фактов далекого прошлого.

Наконец, в–третьих, довольно широко распространенным приемом является тенденциозная абсолютизация удобной для себя информации лишь отдельно взятых источников и игнорирование данных других материалов, когда их сведения не соответствуют заранее сложившимся представлениям исследователей. Не секрет, что такое явление часто связано с идеологизированностью исторических позиций как самих авторов исследований, так и официальных, диктуемых сверху, установок.

Историография истории Золотой Орды, особенно ее советская ветвь, представляет, к сожалению, много примеров для иллюстрирования приемов и результатов таких крайне политизированных однобокостей и субъективных устремлений. Вряд ли здесь есть надобность подробно говорить достаточно информированной аудитории о том, что все это сказалось и в относительно пассивной изученности тюркоязычных памятников золотоордынской эпохи в советское время.

Вместе с тем, необходимо уточнить, что речь здесь идет не о частностях, например, о выявлении, изучении источников по отдельным проблемам региональных историй, скажем, историй некоторых ханств. Я имею ввиду выявление и изучение материалов по истории Улуса Джучи, образовавшихся после него ханств в целом.

Необходимо также отметить, что возможности архивов и древ-

лехранилищ различных центров как бывшего Советского Союза, так и других стран еще не использованы должным образом в плане выявительных поисков. Подтвердить это можно следующим примером. Если до целенаправленных поисков докладчика в середине 1970–х гг. в научном обороте находились тюркоязычные оригиналы лишь восьми ханских ярлыков, выданных до конца XVI в., то в настоящее время их общее число превысило шестьдесят. Уверен, при осуществлении специальных поисков в архивах обнаружатся еще новые тексты, новые материалы. На это, между прочим, указывает наличие множества переводов ханских ярлыков на русский язык. Эти переводы, сделанные в канцелярских условиях, как увидим далее, также имеют определенную ценность.

Учитывая все это, для удовлетворительного решения в дальнейшем ряда нерешенных и спорных вопросов необходимо будет, наравне с выявлением, вводом в научный оборот новых тюркоязычных памятников, обратиться и к другим видам, группам письменных материалов. Ибо для выяснения особенностей социальных, этнических, культурных процессов и языковой ситуации во всем Джучиевом Улусе, также в отдельных татарских ханствах, немало сведений дали бы аутентичные событиям иноязычные памятники. Например, нарративные и документальные источники на арабском, персидском, армянском, русском, латинском, греческом и других языках. Но при одном условии. До сих пор в центре источниковедческого анализа находились, прежде всего, сведения иноязычных материалов, скажем, арабских сочинений или русских летописей. Сведения тюркских источников привлекались часто лишь попутно, как дополнительный или сугубо иллюстративный материал, используемый как «украшение». Естественно, этому в известной степени способствовала их малоизученность или плохая подготовленность многих историков в языковом отношении. Далее желательно было бы ставить в центр внимания, то есть в центр анализа, сами тюркоязычные источники и подвергать их всесторонней критике при помощи информации иноязычных памятников. В последних в виде документально–дословных, то есть калькированных переводов специальных оборотов, формул и терминов, обнаруживаются как следы недошедших до нас тюркоязычных понятий, так и интерпретация, осмысление их содержа-

ния иноязычными современниками. Ибо при осуществлении их калькированных переводов не могли не отражаться их общепринятые или специальные в те времена значения. Как показал опыт анализа отдельных формул и терминов ханских ярлыков XIV–XVI вв., такой сравнительный метод является достаточно перспективным. Следовательно, подобный прием способствовал бы лучшему осмыслению содержания ряда понятий, реалий еще малоизученных тюркоязычных памятников.

Большие возможности в направлении лучшего осмысления историко–лингвистических реалий тюркских источников времен Улуса Джучи и позднейших татарских ханств дали бы документы русско–восточной переписки XVI–XVII и первой половины XVIII вв. Как известно, царское правительство долгое время свои грамоты правителям ряда восточных стран направляло, наравне с русским, и на татарском языке. Вернее, такие грамоты отправлялись на двух языках: в русском оригинале и в их дубликатах на татарском языке. Ответы, как правило, получали на татарский вариант русских грамот. Так обстояло в переписках со многими адресатами, начиная от предводителей монгольских, калмыцких, казахских орд, князей Северного Кавказа, кончая правителями Ирана, Турции, Индии (Великих Моголов), даже Китая. Поэтому в Посольском приказе в Москве долгие годы существовала специальная «Татарская канцелярия», где продолжительное время сохранялось влияние золотоордынской делопроизводственной традиции и тюрко–татарского письменного языка. Характерно, что и при составлении текстов самих русских грамот также использовались калькированные переводы терминов и формул золотоордынского происхождения.

Сохранилась в значительном объеме и часть архива этой канцелярии. Ее материалы дали бы возможность для осуществления сравнительного анализа терминологии, формул этих разноязычных, но близких по содержанию, материалов.

Следует отметить, что анализ восточной терминологии и их переводов в русских источниках, начиная от ранних летописей, кончая русскими грамотами XIV–XV вв., говорит не в пользу искусственной монголизации, точнее декларативного объявления монгольским официального языка Джучиева Улуса. Официальный

письменный язык Джучидов был прежде всего тюркский, хотя в Орде канцеляристы знали и другие языки.

Такой же примерно прием можно было бы осуществить с материалами на арабском, персидском и других языках. Для иллюстрирования перспективности такого направления приведу лишь один пример. Как известно, наименование «Золотая Орда» является, несмотря на его чрезмерную популярность, поздним изобретением. Арабские и персидские авторы XIII–XV вв. государство Джучидов называли по–разному. В русских источниках более популярен термин «Орда». Некоторые варианты названия царства в этих источниках являются описательными, другие приближаются к калькам. Если сравнить сведения этих иноземных источников с материалами самих тюркоязычных памятников, то выясняется, что, наравне с традиционно официальным названием государства – «Улус Джучи», существовал его вариант – Улуг Орду. Правда, первоначально, видимо, как более бытовое понятие, но потом ставший вторым официальным названием страны.

Можно было бы привести еще множество примеров, говорящих в пользу историко–сравнительного изучения текстов тюркоязычных источников при помощи иноязычных материалов.

Естественно, до сих пор я говорил о так называемом, условно говоря, старом этапе текстологического изучения тюркоязычных материалов. Но чтобы дойти до этого этапа – этапа, связанного с использованием информации письменных источников – продолжает оставаться актуальным другой этап – этап публикации в оригинале и переводе текстов самих тюркских источников. К сожалению, по сравнению с XIX столетием более отсталым ныне является именно этот публикаторский этап.

До сих пор речь шла преимущественно об одном перспективном направлении источниковедения истории Улуса Джучи. Это – изучение и использование информации тюркоязычных документальных источников и выявление их следов, реликтов в иноязычных материалах. Концентрирование внимания на этих актологических проблемах, естественно, не означает, что изучение других видов письменных и вещественных источников имеет менее существенное значение для разработки сложных проблем истории Джучиева Улуса. Никто не может умалять значения нарративных

памятников, в особенности аутентичных изображаемым событиям и явлениям, тех памятников, которые сохранились на китайском, монгольском, арабском, персидском, русском, греческом, армянском, тюркском языках, на латыни и т.д. Вряд ли сегодня можно ограничиться лишь информацией известных, хотя и выдающихся для своего времени, публикаций, например, В.Г.Тизенгаузена, К.П.Патканова и других. Никто, надеюсь, не будет возражать, если скажу, что наравне с выявлением, введением в научный оборот новых повествовательных материалов на различных языках, нуждаются в дополненных, уточненных переизданиях труды только что названных наших предшественников. Следовательно, обогащение корпуса разноязычных нарративных материалов, более эффективное использование их информации, осуществление новых публикаций их текстов – все это составляет в перспективе другое и не менее важное направление источниковедения истории Улуса Джучи.

При относительной малочисленности сохранившихся тюркоязычных источников обычных жанров, исследователи вынуждены обращаться и к «нетрадиционным» видам повествовательных материалов. Например, к памятникам фольклорных произведений, которые могут содержать сведения хотя бы вспомогательного, иллюстративного характера. Естественно, не следует при этом воспринимать эпос как летопись, а предание – как хронику. Тем более рискованно литературно–фольклорных героев отождествлять с историческими личностями.

Не секрет, что мы часто увлекаемся излишним социологизированием исторических процессов прошлого. Поэтому наши труды иногда оказываются сильно обезличенными. Литературно–фольклорные памятники помогли бы избежать и таких крайностей. В этом плане, особенно по части ономастики, определенный материал могли бы давать и сведения шаджара – генеалогических записей – источников и интересных, и весьма каверзных своей чрезвычайной «избирательностью», ведущих к крайней узости, субъективности информации.

Как известно, средневековые нарративные источники, в отличие от актовых, не всегда рельефно и четко отображают особенности социального, экономического развития изучаемых обществ.

Этот недостаток компенсируется, как мы знаем, данными нумизматических материалов. Комплексное изучение многочисленных остатков денежного обращения времен правления Джучидов сыграло бы, на наш взгляд, непреходящее значение. Пора смелее выйти из той стадии, когда нумизматические сведения использовались лишь как вспомогательный или иллюстративный материал для решения той или иной частной задачи. Не стоило бы ограничиваться публикациями по отдельным кладам, случайным находкам, хотя и таковые нужны для развития науки. Джучидская нумизматика, на наш взгляд, способна внести существенный вклад в выяснение сложной картины финансово–хозяйственной, следовательно, социальной жизни изучаемой эпохи. Поднятие на новый уровень джучидской нумизматики является не менее важным компонентом перспективных задач источниковедения истории Золотой Орды и тюрко–татарских ханств Восточной Европы.

Обращаясь к проблемам нумизматики, мы неизбежно приближаемся к другому важному компоненту источниковедения истории Улуса Джучи. Это – вещественные, то есть археологические источники информации. Заранее констатирую: в отличие от упомянутого выше относительного застоя в области исследования письменных источников, именно в советское время в археологическом изучении ряда памятников Золотой Орды были достигнуты значительные успехи. Велика в этом заслуга Поволжской археологической экспедиции АН СССР, организованной по инициативе Алексея Петровича Смирнова и длительное время работавшей под руководством Германа Алексеевича Федорова–Давыдова. Должен отметить, что **не** изучение письменных материалов, а результаты именно археологических поисков дали возможность существенно изменить старые взгляды на уровень социального и культурного развития основных центров Улуса Джучи. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к выводам уже названного Г.А.Федорова–Давыдова. Он, начинавший свою исследовательскую деятельность с традиционной позиции русско–советской исторической мысли относительно «дикости» Золотой Орды, в одном из основных своих исследований (Искусство кочевников и Золотой Орды. М., 1976) пришел к выводу, что в золотоордынских городах «пышно распускается ... яркая урбанистская культура, куль-

тура поливных чаш и мозаичных панно...», культура «мусульманской духовной учености... и математиков–алгебраистов, изысканно тонкого орнамента и каллиграфии». Он же замечает: «Долгое время предполагалось, что в золотоордынских городах не было своего производства высокохудожественной керамики», но на самом деле «в золотоордынских городах было мощное художественное ремесло» и т.д. (С. 118–120 и 125).

Это принципиальное по характеру и существенное по объективности признание – хотя оно местами, по известным причинам, не очень последовательно – было фактически началом трещины в фундаменте советского официоза относительно «дикости» и «некультурности» Золотой Орды.

Таким образом, позитивность археологических поисков и существенность вещественных источников в области изучения истории Улуса Джучи не могут вызвать особых возражений.

Вместе с тем, следует также констатировать, что процитированные выше выводы были получены в результате изучения лишь незначительной, даже мизерной части археологических памятников Золотой Орды в целом. А ранее добытые вещественные памятники времен Золотой Орды, (например, материалы раскопов А.В.Терещенко, Ф.В.Баллода и др.), как известно, не были до последнего времени доступны широкой научной общественности. Они до сих пор пылятся в хранилищах известных музеев... Поэтому многое еще предстоит сделать. Следовательно, в области накопления источниковой информации по истории Улуса Джучи археологическое изучение сохранившихся памятников составляет **особое направление**. Это, естественно, предполагает возобновление полноценных археологических экспедиций.

В свою очередь, археологическое изучение просторов Евразии в целом, наравне с анализом сведений письменных источников, способствовало бы успешному и более документальному созданию исторической карты Джучиева Улуса. Значительную информацию в этом плане можно было бы раздобыть из средневековых карт Азии и Европы. Следовательно, перед историками стоит задача дальнейшего расширения и углубления проблем исторической географии Улуса Джучи. На это я обращаю специальное внимание потому, что в публикуемых в наше время картах много спорного и неясного.

Даже границы владений Джучидов обозначаются иногда произвольно или же подгоняются под рамки позднейших территориально–административных обозначений. Вряд ли удовлетворительным является уровень выявленности сведений по локализации многочисленных (около 140!) городов золотоордынской эпохи. В связи с этим актуальными являются и вопросы исторической топонимии евразийских просторов. Короче говоря, и проблема исторической картографии для нас весьма важна и актуальна.

Наконец, необходимо остановиться еще на одном вопросе. Это, так сказать, кадровый аспект проблемы, то есть проблема подготовки нового поколения историков–источниковедов. Того поколения, которое относительно свободно от тех шор, кои были характерны историкам середины и второй половины XX столетия. На эту проблему мы должны смотреть трезво, без личных амбиций и обид на судьбу. Должен признать, что выращивать новое сравнительно легче, перспективнее, чем переделывать старое, то есть исправлять устоявшиеся личные представления, тем более заниматься самоисправлением или самооправданием. Осознание этого будет, на мой взгляд, немаловажным научным вкладом представителей старшего поколения.

Таковы, если быть кратким, наиболее актуальные вопросы традиционного источниковедения истории Улуса Джучи на будущее.

Естественно, объем этого выступления не позволяет мне более подробно говорить и о других проблемах изучения истории Джучиева Улуса, в том числе выявления, введения в научный обиход новых видов и типов исторических источников. Ибо есть некоторое основание надеяться на то, что такие вопросы найдут отражение в выступлениях других участников настоящего семинара – первого международного семинара по изучению источников истории Улуса Джучи. И я надеюсь, что материалы этого семинара внесут определенный вклад в изучение одного из сложных этапов средневековой истории многих народов Евразии.

Юлай Шамильоглу

Направления в исследовании Золотой Орды*

Исследование Золотой Орды после издания первой большой работы, посвященной этой теме[1], имело длинную, запутанную и весьма политизированную историю. В мою задачу не входит детальный анализ всей историографии, так как на самом деле получилось бы очень большое исследование. История Золотой Орды уже была связана с национальной историей и идеологией Российской империи. Мои коллеги в Татарстане лучше меня знакомы с политизацией истории Золотой Орды в советский период. Если отбросить политические аспекты и идеологию, интеллектуальная ценность такого подхода также окажется сомнительной, так как слишком значительная часть историографии, посвященной Золотой Орде, основывается на предположениях и предвзятых штампах, что, на мой взгляд, вызывает сомнения, или вообще неприемлемо. Позвольте привести наиболее типичный пример: название «Золотая Орда» никогда не являлось настоящим наименованием этого государства, поскольку западное владение Бату было известно как «Белая Орда» (*Ак Урда*), а восточное – как «Синяя Орда» (*Кук Урда*), и само название «Золотая Орда» известно лишь начиная с «Казанской истории» (XVI в. или позже). Это должно послужить нам предостережением к тому, чтобы мы оставили в стороне многие предположения и претензии, характерные для традиционной историографии. Вместо этого представляется необходимым написание совершенно оригинальной истории так называемой «Золотой Орды», не основанной на дезинформации, происходящей из поздних источниковых традиций. В связи с тем, что я уже сделал такую попытку[2], думаю, что могу, исходя из прошлого опыта, предложить собственный взгляд на основные проблемы будущего исследования Золотой Орды.

---

* Перевод с английского языка Д.М.Исхакова под редакцией А.А.Арслановой.

1. Нетрадиционные категории данных.

Так как мы встречаемся по случаю I–го симпозиума, посвященного источниковедению Золотой Орды, я, прежде всего, из всех вопросов хотел бы остановиться на том, что такое «источник». При этом хотелось бы призвать моих коллег расширить их представление об «источнике». Исследование Золотой Орды, конечно, можно основывать, как это традиционно делалось, на средневековых литературных текстах и источниках. Большинство историков без колебания также используют нумизаматичские данные, иные могут быть знакомы с археологическим памятником, лингвистическим, или этнографическим фактом. Однако имеются также другие категории данных и источников, которые оказываются бесценными для изучения такого государства, как Золотая Орда, не имеющего богатого собрания письменных источников, связанных с ней. Некоторые из них я хотел бы проследить ниже.

Многие ли историки Золотой Орды рассматривали современный Татарстан в качестве одного из регионов мира, наиболее подверженного отравлению спорыньей? Такое отравление возникает из–за грибковых ядов, известных как микотоксины (mycotoxins), ассоциируемых с заплесневевшим зерном (особенно рожью), которое созрело поздно при холодной и влажной погоде. Симптомы различных типов отравлений грибковыми ядами колеблются: от потери пальцев и конечностей; кишечных нарушений; дрожи, спазмов и других проблем, затрагивающих нервную систему; психозов; подавления плодовитости и до широкого круга других устрашающих симптомов[3]. Во время одного из эпизодов пищевого отравления в Татарстане в 1944 г. среди людей, потреблявших отравленные ржаные продукты, бывали смертельные исходы[4]. В 1933 г. инфекция от пищевого отравления поразила 20–50% населения Татарстана и Башкортостана, в 1934 г. уровень инфицирования в Татарстане составлял 50–75% (1938 г. был в Башкортостане последним плохим годом в смысле пищевого отравления). После этого ржи было посеяно меньше, и по окончании Второй мировой войны улучшение сельскохозяйственной техники привело к уменьшению содержания спорыньи во ржи.

Хотя этот важный для общественного здоровья феномен в Рос-

сии впервые попал в поле зрения только в конце XVIII в.[5], на севере Европы, как явление, он существовал с древнейших времен в связи с холодным климатом и более коротким периодом выращивания. Плесень появляется на зерне в поле, или на траве в степи потому, что более холодное, чем обычно, лето отодвигает уборку на более поздний срок, когда температура становится холоднее, а погодные условия более влажными. Это – результат сезонного или более длительного колебания климатических условий. Однако многие ли ученые принимали во внимание то влияние, которое могли оказывать плохие для роста растений сезоны или климатические спады на территории Золотой Орды?

Это ведет нас к другому факту, а именно к факту, имеющему отношение к фиксации климатических условий на Земле в прошлом, включающему как письменные, так и неписьменные свидетельства. Я спешу отметить, что для области климатической истории Евразии во многих важных направлениях плохую услугу оказали работы позднего Льва Гумилева. Хотя он, как популярный в России историк, имеет сильное влияние, я мог бы доказать, что использованные им климатические факты были непрофессиональными и в определенных кругах создали плохую репутацию этой сфере. Но существуют и примеры прекрасного изучения рассматриваемой области применительно к истории Европы[6]. Я бы полагал, что моя работа по Золотой Орде содержит оригинальное исследование данной проблемы относительно истории Золотой Орды[7].

Один из важных предметов, которому Гумилев посвятил многочисленные публикации – это историческое изменение уровня Каспийского моря, которое в большинстве случаев было определено на основе текстовых данных[8]. Я не хочу в этой статье подробно останавливаться на этом вопросе, но одна из причин колебания уровня, как я заметил, это уровень осадков вдоль Верхней и Средней Волги. Имеются и другие возможные причины изменения отмеченного уровня Каспия, требующие научного исследования: мы не должны забывать как то, что древняя р.Узбой из р.Аму–Дарьи втекала в Каспийское море, так и то, что существуют предположения относительно возможности какого–то соединения между Каспийским и Аральским морями. Хотя я категорически не согласен с использованием

Гумилевым таких данных, меняющиеся уровни Каспийского моря могут дать возможное косвенное доказательство исторических уровней осадков вдоль районов Верхней и Средней Волги.

Даже если в конце–концов окажется, что меняющийся уровень Каспийского моря не связан с уровнем осадков в районах Верхней и Средней Волги, одной из других групп доказательств, которые могут дать надежду для реконструкции климатической истории северных территорий Золотой Орды, являются свидетельства годовых колец деревьев. Дендрохронология, или изучение изменения ежегодного роста древесных колец, широко используется во всем мире в исторической климатологии, хотя в меньшей степени – для изучения Западной Евразии[9].

Для меня в научном исследовании одним из удивительных открытий явилось существование данных о ежегодных отложениях вдоль о.Саки в Крыму за период более чем в четыре тысячелетия. Поскольку они понимаются как соответствующие уровням осадков, это означает, что в нашем распоряжении имеются данные о ежегодных осадках с 2394 года до н.э. по 1894 г. н.э.[10]. Как было показано в моей работе, исторически низкий уровень осадков в древний период, что явствует из этих данных, соответствует засухе в Крыму. Ламб считает, что необычно тонкие кольца в 805 г. н.э. и серия очень тонких колец в 1280–х гг. фиксируют начало и конец средневекового периода влажного климата в Крыму[11]. Принимая во внимание важные климатические разрывы, которые вели Венецию к поиску зерна в Причерноморье и, вероятно, к быстрому расширению производства зерна в контролируемом Золотой Ордой Причерноморье, данная задача требует дальнейшего анализа. Несомненно, по климатической истории имеются дополнительные источники данных, уже собранные учеными, но еще не изученные историками, интересующимися Западной Евразией.

Одной из заключительных категорий нетрадиционной аргументации, в связи с которой я теперь известен в Казани, является роль Черной чумы при падении Золотой Орды. Я уже доказывал, что Черная чума была основным фактором внезапной депопуляции, полного коллапса центральной власти и последовавших затем анархии, упадка исламской тюркской литературы и других явлений[12]. Описаний Черной чумы на территории Золотой Орды

было очень мало, но в исламских, русских и итальянских источниках достаточно данных, чтобы установить районы, испытавшие ее, и мы даже имеем несколько детальных описаний для Крыма и отдельных русских городов. Я также доказывал, что конец волжско–булгарского языка является молчаливым свидетельством опустошений Черной чумы[13]. Исходя из исследований, касающихся Западной Европы и Ближнего Востока, я полагаю, что мы имеем модель, которая поможет нам с высокой степенью точности понять, что в действительности случилось в Золотой Орде в 1340–х гг. и особенно после 1359 г. Эта модель предсказывает многие явления – даже такое, как инфляция – что требует дополнительного исследования. Все эти явления также нуждаются в дальнейшем изучении относительно территорий, находившихся под контролем Золотой Орды, таких, как Русские княжества, Армения, Грузия и другие районы Кавказа, поскольку эта проблема не получала (если вообще получала) адекватного внимания в качестве главной причины политических, социальных, экономических и культурных траснформаций, начавшихся в середине XIV в. Естественно, это имеет огромное значение для переоценки наследия Золотой Орды на этих территориях.

2. Письменные источники по истории Золотой Орды.

История Золотой Орды должна реконструироваться на основе широкого круга разнообразных источников, написанных на арабском, армянском, китайском, грузинском, греческом, итальянском, латинском, монгольском, персидском, русском, тюркских и др. языках. Для меня было бы невозможно судить о проблемах, касающихся источников на всех этих языках: пока я читаю опубликованные издания, написанные на некоторых из этих языков; по ряду из них я вынужден полагаться исключительно на переводы. Я хорошо знаю, что доверие к переводам чревато опасностью: английский вариант «Никоновской летописи» постоянно переводит слово «Орда» (Horde) русского оригинала как «Золотая Орда»[14]. В результате тот, кто пользуется английским переводом данного источника, будет введен в заблуждение, полагая, что наименование «Золотая Орда» являлось настоящим названием государства, за-

документированным в русских летописях, даже если, как я выше отмечал, этого никогда не было. К сожалению, как люди, мы должны принять наши ограничения и делать все, что в наших силах. Хотя важно, чтобы источники на отмеченных выше языках были доступны и изучались как можно шире, я ниже ограничу мои комментарии источниками на исламских языках.

Несомненно, изучающие Золотую Орду будут долго оставаться в долгу перед В.Г.Тизенгаузеном[15]. Его публикация первого тома источников на арабском языке и посмертное издание второго тома на персидском останутся важным явлением в истории изучения Золотой Орды. Естественно, что многие арабские источники, которые он опубликовал в выдержках с переводом, были затем изданы в новых редакциях, многие работы появились также в авторитетных переводах на европейских языках. Удивляет одно: многие ученые, особенно историки из России, продолжают игнорировать эту работу. Вероятно, одним из решений было бы ее переиздание, что сделало бы этот труд более доступным. Второй том также важен, но большая часть его посвящена Рашид ад–Дину и Джувейни, которые доступны в более современных изданиях. В то время, как Джувейни имеется в полном переводе, из Рашид ад–Дина важные разделы, особенно «Шу‘аб–и панджг*ā*н*ā*», еще ждут своего переводчика и издателя.

Конечно, было бы желательно осовременить арабский и персидский тома Тизенгаузена. В отношении первого тома было бы наиболее полезно обновить опубликованные арабские тексты на основе лучших современных изданий и дать перевод на русском и английском языках. Имеются и филологические проблемы, которые необходимо отметить. Например, Тизенгаузен в критической части своего перевода рассказа Муфаддала путает имена Ногая и Токты, тогда как в более свежем издании этой работы Блоше данные имена интерпретированы правильно[16]. В любом переработанном издании труда Тизенгаузена такие важные исправления должны приниматься во внимание. Нет смысла публиковать частично Рашид ад–Дина и Джувейни, поэтому, возможно, было бы разумнее переиздать остающиеся тексты второго тома вместе с первым. Все соответствующие тома Рашид ад–Дина и Джувейни должны быть доступны как на русском, так и на английском языках.

В этом отношении российские ученые уже достигли большого успеха в переводе Рашид ад–Дина, тогда как Джувейни и одна часть работы Рашид ад–Дина уже имеются в прекрасном переводе на английский. Эта работа должна быть продолжена.

Как тюркологу казанско–татарского происхождения, будучи в Казани, мне приятно вспомнить моего преподавателя по тюркской диалектологии в Колумбийском университете Тибора Халаси–Куна. Профессор Халаси–Кун в архивах Стамбула открыл много важных средневековых кыпчакских источников, включая и письмо казанского хана Улуг Мухаммеда[17]. Кто знает, что еще может быть найдено в архивах Стамбула или других центров? Как показывает исследование Иштвана Вашари, еще предстоит большая работа в области выявления, изучения и публикации документов, сохранившихся в тюркском оригинале и в переводе с эпохи Золотой Орды и ее государств–наследников. Я сам однажды столкнулся с арабским переводом «монгольского ярлыка» в полном издании работы Калкашанди, но так как я тогда не сделал пометки об этом, затем мне не удалось заново выявить это место[18]. Конечно, эти послания должны быть переизданы, и я хочу заметить, что было бы важно переиздать и перевести на русский и английский языки послания Крымского ханства, впервые опубликованные Вельяминовым–Зерновым[19].

Раз я коснулся Крымского ханства, должен бы выразить свое недовольство политическим обстоятельством, приведшим к полному отделению изучения Казанского ханства от Крымского и от других государств–наследников Золотой Орды. Я искренне озабочен недостаточностью знаний у казанских ученых об источниках и истории Крымского ханства. На казанских историках, особенно учитывая лишения крымских татар, в настоящее время не имеющих своей исторической науки, лежит обязанность узнать как можно больше не только о Казанском и Касимовском ханствах, Ногайской Орде, но также и о Крымском ханстве.

Обзор источников и историографии более позднего периода находится за пределами сферы настоящей статьи, но мне бы хотелось напомнить, что я нашел источники по Крымскому ханству, которые, безусловно, важны для понимания системы «карачи беев» в Крыму. Без этой информации было бы невозможно полностью

понять, как эта система действовала в Крымском и Казанском ханствах. Без понимания того, как она функционировала в поздних наследниках Золотой Орды (XV–XVIII вв.) мне бы никогда не удалось реконструировать точно такую же систему из четырех «улус беев» в Золотой Орде. Другими словами, без источников по Крымскому ханству я бы никогда не смог понять фундаментальный аспект Золотой Орды. То есть мы никогда не смогли бы понять, что хан Золотой Орды является не автократом, а фигурой, избранной четырьмя клановыми лидерами, активно участвовавшими в делах государства.

Для специалистов, интересующихся Золотой Ордой должны стать насущной необходимостью знание арабского, персидского и особенно тюркских языков, таких как крымско–татарский, который в поздний период практически соответствовал османско–турецкому. С точки зрения перспективы Академии наук Татарстана, необходимы усилия в подготовке большего числа арабистов и иранистов, а также тюркологов, способных читать на татарском и османско–турецком. Единственная известная историческая работа из северного ареала поздней Золотой Орды – это «Джами ат таварих», написанная в 1602 г. в Касимовском ханстве Кадыр–Али Джалаири[20]. Остающиеся важные источники по татарской истории должны быть найдены в Крыму, как, например, единственная могила прежнего казанского хана, находящаяся в Бахчисарае:

1. Реммал Ходжа, «Тарих–и Сахиб–Гирей хан»[21].
2. «Теварих–и Дешт–и Кипчак» (ок.1638 г.)[22].
3. Хаджи Мехмед Сенаи, «Тарих–и Ислам–Гирей хан» (1640–е гг.)[23].
4. «Тарих–и Саид Гирей хан» (17 в.)[24]
5. Сеййид Мухаммед Риза (ум. в 1756 г.), «Ас–себ ас–сеййар»[25].
6. Абдулгаффар Кирими, «Умдет ал–ахбар» (XVIII в.)[26].
7. Халим Гирей Султан, «Гулбун–и ханан» (1811 г.)[27].

Конечно, по истории Крыма имеется много других разновидностей источников, также нуждающихся в дальнейшем изучении. По этому периоду множество других источников на персидском и центрально–азиатских тюркских языках, также требующих дальнейшего изучения, такие, как работы, приведенные в выдержках в

сборнике источников по казахской истории[28]. Из этих источников были опубликованы лишь переводы извлечений. Многие важнейшие источники, такие, как «Бахр ал–асрар», все еще требуют дальнейшего изучения и публикации. И не упоминал ли я о том, что на кладбище в Бахчисарае много золотоордынских эпитафий, еще ждущих своего исследования?

3. Критика источников.

Одной из больших проблем, все еще мешающих изучению Орды, остается отсутствие критического источниковедения. Это особенно важно потому, что имеющееся в разных источниках и источниковых традициях множество данных противоречиво. Одним из ярких примеров такого рода в русских летописях является факт частого переписывания более ранних источниковых традиций и их распространение на более поздние века, иногда из–за идеологических соображений (включая вымысел территориальных притязаний к Казанскому ханству до его завоевания)[29]. Такие поздние традиции образуют ядро многих проблематичных точек зрения о традиционной историографии. Другой яркий пример – смешение названий Белой и Синей Орд, которым мы обязаны ошибке в так называемом «Анониме Искендера», которого поддерживал Якубовский[30].

Еще одно направление в области изучения Золотой Орды представлено опубликованным недавно трудом ДеВииз по исламизации в Золотой Орде[31]. ДеВииз следует методологии историков религии, склонных принимать за чистую монету устный источник, обычно связанный с внутренними описаниями исторической значимости прежних религиозных лидеров такого религиозного движения, как суфийский орден. В этом плане ДеВииз рассматривает рассказ об обращении Узбек–хана (в ислам), являющийся, по всей видимости, позднейшей источниковой традицией, связанной с попытками суфийских братств усилить собственную легитимность. В то же время он пренебрегает источниковым материалом XIV в. из самой Золотой Орды, относящимся к изучению религиозной истории Золотой Орды, включая такое важное руководство по религии, как «Нехдж ал–фарадис»[32]. Очевидно, что это – мето-

дологическая проблема, характерная для изучения суфийских орденов в Южной Азии или еще где–либо. Нет необходимости говорить, что ДеВииз не одинок в игнорировании исламской тюркской литературы Золотой Орды в пользу поздних источниковых традиций. Другие историки также несут ответственность за такое положение[33]. Моя собственная точка зрения заключается в том, что никто не должен игнорировать в качестве потенциального источника по истории Золотой Орды такие единственные главные тексты из Золотой Орды, как придворная литература.

4. Основные исследовательские проблемы.

Было бы затруднительно рассуждать о многих вопросах по политической, экономической и культурной истории Золотой Орды, которая требует будущего рассмотрения. Я буду очень избирателен и предложу только несколько тем, которые, как я полагаю, нуждаются в дальнейшем, более тщательном изучении.

Одна тема, которая возникла из моих собственных исследований социальной истории Золотой Орды состоит в том, что система племен Золотой Орды глубоко не изучена. Можно спорить о том, что Белая Орда включала племена Кыйат, Мангыт, Салджигут и Конграт, поскольку в начале XVI в. они перечисляются как племена Большой Орды. Но что еще мы можем узнать о племенной истории Золотой Орды, и какое это имеет отношение к племенным конфедерациям поздней Золотой Орды? Каково было реальное происхождение клана Ширин? Можем ли мы изучать ногайцев как племя Мангыт? Каково было отношение кланов Золотой Орды и его государств–наследников к племенам узбеков и казахов? Эта проблема нуждается в дальнейшем изучении. Она также требует нового исследования наследников Золотой Орды – татарских ханств и их отношения к истории узбеков и казахов. Эта работа была усложнена идеологическими проблемами XX в.

В этом отношении мне бы хотелось сделать одно дополнительное замечание. Как известно, современные национальные идеологии являются конструкциями, я уже дискутировал об этом в «татарском» случае[34]. Так же, как мы нуждаемся в более ясном представлении об использовании в прошлом имени «татар», необходи-

мо было бы получить более четкое понимание того, как наименования «узбек» и «казах» употреблялись (или не употреблялись) в традиционных обществах; другими словами, существовала ли в советский период преемственность в использовании этнонимов «узбек» и «казах»? Этот момент является критическим, потому что в советское время были написаны (т.е. созданы) национальные истории, проследившие национальную историю узбеков на основе этого этнонима. Мы очень хорошо знаем, что казахские историки рассматривают происхождение казахов на основании источников, использующих термин «казак чыкмак», приблизительно означающий – «выйти за пределы установленной государственной системы». Данный вопрос для меня остается довольно проблематичным, требующим дальнейшего изучения.

Другим вопросом, нуждающимся в гораздо более глубоком исследовании, чем это удалось мне, является изучение итальянских морских республик – Венеции, Генуи и Пизы на Черном море в XIII–XIV вв. Как я указывал, Золотая Орда в этот период была главным экспортером большой массы товаров (включая зерно) в Италию[35]. В настоящее время я даже не могу быть уверен в том, где это зерно было выращено, как оно доставлялось на рынок, или как могли функционировать другие аспекты этой системы[36]. Итальянские архивы могут открыть дополнительную информацию об этом и о других важных аспектах экономической истории Золотой Орды.

Наконец, я надеюсь, что моя работа по Золотой Орде, как я бы хотел, сможет послужить нам в качестве программы для дальнейшего изучения Золотой Орды, поскольку имеется множество других проблем, к которым я не мог обратиться ни в данном очерке, ни решать их в своей работе. Если мы рассмотрим один заключительный пример, относящийся к институту «баскак» и «даруга(-чи)», то увидим, как много еще остается неизведанного: насколько надежны русские источники относительно различных баскаков, были ли изменения в номенклатуре без какого–либо структурного изменения в их ответственности, или была ли смена от прямого сбора налога баскаками к системе откупа налогов даругами в результате депопуляции, последовавшей за Черной чумой? И если последнее так оно и есть, то действительно ли доходы от эк-

спорта в итальянские морские республики, в которые ханы были непосредственно вовлечены, являлись, вероятно, гораздо более важным источником доходов? Остается много подобных вопросов, и я жду обсуждения новых проблем в исследовании Золотой Орды.

Литература

1. Hammer–Purgstall. Ceshichte der Goldenen Horde, das ist der Mongolen in Russland (Pesth, 1840).

2. См.: Uli Schamiloglu, The Golden Horde: Economy, Society, and Civilization in Western Eurasia, Thirteenth–Fourteenth Centuries (Madison: Turko–Tatar Press, в печати), который, я надеюсь, будет доступен через сотрудничество с Институтом истории АН Татарстана как на русском, так и на татарском языках. Проблему названия (названий) этого государства я обсуждаю во введении. Должен заметить, что несмотря на серьезные оговорки, я продолжаю употреблять термин «Золотая Орда», как общепринятый в современной науке из–за своего всеобщего характера.

3. Mary Kilbourne Matossian, Poisons of the Past. Molds, Epidemics, and History (New Haven, 1989); и Uli Schamiloglu, The Golden Horde: Economy, Society, and Civilization in Western Eurasia, Глава 4.

4. Matossian, Poisons of the Past, c.15.

5. Matossian, Poisons of the Past, c.22–23.

6. E.Le Roy Ladurie, trans. B.Bray, Times of Feast, Times of Famine. A History of Climate since the Year 1000 (New York, 1988).

7. Schamiloglu, The Golden Horde: Economy, Society, and Civilization in Western Eurasia, Глава 1 посвящена более детальному обсуждению климатической истории Западной Евразии.

8. Например, см.: Л.Н.Гумилев, «Роль климатических колебаний в истории народов степной зоны Евразии», История СССР 1967: 1, с.53–66; и перевод R.E.F.Smith, Searches for an Imaginary Kingdom. The legend of the Kindom of Prester John, Past and Present Publications (Cambridge, 1987).

9. См., например: Б.А.Колчин и Н.Б.Черных, «Дендрохронология Восточной Европы: Абсолютные дендрохронологические шкалы с 788 г. по 1970 г. (Москва, 1977); Дендрохронология и дендро-хроноклиматология. (Новосибирск, 1966); и С.Г.Шлатов, Дендрохронология верхней границы леса на Урале (М., 1986).

10. W.B.Schostakowitch, «Geschichtete Bodenablagerungen der Seen als

Kilma–Annalen (Niederschläge von Europa seit 2880 v. Chr.)», Meteorologische Zeitschrift (Mai 1936), с.176–182.

11. H.H.Lamb, Climate History and the Modern World (London, 1982) , с.83–84, включая рис.34, «Толщина ежегодных донных отложений (слоев) в озере Саки в Крыму, указывающих на колебания уровня дождливости в этом районе с 2300 г. до н.э.».

12. Uli Schamiloglu, «Preliminary Remarks on the Role of Disease in the History of the Golden Horde», Central Asian Survey 12:4 (1993), с.447–457; and Shamiloglu, The Golden Horde, Глава 9.

13. Uli Schamiloglu, «The End of Volga Bulgarian», Varia Eurasiatica. Festschrift für Professor András Róna–Tas (Szeged, 1991), с.157–163; и «Болгар теле кая киткән?», Идел 1994:4, с.46–48.

14. The Nikonian Chronicle, trans. S.A.Zenkovsky, B.J.Zenkovsky, i–v. (Princeton, 1984–1989).

15. В.Г.Тизенгаузен, Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, I: Извлечения из сочинений арабских (СПб., 1884); и В.Г.Тизенгаузен, ред. А.А.Ромаскевич и С.Л.Волин, Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, II, Извлечения из персидских сочинений (М. – Л., 1941). Первый том этой работы известен также под французским названием: Recueil de matériaux relatifs à l'histoire de la Horde d'or. Первая половина тома доступна и в турецком переводе: Ý.H.Ýzmirli, Altýnordu devleti tarihine ait metinler (Istanbul, 1941).

16. Mufaddal, ред. перевод E.Blochet, Histoire des sultans mamlouks, ii–iii, Patrologia Orientalis 14:3 and 20:1 (Paris, 1920–1928). См.: Uli Schamiloglu, «Tribal Politics and Social Organization in the Golden Horde», Ph.D. dissertation (Columbia University, 1986), с.138–139; и The Golden Horde, Глава 6.

17. T.Halasi–Kyn, «Monuments de la langue tatare de Kazan», Analecta Orientalia memoriae Alexandri Csoma de Kocrös dikata, Bibliotheca Orientalis Hungarica V (Budapest, 1942–1947), i, с.138–155; u «Philologica III. Kazan Türkçesine ait dil yadigârlarý», Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih–Cografya Fakültesi Dergisi 7 (1949), с.603–644.

18. Qalqashandî, Syubhy al–a pâ fi syinâ' at al–inpâ´, i–xiv (Cairo, 1922).

19. Материалы для истории Крымского ханства. Извлечения по распоряжению Императорской Академии наук из Московского главного архива Министерства иностранных дел, ред. В.В.Вельяминов–Зернов (СПб., 1864).

20. В.В.Вельяминов–Зернов. Исследование о касимовских царях и царевичах, 1, Труды Восточного отделения Русского археологического общества 9 (СПб., 1864).

21. Тарих–и Сахиб Гирей хан (Histoire de Sahib Giray, Khan de Crimèe de 1532 à 1551), ed. O.Gökbilgin (Ankara, 1973).

22. A.Zajaczkowski, La Chronique des steppes kiptchak Tevarich–i Dest–i qipchaq du XVIIe siecle. Edition critique, Prace orientalistyczne 16 (Warsaw, 1966).

23. Historia Chana Islam Gereja III, ed.–trans. Z.Abrahamowicz (Warsaw, 1971).

24. B.Heinkele–Kellner, Aus den Aufzeichnungen des Sa`id Giray Sultan. Eine zeitgenössische Quelle zur Geschichte des Chanats der Krim um die Mitte des 18. Jahrhunderts, Islamkundliche Untersuchungen 28 (Freiburg i.Br., 1975).

25. Asseb a–sseyyar или семь планет ред. Мирза Казембек (Казань, 1832); пер. M.Kazimirski и A.Jaubert, «Précis de l'histoire des khans de Crimée, depuis l'an 880 jusqu'à l'an 1198 de l'hégire», Journal Asiatique 12 (1833).– p.349–380 и 428–458.

26. Umdet üt–tevarih, ed. Necib Asým, приложение к: Türk tarih encümeni mecmuasý (Istanbul, AH 1343/1924–5 CE).

27. Gülbün–i hanan, yahut Kýrým tarihi, ed. O. Cevdi (Istanbul, A.H. 1327).

28. Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков, ред.–перев. С.К.Ибрагимов и др., (Алма–Ата, 1969).

29. Это было прекрасно рассмотрено Пеленским и Гальпериным. См.: J.Pelenski, Russia and Kazan. Conquest and Imperial Ideology (1438–1560s) (The Hague–Paris, 1974); C.Halperin, The Tatar Yoke (Columbus, 1986).

30. Natanzî, см. Тизенгаузен, Сборник материалов, ii; Muntaxab at–tavârîx–i Mu`înî, ed. J.Aubin (Tehran, 1957); Б.Д.Греков и А.Ю.Якубовский. Золотая Орда и ее падение. (М.–Л., 1950).

31. D.DeWeese, Islamization and Native Religion in the Golden Horde. Baba Tükles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition (University Park, PA: The Pennsylvania State University Press, 1994).

32. Nehcü 'l–ferãdis. Uptmahlarnýng açuq yoli (Cennetlerin açýk yolu), ii: Metin, ed. János Eckmann et alia, Türk Dil Kurumu Yayýnlarý 518 (Ankara, n.d. [?1988]).

33. Пример надежности поздних исламских источниковых традиций, см.: M.Kafalý, Altýn orda hanlýgýnýn kurulup ve yükselip devirleri (Istanbul, 1976).

34. Uli Schamiloglu, «The Formation of a Tatar Historical Consciousness: Shihabäddin Märcani and The Image of the Golden Horde», Central Asian Survey 9:2 (1990), с.39–49; Формирование исторического сознания татар: Шигабуддин Марджани и образ Золотой Орды // Татарстан 1991:10;

c.21–29; и «Ýctihad or Millät?: Reflections on Bukhara, Kazan, and the Legacy of Russian Orientalism», Osman Khoca Memorial Volume, ed.Timur Kocaoglu (в печати).

35. Schamiloglu, The Golden Horde, Глава 3.

36. По этому поводу поучительно прочитать: P.Herlihy, Odessa: A History, 1794–1914 (Cambridge, 1986).

Е.И. Кычанов

Сведения из « Истории династии Юань» («Юань ши») о Золотой Орде

Золотая Орда в китайских источниках именовалась Цзинь чжан го. Здесь нет слова «орда», хотя оно было знакомо китайским историкам. Орда (валудо) впервые упомянута в истории киданей «Ляо ши» (цз. 31) в значении «ставка императора», его дворец (гун) и место расквартирования его гвардии. У киданей же мы впервые встречаем и наименование «Золотая Орда», по–киданьски «Нэйгу валудо» (цз. 31). Так называлась орда императора Шэн–цзуна, правившего с 983 по 1031 год.

Более отдаленным предшественником орды можно с достаточной долей основания считать гуннские «оуто» – места расквартирования пограничных гарнизонов на границах государства сюнну (гуннов).[1]

«История (правления в Китае монгольской династии) Юань» – «Юань ши», была составлена в исключительно короткий срок, сразу после уничтожения династии Юань. В 1368 г. основатель сменившей Юань Минской династии Чжу Юань–чжан издал указ о составлении «Юань ши».

Была создана комиссия из 16 человек во главе с Сун Лянем и Ван Вэем. Работа велась интенсивно. 16 ученых, которые с штатом писцов и помощников работали 188 дней и затем 14 ученых, которые работали 143 дня, в 1379 г. всего за 331 день, т.е. меньше, чем за год завершили работу. Хотя члены комиссии по составлению истории Юань все были лицами, которые жили в годы правления погибшей династии, а многие и служили юаньским властям и, конечно, благодаря именно этому знали этот период непосредственно, все равно проявленная спешка не могла уберечь от ошибок. В 1370 г. было завершено резание досок и «Юань ши» отпечатана первым изданием. Книга состояла из 270 цзюаней. Самым слабым местом составителей истории Юань явилась плохая осведомленность об истории монголов до Чингис–хана, первых царствований до Хубилая (Ши–цзу), до 1260 г. самое общее представ-

ление о походах монголов на запад, особенно на Восточную Европу. Составители иногда не различали имен деятелей раннего периода правления династии, полагая разные китайские транскрипции одного и того же некитайского имени за имена разных людей. Не менее чем в девяти случаях жизнеописания одних и тех же лиц даны дважды, например, Субутая, а жизнеописания ряда весьма видных деятелей первого периода царствования монгольской династии, например, Баду (Батыя) или полководца Чжэбе в данной истории просто отсутствуют. Но вряд ли все можно объяснить только спешкой в работе. Можно быть твердо уверенным, что китайские историки не имели под рукой той информации, которой располагали, например, Рашид ад–Дин или Джувейни.[2] Вне поля зрения китайских составителей «Юань ши» остались такие первоисточники, как «Тайная история монголов» (Юань чао би ши) и др. Эти тексты и в годы правления династии держались в секрете, были доступны немногим, являясь подлинно «тайными», что отмечено и в «Юань ши»: «Юаньские родословные, те, которые хранились в золотом сундуке в (императорском) книгохранилище, были строго секретны. Лица, посторонние царствующему дому, не могли знать их»[3]. Очевидно, что «золотой сундук» и после изгнания монголов из Пекина был увезен в Монголию. Китайским авторам «Юань ши», очень вероятно, прежде всего досталось то, что со времен правления Хубилая, т.е. со времени правления подлинного основателя династии Юань, записывалось уже в традиции китайской историографии и на китайском языке. И эти сведения о том, что лежало к западу от Китая, были весьма ограничены. Несмотря на попытки ряда современных китайских, монгольских и иных историков представить «Их Юань улус» – «Великое государство Юань» в границах от Желтого моря до моря Адриатического, и от сибирской тайги до тропических лесов Вьетнама и Бирмы, реально такого подлинно единого государства никогда не существовало. К сожалению, китайские историки, составлявшие историю династии Юань, имели мало сведений о завоевании монголами Булгарского государства, Руси, походах в страны Восточной Европы, об улусе Джучиевом вообще.

В 117 цзюани «Юань ши» есть лишь краткое упоминание о Джучи, старшем сыне Чингис–хана. И помещен список его по-

томков, ханов Золотой Орды. Вот этот текст: «Чжучи – старший сын Тай–цзу (Чингис–хана), в начале становления государства ему, как циньвану (великому князю), был выделен в удел северо–запад. Эти земли крайне отдалены и находятся от столицы (Пекина) на расстоянии нескольких десятков тысяч ли. Если пользоваться почтовыми верховыми лошадьми и ехать спешно, то только через двести с лишним дней достигнешь столицы. Именно по этой причине о тех землях, их областях, поселениях, их нравах и обычаях невозможно было получить достаточной информации. Когда Чжучи умер, то ему наследовал его сын Баду. Когда умер Баду, то ему наследовал младший брат Салида. Когда Салида умер, то ему наследовал младший брат Мангэ–Темур. Когда умер Мангэ–Темур, то ему наследовал младший брат Тото–Мангэ. Когда умер Тото–Мангэ, то ему наследовал младший брат Тото. Когда умер Тото, то ему наследовал младший брат Боху. Когда умер Боху, то ему наследовал младший брат Юецзибе. Во втором году девиза царствования Чжи–юань (1264) Юецзибе прислал послов, просил выделить ему земли и назначить ежегодные пожалования, (передать доход с этих земель) с тем, чтобы оказать помощь армии и (содержанию) почтовых станций. У столицы (Пекина) изначально не имелось (во владениях Юецзибе) управляемых ею административных центров (фу, губернаторств), [Поэтому] в третьем году девиза царствования Чжи–юань (1265 г.) Императорский Секретариат (Чжуншу) подал императору (Хубилаю. Ши–цзу) прошение об учреждении (во владениях Юецзибе) управлений цзунгуаньфу (генерал–губернаторств). (Самому Юецзибе) пожаловали основной ранг третьей степени и печать. В первом году девиза царствования Чжи–да (1308 г.) Юецзибе умер. Ему наследовал его сын Чжагунбе. При его правлении ему по–прежнему были выделены и пожалованы земли округов Пинъян, Цзиньчжоу, и Юнчжоу. С ежегодным доходом с этих земель в перечне на ассигнации в 2400. Средства начали выделять с пятого года девиза царствования Чжи–юань под циклическими знаками сы–мао (1339 г.).[4]

Генеалогия ханов Золотой Орды, приведенная в «Юань ши», не всеохватывающая, но достаточно полная:

Юань ши	Ханы Золотой Орды
1. Баду	Бату–Батый Умер в 1256 г.
2. Салида	Сартак. Умер в 1257 г.
3. —	
4. Мангэ–Тимур	Менгу–Тимур. 1267–1280
5. Тото–Мангэ	Туда–Менгу. 1280–1287.
6 —	
7. Тото Боху	Токта. 1291–1312.
8. Юецзибе	Узбек. 1313–1341.[5]

Приведенная выше генеалогия, точнее, преемственность друг другу ханов Золотой Орды из «Юань ши», примерно верная в целом, имеет ряд дефектов. Первый из них состоит в том, что все ханы–преемники объявлены младшими братьями хана–предшественника. Это отражало идеальные представления монгольской системы наследования, когда очаг, дом семьи, династии передавался младшему брату. И, естественно, незнание китайскими авторами «Юань ши» реальной истории преемственности ханов Золотой Орды. По схеме «Юань ши» первая неясность возникает с третьим ханом Золотой Орды. Природа ее очевидна из того факта, что с этой премственностью в Золотой Орде возникли сложности. Когда умер Бату и ему наследовал его сын Сартак (не младший брат, а сын), то против Сартака выступил брат Бату Берке. Поэтому в таблицах преемственности ханов Золотой Орды третьим ханом и называют Берке (правил 1257–1266 гг.). «Мятежный» Берке в жизнеописании Джучи в «Юань ши» вообще не упоминается. Не упомянут в «Юань ши» и сын Сартака Улагчи, который тоже был претендентом на ханский престол, но умер в 1257 г. Четвертым ханом Золотой Орды стал Менгу–Тимур (Мангэ–Темур), он являлся не младшим братом, а племянником Сартака, сыном брата Сартака Тукана и внуком Бату. Пятым ханом стал Туда–Менгу (Тото–Мангэ), брат Менгу–Тимура и внук Бату. Далее в схеме преемственности «Юань ши» снова сбой. В тексте преемником назван Токта (Тото), а его наследником Боху (Тула Бука). Реально же наследником Туда–Менгу стал Тула–Бука (Боху), правил 1287–1291 гг., сын Тарбу, внук Тукана и правнук Бату, а его преемником Токта

(Тото), сын Менгу–Тимура, внук Тукана и правнук Бату.

Узбек–хан, восьмой хан Золотой Орды, назван в «Юань ши» младшим братом Тула–Бука (Боху), хотя он являлся сыном Тогрыла и внуком четвертого хана Золотой Орды Менгу–Тимура, потомком Бату в четвертом поколении, его, Бату, праправнуком.

Все контакты Золотой Орды с династией Юань в тексте «Юань ши» приписаны Юецзибе – Узбеку, начиная с 1264 года, хотя реально на его царствование приходится один из таковых в 1339 г. «Юань ши» почему–то сообщает, что Узбек–хан скончался в 1308 г., но правильно информирует об имени его преемника Чжагунбе – Джанибека, правил 1342–1357 гг., опустив кратковременное правление его брата Тинибека (правил в 1341–1342 гг.).

Таким образом, схема преемственности ханов Золотой Орды, изложенная в «Юань ши», в жизнеописании Джучи, любопытна, но не вносит ничего принципиально нового в таковую и в историю борьбы за золотоордынский престол.

К сожалению, в «Юань ши» нет жизнеописания Баду (Бату, Батыя), второго сына Джучи. Бату (1208–1256 гг.) явился первым реальным наследником улуса Джучиева и ханом, в обязанность которому было вменено расширение пределов улуса на запад, до тех мест, куда дойдут, ступят копыта монгольских коней. Может быть это и не так, но в какой–то мере нельзя сбрасывать со счетов и то, что Баду, возможно, не собственное имя (не только собственное имя), а титул или почетное звание. В тексте «Юань ши» десятки раз упоминается, что отличившимся в боях воинам и командирам присваивалось почетное звание «баду», «бадулу», что значило «бахадур» или «богатырь». В родословной чингисидов, приведенной в «Юань ши», сказано: «Тай–цзу хуанди (император Тай–цзу, основоположник династии, Чингис–хан) имел шесть сыновей. Старший Чжучи тайцзи (принц), второй Чахэтай–тайцзи, третий Тай–цзун хуанди (император Тай–цзун. Огодой–Угэдей), четвертый Толэй (Тулуй), это Жуй–цзун. Пятый Улучи, у него не было мужского потомства. Шестой – Колецзянь тайцзи». «Место Чжучи тайцзи – сыновья Баду даван (великий князь), Салита, Мангэ–Тэмур, Тото, Боху, Юецзиле». Таким образом, в данной таблице названные ханы Золотой Орды указаны как сыновья Джучи.

Как известно, отец Бату, Джучи, наследник престола чингисо-

ва, умер еще при жизни Чингис–хана. Кажется, Джучи был не в чести у отца. С этим связывают по меньшей мере два момента – Джучи родился после того, как жена Темучжина, будущего Чингис–хана, Борте побывала в меркитском плену. Есть версия, что в отместку за то, что отец Темучжина Есугай–богатур отнял будущую мать Темучжина Оэлун–фучжин у меркитского Чиледу, плененную жену Темучжина Борте меркиты отдали в наложницы Чильчиру, младшему брату обиженного Чиледу. У Темучжина были подозрения, что его первенец, возможно, был и не его сын. Второе – это то, что Чжучи якобы высказывался против слишком жестокого обращения с побежденными во время Чингисова похода на государство хорезмшаха и поэтому, возможно, был отравлен. Бату, наряду с Хубилаем, вероятно, самый известный из прямых потомков, внуков Чингис–хана, мог быть и не в особой чести у своего деда. На Бату была возложена миссия завоевания западных земель.

Известно, что первоначальной целью монгольских походов на запад стало преследование разгромленного ими хорезмшаха и преследование и уничтожение союзных ему кипчаков (половцев, китайское циньча). Вражда между монголами и кипчаками имела своим началом и то, что правитель государства кипчаков Инасы принял преследуемого Чингис–ханом правителя меркитов Ходу. Так в жизнеописании Хэсьмайли (Исмаила) мы читаем: «... Император выслал гонцов нагнать Чжэбе и (приказал) спешно двинуться и покарать кипчаков. (Чжэбе) повелел Хэсымайли призвать курдов (цюйэрта) и ширван–шаха (ширваньша) и объяснить им их положение. Все они подчинились. Когда дошли до народов грузин (гурчжи) и осетин (асу), то те подняли войска, чтобы отразить врага. Однако во всех сражениях были разбиты и сдались. Затем призвали сдаться и город Черный лес (Хэй линь), двигаясь вперед, атаковали русских у горы Железная (Тершань) и покорили их. Взяли в плен государя их государства Мстислава (Мечжисыле). Чжэбе приказал Хэсымайли подарить его Чжучи тайцзи. Казнили его (Мстислава). Вскоре выступили в поход против канглы (канли). Дошли до города Бешбалык (Боцзыбали) и сразились с его правителем Хотосыгань. Снова разбили его армию. Двигаясь вперед, дошли до кипчаков и тоже усмирили их. Армия вернулась. Чжэбе скончался».

Из жизнеописания Урянхатая, сына Субутая: Урянхатай «сопровождал чжувана (великого князя) Баду в карательном походе против кипчаков, русских и булгар (аболер). В год под циклическими знаками бин–у (1246 г.) сопровождал Баду в карательном походе на булгаров (болер). Усмирили их. В год под циклическими знаками цзи–ю (1249 г.) Дин–цзун (Гуюк) скончался. Баду с родней и сановниками решили посадить на трон Сянь–цзуна (Мункэ). Дело долго не решалось. В четвертом месяце великие князья (чжуваны) собрались на большой курилтай. Вдовствующая императрица (жена покойного Дин–цзуна, Гуюка) спросила, кого следует возвести на трон. Все были смущены и не осмеливались отвечать. Урянхатай сказал в ответ «Это дело уже было решено. Нельзя снова менять решение!» Баду сказал «Урянхатай прав! Решение уже принято!»

В другом втором жизнеописании Субутай–богатура (цз.122) сказано, что в 1223 г. он был отправлен в карательный поход усмирять кипчаков, а в ходе боев сражался с «русскими старшим и младшим Мичжесылае, покорил их».

1223 г. был первым этапом похода монголов на кипчаков. Часть монгольской армии под командованием Субутая и Чжэбе, преследуя хорезм–шаха и союзных ему кипчаков, обогнула с юга Каспийское море, перешла через Кавказские горы и в битве при реке Калке разгромило объединенные силы половцев–кипчаков и пришедших им на помощь некоторых русских князей.

Приказ о втором походе на запад был отдан ханом Угэдеем, очевидно, зимой 1234–1235 гг. Именно эти две даты неоднократно упоминаются в «Юань ши». В 1234 г. «был отдан приказ Баду выступить в карательный поход на запад. Сюэбутай (Субутай–богатур) находился в авангарде, сражался и одерживал блестящие победы» (цз.122). В жизнеописании тангута Сили Цяньбу, участвовавшего в западном походе, читаем: «В год под циклическими знаками и–вэй (1235 г.) Дин–цзун (Гуюк), Сянь–цзун (Мункэ), все великие князья вместе с Субудаем собрались в карательный поход на Западный край. На следующий год выступили. Цяньбу тоже находится среди войск. Еще на следующий год дошли до Каспийского моря. Цяньбу сопровождал великого князя Баду в походе на Россию. Подошли к городу Елицзянь (Рязани). 7 дней длилось великое сражение, [после чего] взяли его (город Рязань)».

Началу похода предшествовали окончательный разгром чжурчженей и гибель государства Цзинь (1234 г.), а также обнесение стеной заново выстроенной столицы империи г.Каракорума. «В этом году (7 год правления Угэдея, 1234 г.) обнесли стеной г.Хэлинь (Каракорум) и построили дворец Ваньаньгун. Отправили великого князя (чжувана) Баду, а также императорского сына Гуюка (Гуйю) и императорского племянника Мункэ (Мэнгэ) покарать Западный край» (цз. 2)». В год под циклическими знаками цзя–у (1234 г.) правления Тай–цзуна (Угэдея) было приказано великому князю (чжувану) Баду отправиться в поход на запад в государства кипчаков и русских. В год под циклическими знаками и–мо (1235 г.) было также приказано и Сянь–цзуну (Мункэ) отправиться туда» (цз. 63).

Таким образом, китайские источники позволяют предположить, что приказ о западном походе отдавался дважды – в первый раз в 1234 году Батыю и в 1235 году Мункэ и Гуюку. 1235 г. подтверждается и цитированным выше жизнеописанием тангута Сили Цяньбу.

Объектом похода первоначально были кипчаки, русские и булгары волжско–камские. Булгары (по «Юань ши» булиар. аболер, вэньэрбола) упоминаются в географическом разделе «Юань ши» о походах монголов на волжско–камскую Булгарию в 1229 и 1232 гг., известных из иных источников, в «Юань ши» не упоминается. Говорится именно о походе 1234 г. «на кипчаков, русских и булгаров». В жизнеописании монгола Мангэсара (цз. 131) сказано «Хан Мункэ хорошо знал этого человека. (Мангэса) постоянно был впереди всех генералов. Умер от пьянства. Мункэ в указе, обращенном к его детям, напомнил им о заслугах отца, о том, что он вместе со мной (императором Мункэ) покорил и усмирил территории русских, асов (осетин), булгар (вэньэрбола)». Волжско–камская Булгария погибла в 1241 г., уже после завоевания монголами большей части русских земель.

На 1234 г. в живых были два сына Чингис–хана – Угэдей (1186–1241) и Чагатай (1185–1242). На стартовую линию в борьбе за власть в империи выходили Чингисовы внуки – их-то и отправил Угэдей в западный поход. Это были Орда и Баду, сыновья Джучи, Гуюк, сын Угэдея, Мункэ, сын Тулуя, умершего в 1232 г., старший внук Чагатая Бури. Между Батыем и Мункэ с одной стороны и

Гуюком и Бури с другой существовала откровенная вражда.

Следует сказать, что монгольская армия в течение первой трети XI в. претерпела большие изменения. До 1206 г. это была в основном армия монголов Темучжина – Чингис–хана, т. е. даже не всех монголов. Введение деления Великого государства монголов (Их Монгол улус) на тысячи инкорпорировало в монгольскую армию кочевое население современной территории Монголии и юга Сибири – кереитов, найманов, меркитов, татар, ойратов, киргизов, хори–туматов и др. После 1211 г., т.е. после начала войны с Цзинь, на сторону Чингис–хана перешло много киданей, китайцев, чжурчжэней, тангутов. Армия изменилась не только по своему этническому составу, но и качественно. Была освоена китайская военная техника, прежде всего камнеметная артиллерия, используемая для осады городов, применение и использование зажигательных и взрывных свойств пороховых смесей. В походе на запад участвовали китайские генералы Гао Мин (цз. 160), он разрабатывал планы похода, Ян Вэй–чжун, дипломат, был послом в 13 государствах запада, Ши тянь–линь, исполнял во время похода обязанности судьи. На Восточную Европу шли не просто монголы, татаро–монголы (термин появляется в китайских источниках, кажется, после начала походов на Цзинь в 1211 г., китайское мэн–да, и происходил от общего наименования у окружающих народов населения территории Монголии татарами, этнонимом, сохранявшимся на Руси и в Восточной Европе на момент монгольского нашествия), а многонациональная армия, во многом состоявшая из уже покоренных монголами народов. Армия была хорошо подготовлена и снабжена. По «Юань ши» солдаты Батыя получали на двоих такой же паек, который в остальных частях армии давался на десятерых (цз. 8).

Как уже говорилось, к сожалению, в «Юань ши» мы имеем лишь отдельные упоминания о Батые. Преемник Угэдея Гуюк (правил в 1246–1250 гг.) до восшествия на престол сопровождал Батыя в походе на запад. О нем (цз. 3) говорится, что когда (войска) «дошли до владений осетин (асу), то атаковали и осадили горную крепость, окруженную бревенчатым частоколом. Гуюк лично с тридцатью с лишним воинами вступил в сражение».

После смерти Гуюка власть перешла к Сянь–цзуну (Мункэ), сыну

Тулуя, (правил в 1251–1259 гг.). В хронике царствования Мункэ рассказывается об участии Мункэ в походе против кипчаков и русских. Достаточно подробно сообщается о поимке правителя кипчаков Бачмана (Бачиманя). В юные годы Мункэ «часто нападал на кипчаков. Их правитель Бачимань бежал на остров в море. Император (Мункэ) узнал об этом, как раз, когда монгольские войска дошли до их (кипчаков) земель, поднялся большой ветер и погнал морскую воду. Стало так мелко, что можно было переправиться (на тот остров, где скрывался Бачимань). Император радостно сказал «Это Небо открыло для меня путь!». Затем двинулся вперед и уничтожил их (кипчаков) войско. Взял в плен Бачиманя и приказал ему встать на колени. Бачимань сказал: «Я государь государства. Разве я могу просить сохранить мне жизнь! При этом я сам не переметнулся на сторону врага, как же мне, встав на колени, остаться человеком». Тогда приказали заточить его. Бачимань говорил охране: «Бежав в море, чем я отличаюсь от рыбы. В конце концов и меня поймали. Это Небо! Сейчас приближается время возврата воды. Армия должна бы загодя возвратиться». Услышав об этом, император тотчас повернул войско обратно. А вода уже подступала. В арьергарде армии оказались и такие, кто переправлялся вплавь. Затем (Мункэ) вместе с великим князем Баду участвовал в карательном походе против русских. Дошли до города Рязань (Елецзань). (Мункэ) лично дрался в рукопашную. Разрушили ее (Рязань)».

Известно, что Бату участвовал в великом курилтае 1228–1229 гг., когда великим ханом был провозглашен Угэдей, и в курилтае 1235 г., когда вторично было объявлено о походе на запад. После смерти Гуюка – Дин–цзуна, как известно, произошла заминка с избранием престолонаследника. Еще Угэдей хотел, чтобы ему наследовал его внук Шилемун (Шилемань). Но когда Угэдей скончался, то в Монголии, в Далань–даба императрица Тургэнэ собрала курилтай и курилтай решил посадить на трон старшего сына Угэдея Гуюка. Кажется, Бату тоже участвовал в этом курилтае. Решающую же роль Бату сыграл при переводе престола от линии Угэдея к сыну Тулуя Мункэ. В «Юань ши» сообщается: «Великие князья (чжуваны) Баду, Мугэ, Алибугэ (Ариг–Буга), Соигэ, Тутачар, полководцы Улянхэтай, Сунидай, Темушир, Есубуха – все собрались в местности Алатохуиду. Баду первым предложил при-

знать своим главой (Мункэ) ... Улянхэтай сказал «Мэнгэ проницателен и мудр. Все люди знают его. Решение Баду хорошее!». Баду тотчас отдал приказ войскам. Войско и народ – все поддержали его. Решение было утверждено (курилтаем)» (цз. 3). Это случилось в 1251 г.

В 1253 г. к северу от реки Онон был собран курилтай, вновь связанный с престолонаследием. После 1251 г. сыновья Угэдея и Чагатая настаивали на незаконности избрания Мункэ, ссылаясь на то, что курилтай 1251 года был проведен не в глубинах Монголии, на родине чингисидов, а в Средней Азии, поближе к владениям Бату, который и поддержал своей военной силой избрание Мункэ. Вдова Гуюка Огул–Гамиш и сын Чагатая Бури составили заговор с целью свержения Мункэ. Они хотели возвести на трон внука Угэдея Шилемуна. Заговор был раскрыт, виновные наказаны. На курилтай 1253 г. были собраны великие князья, чингисиды, и, вероятно, он подвел итоги борьбы с заговорщиками. Очень возможно, что и Бату присутствовал на нем, поскольку именно он сыграл решающую роль в интронизации Мункэ. Мункэ ввел политику посылки государственных уполномоченных для сбора налогов с покоренных народов. Именно в 1253 г. на Русь был направлен Бергэ (Беркай) «произвести поборы с русского населения» (цз. 3).

На курилтае 1253 г. всем великим князьям были розданы щедрые подарки. Был ли Бату лично на курилтае или нет, но он, очевидно, остался недоволен тем, что получила Золотая Орда. В том же 1253 г. он отправляет Тобича посетить походную ставку Мункэ и разрешить произвести для своей казны закупки жемчуга и 10 тыс. динов серебра (если дин, серебряный слиток, был равен при Юань ляну, то это 370 кг.). Бату через Тобича выделили из казны одну тысячу динов серебра и дар был сопровожден обидным для Бату указом Мункэ: «Богатства Тай–цзу (Чингис–хана) и Тай–цзуна (Угэдея) расстрачены подобным же образом (т.е. на пожалования великим князьям). Князь (т. е. Бату) должен вникнуть в это!». А это (подаренное сейчас) серебро пусть будет отнесено в счет нынешних и последующих пожалований (ханам Золотой Орды)» (цз. 3).

Бату, очевидно, был главной фигурой среди великих князей, возведших на престол Мункэ. Вместо благодарности Мункэ послал своего человека в русские земли, фактические владения Бату,

произвести поборы. Может быть в ответ на это Бату решил «приобрести» во владениях Мункэ жемчуг и серебро. С серебром у него произошла осечка, о жемчуге история умалчивает. Он не получил десяти тысяч динов – слитков серебра, ему пожаловали лишь тысячу, да и ту в счет ежегодных пожалований, которые он, как великий князь семьи чингисидов, вероятно должен был получать, но получил с намеком, что на такие пожалования уже растрачена казна Чингис–хана и Угэдея. И Бату следует задуматься над тем, чтобы не заставлять великого хана Мункэ тратиться подобным образом. Во всей этой истории существенны два момента – Бату, как великий князь и хан Золотой Орды, имел право на пожалования из центра. Как мы видели из цитированных ранее текстов и как сообщим ниже, потомки Бату, ханы Золотой Орды и через них Золотая Орда имели право на получение каких–то средств из центра. Были ли такие платежи регулярными, это уже другой вопрос. С другой стороны, пример истории с Беркаем говорит о том, что хотя бы на первых порах, когда связи Золотой Орды с центром были более прочными, чем в будущем, центр тоже претендовал на дани с золотоордынских территорий.

В 1256 г. Бату скончался. Если как–то попытаться обобщить сведения о положении и позициях Бату в Великой Орде, то мы должны будем отметить, что его политическое и военное влияние как внука Чингис–хана было весьма значительным. Он участвует в курилтаях, представляя, возможно, не столько Золотую Орду, сколько самого себя. Его слово на этих собраниях монгольской знати весьма весомо. За его спиной мощная армия. Он получает или регулярно, или спорадически свое «хуби», пожалования от великоханского двора. При его правлении связи Золотой Орды с центром империи еще прочны, распад произойдет несколько позднее, особенно после начала междоусобной войны между Хубилаем и Ариг Букой. А при Бату, возможно, население в его владениях даже забирали на службу в армию. Мы исходим из того, что для описания задач и деятельности Беркая–Бергэ в 1253 г. в китайском тексте употреблен иероглиф «гуа», который имеет значение «набирать людей в солдаты». Мы хорошо знаем, что позже кипчаки, осетины–асу и русские постоянно входили в гвардейскую стражу при императорах Юань. В 1330г. при правлении императора Туг–Темура было учреждено спе-

циальное управление командования русским гвардейским корпусом «проявляющих преданность». Командовал корпусом темник. В начале 1330 г. было собрано до десяти тысяч русских, которым для самообеспечения было выделено 100 цин (около 600 га) пахотных земель. По давней китайской традиции русские солдаты и их семьи являлись военнопоселенцами, статус которых был похож на статус будущего российского казачества. В 1332 г. русским поселенцам были выделены быки для пахоты, семена и сельхозорудия. По другим сведениям пахотных земель было выделено 300 цин, т. е. примерно 1800 га. Русские военные поселения находились к северу от столицы Юань г.Даду (Пекина), в районе современного поселка Цзюйюнгуань.

Гвардейские формирования из кипчаков были созданы в 1281 г. В 1322 г. их поделили на левый (восточный) и правый (западный) караулы. Караулы из кипчаков и осетин–асу несли патрульно–полицейскую службу в областях к северо–западу от Пекина, в районе Цзюйюнгуань – Наньбэйкоу. По сведениям на 1328 г. в одном левом карауле было десять тысяч семей кипчаков. Думается, что набор на службу в императорскую гвардию кипчаков, осетин, русских не мог обходиться без участия властей Золотой Орды.

Литература

1. Подробнее см.: Е. И. Кычанов. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М. 1997, – с. 20–22, 142–143.

2. Чжан Яо–вэй (редактор). Чжунго шисюе минчжу тицзе (Пояснения к некоторым известным сочинениям китайской историографии).– Пекин, 1994.– с. 156–157.

3. Юань ши, цз. 107, изд. «Сы бу бэйяо», Шанхай, 1935.– с. 837.

4. Юань ши, цз. 117,– с.883. Округ Пинъян – современный г. Пинъян провинции Чжэцзян. Округ Цзиньчжоу – современный г. Цзиньчэн провинции Хэбэй. Округ Юнчжоу – современный г. Дунфэн провинции Хунань. Все округа находились в разных частях Китая, достаточно удаленных друг от друга.

5. См.: Г.А. Федоров–Давыдов. Общественный строй Золотой Орды. М.: МГУ. 1973.– с. 71.

М. Г.Крамаровский

Новые материалы по истории культуры ранних Джучидов: воинские пояса конца XII – первой половины XIII вв. (источниковедческие аспекты)

В истории культуры Чингисидов белым пятном остается период складывания Улуса Джучи. Процесс, начавшийся в конце первого десятилетия XIII в., задолго до передачи Чингисханом «страны кыпчаков» старшему сыну (последнее случилось, по данным хроники «Алтан–Тобчи» [XVII в.], после битвы на Калке в 1223г.), продолжился около четырех десятилетий и завершился образованием государства Золотой Орды (1240–е годы – 1503).

Становление улуса шло параллельно с формированием основных институтов власти единого монгольского государства и одновременно с выработкой организационных принципов, напрямую связанных с кадрами военной и гражданской администрации. Учитывая место наборных поясов в системе регалий воинских элит, у нас есть редкая возможность взглянуть на проблему «жизненного успеха» сквозь призму взаимосвязи «доблести» и «пряжки» (метафора основана на известной формуле, заимствованной из обихода енисейских тюрок: «*Так как у него была доблесть* (здесь и далее выделено мной – М.К.), *то у своего хана*, *мой бег Аза Тутук, достиг пряжки* (*чиновного пояса*)» [Малов, 1952, с. 95]). Поэтому, исходя из задач предлагаемого доклада, после краткого изложения основных принципов формирования чингисидской правящей элиты и подробного источниковедческого анализа артефактов, я попытаюсь в той мере, как это позволяет представленный материал, остановиться на характеристике вопроса о культурных традициях Джучидского улуса в период, предшествующий возникновению Золотой Орды, и на раннем этапе ее становления (до конца XIII в.).

Известно, как удачно сложился для Джучи 1207 г. Удовлетворение Чингиса блестящей победой старшего сына в походе против «лесных народов» было закреплено выделением улуса в 9000

юрт [Сокровенное сказание, п. 242, с. 175, 176]. Но и завоеванные силами правого крыла (западной тьмы, прилегавшей к Алтаю, под общим командованием Боорчу) народы остались в подданстве Джучи. Так, в составе нового улуса оказались народы Восточной и Южной Сибири (ойраты, буряты, бархуны, урсуты, хабханасы, ханхасы, тубасы; покорность выразили и кыргызские нойоны). После представления Чингисхану кыргызских темников и тысячников, а также нойонов лесных народов, союз дома Чингиса с ведущими представителями местных элит был закреплен династическими браками [С.С., с. 175]. Уже только на этом локальном примере можно видеть, на каких условиях держались открытыми двери для вхождения в состав первоначально узкой группы правящей знати, составившей цвет единого монгольского государства. Правила оказались предельно простыми: личные достоинства соискателя определялись полезностью правящему дому. Среди высшего нойонства можно было встретить даже бывшего раба. Таковыми были Мухали и Буха, отданные Чингисхану как рабы собственным отцом [С.С., с. 114]. В одном из эпизодов «Сокровенного сказания» «при награждении званием дархана» Чингис произнес следующие слова: «Кто был Сорхан–Шира? Крепостной холоп, арат у Тайчиутского Тодеге. А кем были Бадай с Кишликом? Цереновскими конюхами. Ныне же вы – мои приближенные. Благоденствуйте же в дарханстве вашем» [С.С., с. 167]. Принцип вертикальной подвижности все же не стоит переоценивать. В большинстве случаев нукеры Чингисхана, подбиравшиеся из разных племен, были выходцами из родовой аристократии: Шиги–Хутуху – из татар, Джэлмэ – урянхаец, Борохул – джуркинец, Боорчу – тайчжуит.

В дальнейшем, когда из нукерства выросла служба гвардейцев–кешиктенов, заметно вырос уровень сословной корпоративности. Высокая привилегия службы в гвардии не отменяла высокой степени личной зависимости кешиктена от ханской воли и, по замечанию Е.И.Кычанова, в известной мере означала положение заложника хана [Кычанов, 1997, с. 193]. Источники позволяют отметить три группы элиты при ханском дворе. Элиту первого порядка составила ночная стража – кебтеулы.

Их обязанностью была ночная охрана хана; повышенная бое-

готовность кебтеула сводилась к формуле «рубить голову по самые плечи и плечи на отвал» всякому, кто ночью попытается проникнуть к хану. Кебтеулы ведали раздачей оружия и хранили символы ханской власти – воинские знамена и барабаны; они же управляли дворцовыми делами, участвовали в обрядах жертвоприношения ханской семьи, ведали тризнами на могилах [Кычанов, 1997, с.195].Ступенью ниже стояли гвардейцы дневной стражи – турхауды. Первый гвардейский отряд чингисовых кешиктенов насчитывал 150 человек и состоял из 80 кебтеулов ночной стражи и 70 турхаудов дневной [С.С., п.191]. Одновременно была отобрана «тысяча богатырей» (под командованием Архай–Хасара), которая в мирное время должна была состоять при Чингисхане турхах–кешиктенами, а в дни битв сражаться под его личным руководством [С.С., с.144]. Среди первых четырех начальников гвардейских смен Юань–ши называет Мухали, Чилауна, Борохула и Боорчу. Командиром первой смены был рано умерший Борохул и считалось, что его караулом после смерти начальника командовал лично Чингис.

Преобразования гвардии после курултая 1206 г., когда Чингисхан назначил сразу 95 нойонов–тысячников (их список – см.: С.С., п.202), вылилось в резкое расширение первых двух элитарных списков. Корпус турхаутов вырос до 8 000 человек; отряд кебтеулов вместе с лучниками достиг 2 000 человек [С.С., с. 168]. В табели о рангах на ступень ниже стояли армейские офицеры. Армейский тысячник, согласно чингисовой воле, почитался ниже рядового кешиктена, а стремянный кешиктена выше армейского сотника [С.С., п.228]. Положение элиты третьего порядка оказалось столь нестерпимо обидным для армейской среды, что уже в том же параграфе «Сокровенного сказания» вина в неизбежных ссорах между армией и гвардией по определению возлагалась на армейских тысячников [С.С., с. 170]. Возможно, что такое положение армейских офицеров, среди прочего, объясняется широким притоком в монгольскую армию немонголов. Уже в 1211 г. в армейские ряды оказались привлечены киданьские отряды *цзю*, состоявшие на службе в империи Цзинь; с 1215г. в армию монголов влились «войска северных китайцев». В дальнйшем эта практика, освященная авторитетом Чингисхана, приобрела рутинный ха-

рактер. Своих гвардейцев наказывал только хан: «О привлечении виновных к ответственности они (командиры) обязаны представлять нам. Мы сами покараем смертной казнью тех, кто повинен в смерти, и подвергнем должному наказанию тех, кто его заслужил» [С.С., с.197].

Корпоративная солидарность императора и его гвардии нашла отражение в геральдических символах: седло и конские ремни (конское снаряжение) Чингисхана и кебтеулов украшались фигурами свернувшихся драконов. Это следует из описания конского убора, принадлежавшего воинскому снаряжению одного из ранних сподвижников Чингиса джалаира Мухали (ум.в 1223 г.), сделавшего карьеру командира в одной из гвардейских смен первого призыва. За верность и отвагу он вместе с тремя начальниками гвардейских караулов удостоился прозвища «героя» (их всех называли «dorben kulut» – «четыре героя»). В 1217 году он был удостоен титулов *тай–ши* (командующего) и *го–вана* (князя государства); согласно «Сокровенному сказанию», ему была поручена «тьма Левого корпуса» [С.С., п. 220; см. еще: Мен–да бэй–лу, с.133–134]. Кажется очевидным, что эмблематика императора и его гвардии сформировалась в узком промежутке времени между 1204–1206 гг. и 1217 г.; в 1221 году ее по личным впечатлениям описал Чжао Хун, прибывший в ставку Мухали в Яньзине [Мен–да бэй–лу, с.76].

К настоящему времени воинские пояса с изображениями драконов известны только среди археологических материалов из европейской зоны степей, куда они попадают вместе с первым поколением Джучидов уже в период 20-х – 40-х годов XIII в. География находок очерчивается районами Поднепровья, Среднего Подонья и степного Предкавказья, Среднего и Нижнего Поволжья.

В ПОДНЕПРОВЬЕ таких находок три: из разрушенного погребения близ с. Карги, где серебряный поясной набор найден вместе с золотой поясной чашей [Никольская, 1927, табл. на с. 151; Смирнов, 1909, табл. СХУП, 229; Альбом XII археологического съезда, 1903, с.6, рис.7]; пояс (вероятно, серебряный) из погребения на острове Березань в Днепровском лимане (комплекс утрачен; известен мне по фотографии из фотоархива ЛОИМК, д. N 49, негатив N 8448) и пояс из кургана у с.Ново–Подкряж в Среднем

Приорелье [Шелабудов, Кудрявцева, 1980, с.90 – 92, рис. I]. Сведения о погребальном обряде сохранились только для кочевнического захоронения близ с. Ново–Подкряж. Погребение подкурганное (высота кургана 0,9 м., диам. 35 м.). Здесь в могилу с заплечиками, перекрытую поперечными плахами, опущена дубовая колода с крышкой. Ориентация погребенного СВ, положение костяка – на спине, руки вдоль тела. Усопший одет в рубаху из алого шелка, коричневые кожанные штаны и парчевый архалук; на ногах – кожанные сапоги. В погребении обнаружен богатый инвентарь, где мы выделим серебряную чашу и золотую серьгу в виде знака вопроса. Поясной набор представлен остатками ремня с серебряными позолоченными лунницами (табл.1, 14), двумя (?) сабельными обоймами с овальными петлями для подвешивания ножен (табл.1, 10,11), пряжкой с подвижной орнаментированной рамкой (табл.1, 15, 16) и крупным подпрямоугольным наконечником со скругленным окончанием. Лицевые пластины наконечника и сабельных обойм украшены изображениями драконов; небольшие дракончики изображены и на лицевых пластинах многочисленных лунниц. Тыльные пластины сабельных обойм и поясного наконечника декорированы чешуйчатым орнаментом (табл.1, 10). К поясу крепилась сумка, в которой хранились деревянный гребень, кремень, кресало и оселок; к поясу же подвешивался напильник с деревянной рукояткой. Вооружение представлено саблей в ножнах, колчаном со стрелами с железными черешковыми наконечниками. Древки стрел окрашены в красный цвет и не утратили следов оперения; от лука сохранилась фронтальная накладка. Отдельно отметим присутствие в инвентаре погребения деревянной счетной бирки, остатков головного убора из черного каракуля и, сложенные у южной стены могилы, парные стремена с петлей и широкой подножкой, костяные накладки и фрагменты кольчатых удил. Авторы ошибочно датируют описанное погребение XIV–XV вв., завышая дату на век – полтора [Шелабудов, Кудрявцева, 1980, с. 91]. Близкую аналогию погребальному обряду с использованием подкурганного погребения в колоде (с северной ориентировкой и родственным погребальным инвентарем) можно видеть в кочевническом погребении XIII–нач.XIVвв. близ с. Олень–Колодезь в Каширском районе Воронежской обл. [Ефимов,

1997, с. 113].

Комплекс из разрушенного погребения близ с. Карги (Днепровский уезд, Таврической губ.) найден в 1901 г. и в начале века находился в Харьковском археологическом музее [Альбом XII Археологического съезда 1903, с.6, табл. IV, 7; Никольская, 1927,с. 151]. Здесь сохранился фрагмент кожаной основы ремня с четырьмя тесно посаженными позолоченными накладками в виде лунниц, подпрямоугольный поясной наконечник со скругленным завершением и рельефным декором, две поясные накладки – одна в форме многолепестковой розетки с облаковидными узорами, другая – килевидной формы с кольцом для подвешивания, и обоймица с изображением дракона (?). В комплекс также вошли серебряное позолоченное украшение крышки колчана (?) с рельефным изображением лежащего оленя, золотая серьга в виде «знака вопроса» (с петлей на ножке стержня) и золотая чаша с плоским дном, декорированная изнутри четырехчастным геометрическим узором в виде спиральных волют; спиральный узор украшает чашу со стороны наружного борта у венчика [Смирнов, 1909, табл. CXVII, N 229]. Возможно, в древности чаша была снабжена ручкой в форме протомы дракона (?), позже утраченной (остался кольцевидный след в месте крепления ручки к борту чаши). Ряд вещей из комплекса близ с. Карги имеет аналогии в деталях гарнитуры серебряного стрелкового пояса XIII в., найденного в одном из курганов Белореченского могильника на Северном Кавказе [ОАК, 1897, с. 19, рис.66]. Комплекс датируется 2–ой пол. XIII в., хотя отдельные вещи, и в том числе стрелковый пояс, могут принадлежать и к более раннему времени (второй пояс из этого погребения – золотой; его убор составляют двенадцать малых гладких блях и три больших; он производит впечатление более позднего и, вероятно, может быть датирован XIV в).

Находки из средневекового погребения на о. Березань, по–видимому, утрачены. Из отчета фон Штерна о работах 1904 г. следует лишь, что им было вскрыто одно средневековое погребение в каменном ящике [ОАК, 1907, с.48]. Э.Р.Штерн вел здесь работы с 1904 по 1909 г. и в 1913г., но материалов монгольского времени в его отчетах обнаружить не удалось, что не удивительно, поскольку его, как и Г.Л.Скадовского, вскрывшего в 1900–1901 гг. около

800 погребений, интересовала только античность. В настоящее время Березань – это небольшой островок (850 х 350 м.), расположенный возле устья Днепровского лимана неподалеку от г.Очакова. Предполагается, что в древности остров был больше и, быть может, связывался с материком узким перешейком. Судя по фотографии из архива фон Штерна, незафиксированное в тексте отчета погребение содержало один из богатейших комплексов монгольского времени в Поднепровье (табл.1, 1–9). Помимо пояса, из вещевых находок выделю бронзовое не орнаментированное зеркало, серьгу в форме «знака вопроса» (с петлей и жемчужиной на стержне), фрагмент чаши (сохранилась часть стенки с узким утолщением венчика) и рельефную пластину (от крышки колчана?) с фигурой свернувшегося трехпалого дракона. От поясного набора сохранилась пряжка с овальной рамкой (табл.1, 6), две сабельные обоймы с выделенной петлей (табл.1, 3,5), крупный подпрямоугольный наконечник (табл.1, 1), узкая скользящая обоймица–рамка для закрепления ремня (табл.1, 2) и тринадцать лунниц (табл.1, 9). Все детали, за исключением пряжки, украшены с лица фигурами драконов, а с оборотов – чешуйчатым узором (табл.1, 4). К комплексу пояса принадлежат, по–видимому, кольцо с двумя петлями (для подвешивания какого–то предмета – табл. 1, 7) и еще одна пряжка европейского типа (табл. 1, 8). Для установления даты terminus post quem некоторое значение имеет портупейная (?) пряжка европейского происхождения. Известные мне датированные аналогии: из инвентаря богатого половецкого погребения на реке Молочной [Отрощенко, Рассамакин, 1986, рис.8], из крепости Монфорт в Палестине [Dean, 1927, fig 53,1] не выходят за пределы второй трети XIII в. Возможно, что поясной набор с о. Березань был дополнен еще одной (ремонтной?) пряжкой около 1242 г., когда монголы Бату вернулись в Дешт–и Кыпчак.

ИЗ СРЕДНЕГО ПОДОНЬЯ И СТЕПНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ происходят еще три поясных набора интересующего нас типа. Но только один из них – из инвентаря Власовского могильника – издан [Березуцкий.1988, с. 152–165,рис 3]. Могильник расположен на водоразделе рек Ворона и Баклуша (в бассейне Хопра) в двух километрах севернее с.Власовка Грибановского района Воронежской обл. Погребение подкурганное, совершено в прямоугольной

яме, ориентированной по линии С–Ю. Погребенный лежал на спине, головой на север; руки вытянуты вдоль тела. Захоронение отличается богатством погребального инвентаря, в состав которого вошел поясной набор, состоящий из трех обойм подпрямоугольной формы, двух с петлями для крепления сабельных ножен и третьей – без петли, удлиненного наконечника с округлым завершением, двусоставной пряжки, трех узких рамок (двух в форме полуовалов и одной подпрямоугольной, предназначенной для крепления ремня, продернутого в приемник пряжки). Сохранилась часть ремня, на которую с помощью штифтов накреплены бляшки в форме лунниц – их двадцать две. Обоймы, наконечник и лунницы с рельефами и их лицевые пластины декорированы изображениями драконов.Тыльная сторона трех обойм украшена чешуйчатым узором. По наблюдению В.Д.Березуцкого, лицевые части лунниц и поясного наконечника выполнены из фольги (?), крепившейся к остову из *резной кости* (?), но я полагаю, что речь идет о заполнении пустот каким–то наполнителем в виде затвердевшей пасты (этот прием повторяется и в других находках). Меридиональная ориентировка погребения позволяет допустить восточное происхождение погребенного; предлагаемая «широкая» дата комплекса – 2–я пол. XIII – XIV вв.

Сведения о находках из *степного Предкавказья* крайне скупы, а сами поясные наборы не опубликованы. О находке близ станицы Новоберезанской Кореневского района Краснода*р*ского края известно лишь, что поясной набор входил в состав инвентаря богатого подкурганного захоронения XIII в. [Каминская, 1989, с. 171,172]. Присланные для консультации материалы позволяют сказать, что речь идет о стандартном монгольском поясе, основу которого составил двойной сыромятный ремень с прошивкой у краев (ширина ремня ок. 2см.), с серебряной гарнитурой (табл.1, 17–19). Из ее состава сохранились подпрямоугольная сабельная обойма с выделенной петлей (должно быть две), двадцать две тесно посаженных лунницы и крупный поясной наконечник со скругленным завершением. Все лицевые пластины выполнены в рельефе и украшены драконовидными фигурами. О ставропольской находке (хранится в краевом историческом музее им. Праве, инв. *N* 21305) мне любезно сообщил М.В.Горелик. Комплекс принад-

лежал разрушенному погребению монгольского времени и сохранился лишь частично. Здесь найдены слабо изогнутый сабельный клинок с прямым серебряным перекрестием, фрагмент ножен, украшенных многослойной резьбой с лиственными мотивами и детали серебряного поясного набора. До нас дошли поясная пряжка (без рамки, но с иглой стопора на шарнире и приемником для ремня, от которого сохранился небольшой фрагмент), две овальные сабельные обоймы (целиком сохранилась лишь одна) с трехчастной фигурной петлей для крепления ножен, шесть узких подпрямоугольных рамок для фиксирования ремня, листовидная подвеска с кольцом и шесть наременных накладок в виде лунниц. Лицевые пластины сабельных обоймиц и лунниц украшены изображениями драконов. *Из районов Среднего и Нижнего Поволжья* мне известны три находки поясных наборов интересующего нас типа. Первая – из раскопок П.Н.Шишкина на городище средневекового Увека в 1913г. [Кротков, 1915, с. 124; Моржерин, Недашковский, 1996,с. 124–147, рис 1. 1–8]. Пояс обнаружен в семейной усыпальнице в форме мавзолея в погребении с северо–восточной ориентировкой. Набор состоит из двучастной пряжки (каждая часть снабжена прямоугольной рамкой для соединения с ремнем и дисковидными пластинчатыми захватами), шести квадратных накладок с рельефным ромбом, в который помещена пальметта, одной прямоугольной накладки с ромбом, заполненным четырехчастным цветком, двух фигурных накладок с петлями для крепления сабельных ножен (?), двух поясных колец с фигурными подвесками, рамчатой портупейной пряжки с полуовальной концевой накладкой, украшенной листовидным узором (все перечисленные накладки изготовлены в технике литья с последующей прочеканкой с лицевой стороны пластин).

В гарнитуре увекской находки выделяется овальная штампованная накладка с изображением дракона. Поясной набор датируется временем конца XIII– начала XIV вв.

Две другие находки относятся к району Нижнего Поволжья. Здесь, на Селитренном городище, в 1985г. в слое разрушенной мечети конца XIV в., обнаружен клад из десяти предметов поясной гарнитуры, вычеканенных из красноватой латуни (?); по наблюдениям Г.А.Федорова–Давыдова и В.Л.Егорова, предоста-

вивших мне возможность ознакомиться с еще неопубликованными памятниками, клад составлен из деталей двух поясных наборов (один из них детский?), скорее всего поступивших в поволжскую столицу из юаньского Китая в пер. пол. XV в. Основная тема декора поясных наборов – изображение свернувшихся полукольцом драконов на подквадратных бляхах и вытянутых (с заполнением всего пространства узкого поля) наконечниках. Едва ли детали гарнитуры из Сарая можно отнести к украшениям воинских поясов.

Последний из представленных в докладе памятников этой группы происходит из разрушенного погребения на городище Красный Яр, что в 35 км. к востоку от Астрахани (о городище – см.: Казаков, Пигарев, 1998, с.72). Поясной набор поступил в коллекцию Эрмитажа через Закупочную комиссию в начале 1998 г. Сохранился фрагмент ремня (табл. 2) длиной ок. 50 см. (шир. – 2,4 см.; кожа сыромятная в три слоя; прошита с лица строчным швом по линии отгиба вдоль узких сторон, с тыльной стороны по осевой линии в месте стыка отогнутых полос прошита швом в виде двойной плетенки). Гарнитура – вся серебро с позолотой – состоит из пряжки, наконечника (табл.2, 3,4), скользящей обоймицы, двух сабельных обойм (табл.2, 2) с петлями для подвешивания ножен и 25 лунниц (при полной сохранности ремня длиной 125–150 см. расчетное число в 65–70 ед. поясной гарнитуры кажется оптимальным).

Пряжка двусоставная (общ. дл. 6,3 см.) состоит из подквадратного приемника (3,3 х 3,1см.) и укрепленной на шарнире овальной рамки с иглой стопора. Рельефная дужка рамки (шир. 1,4 см.) украшена симметричным орнаментом, составленным из фигур двух драконов в обрамлении из «перлов». Приемник в виде коробка без тыльной пластины (ремень закреплялся петлей за поперечную перекладину – ригель) несет следы ремонта. Его плоская лицевая пластина украшена чернью с рисунком монстра. Скользящая обоймица выполнена в форме полуовала в профиль (лицевая пластина) и жестко скреплена с плоской тыльной пластиной. Высота обоймицы 3,6 см.; лицевая пластина – рельефная, с двумя драконами, подобными драконам дужки рамки пряжки; тыльная пластина с оборота декорирована чешуйчатым узором. Наконеч-

ник крупный, подпрямоугольный (8,0 х 2,9 см.), со скругленным завершением. Его лицевая пластина отлита (?) в высоком рельефе с последующей прочеканкой с лица; разрывы металла в отступающих на второй план частях фона создают тени, придающие рельефу дополнительную объемность. Этот же прием можно видеть в декоре трехслойной серебряной чаши, найденной на Иртыше [Смирнов, 1909, рис.3б–38, N 198; Крамаровский, 1996, с.203–206] и золотом поясе из Предкавказья (см. ниже). Композиция декора лицевой пластины представлена двумя обращенными друг к другу драконами с рыбьими хвостами (табл.2, 3,4); их змеевидные тела (зачеканены кольцевым пунсоном) заполняют все пространство прямоугольника. Между головами драконов изображена змеевидная фигура с антропоморфной личиной. Тыльная пластина наконечника с оборота покрыта чешуйчатым узором. Сабельные обоймы – полые, прямоугольной формы (4,3 х 3,6 х 1,2 см.) с крупными петлями трапецивидной формы (выс. петли 1,9 см.); места скреплений петли и обоймы отмечены объемными головами монстров, а сами петли отлиты в отдельной форме. Лицевые пластины обойм выполнены в технике ажурного литья (табл.2, 2). Большую часть пространства занимает изображение трехпалого дракона влево; его извивающееся тело зачеканено кольцевым пунсоном. Почти все нижнее поле занято фигурой птицы в полете; крупный клюв и мощное оперение говорят, возможно, о соколе. Направление «движения» дракона и птицы совпадает. Совмещение в одном сюжете дракона и птицы можно видеть в декоре китайской поясной пряжки из нефрита, датируемой эпохой Хань [Китайские исторические украшения, 1988, с. 259, фиг. 9.3]. Тыльные пластины сабельных обойм зачеканены чешуйчатым узором; их верхние узкие плоскости украшены мотивом «волны» (группами коротких, чуть изогнутых штрихов, собраных по трое–четверо в разнонаправленные треугольники). Лунницы (выс.2,3 см) тоже ажурные, литые (?); внутрь каждой помещена вызолоченая фольга. Лунницы размещены на ремне очень густо, почти вплотную друг к другу, каждая крепится двумя шпеньками; с тыльной стороны ремня шпеньки укреплены прямоугольными прокладками.

Итак, совершенно очевидно, что описанные нами поясные на-

боры (за исключением находок из клада на Селитренном городище и комплекса из Увека) принадлежат к одной культурной традиции. Это находит убедительное подтверждение не столько в иконографии изображаемых сюжетов, хотя и в этом тоже, сколько в типе поясных украшений, их конструктивных особенностях, системе распределения украшений на ремне, характере раскроя и прошивки кожи ремней, манере крепления накладок (и прежде всего лунниц) – ср. комплексы из с. Карги, Ново–Подкряж, Власовского могильника, станицы Новоберезанской и района Красного Яра близ Астрахани (Хаджитархана). В нескольких случаях до деталей совпадает характер рисунка петли сабельных обойм (для подвешивания ножен к портупее): новоберезанский комплекс, пояс с о. Березань, пояс из Красного Яра. Существенно подчеркнуть, что и в тех случаях, когда речь идет о не бросающихся в глаза деталях – тыльных пластинах, например, декор которых обычно скрыт, их орнаментация чешуйчатым узором («чешуя дракона»?) повторяется: сабельные обоймы и наконечник пояса из Ново–Подкряж, сабельные обоймы пояса с о. Березань, из Власовского могильника, тыльные пластины практически всех деталей гарнитуры пояса из Красного Яра. По этому признаку, но также по типу и конструкции основных деталей поясной гарнитуры – пряжке, наконечнику, сабельным обоймам с выделенной петлей – наша группа поясных наборов с изображениями драконов на лицевых пластинах оказывается близка группе поясов, где драконов нет вовсе и на лицевых пластинах помещены изображения ланей или оленух у цветущих деревьев, а то и просто растительные мотивы. К этой группе относятся: золотой поясной набор монгольского времени из раскопок Рау в районе бывшего поселения Мариенталь в Саратовской области (ныне в краеведческом музее г. Энгельса), золотой поясной набор из урочища Гашун–Уста на Северном Кавказе, группа из трех золотых поясных пластин из частной коллекции д–ра Халили в Лондоне и гарнитура серебряного поясного набора из могильника Таш–Башат в Таласской долине в Киргизии.

Полный комплекс археологических сведений имеется только для находки из Таш–Башат, которую Д.Ф.Винник датировал VII–X вв.[Винник, 1963, с.83–85]. Но дата в пределах XIII века пред-

ставляется более оправданной [Крамаровский, 1983, с. 21,22]. Поясной набор (табл.4) обнаружен в составе инвентаря подкурганного захоронения (курган N 144, диам. 6 м., выс. Насыпи 0,5 м.), содержавшего мужское захоронение в подбое западной стены могильной ямы. Захороненный лежал на спине в вытянутом положении с ориентацией на С–3. Инвентарь: деревянный сосуд в изголовье (здесь же кость ноги барана); между тазовыми костями обнаружен обломок ножа в истлевших деревянных ножнах, сердоликовая буса, костяной предмет с двумя отверстиями, детали поясного набора и поясная чаша (у таза, справа). Сохранились также остатки обуви и фрагмент шелковой ткани костюма. Наше внимание главным образом привлекает поясной набор, чье описание основано на данных автора раскопок. От поясного набора сохранились: двусоставная пряжка (табл.4, 1–2) с овальным приемником, две обоймы с петлями для крепления ножен сабельного клинка (табл.4, 5–7), ременной наконечник (табл.4, 8а,б), несколько мелких овальных накладок (табл.4, 9–11) и две обоймицы в виде узких рамок (табл.4, 3–4, 12–13), орнаментированных с лицевой стороны. К комплесу пояса в данном случае должна быть причислена и поясная чаша в виде уплощенной полусферы с валиком у венчика. Тип таких чаш хорошо известен по монгольским древностям [Крамаровский, 1974]. Основная тема в декоре лицевых пластин сабельных обойм и ременного наконечника таш–башатской находки – лани на фоне цветущей природы, где есть место и животным, и цветам, и небу, и птицам. Наиболее близкая сюжетная аналогия просматривается в декоре тех же элементов поясного набора из урочища Гашун–Уста на Северном Кавказе (с той лишь разницей, что на последних изображены не парные животные, а одиночно стоящие у цветущих кустов олени); эту же тему «продолжают» лицевые изображения поясных накладок из лондонского собрания из коллекции Халили [Rogers, Raby, 1982, p.б; Alexander, 1992, p.30,31]. Тисненные накладки с фигурой лежащей лани близки к деталям сбруйной гарнитуры начала XIV в. из халчаянских погребений в Хорезме [Пугаченкова, 1967, с.255, рис. N 3, 5] и золотым украшениям из клада этого же времени в Крыму [Крамаровский, 1994, с. 126–142]; с золотоордынских городищ известны находки бронзовых матриц с этим мотивом [см.,

например, Бырня, Рябой, 1989, рис. 1.20]. Можно предположить, что таласская находка дает нам тип парадного охотничьего пояса (следуя традиции разделения у монголов седел на боевые и предназначенные для выездов на охоты). Действительно, изображение лани, отдыхающей среди цетов, деревьев и трав, есть и на золотых седельных обкладках – ср. с изображениями на седельных обкладках (960–1127 гг.) из коллекции С. Хвана в Гонконге [Chang Lee, 1997,p.51, fig. 10] и на обкладке передней луки парадного (все детали выполнены из золота) женского седла из коллекции Музея Внутренней Монголии в Хух–Хото [The Heritage of Genghis Khan, 1994, p. 155, fig.101]. Видимо, один из самых репрезентативных образчиков монгольских парадных «охотничьих» поясов найден на Северном Кавказе в урочище Гашун–Уста (реконструкцию см.: Крамаровский, 1994, с.195). Поясной набор – все детали из золота – состоит из двусоставной пряжки (табл.3, 7), двух узких обоймиц с декорированной лицевой пластинкой и двух простых, предназначенных для зажима ремня (табл.3,10), трех крупных подпрямоугольных обойм (две из них с петлями для крепления сабельных ножен – табл. 3, 1–3), двух фигурных накладок (табл.3, 4, 11), одна из которых с кольцом для подвешивания, пяти лунниц (табл. 3, 8) и поясного наконечника со скругленным завершением (табл.3, 5, 6). Уникальной деталью этого пояса является брелок с рельефной тамгой «дома Бату» (табл.3, 9). Значение брелока с тамгой, в данном случае – знака личной собственности представителя правящей династии, для атрибуции пояса так значительно, что на этом предмете мы вынуждены остановиться подробней. Одна из ранних сводок о джучидских тамгах принадлежит Н.П.Лихачеву [Лихачев, 1928, с. 105 и сл., рис 84]. Н.П.Лихачев разделял мнение А.К.Маркова о том, что тамга обычного рисунка (т.е. в виде стремени с короткой перекладиной у левой ножки, вариант – с перекладиной у правой) есть частная производная первого случая. Оба варианта он называет обычными и даже ортодоксальными. Эта тамга, по его мнению, является не золотоордынской, не джучидской, а тамгой «могучей личности Батыя, передавшей ее своим потомкам, тамгой дома Батыя» [Лихачев, 1928, с. 109–111, 126]. По мнению А.З.Сингатуллиной, тамга этого типа до конца XIII в. была главным определяющим элементом оформления монет Булгара, Би-

ляра, Кермана, Крыма, Сарая, Хорезма. Первое датированное появление этой тамги фиксируется на крымских монетах Менгу–Тимура 665/1266–67гг. На булгарских монетах Менгу–Тимура отмечается только правое положение перекладины у тамги, вероятно, «такое изображение было ортодоксальным и строго соблюдалось» [Сингатуллина, 1998, с. 69]. Отличие в начертании нашей тамги от тамги булгарских монет – слабое округление загиба ножек; эта деталь характерна для тамги сарайских и хорезмийских дирхамов. Следуя этой логике, дата пояса из Гашун–Уста определяется серединой 70–х годов XIII в. Надо полагать, время правления Менгу–Тимура (1267–1280) явилось рубежом, когда старая великоханская *чингисовская* традиция уступила свое место новой золотоордынской *батыевской*. Смена традиций проходила постепенно и не слишком резко. В комплексе из Гашун–Уста вместе с поясным набором найден золотой ковш с драконовидной ручкой, относящийся к ранней группе джучидской торевтики. Да и в самом поясе сочетание «старого» и «нового» нашло выражение в следовании традиционному типу через обновление деталей: на тыльных пластинах пояса появляется мотив «арабского» лотоса, находящего близкую аналогию в цветочном декоре изразцов мавзолея Пир Хусейна, датированных последней третью XIII в. [Крачковская, 1946]. В то же время, на тыльной пластине наконечника все еще сохранена, как напоминание о панцире дракона, чешуйчатая структура узора, характерная для более раннего этапа. Этот же чешуйчатый орнамент можно видеть и на наконечнике золотого пояса из раскопок в Республике поволжских немцев близ пос. Мариенталь (не издан, известен мне благодаря любезности И.В.Семеновой и Л.Ф.Недашковского). Пояс не относится к описанной выше группе, но должен быть упомянут в связи с принадлежностью к типу раннемонгольских, во всяком случае по характеру двусоставной пряжки и наконечнику (всего в набор гарнитуры входит 17 предметов с рельефным цветочным орнаментом). Ближайшей параллелью этому замечательному памятнику является серебряный поясной набор из сокровищницы Госфонда МНР; комплекс найден в 1981г. археологом Д.Навааном в погребении XIII в.[Цултем, 1987, табл.7; Баяр, 1985].

Тип парадных поясов с изображением оленей, оленух и ланей

в окружении цветущей природы, несомненно, принадлежал к кругу вещей, в пользовании которыми поколение сыновей и внуков Чингисхана (независимо от принадлежности к родовым линиям разошедшихся на полмира отцов) ощущало свою историю, свои ононские и керуленские истоки, свою причастность к имперской традиции. Изображение парнокопытного (лани ?) у цветущего куста можно видеть на фрагменте шитой золотом чжурчженьской парче времени династии Цзинь (1115–1234) из собрания музея в Кливленде [Watt, Wardwell, 1997, p.114,114]. Во втор. пол. XIII в., с утверждением монгольских династий в Иране и Малой Азии, неброская тема цветущей природы получает широкое распространение и знакомые нам мотивы можно видеть на широком круге изобразительного материала от ильханидской миниатюры (бестиарий Манафи ал–Хайаван в библиотеке Пирпорта Моргана в Нью–Йорке) до армянского реликвария «Хотакерац Сурб Ншан» в Эчмиадзине (1300 г.), где пара ланей помещена в основание креста на месте Голгофы [Stepanjan, 1981, s.317]. Примечательно, что по некоторым чертам стиля, о котором мы можем судить на основании только что рассмотренного материала, можно проследить установление связей между памятниками, созданными в Армении, Золотой Орде, или Анатолии. Так, лани армянского реликвария «коронованы» в той же манере, что и лани монгольского пояса из Предкавказья, или металлических обкладок из Анатолии из лондонского собрания [ср.: Alexander, 1992, p.52, N 16]. По–видимому, стилистику золотоордынского и ильханидского поясных наборов в какой–то мере определили киданьские и цзиньские традиции: бронзовые и железные пряжки с обоймицами к поясным наборам с интересующими нас мотивами декора обнаружены в слоях XII – начала XIII вв. на чжурчженьском городище Лазовское в Приморье [Шавкунов, 1990, с. 140, табл, 41, 1–4]. Поясные обоймицы из бронзы с изображениями ланей найдены на Шайгинском городище (жилища N134, 174); два других предмета с этим же сюжетом обнаружены на Ананьевском городище (свинцовая наременная накладка из жилища N 27 и каменная печать из жилища 11) [Шавкунов, 1990, табл.43, 3,4,18]. Лазовская находка – две пряжки и поясные обоймицы из жилища N 18, по мнению Л.П.Ходзевича, изготовлены киданьскими торев-

тами [Ходзевич, 1988,с. 90]. На связь с киданьской традицией указывает и достаточно широкое распространение сюжета с ланями в ляоском нефрите [Чжунго нейцзы цюаньцзы, без г.и., с. 104, 275]. Нефритовая сабельная обойма с изображением оленей у цветущего куста экспонирована в павильоне «Изделия из нефрита» в пекинском Гугуне; дата обоймы 960 – 1279 гг. Мы не будем сейчас обсуждать вопросы о способах усвоения цзиньской, ляоской или западно–киданьской художественных традиций в имперском искусстве монголов времени единства, но нельзя забывать, что Баласагун, находящийся в Чуйской долине, гибнет только в XIV столетии. Основные силы кара–киданей, сведенные монголами в отдельный корпус под командованием киданьского военачальника Хесымайли (Измаил), так прославились в западном походе, что их командир в 1206 г. был лично представлен Чингисхану. После разгрома чжурчженей Хесымайли получил звание «полководца, покорителя западных стран» [Иванов, Веселовский, 1914, с. 79; Пиков, 1986, с. 32].

Таким образом, становится очевидным существование двух линий в отборе форм, сюжетов и их трактовок, характерных для раннемонгольских воинских и парадных охотничьих поясов XIII в. Для первой смысловую доминанту определяют геральдические изображения драконов; вторую группу составляют пояса с ослабленной геральдикой; здесь преобладающее место отдается мотивам цветущей природы, символизирующим полноту жизни, наполненной удовольствиями. Потому–то в этой группе поясов больше деталей с благопожелательной символикой; в целом она оказывается более гибкой в освоении новых «западных» (т. е. переднеазиатских) элементов декора.

Выше мы уже упоминали о свидетельстве китайского посла, отметившего в ставке Мухали в 1221 г. изображение дракона, как общеимперского геральдического символа. Само название дракона – *лу*, по мнению Фр. Кливза, заимствовано из китайского через посредство тюрок [Cleaves, 1952, p.85]. В китайской традиции дракон – символ императорской власти, мудрости, силы, в том числе и мужской силы природы *–ян*. Только сам император и его ближайшие родственники имели право на эмблему дракона с пятью когтями, более далекие родственники довольствовались дра-

конами с четырьмя когтями, дальняя родня и сановники могли расчитывать лишь на змееобразное существо. В наших материалах встречается лишь трехпалый. Возможно, с точки зрения китайской традиции – это, так сказать, эрзацдракон, но дракон с тремя когтями изображен и на восьми золотых пластинках из погребения киданьской принцессы Ченджо, племянницы императора Шенгзонга, умершей в 1018 г. [Exibition, без г.и.,с. 8]. Погребение принцессы и ее мужа, командующего танской армией, обнаружено близ Найман Баннэ во Внутренней Монголии. Трехпалого дракона можно видеть еще в росписи на деревянной панели гроба из раннекиданьского погребения X в. близ Чифенга [The Heritage of Genhis Khan, 1994, p. 110, fig. 72], в танской и сунской керамике [Cang Shi, 1998, p.20; Wirgin, 1970, fig.11 c, d, f; fig.12, a, b], и в юаньском текстиле – см. фрагмент красного шелка с драконами и фениксами в Музее искусств Кливленда [Watt, Wardwell, 1997, p. 153]. Очень близкая к трактовке сабельных обойм из Красного Яра бляха из нефрита (с великолепным драконом на лицевой стороне) экспонирована в разделе «Искусство эпохи Чжань–го – Сун (960–1279 гг.)» в пекинском Гугуне (витрина N 116; не опубликована). Важно отметить, что для китайского посла к монголам (Мен Хуна), в его сопоставлении символов хана и го–вана, важным оказывается не количество когтей дракона, а материал, из которого выполнен предмет [Мэн–да бэй–лу, 1975, с. 76]. Дракон в китайской мифологии имел канонический облик, сущность которого сводилась к композиции из девяти черт: рога оленя, голова верблюда, глаза демона, шея змеи, внутренности черепахи или живот большого моллюска, когти орла, лапы тигра, уши быка [Васильев, 1970, с. 407]. Все эти черты характерны и для изображений драконов на монгольских поясах нашей группы, хотя здесь можно различить не менее трех вариантов монстров: небесных, водных и земных. К первому могут быть отнесены драконы сабельных блях пояса из Красного Яра. Они обитают в небесной выси над сильными птицами, в которых можно опознать соколов (возможно, к этой же подгруппе следует отнести изображения драконов на крупных обоймах с выделенной петлей). Вторую категорию составляют драконы с рыбьми хвостами, подобными изображению макары с рыбьим хвостом на шелке XIII в. [Watt, Wardell, 1997, p.

1522, fig.41]. Судя по двурогости, наши драконы сопоставимы с китайскими Лу–ванами, драконами–покровителями водной стихии. Рангом ниже их – водный змей с антропоморфной личиной. К последнему варианту могут быть отнесены змееобразные существа, чьим излюбленным местом в системе декора поясной гарнитуры являются мелкие детали, включая обоймицы, рамки пряжек и лунницы. Невозможно доказать существовала ли связь между служебной функцией той или другой категории монстров и характером служебных обязанностей их владельца, но отражение в изобразительной структуре поясов оппозиции «верх» – «низ» наводит на мысль о существовании какой–то картины мира (в нашем случае, несомненно, мультиплицированной). Т.Д.Скрынникова отмечает, что в монгольских обрядовых текстах нет упоминания середины, но есть *верх* – небо и есть *низ* – земля [Скрынникова, 1997, с. 69]. Небо в иконографии наших поясов представлено драконом и хищной птицей (об изображении ястреба в орнаментации традиционных поясов упоминается в оставшейся мне недоступной книге Л.Сономцерена «Искусство монгольских кузнецов»), земля – образом цветущей природы с ланями и оленями. Несколько смущает их раздельное существование на памятниках с разной семантикой. Но ведь в сознании владельца, при чьей жизни, надо полагать, они объединялись в единой сокровищнице, оба образа сохраняли необходимую целостность. Примером накопления поясных наборов в частном быту могут служить три золотых пояса монгольского правителя Солхата, известные нам по кладу XIV в. [Крамаровский, 1997], или девять – русского князя Ивана Калиты, перечисленных в его завещательных грамотах [ДДГ.1950].

Пояса с драконовидной геральдикой появляются в монгольской среде как бы в одночасье. Во всяком случае, в отличие от поясов охотничьей тематики, мы не располагаем свидетельствами о традиции их бытования в период до возникновения единого государства Чингисхана. По–видимому, они были вызваны к жизни резко изменившимся уровнем государственного строительства после реформ 1206г., когда при выделении и бурном количественном росте новых элит потребовались новые объединительные символы.

В традиционном монгольском обществе пояс и шапка – симво-

лы личной свободы. Это отметил еще Палладий Кафаров в прошлом веке [Труды, 1866, с. 184]; к такому же наблюдению пришла и Н.Шастина [Шастина, 1970, с. 439]. В «Сокровенном сказании» содержится рассказ о споре Чингиса и его младшего брата Хасара, задумавшего захватить власть в только что устроенном улусе. Хасар был уличен в предательстве и подвергнут допросу. Встревоженная за жизнь сына мать, поспев к месту действия, застала младшего сына со связанными рукавами, без шапки и пояса. Мать сама развязала рукава сыновьего халата, сама надела ему шапку и повязала пояс и тем предотвратила расправу [С.С., п. 224]. В этом эпизоде *магическая* и *социальная* функции пояса как бы сливаются в одно целое. *Обрядовая* функция пояса хорошо видна при отправлении поклонения небесным светилам: «Он (Темучжин) повернулся лицом к солнцу, как четки повязал на шею свой пояс, за тесьму повесил на руку шапку <...> (затем) десятикратно поклонился (в сторону солнца) и совершил кропление и молитву» [С.С., п. 198]. Обычай снятия поясов и шапок известен по великоханским интронизациям 1220, 1249 и 1251 годов, где активное участие принимал Бату. Рашид ад–дин, описывая события курултая 1249г., где была достигнута договоренность о воцарении Менгу, отметил: «Бату, как обычно принято среди монголов, поднялся, а все царевичи и нойоны в согласии, распустив пояса и сняв шапки стали на колени. Бату взял чашу и установил ханское достоинство <...>, все присутствующие присягнули ...» [Рашид ад–Дин, 1960, т.II, с. 130]. В 1251 г. этот ритуал был повторен в присутствии членов царствующего дома, старших военачальников, глав родов и бесчисленных войск.

Традиция рассматривать пояса как знак социального положения уходит в древность и уже у хуннов определяла место воина в дружинной «табели о рангах». Позже наборные пояса тюрков оказались заимствованы китайцами, где строго отражали воинскую или административную иерархию [Руденко, 1962, с.44–47]. Золотые пояса были известны монголам задолго до 1206 г. Это следует из обряда побратимства Темучжина и Джамухи. Когда друзья стали андами (около 1180; их дружба началась в 1173 г., когда Джамухе было 11 лет [Гумилев, 1970, с.457]) «Темучжин опоясал Джамуху золотым поясом, захваченным у меркитского Тохтоа и поса-

дил его на тохтоаеву кобылу по прозвищу Эсхель–Халиун (Выдра). А Джамуха подпоясал Темучжина золотым поясом, добытым у меркитского Даир–Усуна и посадил Темучжина на даир–усунова коня Эберту–уйгун (Рогатый жеребчик). Затем на южном склоне Хундахархуна, что в урочище Хорхонах–чжубур, под развесистым деревом они устроили пир по случаю побратимства» [С.С.,с. 106]. Маловероятно, чтобы отобранные у меркитов *золотые* пояса (в тексте «равенством подарков» подчеркивается равенство побратимов) были сделаны ими же. Меркиты – одно из монгольских племен, живших на берегу Селенги на границе лесных народов. Они рано оказались втянуты в международную торговлю, находившуюся в XII в. в руках уйгурских и «мусульманских» купцов [Владимирцов, 1934, с.35]. Можно думать, что пояса пришли на границу леса и степи от восточных соседей меркитов, возможно, киданей, с которыми они еще в XI в. вели войны. Гибель государства Ляо в первой трети XII в. означала крушение киданьской государственности, но сам народ – кидани – пережил эту катастрофу. Кидани продолжали существовать и при династии Цинь (1115 – 1234), и при династии Юань (1271 – 1368). «Слово «киданъ» (монг. «хитат») в XIII – XIV вв. часто означало все население Северного Китая. Постепенная ассимиляция привела к тому, что часть киданей слилась с родственными монголами, а часть – с китайцами [Кычанов, 1997, с. 154,155].

Киданьские пояса хорошо известны. Великолепен полностью сохранившийся поясной набор X–XII вв. из частного собрания Мендексон (Mengdiexuan Collection), экспонировавшийся в 1994–95 гг. в Музее искусств Денвера (США, штат Колорадо) [D.Page Shaver, 1994, vo1. 25, p.65–72; Bunker, 1994, vo1.25, p.77, fig.12; White and Bunker, 1994. p.164, 165, fig.77]. Пряжки и петли набора отлиты из золоченой бронзы, накладки выбиты из золоченого серебра.По количеству подвесных ремней – 13, гарнитура киданьского набора близка наборному поясу уйгурского вождя, известного по росписи в Хочо в Турфане. Во 2-ой пол. IX – 1-ой пол. X вв. бляшки и подвески, известные по тюркским материалам, проникают в чжурчжэньскую среду – см., например, реконструкцию поясов из погребений Корсаковского могильника в Приамурье [Медведев, 1986, с. 121,122, рис.56]. Характер сочетания

подквадратных накладных бляшек (с узкими прорезями у основания) и лунниц напоминает наборные пояса Саяно–Алтая, датированные 2–ой пол.VIII – IX вв. [Овчинникова, 1990, с. 40, тип 3, рис.25, 14, 15], хотя киданьский пояс и не имеет характерных для сибирских находок подвесок. Эмма Банкер справедливо заметила, что тип накладок этого киданьского пояса получает распространение в Китае в период династии Тан (618–907), куда он приходит в результате контактов с тюркоязычными кочевниками [Bunker, 1994, p.77]. Для наглядности она привела таблицу С.А.Плетневой, где показаны каменные тюркские изваяния и соответствующие им воинские поясные наборы VII – X вв. Существенно, с точки зрения понимания всаднической культуры Дешт–и Кыпчака в XIII в., что половцы, потерявшие во второй трети столетия свою самостоятельность и превратившиеся в основное население государства Джучидов, задолго до Калки, уже в XII в., утратили традицию воинских поясных наборов. Это может показаться парадоксальным, поскольку утилитарная и обрядовая функция поясов в этой среде продолжает сохраняться [Федоров–Давыдов, 1966, с. 42 – 61, 64, 65]. В предмонгольское время и в период первых контактов с монголами воинских поясов здесь просто нет. Их нет и в погребальном инвентаре ставших хрестоматийными элитных комплексов Ротмистровки, Таганчи, Липовца, Ковалей и Токмака. В близком по времени Чингульском кургане (вторая треть XIII в.), где, как считают, похоронен хан Тигак, среди трех поясных наборов нет ни одного, собственно половецкого [Отрощенко, Рассамакин, 1986, с. 14–36; Крамаровский, 1998, с. 68–71]. Если хан без риска утраты социальных связей со своими степными родичами использует только чужие символы воинской рыцарственности (два романских и готический пояса), не означает ли это, что кочевническая традиция забыла один из важнейших своих индикаторов? В такой среде не стало места для старой тюркской парадигмы геройской доблести, отмеченной хотя бы одной пряжкой – украшением (ср. с текстом рунической надписи X в.: «Моя геройская доблесть. Мой пояс с 42 [чиновными] пряжками–украшениями» [Малов,1952,с.93]. Причину исчезновения традиции следует искать в политической конструкции общества, в котором за несколько столетий господства в европейской зоне сте-

пей не сложилась государственность: «Движение кипчаков представляет редкий пример занятия народом огромной территории без политического объединения и без создания своей государственности. Были отдельные кипчакские ханы, но никогда не было хана всех кипчаков» [Бартольд, 1968, с. 99]. В восточнославянских летописях упоминаются шестьдесят четыре половецких хана, среди которых выделяются имена Боняка и Юрия Кончаковича [Федоров–Давыдов, 1966, с.224, 225].

Итак, рассмотренная группа вещей объединяет две серии поясов близких по утилитарной функции, но достаточно разных по их месту в реальной общественной жизни, а отчасти, по времени и месту создания. В сущности, речь идет о двух исторических пластах памятников культуры ранних Джучидов. К первому из них – в рамках 2-ой пол. XII – 1-ой пол. XIII вв. – могут быть отнесены поясные наборы с драконовидной геральдикой. Этот этап приходится на время становления и расцвета единого монгольского государства. Второй этап начинается поясным набором из Гашун–Уста. Он относится уже ко времени выделения Золотой Орды как самостоятельного государства и очерчивается в границах сороковых – семидесятых годов XIII в. Существенно, что обе подгруппы внешне разных поясов объеденены общей ремесленной и стилистической традицией. Об этом свидетельствует такой специфический признак как сходный чешуйчатый декор на тыльных пластинах отдельных сабельных обойм и наконечников поясных гарнитуров. Обратим вимание на темп «проживания» отдельных типов украшений: пояса с драконовидной символикой окончательно исчезают в самом начале XIV в., что заметно по поясному набору из Увека. В его декоре только одна пластинчатая накладка выполнена в рельефе, и только она украшена фигурой драконовидного существа. Пояса второй подгруппы благодаря «нейтральной» тематике фитоморфных мотивов (комплекс из Мариенталь) благополучно доживают до сер. XIV в. и постепенно угасают, уступая место поясным наборам из городских центров Золотой Орды, в большей мере ориентированных на вкусы исламизированной элиты (см., например, золотой стрелковый пояс из состава Симферопольского клада).

Необходимо отметить как тип поясов с подчеркнутой геральд-

дической символикой отразился в культуре народов, втянутых в орбиту золотоордынского влияния. Причем в разных историко–культурных районах обширного региона контактов. В Поволжье резонанс оказался наиболее откровенным.

Здесь, на Третьем Билярском селище на р. Малый Черемшан, в слое рубежа XIII–XIV вв., найдена костяная обоймица, целиком повторяющая конструкцию и драконовидный узор, знакомый нам по серебряным поясам [Галимзянов и др.,1995, с. 199, рис.27]. Учитывыя значение материала, из которого выполнялся поясной набор для социальной характеристики владельца воинского пояса, можно констатировать, что в джучидской среде некогда «гвардейская» символика нашла своих адептов в низовой командной армейской прослойке. Для характеристики глубины проникновения новой символики в быт и сознание рядовых всадников приведу пример изображения дракона в декоре берестяного колчана монгольского времени из могильника Гува в Калмыкии (табл.5) [Гаврилина, 1981, с. 124, рис.1; см. еще: Шнадштейн, 1979, с. 5б,57]. В русских землях – Смоленске и Новгороде, не входящих в политические границы Золотой Орды, это знакомство оказало лишь поверхностное влияние, скорее, более художественное, чем содержательное. Здесь найдены костяные сабельные обоймы с выделенной петлей с изображениями дракона (в Смоленске) и грифона (в Новгороде) [Асташева, 1993, с.73,74, рис.5.1; Древний Новгород, 1985, с.86, рис.161]. Смоленская находка датируется по стратиграфии 2-ой пол. XII – нач. XIII вв., но, как и новгородская (XII в.), производит впечатление более поздней. Мне представляется, что дата в пределах первой половины XIII в. более оправдана их типологией, тем более что хронологию тонких прослоек городских напластований трудно проверить в слое без монет. Грифон новгородской обоймицы выполнен в ближневосточной стилистике, что не противоречит предлагаемой мной дате (в новгородской резной кости есть немало прямых золотоордынских заимствований, среди которых встречаются поделки, украшенные изображениями «монгольских» драконов: Древний Новгород, 1985, рис. 155, 156, 157). Следует учесть при этом широкие возможности золотоордынского ремесла, в котором тема драконовидных монстров исключительно велика и в среброделии, и в бронзолитей-

ном деле, и в резьбе по кости.

При источниковедческой оценке нашего материала существенен вопрос о его массовости. Поверхностному взгляду может показаться, что количественная мизерность выявленных артефактов входит в противоречие с предлагаемыми наблюдениями. Между тем, дело не только в числе находок. Их не бывает много. Для всаднических обществ поясные гарнитуры – слишком значимый компонент культуры и с точки зрения традиционного этикета, и с позиций маркировки публичных иерархических структур, чтобы пренебречь малым. Военно–иерархическое общество, сложившееся после 1190 г. (после образования Темучжином собственной дружины нукеров), культивировало принцип личной преданности хану. Этот принцип остался в силе после 1206 г. и поддерживался ближайшими преемниками Чингиса от Угэдея и Бату до Хубилая включительно. Наградные пояса – один из излюбленных и гибких инструментов закрепления сюзеренитета. В реестре наградного имущества, розданного после завершения курилтая в Учжане, Рашид ад–Дин упоминает о 20000 штук одежды, 50 поясах с драгоценными камнями, 300 золотых поясах [Рашид ад–Дин, т.III, с.261]. Венецианец Марко Поло сообщает, что двенадцати тысячам кешиктенам Хубилай (1260–1294) тринадцать раз в году выдавал дорогие одежды, шитые серебром сапоги из верблюжьей кожи и «по дорогому, красивому золотому поясу» [Марко Поло, 1955, с. 144]. Кешиктены составляли десятую часть всей бюрократии Юань [Hsiao Chi–ch'ing, 1978, p.42]. С 1291 г. кешиктены в Китае были переведены на казенное довольствие; в дополнение к гвардии–кешиг, Хубилай создал систему военных поселений – тысяч, состоявших из монголов, китайцев, тангутов, карлуков, кыпчаков, канглы, русских [Кычанов, 1997, с. 196, 197]. О раздаче наградных поясов русским гвардейцам–кешиктенам сообщается в Юань–ши [Иванов, 1914]. Проведем небольшие подсчеты, скажем, на примере относительно скромной наградной церемонии в Учжане, чтобы показать общие черты технической «кухни» подготовительных работ. Раздача трехсот золотых поясов требовала изготовления около 20000 кованых, литых и прочеканенных деталей (из расчета 60–70 ед. гарнитуры на один пояс – см. выше), которые нужно было еще спаять и накрепить на ре-

менную основу, подготовка которой требовала отдельного и не менее кропотливого технологического цикла. Разумеется, с такой задачей могли справиться только специализированные мастерские, подобные отмеченной миноритом Рубруком мастерской Буше в Кара–Коруме, где работало пятьдесят мастеров; вместе с тем, объем заказа невозможно было бы выполнить без определенной унификации украшений каждого типа, использования литейных форм и других приспособлений. Таким образом, речь идет о массовом производстве, микроскопически малые следы которого сохранились в выделенном материале.

Итак, если согласиться с нашими наблюдениями, обе группы поясов принадлежат старшему поколению офицерского корпуса Джучидов, пришедшего в европейскую зону степей около середины XIII в. Типы и стилистика этих поясов сложились в Центральной Азии еще до образования Улуса Джучи. В них и можно видеть ту часть «монгольского наследства», которая попала в Дешт–и Кыпчак с первым поколением завоевателей и здесь, на новой почве, дала импульс к росту культурного феномена, впоследствии получившего название культуры Золотой Орды. Этот комплекс изделий центральноазиатского художественного ремесла впервые дает возможность обратиться к памятникам времени создания единого монгольского государства, не обнаруживающих себя до настоящего времени на родине. На основе оригинальных материалов чингисовской эпохи, мы, таким образом, минуя строгости караульной службы, получили возможность впервые ознакомиться с некоторыми редкими бытовыми реалиями великоханской ставки.

Как я пытался показать, новые воинские пояса были вызваны к жизни внутренними потребностями нового государства, т.е. чингисовскими реформами. О существовании «старых», но еще не забытого времени Хабул–хана (1-я пол. XII в.), сведений нет. Улус Хабул–хана, основу которого составляли монголы нируны и дарлекины, назывался «Хамаг Монгол». В «Сокровенном Сказании» сказано: «Всеми монголами ведал Хабул–хаган. После Хабул–хагана <...> стал ведать Амбагай–хаган» [С.С., с. 84]. Основными партнерами «Государства всех монголов» были цзиньцы. Хабул–хан даже присутствовал на коронации цзиньского императора в 1135 г., но, как известно, отношения между Пекином и монголами

не сложились, а в 1161г. объединенные силы чжурчженей и татар нанесли монголам крупное поражение. Следы чжурчженьских заимствований в декоре поясных наборов второй подгруппы можно интерпретировать как часть генеалогического спектра, относящегося к цзиньской художественной традиции времени Хабул–хана и его преемников. Вместе с киданьскими чертами (с ним связывается иконография трехпалых геральдических драконов поясов первой подгруппы) и сунской орнаментальной традицией, обновленный тип пояса приобрел новую узнаваемую стилистику. Ее выдают крупные сабельные обоймы с выделенной петлей, часто посаженные лунницы, двучастная пряжка и крупный подпрямоугольный наконечник (все украшенные детали переданы рельефом), но, в отличие от поясных гарнитуров «тюркского типа», здесь не найти прорезных блях и подвесных ремешков. Этот пояс в чингисидскую эпоху и стал «монгольским» (табл. 5, сабельный пояс). Монгольским (в новой, великоханской модели синкретизма, сложившейся при жизни основателя империи) воспринимается весь пласт культуры, пришедшей в Дешт–и Кыпчак около середины XIII столетия.

Отношение к монгольскому государству Чингисхана и его наследников, к культуре Золотой Орды и татарских ханств XV–XVIII вв. в обществе нового времени долгое время оставалось негативным. Здесь не место выяснять причины сложившейся практики. Материалы, тем не менее, показывают, что узкие рамки традиционных оценок искажают целостную картину развития, немыслимую без сохранения и передачи «эстафеты» культурного наследия. Наш анализ отбора древних традиций, сложившихся в Центральной Азии к X–XI вв., перенесенных монголами Бату–хана на новую почву европейской зоны степного пояса в первую треть XIII в., не может претендовать на полноту. Но ведь любая культура, и золотоордынская в их числе, не сводится к простой сумме артефактов или каталогу памятников разных видов и жанров. Ее суть – в приципах, благодаря которым культура проявляет собственную жизнеспособность; одним из основополагающих является принцип континуитета. Его я и пытался реализовать как задачу при анализе представленного материала.

Примечания и литература

Альбом XII Археологического съезда, 1903 – Альбом Выставки XII археологического съезда в г. Харькове. Под ред. проф. Е.К.Редина. М., 1903.

Alexander, 1992 – The Arts of War, Arms and Armour of the 7th to 19th Centures. By D.Alexander.The Nasser D.Khalili Collection of Islamic Art.Vol.XXI. Gen.Ed. Julian Raby.– London, 1992.

Асташева, 1993 – Асташева Н.И. Костяные изделия средневекового Смоленска// Средневековые древности Восточной Европы. ТГИМ, Вып.82. М., 1993.

Бартольд, 1968 – Бартольд В.В. Соч., Т. 5 (Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов). М., 1968.

Баяр, 1985 – Баяр Д. К проблеме датировки каменных изваяний Дариганги // Информационный бюллетень МАИКЦА, Вып. 8. М., 1985.

Березуцкий, 1988 – Березуцкий В.Д. Новые данные о поздних кочевниках из левобережья Среднего Дона// Исследования памятников археологии Восточной Европы. Воронеж, 1988.

Bunker, 1994 – Bunker Emma C. The Enigmatic Role of Silver in China// Orientations, Vol. 25, n.ll, 1994.

Бырня, Рябой, 1989 – Бырня П.П., Рябой Т.Ф. О некоторых ювелирных изделиях из Старого Орхея //Памятники древнейшего искусства на территории Молдавии. Кишинев, 1989.

Васильев, 1970 – Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. М., 1970.

Watt, Wardell, 1997 – Watt James C.Y., Wardell Anna E. When Silk Was Gold. Central Asian and Chinese Texstiles. New York, 1997.

White and Bunker, 1994 – White Julia M., Bunker Emma C. Adornment for Eternity. Status and Rank in Chinese Ornament. With contributions by Chen Peifen. Denver Art Museum in association with the Woods Publishing Company. 1994.

Винник, 1963 – Винник Д.Ф. Тюркские памятники Таласской долины// Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963.

Викторова, 1980 – Викторова Л.Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М., 1980.

Владимирцов, 1934 – Владимирцов В.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. М.–Л., 1934.

Гаврилина, 1981 – Гаврилина Л. М. К вопросу о культурных традициях в искусстве поздних кочевников// Археологические памятники Калмыкии эпохи бронзы и средневековья. Элиста, 1981.

Галимзянов и др., 1955 – Галимзянов И.Р. и др. Исследования на разрушающихся памятниках в Татарстане // Археологические открытия 1994 г. М.,1995.

Гумилев, 1970 – Гумилев Л.Н. «Тайная» и «явная» история монголов XII – XIII вв. // Татаро–монголы в Азии и Европе. Сборник статей. М., 1970.

Dean, 1927 – Dean Bashford.The Exploration of a Crusaders Fortress (Monfort) in Palestina // Bulletin of the Metropolitan Museum of Art. Vol.22, 1927.

ДДГ, 1950 – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV – XVI вв. М.–Л., 1950.

Shaver, 1994 – Shaver Page D. China Golden Age: Tang Dynasty Personal Ornaments in the Mengdiexuan Collection // Orientations. The Monthly Magazine for Collectors and Connoisseurs of Asian Art. Vol. 25, 11. November 1994 .

Древний Новгород, 1985 – Древний Новгород. Прикладное искусство и археология. М., 1985.

The Heritage of Genghis Khan, 1993 – Empires Beyond the Great Wall. The Heritage of Genghis Khan. By Adam T. Kessler. Los Angeles, 1993.

Е Лун–ли, 1979 – Е Лун–ли. История государства киданей (Цидань го чжи). Перевод с китайского, введение, комментарий и приложения В.С.Таскина. ПИВ, Т.XXXV. М., 1979.

Ефимов, 1997 – Ефимов К.Ю. Охранные археологические исследования в Воронежской области //Археологические открытия 1996 года. М., 1997.

Иванов, 1914 – Иванов А.И. История монголов (Юань ши) об асах–аланах // Христианский Восток, II, Вып. 3. СПб., 1914.

Иванов, Веселовский, 1914 – Иванов А.И. и Веселовский Н.И. Походы монголов на Россию по официальной китайской истории Юаньши. Отд. оттиск из «Записок Разряда военной археологии и этнографии Императорского Русского Военно–Исторического Общества. СПб., 1914.

Казаков, Пигарев, 1998 – Казаков П.В., Пигарев Е.М. Материалы исследований Красноярского городища Астраханской области (1989–90гг.) // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып.1, Йошкар–Ола, 1998.

Каминская, 1989 – Каминская И.В. Погребение воина–кочевника татаро–монгольского времени из степного Прикубанья // Научно–практический семинар «Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе». Тезисы докладов. Донецк, 1989.

Cleaves, 1952 – Cleaves F.M. The Sino–Mongolian Inscriptions of 1346

// Harvard Journal of Asiatic Studies, vol. 15, № 1–2, 1952.

Кляшторный, 1977 – Кляшторный С.Г. Образ кагана в орхонских памятниках // ППи–ПИКНВ, 1952. XIII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР. М., 1977.

Крамаровский, 1974 – Крамаровский М.Г. Торевтика Золотой Орды XIII–XVвв. По материалам Государственного Эрмитажа. Автореферат канд. дис. Л., 1974.

Крамаровский, 1983 – Крамаровский М.Г. Погребение монгольского времени из Таласской долины // Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции «Культура и искусство Киргизии». Вып.2. Л., 1983.

Крамаровский, 1994а – Крамаровский М.Г. Нейзацкий клад. Крым и Малая Азия в XIV веке // Византия и Ближний Восток. СПб., 1994.

Крамаровский, 1994 – Крамаровский М.Г. Монгольская золотая пластинка из коллекции Халили // Эрмитажные чтения памяти В.Г.Луконина. СПб., 1994.

Крамаровский, 1996 – Крамаровский М.Г. Аннотации в каталоге «Сокровища Приобья». Ред.Б.Маршак, М.Крамаровский, СПб., 1996.

Kramarovsky, 1991 – Kramarovsky M.G. The Culture of the Golden Horde and Problem of the «Mongol Legacy» // Rulers from the Steppe. State Formation on the Eurasian Periphery. Ed. by G.Seamen, D.Marks. Vol. 2. Los Angeles, 1991.

Крачковская, 1946 – Крачковская В.А. Изразцы мавзолея Пир–Хусейна. Тбилиси. 1946.

Кротков, 1915 – Кротков А.А. Раскопки на Увеке в 1913 году. //Труды СУАК. Саратов, 1915, Вып. 32.

Кызласов, 1975 – Кызласов Л. Р. Ранние монголы // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. История и культура Востока Азии. Т. III. Новосибирск, 1975.

Кычанов, 1986 – Кычанов Е.И. О татаро–монгольском улусе XII в. // Восточная Азия и соседние территории в средние века. Новосибирск. 1986.

Кычанов, 1997 – Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997.

Леньков, Галактионов, Силантьев, 1979 – Леньков В.Д., Галактионов О.С., Силантьев Г.Л. Раскопки Лазовского городища. // Археологические открытия 1978 года. М. 1979.

Лихачев, 1928 – Лихачев Н.П. Печати с изображением тамги или родового знака. Материалы для истории русской и византийской сфрагистики. Труды Музея палеографии. Ч.2, Л.,1928.

Моржерин, Недашковский, 1996 – Моржерин К.Ю., Недашковский

Л.Ф. Детали поясных наборов из Укека // Труды СОМК. Вып.4, Саратов, 1996.

Медведев, 1986 – Медведев В.Е. Приамурье в конце I – начале II тысячелетия. Чжурчжэньская эпоха. Новосибирск, 1986.

Мункуев, 1970 – Мункуев Н.Ц. Заметки о древних монголах // Татаро–монголы в Азии и Европе. М.,1970.

Мэн–да бэй–лу, 1975 – Мэн–да бэй–лу («Полное описание монголо–татар»). Факсимиле ксилографа. Перевод с китайского, введение, комментарий и приложения Н.Ц.Мункуева. ППВ, XXVIM., 1975.

Марко Поло, 1955 – Книга Марко Поло. Перевод И.П.Минаева. Редакция и вступительная статья И.П.Магидовича. М., 1955.

Никольская, 1927 – Никольская Е. Памятники монгольской культуры из села Карги // Восточный мир, № 1.Харьков, 1927.

ОАК за 1897 – Отчет императорской Археологической комиссии за 1897 год. СПб.,1900.

Овчинникова, 1990 – Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно–Алтая в VI –X веках. Свердловск, 1990.

Отрощенко, Рассамакин, 1986 – Отрощенко В.В., Рассамакин Ю.Я. Половецкий комплекс Чингульского кургана // Археология. N 53. Киев, 1986.

Пиков, 1986 – Пиков Г.Г. О столице государства западных киданей / / Восточная Азия и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1986.

Пугаченкова, 1967 – Пугаченкова Г.А. Погребение монгольского времени в Халчаяне // Советская археология, N 2, 1967.

Рашид ад–дин, 1946, 1952, 1960 – Рашид ад –дин. Сборник летописей, Т. I, Кн.1 (перевод с перс. Л.А.Хетагурова, редакция и примечания А.А.Семенова), М.–Л., 1952; Т.1, Кн.2 (перевод с перс. О.И.Смирновой, примечания Б.И.Панкратова и О.И.Смирновой, редакция А. А. Семенова), М.– Л., 1952; Т.2 (перевод с перс. Ю.П.Верховского, примечания Ю.П.Верховского и Б.И.Панкратова, редакция И.П.Петрушевского), М.–Л., 1960; Т.3 (перевод А.К.Арендса, под редакцией А.А.Ромаскевича, Е.Э.Бертельса и А.Ю.Якубовского), М.–Л., 1946.

Rogers, Raby, 1992 – Rogers J.M., Raby J. A Survey of the Arts of the Islamic Lands.The Nasser D.Khalili Collection of Islamic Art.The Nour Foundation. 1992.

Rawson, 1990 – Rawson Jessica. Chinese Ornament.The Lotus and Dragon. London, 1990.

Руденко, 1962 – Руденко С.И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. – М.–Л., 1962.

Смирнов, 1909 – Смирнов Я.И. Восточное серебро. СПб., 1909.

Сингатуллина, 1998 – Сингатуллина А.З. О тамгах на джучидских монетах Поволжья XIII в. // Шестая Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. СПб., 1998.

Скрынникова, 1997 – Скрынникова Т.Д. Харизма и власть в эпоху Чингис–хана. М., 1997.

Сокровенное сказание, 1941 – Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием Mongol–un Niruca Tobciyan. Юань чао би ши, Монгольский обыденный изборник. Т.1, Введение в изучение памятника, перевод, тексты, глоссарии. М. –Л., 1941.

Stepanjan, 1981 – Stepanjan N. Wandmalerei, Buchmalerei und angewandte Kunst. In: Brenties B., Mnazakanjan S., Stepanjan N. Kunst des mittelalters in Armenien. Berlin, 1981.

Труды, 1886 – Труды русской духовной миссии в Пекине. СПб., 1886.

Chang Lee, 1997 – Chang Lee Nency. Art Collection in Hong Kong. Orientations. Vol. 28, № 6, June 1997.

Chang Shi, 1998 – Chang Shi. The Dragon. Beijing, 1998.

Чжунго нейцзы цюаньцзы – Чжунго нейцзы цюаньцзы (Собрание китайского нефрита). Вып. 5. [Без места и года издания]. На кит. языке.

Федоров–Давыдов, 1966 – Федоров–Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. – М., 1966.

Ходзевич, 1988 – Ходзевич Л.П. О происхождении сюжета на одной уникальной поясной гарнитуре из Лазовского городища // Материалы по этнокультурным связям народов Дальнего Востока в средние века. Владивосток, 1988.

Fingerlin, 1971 – Fingerlin I. Gurtel des hohen und spaten Mittelalter. Münhen, 1971.

Hsiao Shi–ch'ing, 1978 – Hsiao Shi–ch'ing. The Military Establishment of the Yuan Dy–nasty. L., 1978.

Цултем, 1987 – Цултем Н. Декоративно–прикладное искусство Монголии. Улан–Батор. 1987.

Шавкунов, 1990 – Шавкунов Э.В. Культура чжурчженей–удигэ XII–XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. М, 1990.

Шастина, 1970 – Шастина Н.П. Образ Чингисхана в средневековой литературе монголов // Татаро–монголы в Азии и Европе. Сборник статей. М, 1970.

Шелабудов, Кудрявцева, 1980 – Шелабудов В.Н., Кудрявцева И.В. Кочевнические погребения Среднего Приорелья // Курганы степного

Поднепровья. Днепропетровск. 1980.

Шнадштейн, 1979 – Шнадштейн Е.В. Раскопки курганов в урочище Гува // Археологические памятники Калмыцкой степи. Элиста, 1979.

Exhibitition – Exhibition of Cultural Relics from the Tomb of Princess Chenguo of the State of Liao. Inner Mongolia Cultural Relic Archaeology Institute, Shaanxi History Museum. Без места и года издания.

Wirgin, 1970 – Wirgin Jan. Sung Ceramic Designs. Stockholm, 1970.

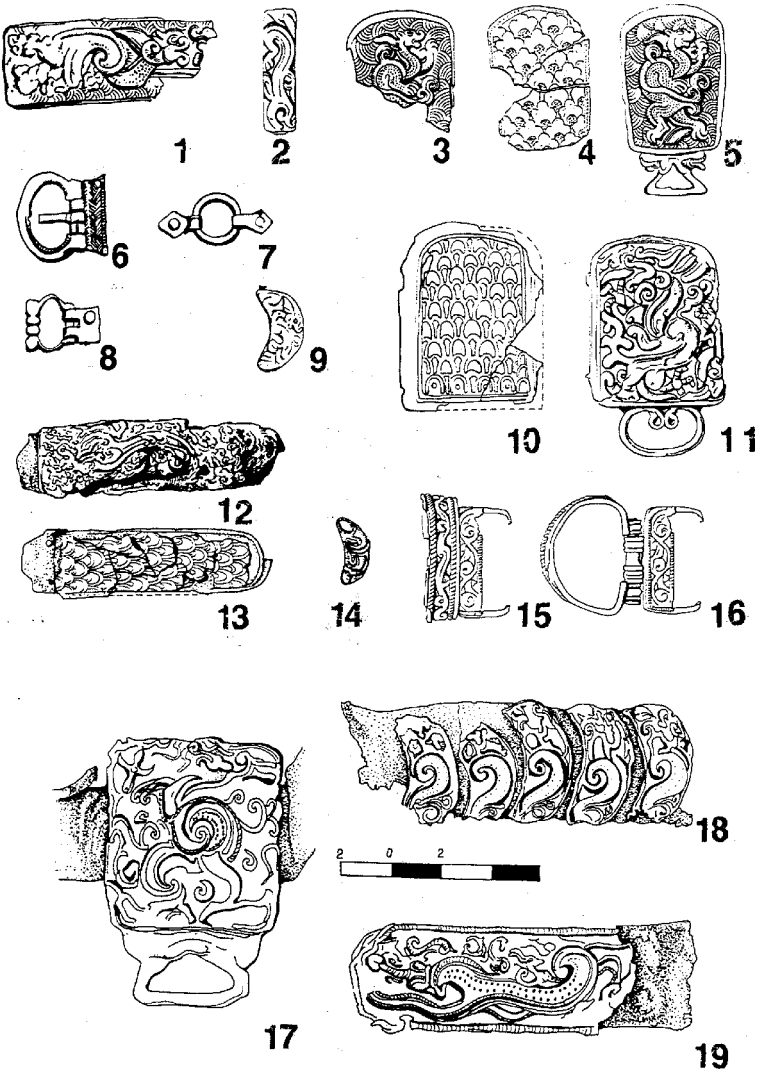
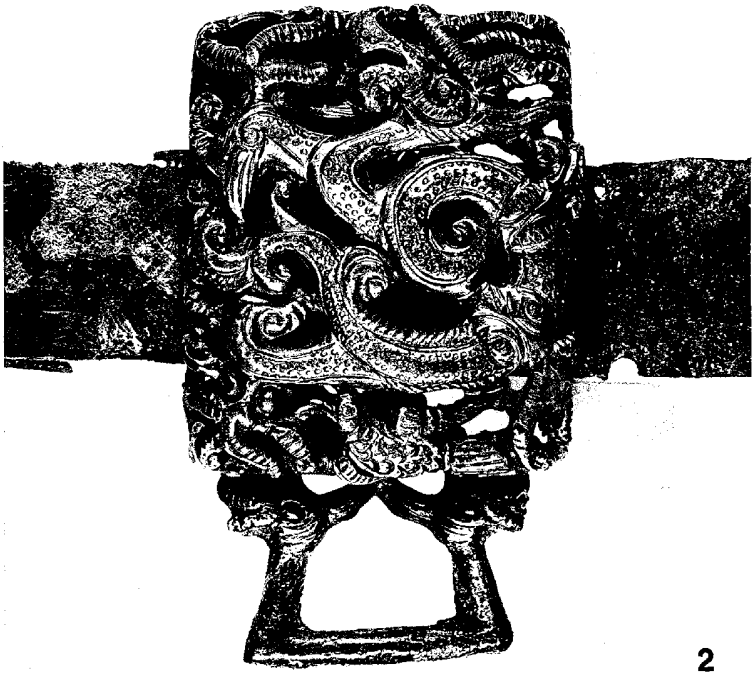
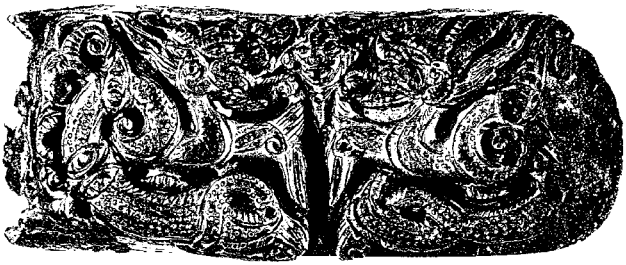


Таблица 1. Детали серебряной поясной гарнитуры с геральдическими драконами: 1–9 из комплекса погребения на острове Березань (по Э.Р.Штерну); 10–16 из комплекса погребения у с. Ново–Подкряж (по В.Н.Шелабудову и И.В-.Кудрявцевой); 17–19 из комплекса погребения у ст.Новоберезанская (по И.В. Каминской).

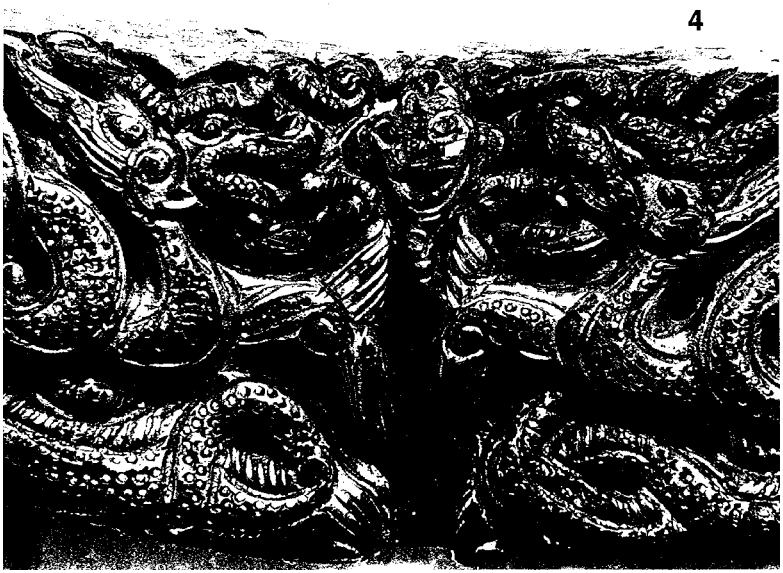
1



2



3



4

Таблица 2. Детали серебряной поясной гарнитуры с геральдическими драконами из разрушенного погребения на городище Красный Яр близ Астрахани: 1 – общий вид сохранившегося фрагмента пояса и его деталей; 2 – одна из сабельных обоймиц; 3, 4 – поясной наконечник.

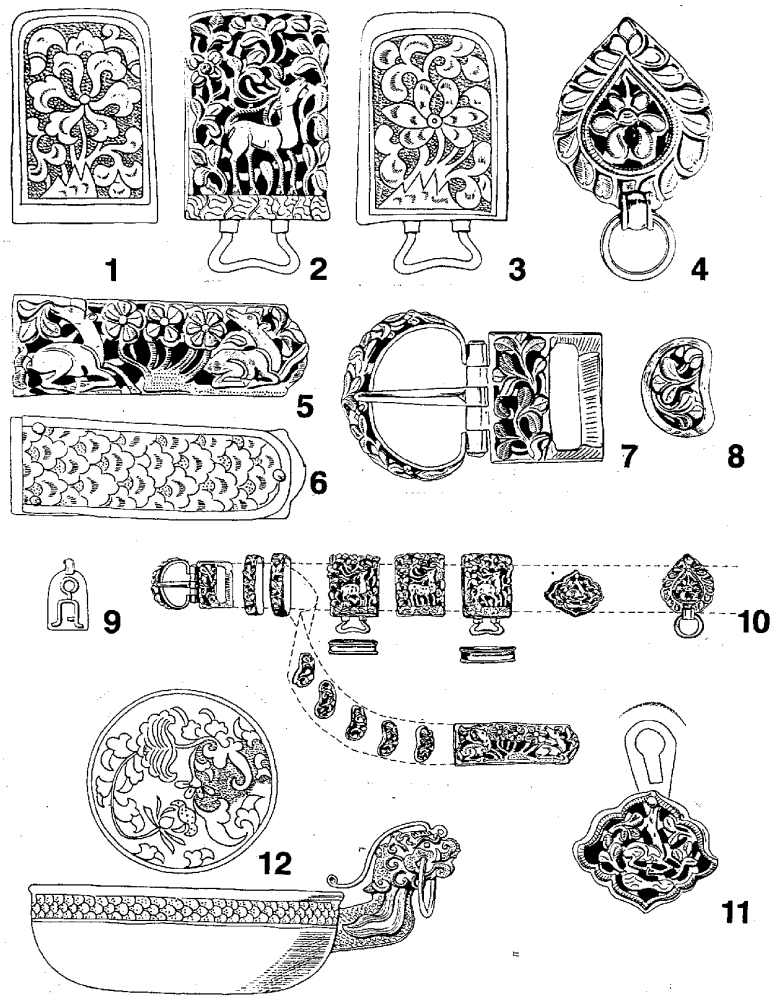


Таблица 3. Детали золотой поясной гарнитуры с изображением оленей и ланей из комплекса погребения в урочище Гашун–Уста в степном Предкавказье: 1–оборотная сторона обоймицы; 2, 3 – лицевая и оборотная сторона сабельной обоймицы; 4 – лицевая сторона подвески с изображением лотоса; 5,6 – лицевая и оборотная сторона наконечника; 7–поясная пряжка; 8 – лицевая сторона одной из пяти накладок; 9 – брелок с тамгой «Дома Бату»; 10 – реконструкция пояса (по М.Г.Крамаровскому); 11 – лицевая сторона подвески с ланью; 12 – золотой ковш с ручкой в виде протомы дракона и прорисовка медальона донца.

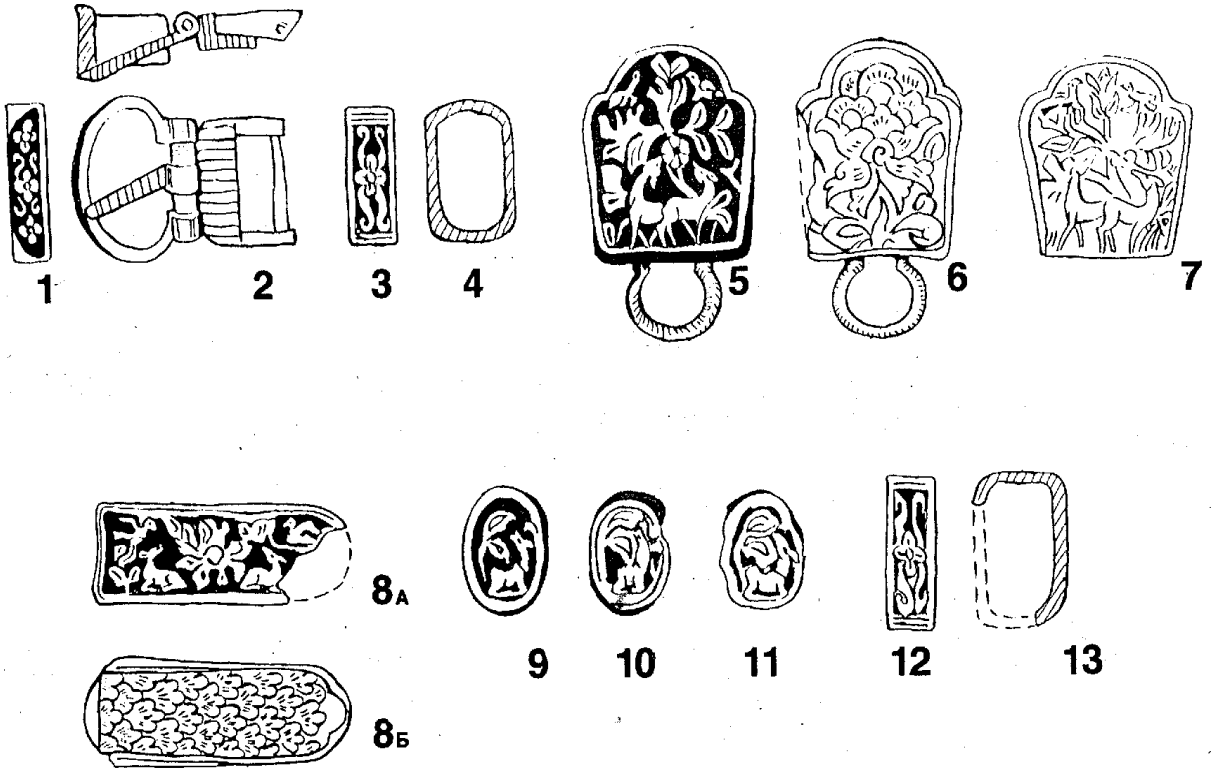


Таблица 4. Детали серебряного поясного набора из могильника Таш–Башат в Таласской долине (по Д.Ф.Виннику).

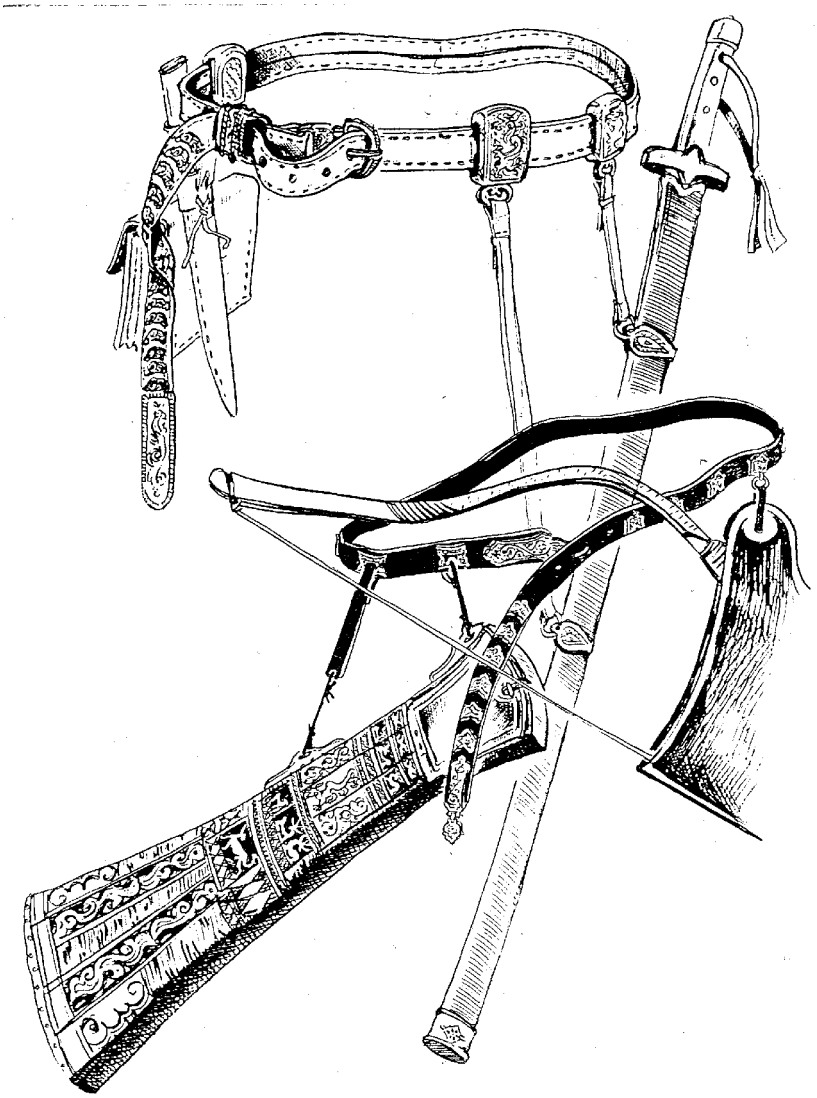


Таблица 5. Реконструкция сабельного и стрелкового поясов (по М.Г.Крамаровскому и М.В.Горелику; рисунок М.В.Горелика). В реконструкции стрелкового пояса использован рисунок колчана из урочища Гува в Калмыкии из раскопок Е.В.Шнадштейн.

Хансгерд Гёкеньян

Западные сообщения по истории Золотой Орды и Поволжья 1223–1556*

«В том же году пришли в наказание за наши грехи неизвестные племена, о которых никто ничего не знал точно, кто они, откуда пришли, на каком языке говорят и какой они веры[1]…». Этими словами анонимный автор Новгородской летописи пытается описать монголов, которые в 1223г. в ходе своего наступления на Запад впервые продвинулись до Европы и 31 мая того же года в битве на реке Калке нанесли жестокое поражение объединенному войску кипчакских и русских князей.

Любопытно, что это сообщение перекликается (что в общем, не так легко объяснить) с заметкой, автором которой является рейнский монах Цистерцианского ордена Цезариус Хайстербахский и в которой речь идет о тех же событиях. За год до этого, как сообщает Цезариус, какой–то народ напал на государство Русь и уничтожил все его население. Но не было известно, что это за народ и какие намерения он имел[2]. Оба сообщения очень выразительно отражают ту растерянность и нерешительность, которые царили в Европе после непредвиденного вторжения монгольских степняков–кочевников, хотя нападавшие после своей первой победы оттянули свои войска назад так же быстро, как они перед этим появились. И все же их появление дало достаточно поводов для современников–хронистов, чтобы задуматься о происхождении и целях чужеземных завоевателей.

Появился широкий спектр возможных объяснений, которые порой разительно отличались друг от друга. Некоторые, кто еще находился под влиянием схоластических мыслительных схем, пытались выработать такие ассоциации, которые напоминали традиционные образцы интерпретации. Прежде всего при этом использовались библейские представления, так как, согласно учению Кассиодора, все науки в зачатке существовали уже в Библии[3]

* Перевод с немецкого языка Р.Р.Закировой под редакцией И.А.Гилязова

Монголов сравнивали (так же, как раньше и некоторых других кочевников) с ветхозаветными исмаилитами[4], с мидианитами[5], с Гогом и Магогом[6], которые прискакали с Севера и своими стрелами наказали Божий народ за его грехи. Еще Флавий Иосиф сравнивал Гога и Магога со скифами понтийских степей[7]. Остальные авторы желали вновь увидеть их потомков в гуннах, аварах, тюрках и хазарах[8]. В сирийском пророчестве Псевдомефодия (7 в.) описание Гога и Магога сливается с легендарными сообщениями из окружения Александра. Согласно этому сообщению, будто бы Александр Великий во время своих походов закрыл северные народы за медными воротами на Кавказе[9]. Но в конце дня, как сообщал Псевдомефодий, изгнанные сумели вырваться, чтобы наказать Божий народ и объявить ему о предстоящем мировом суде. Петрус Коместор[10] и Рудольф фон Эмс[11] предполагали, наконец, что среди народов последнего времени находятся и остатки еврейских племен.

Звуковые ассоциации, которые возникали при сравнении этнонимов «моал» (монгол) и «татар», только появившихся в западном мире, с «исмаилитами» или же «тартарами» (по словам папы Иннокентия IV в 1234 г. – «посланники сатаны и прислужники Тартаруса[12]»), превратили робкие вопросы в уверенность, а после 1241 г., когда монгольское нашествие стало реальностью, и в парализующий ужас.

Такими же темными и расплывчатыми, как и представления Запада о монголах (татарах), оставались и знания, которые имелись о месте их проживания в Азии. В одном из писем императора Фридриха II (1215–1250), которое передавал английский хронист Маттеус Паризенсис, сообщалось, что в ранние времена монголы появились на самом южном краю света, т.е. из зоны, сожженной солнцем, где они и скрывались, и во время своих завоевательных походов достигли севера[13]. Маттеус Паризенсис отмечает при этом, что император в данном случае ошибается, так как «тартары» – выходцы не с юга, а с востока, и они не встречались ни в одном из «семи климатов», которые пересекали купцы во время своих поездок до Индии[14].

Упоминание семи климатических зон и Индии, как приграничной зоны Ойкумены, явно показывает, что в данном случае речь

идет о миропредставлении, происходившем из поздней античности, ориентировавшемся на школьных авторов Макробиуса и Исидора Севильского и остававшемся почти неизменным до 13 в[15]. Согласно ему, земля представляла собой круг. В середине его находилась суша, окруженная со всех сторон мировым океаном и охватывавшая половину Азии и по одной четверти Европы и Африки. Континенты, как их отражали так называемые Т–карты[16], отделялись друг от друга тремя водными пространствами: Средиземным морем, Доном (Танаисом) и Нилом. В центре земельного круга располагался Иерусалим.

До конца 11 в. Средиземноморье и Южная Европа являлись основным объектом в представлениях о мире, и только после крестовых походов стали обращать внимание и на Восток. Знания о нём опирались, в первую очередь, на эллинистические традиции, которые сформировались со времени походов Александра и сохранились до средневековья благодаря сообщениям отца Иеронима[17]. Туманные представления, которые имелись об Азии, на востоке заканчивались на Индии. Так, по словам Луцидариуса, автора популярного описания мира второй половины 12 в., «Азия начинается там, где восходит солнце, и на севере достигает моря, а там, где солнце заходит, находится рай»[18].

Совершенно недостаточными были и знания, которые имелись о северной части Евразии, хотя на Западе и имелись достаточно точные представления о соседних восточных государствах Богемии, Польше, Венгрии и Киевской Руси и о самых важных маршрутах, которые через Балканский полуостров и вокруг него вели в Византию и далее до Святой земли. На севере норвежец Оттар в 9 в. вдоль Кольского полуострова достиг Белого моря. Его сообщение вошло в староанглийский перевод Орозиуса при короле Альфреде Великом (871–899[19]).

Варягам даже удалось во время своих торговых и захватнических рейдов достигать Каспийского моря и Византии. Их сообщения, однако, редко принимались во внимание в географических экскурсах современных им хронистов. Сообщения последних о Восточной Европе все больше следовали тем традиционным описаниям и представлениям, которые Страбон развивал еще в первом веке нашей эры[20]. Иордан, который указал направление дру-

гим латинским авторам средневековья, говорил о некоей «Великой Скифии», которая будто бы достигала до Восточного океана, на северо–западе включала в себя Скандинавию, а на западе граничила с Германией[21]. Адам Бременский[22], а вслед за ним Хельмольд фон Босау[23], и Отто фон Фрайзинг[24], причисляли все народы, проживавшие по берегам Балтийского моря, к Скифии. Другие авторы, как Иордан и Регино фон Прюм, определяли, прежде всего, кочевников, которые проживали в понтийских степях, как скифов, и тем самым придерживались традиции, которая восходит к Геродоту[25].

Знания, которые между тем прибавлялись, были все же ограниченными. Так, еще Адам Бременский, который как ни один из западноевропейских авторов 11 в. был знаком с географией Прибалтики, упоминал амазонок и собакоголовых людей в Финляндии[26].

В целом взгляд латинских хронистов на востоке не переходил зоны господства Киевской Руси. Границей между Европой и Азией для современников–хронистов был Дон (Танаис). Насколько нечеткими были контуры стран по ту сторону данной границы в сознании латинистов, показывает следующий красноречивый пример. До 14 в. они придерживались взгляда, берущего начало с постулатов греческих географов о том, что «мировое море» имеет четыре большие континентальные бухты: Средиземное море, Персидский залив, Красное и Каспийское моря. Волга, согласно этой перспективе, являлась лишь морским рукавом, который соединял Каспийское море с Северным[27].

К тому же еще со времен Геродота часто путали Волгу с Доном не в последнюю очередь благодаря тому, что обе реки в своем нижнем течении близко подходят друг к другу. Хотя уже Птолемей пытался исправить эту ошибку, она упорно повторялась у латинских, византийских и мусульманских авторов раннего и позднего средневековья[28].

Конкретные известия о регионе между Волгой и Уралом достигли Запада только с тридцатых годов 13 в. через Венгрию. У государства Арпадов не были полностью разорваны связи с теми степными и лесостепными зонами, в которых венгры проживали до своего прихода в Прикарпатье. Венгерские короли имели не только многочисленные династические связи с Рюриковичами, в

Венгрии пересекались также важные торговые пути между Западом и Востоком. Так что сюда стекались самые различные известия, которые приносили русские, волжско–булгарские, хорезмийские, арабские и еврейские купцы с Востока. Среди них с 10 в. были и волго–булгарские элементы, которые расселялись в Венгрии, прежде всего в окрестностях Пешта[29].

Кроме того, представители тюркоязычных кочевых племенных образований находили прибежище в Венгрии в качестве беженцев или военнопленных. Особенно заметным были приток куманов–кипчаков, которые с 1223 г., спасаясь от монголов, селились на территории соседних с Венгрией позднейших княжеств Молдавии и Валахии. Первые известия о русско–куманском поражении на реке Калке, согласно сообщениям Рихарда фон Сан–Германо и Альбериха фон Труа–Фонтена[30] , дошли до Венгрии, а далее и до Западной Европы именно через куманов–беженцев.

Прибытие куманов и их очевидная готовность принять крещение, вступить на службу к венгерскому королю в качестве наемников, нашли у последнего, как и папской курии, радушный прием и пробудили в обоих большие ожидания политического и церковного присоединения могущественного кочевого народа, территория обитания которого в то время простиралась от Карпат до закаспийских степей. Действительно, уже с 1227 г. куманский князь Барс (Бейбарс) и 15000 человек его подчиненных приняли крещение, а год спустя был назначен первый куманский епископ[31]. Венгерский наследник престола, ставший позднее королем Бела IV (1235–1270), с 1235 г. носил титул первенца короля Венгрии и Кумании (primogenitus Regis Hungarie… et Cumanie), что документально подтверждало его претензии на господство над куманами[32]. Миссионерскую деятельность Папа и король поручили новому Ордену доминиканцев, который с 1221 г. располагался в Венгрии[33].

Очевидно, однако, что предполагалась и христианизация других народов Среднего Поволжья. Особенно большую роль в рассуждениях венгерских доминиканцев играл поиск венгров, оставшихся на востоке, в «Великой Венгрии». Как замечал первый хронист миссионерских путешествий доминиканцев брат Рикардус: «В истории христианской Венгрии натолкнулись на известие о другой, большой Венгрии, которую покинули семь вождей со

своими народами, чтобы найти новую землю для проживания, так как их прежняя родина не смогла обеспечить пропитанием такое количество жителей… Доминиканцы, которые доверяли сведениям истории, сочувствовали тем венграм, до сих пор пребывавшим в неверии, и они отправили четырех братьев из Ордена, чтобы с Божьей помощью разыскать их. Потому что из старых рукописей они знали о том, что языческие венгры жили на Востоке, но ничего не знали о них более подробно»[34].

Два раза автор подчеркивает, что монахи–миссионеры скорее предполагали, чем знали путь к восточным венграм. На самом деле венгерские хроники предлагали три различных версии о географическом расположении «Великой Венгрии». В то время как данные так называемой древней истории указывали на землю на «Maeotis» (т.е. на Азовском море), другие известия указывали на Кавказ, а так называемый анонимный Нотариус располагал прародину венгров между Суздалем и Волгой[35]. Монахи же во время своих разведывательных путешествий (в общей сложности их было четыре) в 1232–1237 гг. искали Великую Венгрию вначале в причерноморских и северокавказских степях, прежде чем один из них, брат Юлиан, в 1236 г. в первый раз повстречал восточных венгров.

Результаты четырех путешествий должны были с лихвой оправдать ожидания папской курии и венгерского двора от предприятия доминиканцев. Эти ожидания особенно подогревала весьма хитроумная религиозная пропаганда Ордена (propaganda fidei), которая смогла создать впечатление, что не только восточные венгры, а также их соседи – булгары, мордва и буртасы готовы принять крещение[36].

Сохранившиеся сообщения доминиканцев Рикардуса и Юлиана содержат и некоторые интересные этнографические данные об этносах на Волге и Каме. Венгерские монахи составили короткий, но весьма правдоподобный отчет о Волжской Булгарии, которую Рикардус описывает как «великое и сильное государство, имеющее богатые города» (regnum magnum et potens opulentas habens civitates[37]) – замечание, полностью подтверждающееся археологическими открытиями последних десятилетий[38]. Хотя утверждение Рикардуса о том, что самый большой город волжских

булгар (возможно, речь идет о Биляре, современном Билярске на левом берегу реки Малый Черемшан) может выставить 50000 воинов, и кажется преувеличением, все же общая площадь города, составлявшая по данным археологов около 600 га, вполне могла разместить население в 50 000 человек[39].

Правдоподобным представляется и то, что сообщалось о мордве. Замечания Рикардуса об их воинственности, склонности к охоте за головами, культе черепа, очевидно, восходят к сообщениям русских источников[40]. Еще великий князь Владимиро–Суздальского княжества Юрий Всеволодич (1212–1238) незадолго до этого имел частые военные столкновения с мордвой[41]. Три столетия спустя об ожесточенных боях мордвы против русских и татарских завоевателей писали Герберштейн и Флетчер[42].

Однако, в поле зрения доминиканцев по понятным причинам находились прежде всего восточные венгры. У Рикардуса они впервые упоминаются как кочевники. То, что монахи в Поволжье встретили носителей родственного языка, сегодня уже не вызывает никаких сомнений[43]. Но долгое время оставался спорным вопрос, на какой стороне Волги произошла эта встреча. Большинство исследователей, основываясь на сведениях Рикардуса о том, что Великая Венгрия расположена в двух днях пути от Булгара, приходят к выводу: землю восточных венгров следует искать к востоку от Волжской Булгарии[44].

Особую и дополнительную ценность придают сообщениям доминиканцев содержащиеся в них данные о монголах и об угрозах нападения с их стороны и относящиеся к 1236 г., т.е. перед самым масштабным их нападением. Особенно письмо Юлиана, попавшего в 1236 г. в район предстоящих боевых действий монгольских отрядов и встретившегося с посланником хана Бату, содержит первое подробное описание татар с западной точки зрения. Юлиан дает наглядное представление о боевых порядках и стратегии монголов, что выдерживает критическое сравнение с результатами новейших исследовательских работ. Следующая заявленная им глава о религии чужеземных завоевателей, не была написана, главным образом из–за нехватки времени.

Стремление автора к непредвзятым оценкам очевидно. Ни ужас-

ные известия, ни преувеличенные надежды на появление пресвитера Иоанна у него не находят места. Даже тогда, когда он цитирует неопределенные сведения об идентичности «тартаров» с библейскими «исмаилитами»[45], он сохраняет осторожную дистанцию и добросовестно перепроверяет высказывания своих свидетелей[46].

Юлиан – первый западный автор, сообщивший о притязаниях монголов на мировое господство. Свое предупреждение он передал вместе с посланием хана Бату королю Беле IV, врученное Юлиану монгольским посланником. Этот самый древний сохранившийся монгольский документ, свидетельствующий о дипломатических контактах с Западом, достиг римской курии одновременно с сообщением Юлиана, непосредственно сразу же после его возвращения в Венгрию.

Там сообщениям доминиканцев придали такое значение, что известие Рикардуса было передано в Liber Censum, самое крупное папское собрание документов. Новые сообщения быстро распространялись в Европе и вызывали большой интерес[47]. К тем, кто обращался к свидетельствам монахов, относились такие известные личности, как Маттеус Паризензис, Альберих фон Труа–Фонтен, Иоанн Плано Карпини, Вильгельм Рубрук, и Папа Иннокентий IV[48].

Рубрук поставил доминиканцам литературный памятник, когда писал:

«Все, что я сказал о стране Паскатур (Великая Венгрия), я узнал через монахов–миссионеров, которые путешествовали туда перед нашествием татар»[49].

И все же предупреждения Юлиана оказались слишком запоздалыми, чтобы запустить настоящие механизмы обороны. «Неожиданно, словно Божья, пылающая гневом, молния», «будто вихрь»[50], по свидетельству современников Маттеуса Паризензиса и императора Фридриха II, обрушились монголы на Восточную Европу и опустошили обширные области Киевской Руси, Польши и Венгрии. Отчаянные призывы о помощи, в большинстве своем оставшиеся безответными, достигли европейских княжеских дворов. Ужас и паника распространились и оставили после себя односторонне искаженное представление о татарах. Готландцы и фризы из страха перед нападением монголов не решились отпра-

виться в Англию на традиционный лов сельди[51].

Иллюзорные представления, которые возникли в лагере крестоносцев под Дамьеттой еще в 1220–1221 гг. и говорившие о том, что за монгольскими владыками скрывается пресвитер Иоанн или король Давид, приближающийся вместе со своим войском, чтобы помочь христианам в борьбе против мусульманского врага, теперь разрушились. Их место заняли обновленные и усилившиеся апокалиптические картины ужасов. «Признайте и поверьте, – призывал своих читателей Роджериус Торре Маджоре, венгерский современник тех страшных событий, – что день гибели близок, что времена приближаются к концу»[52].

Только когда стало ясно, что Страшный суд не состоится непосредственно в ближайшее время, что монголы из–за смерти великого хана Угедея покинули Венгрию весной 1242 г., страх сменился повышенной готовностью обороняться. В особенности папская курия изыскивала средства и пути, которые позволили бы оказать действенное сопротивление возможному новому наступлению татар. Папа Иннокентий IV (1243–1254), образованный юрист, вступивший в свою должность в 1243 г., предпринимал попытки установления дипломатических контактов с монголами, чтобы помочь римской церкви увеличить свою власть и чтобы тем самым получать сведения об их намерениях на будущее. Импульс для исполнения плана дал изгнанный монголами русский архиепископ Петр, который выступал при папском дворе в 1244 г., а год спустя на Лионском соборе в качестве «эксперта» по татарам и их политике[53].

Результатом его высказываний стало уяснение того, что монголы обладают специфическим правопорядком и благосклонно относятся к чужеземным послам[54]. Петру предложили вопросник, который был разработан точно на основе схоластических образцов и отвечал бы даже требованиям современной полевой этнографии[55]. Вопросы были о происхождении религии, культе, образе жизни, ведении войны, численности населения, намерениях, выполнении условий договоров, обхождении с чужеземными послами. Очевидно, такой же каталог получали и папские дипломаты[56].

Четыре миссии, получив дополнительное согласие со стороны консульского собрания, были направлены к монголам. Так же тща-

тельно, как подготовка вопросов, проводилась подборка посланников. Руководство самой важной миссии, которая должна была достичь Каракорума, резиденции великого хана, поручалось Иоанну Плано Карпини, опытному дипломату, принадлежавшему к узкому кругу доверенных лиц святого Франциска Ассизского, и которому в 1228 г. было поручено руководство немецкой орденской провинцией.

Сообщение Карпини, которое по своей структуре и построению соответствовало папскому вопроснику, явилось образцом того, как личное наблюдение путешественника, привлечение надежных свидетелей и сопоставление с действительностью изменяет устоявшееся представление автора о татарах и как оно может избавиться от устойчивых стереотипов и легенд. Другими словами, путешественник находит доступ в жизненный мир до сих пор чужого ему народа в такой степени, какой до того не достиг ни один из западных наблюдателей.

Карпини также сообщает о легендарных народностях и монстрах, людях–собаках, существах с человеческой головой и собачьей мордой, троглодитах, скрывающихся под землей после восхода солнца, паразитах, живущих благодаря приготовленной на пару пище[57]. Все это восходит еще к александровским временам. Но так как он не встретил этих сказочных существ у татар, он располагал их на краю обитаемой суши[58]. Хотя татары представлены им как люди воинственные и жестокие, в остальном они совсем нормальны, в них нет никаких сверхъестественных и чудовищных черт[59]. Если Симон Сен–Квентин упрекал татар в том, что они являются каннибалами по своей природе[60], Карпини это отрицает и устанавливает, что татары едят человеческое мясо только в исключительных, экстремальных ситуациях[61].

Даже миф об амазонках переносится Карпини на знакомую ему действительность. Хотя монгольские женщины сидят в седле не хуже мужчин, выносливы и разбираются в стрельбе из лука, они также трудолюбивы и предприимчивы, шьют одежду, правят телегами и заботятся о вьючных животных, т.е. они могут оцениваться как образцовые хозяйки[62]. В своем описании образа жизни монголов Карпини обращает внимание на то, что их положительные и отрицательные качества уравновешиваются. Он посвящает

почти половину одной главы описанию положительных черт монголов[63].

Объективность в его сообщении преобладает и тогда, когда он передает свои личные наблюдения. Кратки, но очень метки и точны его портреты монгольских владетелей. Так, хана Бату он описывает следующими словами: «Этот Бату очень благосклонен к своим людям, но они его все равно очень боятся. Он исключительно жесток в сражении, в войне очень хитер и проницателен, потому что имеет богатый военный опыт»[64]. Описание почти не отличается от положительного представления о Саин- хане Бату, «добром хане Бату», составленного самими монголами и нашедшего отражение в портретах, составленных восточными хронистами, такими, как Рашид ад–Дин, ал–Омари, Джувейни и особенно Гузгани[65]. Нередко Карпини пересматривает передаваемые из поколения в поколение ошибочные легенды, как впрочем это делал и его собрат по Ордену Вильгельм Рубрук, побывавший десятилетие спустя в Каракоруме. Так, Карпини указывает на то, что татар ни в коем случае не следует называть «тартарами», т.е. людьми из «тартароса» (ада), но по–новому писать этот этноним – без буквы «р» как «татары»[66]. Рубрук со своей стороны исправлял тезис Исидора из Севильи о том, что Каспийское море следует рассматривать как бухту океана[67].

Так же, как и Карпини Рубрук имел исключительный талант наблюдателя, и так же, как Карпини он пытается оценить светлые и теневые стороны их жизни. Изложение Карпини представляется более систематизированнным, а Рубрука – более живым[68]. Там, где обоим авторам не доставало личного наблюдения, они уделяли большое внимание выбору очевидцев и свидетелей, среди которых были кипчаки–куманы и русские, несторианские христиане и европейские пленники[69]. Определенные, весьма точные сведения оставляют впечатление, что были опрошены и монгольские свидетели, как, например, в случаях, когда Карпини переводит этнонимы ека–монгол и су–монгол как «великие монголы» и «водяные монголы»[70], или когда он сообщает о ранних отношениях монголов и татар[71].

Карпини проверял надежность высказываний свидетелей[72], но был в состоянии оценивать и относительность собственных суж-

дений, например, при описании способов ведения войны монголами, он замечает, что он не является «экспертом» в военных проблемах[73].

На примере Рубрука можно ясно проследить, как автор на протяжении своего путешествия «вырастает» из своей задачи и заменяет ставшие привычными стереотипы вновь приобретенными взглядами и знаниями. При своем вступлении на территорию Золотой Орды Рубрук заявлял: «Когда мы покинули Судак и на третий день были встречены у татар, мне показалось, что вступаю в совершенно иной мир»[74]. Позже он предпочитал монгольские напитки и пищу европейским[75], ему приходилось отвыкать от поклонов великому хану и от почитания его[76]. В конце своего путешествия он даже просил у монголов позволения, приехать к ним еще раз[77].

Сообщения Карпини и Рубрука являются ценными источниками для изучения ранних кочевых обществ и их культуры, которые ни в коем случае нельзя не учитывать. Они кроме того развивают наши представления о географических и климатических условиях, детально отображают внешний вид, жизнь и быт монголов. В то время, как Карпини предпочитает давать анализ монгольского военного искусства и предлагает свою собственную контрстратегию[78], благодаря Рубруку мы имеем лучшее средневековое описание шаманизма[79].

Такую же ценность имеют сообщения, которые приводят оба автора о народах, подчиненных монголам. Карпини составил каталог этносов, принадлежавших к Монгольской империи. К тем, кто населял области Улуса Джучи, он относил баскартов (великих венгров), сарацинов (мусульмане Центральной Азии), бесермен (хорезмийцы и волжские булгары), билеров (волжские булгары), корола (от венгерского «Kiraly» – «король»; западные венгры), комухов (кумыки), аланов или ассов, обезов (абхазцев), грузин, несторианских христиан, армян, кангитов или кангли, куманов, кавказских горских евреев (брутахи), мордву, огузов (торки), черкесов и русь[80]. Рубрук дополняет этот список данными о моксель (мордва–мокша), черкисах (черкесах) и лезгинах[81].

Карпини неоднократно причисляет народы между Волгой и Уралом к одной группе: «К северу от Кумании, непосредственно

рядом с Русью лежит область мордвы, билеров, то есть Великая Болгария и такая же баскартов, то есть Великая Венгрия. За самоедами, в пустыне на побережье океана живут так называемые собакоголовые»[82].

Во время своих путешествий Карпини и Рубрук не посетили области расселения последних пяти этносов и обладали лишь информацией из вторых рук. Прежде всего, сообщения венгерских доминиканцев, по словам Рубрука, служили источником информации[83].

Применяемое Карпини понятие «Билер» соответствует в «Сокровенном сказании» монголов обычным формам «Булар» или «Болар», что можно встретить и у Абу–л Фида[84] На карте мира Фра Мауро 1459 г. можно видеть понятие «Болер»[85]. Все эти варианты названия восходят к общей форме «Булгар»[86].

Более спорным у Карпини является уравнение «башкиры – это великие венгры» («basgard id est Magna Hungaria»[87]), так как этноним «башкир» в различных вариантах (bagg.rd, basg.rd, basgirt и др.) встречался в 9–12 вв. в арабских и персидских источниках и применялся для определения как венгров, так и тюркоязычных башкир[88]. Традиция Балхи знает о двух народах, выступавших под именем башкир. Область первых находилась к востоку от волжских булгар, в то время как вторые соседствовали с печенегами[89]. Первое из двух представлений имеет отношение к венграм, перекочевавшим на запад[90]. Еще в 1985 г. Иштван Вашари, опираясь на лингвистический материал, выступил с критикой смешивания двух народов[91]. Похоже, что в современных исследованиях господствует мнение, что башкиры (basgard/basgird), которых Карпини локализовал к северу от волжских булгар, идентичны оставшимся на востоке венграм[92].

Заслуживает внимания, что ни Карпини, ни Рубрук не употребляют архаизированные формы при использовании этнонимов. Скажем, форма Скифия, которая в связи с Баскардией имеется еще в венгерских хрониках, у обоих авторов не встречается. У обоих же встречаются новые представления относительно прочих терминов. Так, Карпини почти всегда сопровождает сведения о монстрах и легендарных существах ограничительной фразой «…что мне сообщали как правду»[93]. Рубрук демифологизирует легенду о

пресвитере Иоанне, широко распространенную на Западе с 12 в., устанавливая почти попутно: «Я пересекал его пастбища, но никто ничего не знал о нем, кроме нескольких несториан»[94].

Не все поздние авторы так категоричны, как Рубрук. Так, ученый–гуманист и космограф кардинал Пьер д'Айи (1357–1420), который в своем труде «Imago mundi» при описании Азии был поставлен перед выбором – применять понятие Скифия или Тартария, отмечал: «Что из них более правильно, я не хотел бы решать. Я не решаюсь доверить старым авторам, но не могу согласиться и с авторами современными, составлявшими сообщения на основании личного наблюдения»[95].

Его современник Альберто Альфиери, сообщавший в 1421 г. о татарах, пояснял, что жизнь этого «древнего, одновременно современного народа (sive veteris sive moderni) на протяжении последних 1500 лет не изменилась[96]. Эта констатация представляется совершенным анахронизмом, если учитывать, что Альфиери сообщал из Кафы, генуэзской колонии в Причерноморье. В 14–15 вв. в Кафу стекались все важнейшие сведения о татарах и Золотой Орде, и уже оттуда достигали они Запада. Город, который в 1270–1307 гг. и с 1313 г. до самого завоевания османами в 1475 г., находился под генуэзским господством, являлся центром генуэзской восточной торговли. Кафа являлась одновременно конечным пунктом многих торговых маршрутов в западном и восточном направлениях, которые через Монгольскую империю вели в Китай. Она была исходной точкой для европейских торговцев, которым, согласно труду Пеголотти « Pratica della Mercatura», требовалось 279 дней, чтобы достичь «Катая»[97].

Европейские купцы, среди них особенно венецианцы и генуэзцы, уже вскоре после образования Монгольской империи установили торговые связи с великим ханством. Они не оставили почти никаких сведений, поскольку не были заинтересованы в том, чтобы показать путь возможным конкурентам[98]. Так, труд Пеголотти из флорентийского банка Барди сохранился лишь в виде одной рукописи[99].

Распространение письменной культуры в 14 в., в том числе и в делопроизводстве генуэзских черноморских портов (нотариальные акты, протоколы политических институтов, уставы и письма),

имело следствием то, что сохранились многочисленные источники, которые интенсивно сообщали о взаимоотношениях генуэзцев и татар.

В целом отношение купцов к татарам к началу установления связей представляется позитивным, так как торговцы были желанными гостями в Джучиевом Улусе. Их поведение было более понятным, чем у миссионеров. Если они привозили дорогие товары и подарки, как, например, Марко Поло, подаривший хану Берке ювелирные украшения, то ответных подарков получали в два раза больше[100]. Францисканец же Рубрук, появившийся перед ханом с пустыми руками, был встречен не так приветливо[101]. Уже венгерские доминиканцы 13 в. предпочитали перед отправлением в путешествие переодеваться в купеческие одежды (sub nomine mercatoris[102]). Часть торговцев изучала татарский язык, как например Поло, другие пользовались услугами переводчиков[103]. Сравнительно интенсивный процесс аккультуризации начался уже со второй половины 13 в. Так, итальянский хронист Джакопо д'Акуи уже в 1300 г. мог констатировать: «Это правда, что они (татары) как только появились с гор, ели всех животных, но вскоре только хороших и чистых, так как они улучшили многие свои постыдные обычаи, по которым они жили в горах, и они сейчас стали совершенно нормальными людьми»[104]. Значительные перемены в сознании, в оценочных критериях произошли не только у татар, а также у их европейских наблюдателей, для которых непосредственное соприкосновение с чужими стало ревизией традиционного миропонимания.

Двустороннее сближение вплоть до симбиоза становилось даже модным, затронув и семейную сферу. Так, некоторые генуэзские семейные пары давали своим сыновьям имена монгольских правителей. В первую очередь, ильханы, с которыми генуэзцы имели наиболее регулярные торговые связи, являлись для них образцом[105]. Так появились следующие имена: Алаоне (от Хулагу), Кассано (от Газана), Абага (от Абака), Аргонус (от Аргуна[106]). Со временем оформились такие тесные контакты, что дож Генуи счел необходимым принять против этого официальные меры. В одном из статутов по этому поводу говорилось следующее: «Из–за братания и связи, которые образовались между гражданами Генуи и одной

их части с императором татар и его подчиненными и его баронами (!) городу Генуе и городу Кафе наносятся значительные убытки, прежде всего из–за того, что татары через этих граждан выведывают секреты»[107].

В центре интересов, которые связывали, с одной стороны, генуэзские власти и население города Кафы, очень пестрое в этническом и культурном отношении, и части Монгольской империи, с другой стороны, стояли взаимные торговые отношения и товарообмен с Востоком. До 70–х годов 14 в. монгольские законы (Pax Mongolica) гарантировали открытость и безопасность торговых путей на Восток. Привлекательность Причерноморья, в том числе и генуэзских, и венецианских портов для транзитной торговли с Востоком возрастала в связи с этим в значительной степени[108].

Еще Карпини в 1245 г. встречал венецианских купцов в Киеве, которые использовали торговые пути «к тартарам» (per Tartaros[109]). Уже в 13 в. генуэзские суда плавали по Каспийскому морю[110]. Даже церковь посчитала необходимым отказаться от первоначальной сдержанности по отношению к восточной торговли. В 1326 г. она разрешила генуэзцам торговать с татарами[111], более того, в 1329 г. миссионерам, отправлявшимся в Самарканд и Индию, рекомендовалось выбирать путь по Дону и через Сарай[112].

Центральное значение имела, прежде всего, торговля с Восточной Азией. Так называемый Каталанский атлас 1375 г. изображает вблизи Сарая торговый караван, сопровождаемый надписью: «Этот караван вышел из Сарая, чтобы отправиться в Китай»[113].

Путь в Китай, по крайней мере в своей западной части был достаточно хорошо известен. Исключительно хорошо информированный Франческо Бальдуччи Пеголотти в своем уже упоминавшемся выше труде «Pratica della Mercatura» (1338 г.) давал купцам детальные советы, которые должны были облегчить их путешествие. Кроме всего прочего он рекомендовал им брать с собой тюркоязычных переводчиков и слуг, «хорошо говорящих на куманском языке. И если купец хочет взять с собой в путешествие женщину с Дона, то это уже на его усмотрение: если он не захочет ее брать, он ничего не потеряет, но все же лучше взять с собой, чем не брать. Но если он ее берет, то она, как помощница, должна говорить по–кумански.

На отрезок пути от Дона до Гиттаркана (Астрахани) нужно иметь провианта на 25 дней, прежде всего, муку и соленую рыбу, так как мяса он в достаточном количестве может найти в любом месте на своем пути. То же самое и в других местах, по которым ты будешь проходить из страны в страну. Уместно рассчитывать именно на такое количество дней и обеспечить себя мукой и соленой рыбой, так как все остальное, особенно мясо, ты найдешь по дороге в достаточном количестве.

(Так как) путь от Дона до Китая и днем, и ночью очень безопасен – как сообщают купцы, прошедшие его…. Это значит, что путь от Дона до Сарая не так безопасен, как остальная часть пути. Но если иметь шестьдесят человек, то можно пойти и по самому плохому маршруту и чувствовать себя как дома»[114].

Сообщения путешественников и карты мира доказывают, что средиземноморские купцы в позднем средневековье имели также обширные сведения о северных степных регионах, которые фигурировали в них под общим названием «Та(р)тария».

Картину, которую представляли на Западе о стране татар, можно в целом описать следующим образом. После 13 в. Карпини, а вслед за ним Винценц Бовэ определили лишь центральную часть монгольских земель «in partibus Orientis» как Тартарию[115]. С 70–х годов 13 в. это имя употреблялось в отношении всей Монгольской империи, границы которой на востоке, как и у прежней Скифии[116], простирались до самых отдаленных областей Азии и проходили по северным пределам Евразии. Согласно «Libro del Conoscimento» («Книга познания») анонимного испанского автора, написавшего свой труд в 1348 г., Тартария охватывала четверть всей земли[117]. По мнению автора, Тартария включала в себя половину Азии, а Азия и есть половина всей земли[118].

Последнее объяснение этому термину дал в 1400 г. архиепископ Иоанн III из Султании (Персия) в своей «Книге о познании мира». Иоанн, который, очевидно, хорошо представлял географию Азии, упоминал государство «Magna Tartaria», которое на востоке простиралось до Китая и было идентично Кумании[119]. Его представление о землях, подчиненных «тартарам», совпадало с термином, применявшимся восточными авторами – Дашт–и Кипчак («Кипчакская степь[120]).

Картографы частично восприняли эту картину. Создатели так называемых моденских и веллетрийских карт 15 в., а также Мартин Бехайм (1492 г) и Хенрикус Мартеллус Германус (1489 г.) восприняли представление о Великой Та(р)тарии, простиравшейся до Восточной Азии[121].

С распадом Монгольской империи постепенно укоренялось совершенно иное, более ограниченное территориально представление о Та(р)тарии, которое было направлено на север, но включало и западные территории империи и локализировало ее в приграничье Европы и Азии. Такую, наиболее четкую картину дал армянин Хетум, который идентифицировал Та(р)тарию с Золотой Ордой[122].

Ему следовал Марино Санудо, составивший в 1335 г. описание земель «от Тартарии до северных пространств» и определивший ее как страну, правителем которой являлся Хузбекко (Узбек, хан Золотой Орды в 1313–1341 гг.[123]). По мнению Иосафата Барбаро, территория Та(р)тарии на востоке ограничивалась Волгой[124], в то время как картограф Фра Мауро (1459 г.) придерживался точки зрения, что страна татар локализировалась в степях северного Причерноморья[125].

Западные путешественники до середины 15 в. проявляли интерес лишь к южным степям и лесостепным зонам «Та(р)тарии». Северная лесная зона между Волгой и Уралом была им почти незнакома и не существовало подробных ее описаний. Внимание чужеземных купцов, очевидно, было направлено на торговые отношения между Западом и Востоком, маршруты которых проходили по открытым степным ландшафтам до Китая, в то время как волжская торговля (рабы, меха, воск и др.) находилась преимущественно под контролем местных (татарских, булгарских, русских, армянских) торговцев. К тому же центр государства располагался в нижнем течении Волги, т.е. в степной зоне и вдобавок ко всему непосредственно на торговом пути, соединявшем Восток с Западом[126].

Только политический упадок и распад Золотой Орды, политическое наследие которой восприняли так называемая Большая Орда в Нижнем Поволжье, Казанское, Крымское и в какой–то степени Астраханское и Сибирское ханства, основательно изменили ситуацию. Совершенно очевидно, что венецианские, генуэзские и другие купцы искали контакты с новыми государственными обра-

зованиями, особенно с Казанским ханством.

Новая ориентация явственно прослеживается в тогдашних картах и сообщениях путешественников. Уже в 14 в. отдельные сведения о Среднем Поволжье и Прикамье достигли причерноморских портов[127]. Количество топографических сведений о Среднем Поволжье на картах значительно увеличилось после появления карты мира Фра Мауро (1459 г.), признававшегося современниками как «geographus incomparablis», первым поставившего под вопрос птолемеевскую картину мира[128].

Три десятилетия спустя появилось первое на Западе подробное сообщение о ханстве и о городе Казани, которое венецианский купец и дипломат приложил к описанию своего путешествия на Дон (1436–1442 гг.[129]). Барбаро, написавший свой труд в 1488–1489 гг., по его собственному замечанию, был хорошо осведомлен об описываемых странах и народах[130]. Хотя сам он никогда не бывал в Казани и ее окрестностях, при описании тамошних отношений он опирался на свидетельства очевидцев, которые знали эту страну не понаслышке и обладали достаточными языковыми познаниями, чтобы реально оценить ситуацию. Так, они не только были в состоянии этимологически правильно связать происхождение названия «Казань» с татарским словом «котел», но и оказались хорошо информированными о политических отношениях между Московским княжеством и Казанским ханством в 80–е годы 15 в.[131]

Через таких людей Барбаро получил, например, сведения, подтверждаемые и русскими источниками, об успешной попытке Ивана III вмешаться в борьбу за престол в Казанском ханстве и посадить на трон дружественного Москве хана Мухаммед Эмина[132]. Барбаро было также хорошо известно, что Казань в то время уже являлась одним из важнейших торговых центров Поволжья. Можно предполагать, что информаторами нашего автора были венецианские торговцы, которые приезжали в Казань для торговли мехами и неплохо знали положение на рынке. Утверждение Барбаро о том, что меха из Улуса Чагатая[133], т.е. из прежних северных районов этого государства в Сибири и из страны «Моксель» (мордвы–мокша) через Казань поступают в Москву, Польшу, Пруссию, Фландрию, происходит от венецианцев[134].

Венецианские купцы, которые с 13 в. поставляли меха через черноморские порты, Брюгге или с помощью немецких торговцев из дома «Форндако деи Тедески» в Венеции[135], с конца 70–х годов выражали недовольство сложившимся положением. После завоевания Новгорода в 1478 г. и военной интервенции против Казани Москва серьезно угрожала захватить контроль над важнейшими пушными рынками и установить здесь собственную монополию. По всей видимости, в тех условиях венецианцы пытались установить непосредственные контакты с Казанью и соседней мордвой как торговыми партнерами. Сообщение Барбаро приобретает дополнительную ценность и из–за того, что здесь описан обряд жертвоприношения лошади – магический ритуал, распространенный у многочисленных этносов северной Евразии[136].

Наиболее ценные и исчерпывающие сведения о России и татарах в 16 в. содержит сообщение о путешествии барона Сигизмунда Герберштейна, впервые опубликованное в 1549 г. Австрийский посланник, который по поручению императора Максимилиана I, императора Карла V и его брата – регента Фердинанда I дважды посетил Великое княжество Московское в 1516–1518 и 1526 гг., посвятил татарам отдельную, объемную главу[137]. В своем описании автор не только опирается на ранее известные, прежде всего, венгерские и польские источники[138], но использует русские летописи и свидетельства современников[139]. Его высказывания вследствие этого отличаются высокой степенью аутентичности.

Хотя Герберштейн не избегает стереотипов и, например, цитирует пророчества Псевдомефодия, он все–таки сознательно избегает некритической передачи сомнительных легенд и изображений сказочных существ и звероподобных монстров. Бесполезно искать в его сочинении паразитов, кинокефалов, троглодитов и антропофагов[140].

Поэтому информация, которую приводит австрийский посланник, и сегодня заслуживает внимания. Сообщает ли он о кулинарных привычках и одежде татар[141], или о поразившем его искусстве верховой езды, их вооружении и военной тактике, обращавшей врагов в бегство[142], почти всегда его данные оказываются достоверными и выдерживают критическую проверку. Проливает свет на самосознание татар и следующее замечание Герберштейна: «Все

татары являются мусульманами, но они не желают называть себя турками, это они считают для себя оскорблением»[143].

Бросается в глаза стремление хрониста передавать сведения объективно и дифференцированно, например, когда он отклоняет русский тезис о готском происхождении половцев и напоминает: «Автор, занимающийся татарами, должен, говоря об их происхождении, учитывать многие народы»[144]. Только иногда у Герберштейна просвечивает русская интерпретация, когда он пишет о татарах: «Они не знают ни права, ни справедливости»[145], или пренебрежительно отзывается об их правилах приема пищи[146].

Нередко непосредственно вслед за критикой следуют и слова признания. Так, татары по наблюдениям Герберштейна хотя и имеют «жирное лицо и злые, глубоко посаженные глаза»[147], но они «…сильны и мужественны»[148]. Хотя «они ненавидят мир, но они не ведут гражданской войны, разве только тогда, когда их князья не сходятся во мнениях»[149].

Иногда со стороны автора можно наблюдать и невольную, скрытую симпатию по отношению к татарам, когда, например, он передает разговор одного русского с татарским военнопленным: «Татары проживают на равнине и не знают установленных границ друг с другом. Однажды один русский взял в плен тучного татарина и спросил его: «Ты, собака, почему ты такой жирный, хотя у тебя нет никакой пищи?» Пленник возразил ему: «Почему это у меня нет никакой пищи? Моя страна простирается от самого восхода солнца до заката и может меня прокормить. Я полагаю, что ты сам никогда не бываешь сыт, потому что живешь в маленькой стране и должен постоянно воевать за нее»[150].

Также позитивно высказывается Герберштейн о народах, помогавших татарам: «Черемисы (мари) и чуваши – самые лучшие стрелки в татарских отрядах. Чуваши к тому же прекрасные и опытные моряки»[151]. Он знает и о разнице между татарами–кочевниками и жителями Казани. Так как татары, живущие здесь – «культурнее и вежливее, чем все остальные. Они обрабатывают свои поля, живут в крепких домах и занимаются торговлей»[152].

В целом Герберштейн предстает как проницательный наблюдатель и автор, тщательно взвешивающий свои мысли. Не в последнюю очередь широкое распространение его труда, так же, как

и сообщения других европейских хронистов позднего средневековья и раннего нового времени (Барбаро, Контарини, Михов, Энеа Сильвио Пикколомини и др.), пытавшихся представить татарский мир, способствовали тому, что память о татарах в Европе продолжала жить и после русского завоевания Казани (1552 г.) и Астрахани (1556 г.[153]).

Литература

1. Die erste Nowgoroder Chronik nach ihrer ältesten Redaktion. Synodalschrift 1016–1333/1352 Ed. J. Dietze, Leipzig 1971, fol. 95 v., S. 94.

2. Dialogus miraculorum, ed. J.Strabge. II, Köln 1851, S. 250 f.

3. H.Euler:Die Begegnung Europas mit den Mongolen im Spiegel abendländischer Reiseberichte. In: Saeculum 23 (1972), S. 50

4. Genesis 16, 10–12; 21,20.

5. Buch der Richter Idc 6, 1–5; 7,12; 8, 22–24.

6. Jeremias I,17; Ez. 38 f.; Offb.20, 7 f.

7. Antiqu. I,6,1; Bell. Iud. 7,7,4.

8. Сравни, например: R.Manselli: I popoli immaginari: Gog e Magog. In: Settimane di studio del centro italiano di studi sull Alto Medioevo: XXIX, Popoli e paesi nella cultura alto–medievale. Spoleto 1983, S. 487–517.

9. A.Klopprogge: Ursprung und Ausprägung des abendländischen Mongolenbildes im 13. Jahrhundert. Wiesbaden 1993, S. 48–50. См. здесь карту № 1.

10. Historia Scholastica, Migne PL (=Patrologia Latina), col. 1498.

11. Rudolf von Ems: Alexander. Ein höfischer Versroman des 13. Jahrhunderts, ed. V.Junk. Darmstadt 1970, S. 578 ff.

12. Theiner, A.: Vetera monumenta historica Hungariam sacram illustrantia. I, Roma 1859, S. 188, Nr. 348.

13. Matthaeus Parisiensis: Chronica Maiora IV (Rolls Series 57), IV, S. 119.

14. Ebda.

15. A.–D.von den Brincken: Das geographische Weltbild um 1300. In: P.Moraw (Hg.): Das geographische Weltbild um 1300. (Zeitschrift für historische Forschung. Beiheft 6). Berlin 1989, S. 9–32.

16. Ebda. S. 14–16. См. также: L.Bagrow – R.A.Skelton: Meister der Kartographie. Berlin 1963, S. 52–54. Здесь также см. карту № 2.

17. Brincken: Das geogr. Weltbild S.15.

18. Lucidarius. Aus der Berliner Handschrift, hg. v. F.Heidlauf. Deutsche Texte des Mittelalters. Bd. XXVIII. Dublin, Zürich 1970, S.9.

19. The Old English Orosius, ed. by J.Bately, Early English Text Society,

SS 6. London 1980.

20. Strabon XI, 507.

21. Iordanes: De origine actibusque Getarum 17.

22. Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum II, 18–19, ed. R.Buchner. Darmstadt 1961.

23. Chronica Slavorum, I, 1, 20–23, ed. H.Stoob. Darmstadt 1973, S. 34.

24. Chronicon. MGH SS XX, S. 233.

25. H.Göckenjan: Skythen, Skythien. In: Lexikon des Mittelalters, VII. München 1995, S. 1999–2000.

26. Gesta, ed. R.Buchner, S. 456, 468.

27. Brincken: Das geogr. Weltbild S.15; см. также: J.Fried: Auf der Suche nach der Wirklichkeit. Die Mongolen und die europäische Erfahrungswissenschaft im 13. Jahrhundert. In: Historische Zeitschrift 243 (1986), S. 304, Anm. 72.

28. T.Skulina–W.Swoboda: Wolga. In: Slownik Starożytnoscich Slowiańskich VI, 1977, S. 568–571.

29. G.Székely: Les contacts entre Hongrois et Musulmans aux IXe–XIIe siècles. In: The Muslim East. Studies in honour of Julius Germanus. Budapest 1974, S. 53–56; L.Ligeti: A magyar nyelv török kapcsolatai a honfoglalás elött és az Arpád–korban (Тюркские сочетания в венгерском языке в период обретения родины и во время правления Арпадов). Budapest 1986, S. 385–386.

30. Ryccardus de Sancto Germano: Chronica. In: Rerum Italicarum Scriptores VII, 2. Roma 1936–1938, S. 209 f.; MGH SS XXIII, S. 912.

31. H.Göckenjan–J.R.Sweeney: Der Mongolensturm. Berichte von Augenzeugen und Zeitgenossen. Graz, Wien, Köln 1985 (Ungarns Geschichtsschreiber 3), S. 32.

32. Источники см. в кн.: H.Göckenjan –J.R.Sweeney: Der Mongolensturm S. 190 f.

33. B.Altaner: Die Dominikanermissionen des 13. Jhdts. Habelschwerdt 1924, S. 143–145.

34. H.Göckenjan–J.R.Sweeney: Der Mongolensturm S. 74. Оригинал на латинском языке см.: H.Dörrie: Drei Texte zur Geschichte der Ungarn und Mongolen: Die Missionsreisen des fr.Julianus O.P. ins Uralgebiet (1234–1235) und nach Rußland und der Bericht des Erzbischofs Peter über die Tartaren. Göttingen 1956, S. 151–152.

35. Scriptores rerum Hungaricarum, ed. E.Szentpétery. I, Budapest 1937, S. 141–145, 245–253.

36. H.Göckenjan–J.R.Sweeney: Der Mongolensturm, S.79–81, 108.

37. H.Gockenjan–J.R.Sweeney: Der Mongolensturm, S.78; Dörrie: Drei

Texte, S. 156.

38. См., например: Биляр – столица домонгольской Волжской Булгарии.– Казань, 1991; Генинг В.Ф.; Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге.– М., 1964; Фахрутдинов Р.Г. Очерки по истории Волжской Булгарии.– М., 1984; Халиков А.Х. Монголы, татары, Золотая Орда и Булгария. – Казань, 1994; Хузин Ф.Ш. Великий город и монгольское нашествие // Волжская Булгария и монгольское нашествие.– Казань, 1988.

39. Древний Булгар (Бряхимов–Ибрагим) на месте слияния Волги и Камы был взят в 1164 г. великим князем Андреем Боголюбским, после чего булгары были вынуждены перенести свою столицу в Биляр. О площади города см.: Хузин Ф.Ш. Великий город, с. 44–45. Автор склонен считать, что в городе проживало до 100 000 жителей. (Там же).

40. H.Göckenjan–J.R.Sweeney: Der Mongolensturm S. 80 f.

41. B.Spuler: Die Mordvinen. Vom Lebenslauf eines volgafinnischen Volkes. In: Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft 100 (1950), S. 90–111, здесь S.92

42. Rerum Moscovitarum Commentarii Sigismundi Liberi Baronis in Herberstein … Basileae 1571 (Nachdruck Frankfurt am Main 1964), S. 65; G.Fletcher: Of the Rus Commonwealth. Ithaca, NY 1966, S. 98–103.

43. I.Zimonyi: Magna Hungaria. In: Korai magyar történeti lexikon. 9–14 század (Лексикон ранней венгерской истории, 9–14 вв.). Budapest 1994, S. 422 f.

44. Ebda. S. 423.

45. H.Göckenjan–J.R.Sweeney: Der Mongolensturm S. 101.

46. H.Göckenjan–J.R.Sweeney: Der Mongolensturm S. 107.

47. G.A.Bezzola: Die Mongolen in abendländischer Sicht (1220–1270). Ein Beitrag zur Frage der Völkerbegegnungen. Bern, München 1974, S. 57–105.

48. Сравнения даны в кн.: L.Bendefy: Az ismeretlen Julianusz (Неизвестный Юлиан).Budapest 1936, S. 136–173.

49. «Hoc quod dixi de terra Pascatur (Magna Hungaria), scio per fratres Praedicatores, qui iverunt illuc ante adventum Tartarorum». Sinica Franciscana (SF) Itinera et relationes fratrum minorum saeculi XIII et XIV. Ed. P.A. van den Wyngaert. Quaracchi I, S. 220.

50. Цит. по кн.: J. Fried: Auf der Suche nach der Wirklichkeit, S. 291.

51. Matthaeus Parisiensis: Chronica maiora (Matth. Paris. CM) RS 57, I–VII. 1872–1883; здесь CM III S. 488.

52. H.Göckenjan–J.R.Sweeney: Der Mongolensturm S. 140.

53. О личности архиепископа Петра см.: Dörrie: Drei Texte S. 185–187; Bezzola: Mongolen S. 110–118.

54. Dörrie: Drei Texte S. 193–194.

55. J. Fried: Auf der Suche nach der Wirklichkeit, S. 315–318; J.Gießauf: Die Mongolengeschichte des Johannes von Plano Carpine. Graz 1995, S. 31–34.

56. Dörrie: Drei Texte S. 187–194.

57. «Люди–собаки» – V, 13 SF. I, S. 60; «Троглодиты»– V, 16 SF. I, S.62; «Паразиты» – V, 30 SF. I, S 73. См. также: J. Fried: Auf der Suche nach der Wirklichkeit, S. 320 f.; J.Gießauf: Die Mongolengeschichte, S. 161, Anm. 453; S. 163, Anm. 455; S. 178, Anm. 502.

58. Ebda.

59. IV, 1–11; VI,1–17; SF I, S. 45–51, 76–84.

60. Simon de Saint–Quentin: Histoire des Tartares, ed. J.Richard, DRHC 8, 1965, XXX, 77, S. 38.

61. IV, 7 SF. I, S.47 f.; J.Gießauf: Die Mongolengeschichte S. 146, Anm. 405.

62. VI, 11 SF.I,S. 50 f.; Сравни: Bezzola: Mongolen, S. 143.

63. IV, 1–3 SF. I, S. 45 f.

64. «Predictus autem Bati hominibus suis est satis benignus, timetur tamen valde ab eis; sed crudelissimus est in pugna, sagax est multum et etiam hastutissimus in bello, quia longo tempore iam pugnavit». IX, 17 SF. I, S. 110.

65. The Successors of Genghis Khan, translated from the Persian of Rashid al–Din by J.A.Boyle. New York 1971, S. 107; Das Mongolische Weltreich. Al–'Umaris Darstellung der mongolischen Reiche… hrsg. von K.Lech. Wiesbaden 1968, S. 100, 101; *Tabakāt–i–Nāsirī*: A general history of the Mohammedan Dynasties of Asia… Translated by H.G.Raverty. London 1881, S. 1171 f.

66. Салимбене из Пармы так передает мысль Карпини: «Item dixit nobis idem frater Iohannes … quod Tattari appellantur, non Tartari». Chronica MGH SS SS 32, S. 206 f.; см. также: Fried: Suche nach der Wirklichkeit S. 294 f.; F.Schmieder: Europa und die Fremden. Sigmaringen 1994, S. 22 f.

67. Bezzola: Mongolen S. 171, Anm. 293.

68. Bezzola: Mongolen S. 170, 174.

69. Ebda. S. 121.

70. V, 2 SF. I, S.51.

71. V, 2 SF. I, S. 52 f.

72. IX, 49–51; SF. I, 128 f.;см. также: J.Becquet – L.Hambis: Jean de Plan Carpin: Histoire des Mongols. Paris 1965, S. 12–18.

73. VIII, 15 SF. I, S. 100; J.Gießauf: Die Mongolengeschichte S. 204.

74. I, 14 SF I, S. 171; IX, 1 SF. I, S. 177.

75. XXXVIII, 23, SF. I, S. 321; III, 1 SF. I, S.177.
76. XXVIII, 12, 16 SF. I, S. 248–250.
77. XXXVIII, 2 SF. I, S. 290; XXXIV, 6 SF. I, S. 299 f.
78. SF. I, S. 93–101.
79. XXXV SF. I, S.300–305.
80. VII, 9 SF. I, S.88–90; IX, 20 SF. I, S.111 f.
81. XIV, 1–3 SF. I, S. 198–200.
82. IX, 20 SF. I, S.111.
83. XXI, 5 SF. I, S.220.
84. Géographie d'Aboulféda traduite de l'Arabe en Français par Reinaud. II, Paris 1848, S. 81, 284, 323–325.
85. J.Tardy: A contribution to the Cartography of the Central and Lower Volga Region. In: A.Róna–Tas (Hg.) Chuvash Studies. Budapest 1982, S. 190, здесь: «borgar».
86. P.Pelliot: Notes on Marco Polo. I, Paris 1959, S. 99.
87. VII, 9 SF. I, S.89.
88. Сравни: J.Gießauf: Die Mongolengeschichte S. 178, Anm. 501.
89. I. Zimonyi: Baskir–magyar kapcsolatok (Башкирско–венгерские связи). In: Korai magyar történeti lexikon (9–14 sz.). Budapest 1994, S. 84 f.
90. Ebda.
91. I.Vásáry: The linguistic aspect of the „Bashkiro–Hungarian complex». In: AEMA V (1985), S. 205–232.
92. Zimonyi: Kapcsolatok S. 84 f.; A. Róna–Tas: A honfoglaló magyar nép (Венгерский народ, обретающий родину). Budapest 1996, S. 223–226; P.B.Golden: An Introduction to the History of the Turcic Peoples. Wiesbaden 1992, S. 397–399; Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа.– М., 1974, с. 393, 427; L.Ligeti: A magyar nyelv török kapcsolotai (Тюркские заимствования в венгерском языке). Budapest 1985, S. 396–400.
93. Fried: Suche nach der Wirklichkeit S. 321.
94. XVII, 2 SF. I, S. 206.
95. Petrus de Alliaco (Pierre d'Ailly): Imago mundi. Ed. E. Buron. Paris 1930, S. 454; F.Schmieder (Hg.): Johannes von Plano Carpini, Kunde von den Mongolen 1245–1247. Sigmaringen 1997, S. 26, Anm. 26.
96. Alberto Alfieri: Ogdoas. Ed. A. Ceruti, in: Atti Ligure 17 (1885), S. 253–320; Сравни: F.Schmieder: Europa und die Fremden, S. 303.
97. M.Balard: Caffa (Kaffa). In: Lexikon des Mittelalters II, München, Zürich 1983, S. 1371.
98. F.E.Reichert: Begegnungen mit China. Sigmaringen 1992, S 80.
99. Bibliotheca Riccardiana zu Florenz Ms. 2441.
100. Marco Polo: Milione. Ed. L.F.Benedetto. Firenze 1928, cap. VII, S. 6.

101. Rubruk III, 1 SF: I, S. 188.

102. Riccardus 1,8: Dörrie: Drei Texte S. 152; Göckenjan–Sweeney: Mongolensturm S. 74.

103. F.Schmieder: Europa S. 159, Anm. 430.

104. Jacopo s'Acqui OP: Chronica ymaginis mundi, ab OC – 1290. In: Scriptores III, Torino 1840, Sp. 1558.

105. Об отношениях Генуи с государством ильханов см.: B.Spuler: Die Mongolen in Iran. Berlin 1968, S. 229, 435.

106. Schmieder: Europa S. 160, Anm. 431.

107. Statuto di Caffa. c. XLVII. In: Atti Ligure 7, 2 (1879), S. 636 f.

108. Schmieder: Europa S. 154 f.

109. IX, 51, SF. I, S. 129.

110. J.Richard: Les navigations des occidentaux sur l'Océan Indien et la mer Caspienne. In: Orient et Occident au Moyen Age. London 1976, XXXI, S. 354–363.

111. Schmieder: Europa S. 162.

112. Ebda.

113. См. карту № 4.

114. Francesco Balducci Pegolotti: La Pratica della Mercatura. Ed. A. Evans. Cambridge, Mass. 1936, S. 21–23. Сравни здесь карту № 3.

115. I, 3 SF. I, S. 29; Vincentius Bellovacensis: Speculum maius IV (= Speculum historiale). Douai 1624, Neudruck Graz 1965, XXXI, 2, S. 1286.

116. О средневековых европейских представлениях относительно Скифии см.: Slownik Starożytności Slowiańskich V (1975), S. 101–119; H.Göckenjan: Skythen, Skythien. In: Lexikon des Mittelaters VII, München 1995, S. 1999–2000.

117. Cap.9, 12 SF. II, S. 570; Schmieder: Europa, S. 299, Anm. 525.

118. Ebda.

119. Johannes III. von–Sultānīya: Libellus de notitia orbis. Ed. A.Kern; in: Archivum Fratrum Praedicatorum VIII (1938), S. 106.

120. Das Mongolische Weltreich, ed. K.Lech S. 145.

121. Tardy: Cartography S. 179–236; Schmieder: Europa S. 299, Anm. 526.

122. Haytonus: Flos historiarum terre Orientis. In. Recueil des Historiens des Croisades. Documents Arméniens II, Paris 1906, S. 264 f.

123. Lettres inédites et mémoires de Marino Sanudo l'Ancien, ed. L.Dorez et Ch. de la Ronciere. In: Bibliothèque de l'Ecole des Chartes 56 (1895), S. 38.

124. Giosafat Barbaro: Cose vedute ed aldite in due viaggi fatti, uno alla Tana ed uno in Persia. Ed. in: L– Lockhart, R.Morozzo della Rocca,

M.F.Tiepolo: Viaggi in Persia degli ambasciatori veneti Barbaro e Contarini. (Il Nuovo Ramusio VII), Roma 1973, S. 68 f.

125. Il mappamondo di Fra Mauro, ed. T.Casparrini Leporace. Venezia 1956, Tavola XXXIV. Здесь см. карту № 4.

126. K.Heller: Russische Wirtschafts– und Sozialgeschichte. Die Kiever und die Moskauer Periode. Darmstadt 1987, S. 186–191; Саркова И.С. Россия и Италия: торговые отношения XV – первой четверти XVIII вв.– Л., 1981, с. 39–46; Spuler B.: Die Goldene Horde. Die Mongolen in Rußland 1223–1502. Wiesbaden 1965, S. 388–409; I.Vásary: Az Arany Horda (Золотая Орда). Budapest 1986, S. 248–257.

127. Tardy: Cartography S. 181–188. Эти сведения автор данных строк предполагает исследовать в отдельной статье.

128. Mappamondo di Fra Mauro, Tavola XL. S. 62 f.; Tardy: Cartography S. 188–205.

129. Barbaro: Viaggi S. 98–100.

130. Ebda.

131. Ebda.

132. ПСРЛ. 18 (1913), с. 220–222; 271; J.Pelenski: Russia and Kazan: Conquest and Imperial Ideology. (1438–1560). The Hague 1974, S. 30–35.

133. Barbaro: Viaggi S. 99. Здесь речь идет о регионе между верхними течениями рек Иртыша и Оби.

134. Ebda.

135. R.Delort: Un aspect du commerce vénetien au XVe siècle: Andrea Barbarigo et le commerce des fourrures (1430–1440). In: Le Moyen Age 71 (1965), S. 69–70.

136. W.Radloff: Aus Sibirien. II. Leipzig 1893, S.20–50; W.Schmidt: Das Himmelsopfer bei den inerasiatischen Pferdezüchtervölkern. In: Ethnos VII (1942), S. 127–148; J.A.Boyle: A Form of Horse Sacrifice amongst the 13th and 14th Century Mongols. In: Central Asiatic Journal X (1965), S. 145–150.

137. Rerum Moscovitarum commentarii. Basileae 1571. Cap.: De Tartaris S. 86–103.

138. См., например, отрывки из «Жизни святого Ладислауса» в «Chronici hungarici compositio saec. XIV» SS. Rer. Hung. I, cap 103; Герберштейн упоминает два сочинения польского хрониста Матвея Меховского (около 1457–1523) «Tractatus de duabus Sarmatiis» (1517) и «Chronica Polonorum» (1518).

139. Herberstein: Commentarii S.86.

140. См. выше текст настоящей статьи.

141. Herberstein: Commentarii S. 89, 90.

142. Ebda. S. 90.

143. Ebda. S. 88.
144. Ebda. S.87.
145. Ebda. S. 90.
146. Ebda. S.89.
147. Ebda. S. 89.
148. Ebda. S. 89.
149. Ebda. S. 91.
150. Ebda. S. 91.
151. Ebda. S. 91.
152. Ebda. S. 91.
153. A. Kappeler: Ivan Groznyj im Spiegel der ausländischen Druckschriften seiner Zeit. Ein Beitrag zur Geschichte des westlichen RuBlandbildes. Bern, Frankfurt a/M 1972, S. 107–109, 217–220.

Клаус Хеллер

Золотая Орда и торговля с Западом*

1. Домонгольское время.

Задолго до монгольского времени существовала регулярная дальняя и транзитная торговля между Востоком и Западом по евразийским степям вдоль Каспийского и Черного морей, которая соединяла Восточную Европу, Среднюю Азию, Монголию и Китай[1]. Волжская область была при этом уже тогда точкой пересечения важнейших торговых путей между Востоком и Западом. Это касается, в частности, Среднего Поволжья, где государство волжских булгар в 10 веке не только контролировало эту дальнюю и транзитную торговлю, но и обеспечивало ее экспортными товарами. «Волжские булгары охраняли торговые пути и свои города, прежде всего, Булгар, ставшие после падения Хазарского каганата в 10 веке ключевыми в транзитной торговле между Восточной и Северной Европой и Востоком. Арабские, среднеазиатские, армянские и византийские купцы покупали здесь рабов и меха и предлагали скандинавским и славянским торговцам благородные металлы, оружие и предметы роскоши. В 11–12 вв. значение дальней торговли по Волге снизилось, но Волжская Булгария оставалась посредником между Западом и Востоком»[2].

Еще в 9–10 вв. существовала регулярная дальняя и транзитная торговля между скандинавами и Средней Азией по Волге[3] . Из главных перевалочных пунктов этой разветвленной торговли нужно, в первую очередь, упомянуть хазарский Итиль на Нижней Волге и булгарский Булгар на Средней Волге, откуда скандинавские торговцы экспортировали вывозимые из Восточноевропейской низменности на Восток рабов, пушнину, янтарь, воск и мед. Сюда же можно отнести такие транзитные западные товары, как франкские мечи и фризские ткани. Все это, главным образом, обменивалось на куфическое серебро (арабские дирхемы), а также на ценные шелковые и хлопковые ткани, пряности, серебряные и бронзовые сосуды.

* Перевод с немецкого Р.Р.Закировой под редакцией И.А.Гилязова

И после образования Киевской Руси транзитная и дальняя торговля продолжалась, о чем свидетельствуют многочисленные находки кладов с арабскими серебряными монетами вдоль Волги и ее притоков, а также в Готландии и Швеции[4] . К началу 11 века иссяк прилив куфического серебра в Скандинавию и Восточную Европу, хотя торговые связи Восточной Европы с Востоком через Булгар не угасли. Это привело лишь к заметному ослаблению торговли между Востоком и Западом к середине 12 века [5].

Главный приток дирхемов шел между 825 и 980 гг. из находящейся под арабским господством Средней Азии в Северную и Восточную Европу. Он начал приостанавливаться примерно в то время, когда арабы потеряли контроль над территорией севернее Каспийского моря с ее богатыми серебряными рудниками из–за наступающих на Запад кочевников[6].

Не в последнюю очередь причиной этих новых набегов кочевников было то, что ни Киевская Русь, ни Волжская Булгария не смогли стать преемником Хазарского каганата, который был разгромлен киевским князем Святославом в 964–968 гг. Pax Chazarica не стал ни Pax Russica, ни Pax Bulgarica, так что интернациональная торговля через евразийские степи не была стопроцентно защищена, ни Киев, ни Булгар не были в состоянии установить гегемонию в регионах к северу от Черного и Каспийского морей. Кочевые орды печенегов, половцев, торков представляли поэтому постоянную опасность для торговли между Востоком и Западом вплоть до падения Киевской Руси и Волжской Булгарии в результате монгольского нашествия в 13 веке.

С падением и разрушением хазарских торговых центров на нижней Волге (Итиль) и на нижнем Дону (Саркел) важнейшим транзитным пунктом восточно–западной торговли по Волжскому пути стал, однако, булгарский город Булгар, находящийся на Средней Волге. Прежде всего из арабских источников исходят сообщения о торговле в Булгаре. Они указывают на тесные отношения Волжской Булгарии со Средней Азией. Арабские купцы ездили сами в Среднее Поволжье и меняли там свои товары прежде всего на пушнину. Сюда относились также бобровая струя, как основной элемент для лекарств, и кость мамонтов и моржей. Все эти товары волжские булгары получали из районов западнее Урала,

Перми, легендарной арабской Вису, Биармии скандинавов. Из Волжской Булгарии вывозили мед, воск, рыбу (рыбий клей, белужьи пузыри), а также юфть, так как работорговля с 11 века не играла большой роли. Арабские купцы доставляли за это, наряду с дирхемами, шелковые и хлопковые ткани, золотую и серебряную посуду, украшения, бисер и лезвия для мечей, которые были для булгар важнейшим объектом обмена, (гарпуны) в торговле с северными и восточными финно–угорскими народами–охотниками[7].

2. Золотая Орда.

Со второй половины 12 века наблюдалась всеобщая раздробленность в Передней и Средней Азии (государство Сельджуков), но шах Хорезма, который разбил сельджуков и занял Хорасан и Самарканд (1220), образовал снова на краю тогдашнего исламского мира государство, исходя из желания обновления торговли между Востоком и Западом, где наряду с другими центрами как транзитный пункт и столица должен был играть ведущую роль Ургенч. Правда, процессу образования государства помешали монголы, которые оказались способными смирить центрально–азиатские районы и тем самым вновь обеспечить межконтинентальную торговлю. В течение 2–3 лет (1219–1221) Центральная Азия была завоевана Чингисханом, причем также крупные торговые города, как Самарканд, Бухара, Мерв, Ургенч были разрушены, хотя и снова скоро восстановлены[8] .

После монгольского нападения на Среднее Поволжье этот регион с середины 13 века до середины 16 века находился под господством Золотой Орды и ее преемников. Монголы были и оставались кочевниками, следствием чего было то, что для них торговля и контроль над ней имели большое значение[9] . Города Средней Волги смогли быстро оправиться от разрушений, полученных во время нападений, благодаря ожившей дальней и транзитной торговле между Востоком и Западом и пережить в 13–14 вв. даже свой расцвет.

Вместе со всеобщим кризисом Золотой Орды снизилось также экономическое значение Среднего Поволжья, а в конце 14 века начавшаяся борьба между преемниками внутри Орды привела скоро к расколу государства на различные орды со своими ханами. В

результате образовались ханства и на Средней Волге. Демографический и экономический вес бывшей Волжской Булгарии переместился в этой связи дальше на Север, где появился со временем новый центр власти – Казань[10].

С созданием Монгольской империи государства Передней и Средней Азии оказались под ее господством. Но благодаря этому снова со времени падения Хазарского халифата во второй половине 10 века вся дальняя и транзитная торговля по евразийским степям контролировалась единой силой и расцвела. Торговые связи соединили восточную и юго–восточную Европу и Черное море с Персией, Византией и Средиземноморьем, в степных районах наладилась оживленная торговля.

Крымская торговля с соседними приморскими странами не прекращалась никогда, но по Pax Mongolica появилась новая возможность для расширения на Юг и Восток. Монгольская империя снова открыла путь в Азию, так как вечные ссоры между ханами Золотой Орды и ильханами заканчивались тем, что страдала межконтинентальная торговля. Об этом заботились итальянские торговые республики Генуя и Венеция с их выгодными для ханов предложениями, прежде всего, при особенно доходной для татар работорговле. «Так со стороны Черного моря возникла связь не только с Китаем, но и с Индией, причем вне зависимости от России, которая находилась в подчинении Орде, исключая северо–западные области вокруг Великого Новгорода и Пскова, также экономически была ориентирована на юг»[11].

Уже в первые десятилетия 13 века важнейшие торговые города в Центральной Азии были подчинены монгольской власти и часть из них была полностью разрушена[12]. Сюда относятся Самарканд, Бухара, Мерв и Ургенч с 1219 по 1221 гг. В 1235 году была взята Гянджа, в 1239 Дербент, и за этим последовал почти весь Кавказ. Годом раньше на северо–западе был завоеван Булгар и на юго–западе Крым, в 1258 последовал Багдад. Монгольская империя простиралась от Багдада до Пекина, и от Булгара до Герата. Но вскоре она распалась на три больших части, охватывая Северо–восточную Русь, Волжскую Булгарию, Крым, юго–восточные степи, низовье Волги, Северный Кавказ до Дербента, северную часть Хорезма, степи от Каспийского и Аральского морей до Сыр–Да-

рьи. Сарай-Бату, Сарай-Берке и Ургенч стали столицами. Под татарским господством Бухара и Тебриз пережили время своего подъема. Это относится и к новым городам, таким, как например, Султания, находящаяся к югу от Тебриза, которая стала самым крупным рынком Ближнего Востока. Там пересекались пути из Кавказа и Малой Азии с Центральной Азией и Персидским заливом. В монгольское время этот город уже был знаком европейским купцам, которые приезжали туда за шелковыми и хлопковыми тканями. Это же относилось и к новым городам, которые были построены ханами Золотой Орды – оба Сарая в низовьях Волги, сооруженные один при Бату, другой при Берке. В 13–14 вв. они разрослись до крупнейших городов Восточной Европы. Сарай Берке с 200 000 жителями был одним из крупнейших городов тогдашнего мира[13].

Это была не только межконтинентальная торговля, которая проходила через большие расстояния и в которой главную роль играли предметы роскоши. К нему относился и подъем регионального, местного ремесла и промыслов. «Конечно, такой рост и такое развитие городов на основе растущего товарооборота между деревней, городом и степями кочевников происходили на базе расцветшего ремесла и караванной торговли»[14].

В этой связи называются товары из металла, шерстяные и шелковые материи из южного Кавказа, шелк и хлопок, ковры и кожа из Средней Азии, которые продавались как в Восточной, так и в Западной Европе. Товарообмен между Средней Азией и юго–восточной Европой достиг во второй половине 13 века и в 14 веке доселе невиданной интенсивности. «Уже сам факт существования таких крупных ремесленных и торговых центров, как Сарай–Бату и Сарай–Берке говорит об этом. Здесь, в обоих Сараях, концентрировались главные торговые операции, которые раскручивали караванные компании и в которых продавались и покупались товары из Китая, Средней Азии, Кавказа и Персии. Вклад среднеазиатского ремесла был при этом очень большим»[15].

С правлением хана Золотой Орды были тесно связаны иностранные купцы, которые были одновременно его советчиками и поэтому выполняли дипломатические и фискальные задания[16]. Большую роль в качестве торговых посредников играли сначала

греки, вклад армян был тогда также значительным. Генуэзцы и венецианцы, основывая поселения, в 1247 г. дошли до Киева и проникли вглубь страны, и тогда главным направлением их деятельности было, естественно, побережье Черного моря[17]. Сам кайзер Сигизмунд послал в 1412 г. послов к хану Золотой Орды, чтобы организовать торговлю из Каффы через Сарай в Кара–Корум в пользу Лемберга (Львова – прим. переводчика) и других городов[18]. В первую очередь эта, контролируемая Золотой Ордой, дальняя и транзитная торговля находилась в руках мусульманского купечества. Сюда относились прежде всего купцы из Бухары и Китая, булгары и татары с Волги и персы. Значительную роль сыграли индийские купцы, использовавшие для торговли с Восточной Европой в основном сеть караванных путей по территории современного Афганистана и Ирана, которые проходили через заселенные районы Центральной и Передней Азии[19].

2.1. Торговля с итальянскими черноморскими колониями.

Еще перед монгольским нашествием итальянцы включились в черноморскую торговлю. До тех пор, пока «латинские» императоры в качестве гарантов безопасности Венеции сидели в Золотом Роге, основная часть ее приходилась на город в лагуне. Когда греческий император Михаил Палеолог, поддерживаемый Генуей, с помощью флота в 1261 г. отвоевал Византию, Генуя получила все привилегии для торговли в городе императора и на побережье Черного моря, которыми раньше владели венецианцы. Поддерживаемая тесным союзом с греческими императорами, Генуя поднялась до господствующего положения в торговле на Черном море.

Большое значение для евроазиатской транзитной торговли играли города на северном побережье Черного моря. Большая часть экспорта из евроазиатских степей (Дешт–и Кипчак) шла через порты северного побережья Черного моря, до которых было легче добраться по суше. Поэтому там рано образовались большие итальянские торговые республики. Это относится прежде всего к Генуе, а также, в меньшей степени, к Венеции: Пиза принимала в черноморской торговле довольно скромное участие[20].

На северном побережье Черного моря возникли генуэзские колонии: Солдайа, (Сугдайа, Сурож, Судак) и Каффа (Феодосия)[21], находящиеся в Крыму, а также Тана (Танаис, Азаг, Азов), находящаяся в устье Дона, основанная в 1204 г. венецианцами и выкупленная в 1261 г. генуэзцами. Все эти итальянские колонии служили исходными пунктами для торговли с Русью и со Средней Азией. Тана была конечным пунктом торговли Золотой Орды. Венецианцы, которые в 1265 г. были допущены Михаилом Палеологом к торговле в Тане, обосновались с татарской поддержкой в 1333 г. в Тане; так что с тех пор генуэзская и венецианская колонии существовали там под татарским началом параллельно[22]. Оба итальянских приморских города, чья конкурентная борьба была такой сильной, что выливалась часто в военные конфликты, не смогли бы в 14–15 вв. без благословения хана Золотой Орды развить на северном побережье Черного моря собственную торговую активность. Татары были заинтересованы в итальянской черноморской торговле, но не только из–за налогов. Они снабжали итальянцев собственными товарами, особенно рабами, которые отправлялись морем из Каффы или Солдайи через Византию в Египет[23].

В 1266 г. Генуя получила от татар разрешение на основание колонии в Крыму в городе Теодосия (Феодосия), которая получила название Каффа. Хотя генуэзские колонии находились в сфере татарской власти, они пользовались правами самоуправления. Население города было пестрым, рядом с итальянцами встречались армяне, греки, татары, а также евреи – талмудисты и караимы[24].

Итальянским купцам удалось со временем получить в свои руки почти полностью всю западную торговлю Золотой Орды. Эта торговля концентрировалась прежде всего в Каффе, которая оказывала сильное влияние на соседние области. Генуэзцы вытеснили Византию и Пизу из черноморской торговли, но не имели большого успеха в случае с венецианцами.

Не всегда отношения между Генуей и Золотой Ордой были безоблачными, поэтому генуэзцы искали поддержку у ильханов в Персии и имели там также большие привилегии; даже корабли хана пересекали Черное море под генуэзским командованием. Хотя связи Генуи с врагами хана Золотой Орды предоставляли удобный случай Венеции вытеснить Геную из Сарая, это не имело ус-

пеха даже потом, когда в 1307 году Каффа была разрушена Золотой Ордой. Уже в 1313 г. генуэзцам было разрешено вернуться в восстановленную Каффу. При этом они даже смогли расширить свою сферу влияния на северное побережье Черного моря и сделать Каффу центром торговой сети на Черноморье и, таким образом, стать перевалочным пунктом в торговле с Востоком.

Каффа стала складом для шедших в Тану и Трапезунд восточных товаров, оба города были конечными пунктами двух крупных торговых путей из азиатских регионов, шелкового и пряного путей. Одновременно Каффа была главным пунктом товарооборота в работорговле из Дешт–и Кипчака в Египет и для товаров из степей и из Руси[25].

Так как Генуя претендовала на монополию в торговле в Причерноморье, у нее постоянно возникали конфликты с венецианцами и ханами Золотой Орды, которые шли войной и пытались преградить ей путь к восточной торговле[26].

В результате завоевательных походов Тимур–Ленга, которые в 1391 и 1395 гг. обрушились на кипчаков, привоз товаров из Золотой Орды ощутимо нарушился и западная торговля с этой империей затухала все заметнее и заметнее. И для генуэзцев в конце 14 века начался неудачный период. Хотя их торговые колонии и избежали нападения Тимур–Ленга, через полвека им пришлось пережить атаки османов. Мехмед II завоевал в 1461 г. Трапезунд, в 1475 г. Каффу и, наконец, Солдайю. В результате этого черноморские области, находясь под контролем Османской империи, выпали из западно–восточной торговли[27].

Венецианцы не смогли надолго обосноваться на северном побережье Черного моря. Они основали в Тане (Азов) свою торговую колонию. Возникали споры между ними, татарами и генуэзцами, пока в 1395 г. эта итальянская колония не попала в руки Тимур–Ленга. От этого удара колония не смогла уже отойти, хотя и получила от татарского хана Тохтамыша новые привилегии. Виной тому были татарские набеги в 1410 и 1418 гг. Венецианцы имели также торговые поселения в Солдайе, а также в Пантикапеуме (Фоспоро, Керчь), Копе (у древней Тьмутаракани, сегодняшней Кубани) и в Килие[28].

Наряду с Генуей и Венецией в черноморской торговле участво-

вала Пиза, которая в 1261 г. основала в устье Дона поселение Порто Пизано (предположительно у сегодняшней Синявки–Танаиса). Но оно было разрушено татарами в 1343 г. и уже не восстановлено[29].

Итальянские купцы вывозили из своих черноморских колоний прежде всего меха, шкуры и кожу, а также воск, ладан и квасцы. Ценные шелковые и хлопковые материи играли также большую роль. Сюда же относились вино, зерновые продовольственные товары и предметы роскоши. У татар покупали лошадей и соль, а также рабов, о которых уже шла речь[30].

2.2. Торговля с Великим княжеством Литовским.

В жесткой конкуренции с итальянскими торговыми республиками на Черном море и с Золотой Ордой находилась с середины 14 века сухопутная торговля через Литву. Ввозимые по этому пути в Восточную торговлю товары из Египта состояли, в первую очередь, из шелковых и хлопковых тканей, а также из пряностей, фимиама и душистых масел. Здесь осуществлялась также торговля скотом, лошадьми, кожей и оружием. «Шелка везли главным образом из Китая, пряности – из Индии. Животные и продукты животноводства оставались в основном в Литве, в то время как другие товары по суше попадали в Европу, и тем самым, грозили поставить в тень итальянскую торговлю»[31].

Благодаря своему продвижению на черноморское побережье Великому княжеству Литовскому удалось с 14 века непосредственно включиться в евроазиатскую дальнюю и транзитную торговлю. При этом возникали споры между Краковом и Львовом (Лембергом), так как последний стремился занять монополию в татарской торговле (1372 г.). Сильное сближение Литвы и Золотой Орды благоприятствовало товарообмену. Сначала Краков получил от Золотой Орды привилегии в торговле в 1372 г., которые возобновлялись до 1385 г. В 1379–80 гг. Львову предоставили право участвовать в этой торговле. Это приводило между ними к новым конфликтам, в которых польский король и литовский Великий князь Владислав II Ягайло (1400) занимали сторону Львова. Среди купцов этого маршрута было много татар, которые поселялись в литовских городах. Наряду с ними были армяне, которые получили

от Ягайло в 1402 году право торговать от лица Львова во всех его землях и по всей Литве[32].

Приобщение побережья Черного моря между Днепром и Днестром к литовской сфере влияния расширило и торговые возможности. Однако эти торговые связи недолго оставались открытыми из–за нарастающей вражды с Крымским ханством, так что уже на рубеже 15 и 16 вв. они сильно сократились[33].

2.3. Торговля с Русью.

В то время как северо–западные и западные районы Древней Руси после монгольского нашествия торговали больше с Западом, Юго–восточная и Центральная Русь ориентировалась на юг и юго–восток. Речь идет прежде всего о Владимиро–Суздальской земле, так как бывший центр Киевской Руси на Днепре, присоединившись к Великому княжеству Литовскому в 13–14 вв., теряет свое значение.

Благодаря проникновению монголов в евроазиатские степи и на побережье Черного и Каспийского морей в 13 в. возникала огромная кочевая империя, под чьей защитой смогла снова развиться с 13 по 15 вв. разветвленная дальняя и транзитная торговля между Востоком и Западом. Северо–восточная Русь получила возможность реализовать в этой торговле свои экспортные товары. Расширению на юго–восток мешала завоеванная монголами Волжская Булгария, которая после своего возрождения с 14 века снова контролировала Волжский путь, что способствовало дальнейшему развитию связей с Византией и Западом через товарообмен с черноморскими колониями.

Для жителей древней Руси, как и для волжских булгар, решающее значение имело вхождение в татарскую данническую систему[34]. Особенно ценимые ханами Золотой Орды меха (соболь, горностай, чернобурка) сначала доставлялись русской стороной, главным образом, из Новгорода. Сборным пунктом даневой пушнины для татарского хана был Великий Устюг, находящийся на слиянии Сухоны с Северной Двиной и контролируемый с 1328 г. Москвой[35].

Меха продолжали поступать в Сарай в качестве товаров и после переключения выплаты дани с пушнины на серебро. Оттуда они транспортировались на Восток и Запад, в этом важнейшем торго-

вом центре монгольской межконтинентальной восточно–западной торговли встречались купцы – персы, армяне, арабы, итальянцы и греки[36]. Конечным пунктом юго–восточной торговли русских купцов был лежащий на Средней Волге Булгар. Исходным пунктом этой торговли стал Нижний Новгород, который со временем превратился в крупнейший русский торговый центр в Волжском регионе.

Первые выступления против булгарского господства на Средней Волге произошли в 60–70 гг. 14 века благодаря новгородским пиратам (ушкуйникам). Эти пираты, которые добивались, в первую очередь, открытия Волжского пути для новгородской пушной торговли и вообще господства в Волжском регионе[37], не щадили и русские волжские города. Русские, захваченные ими в плен при нападениях на Кострому, Городец и Нижний Новгород, привозились в Булгар и там продавались восточным купцам[38]. Когда Суздальско–Нижегородское княжество напало на Москву, то впервые после монгольского нашествия защита от новгородских пиратов переросла в открытые военные операции северо–восточной Руси против Волжской Булгарии. В результате нападений со стороны Москвы в первые десятилетия 15 века это древнее государство на Средней Волге постепенно дестабилизировалось. Но прямой путь на юго–восток великим московским князьям преградило образовавшееся после распада Золотой Орды Казанское ханство, включившее в себя остатки Волжской Булгарии[39].

Известия о торговле из Северо–восточной Руси по Волге в 14–15 вв. весьма скудны. И все же ее значение трудно переоценить. Прежде всего, ценные меха попадали по этому торговому пути не только из булгарского, но и из древнерусского экономического пространства в Азию. Сюда привозили из обоих регионов воск, мед, пеньку и кожу. Насколько были теснными торговые отношения между Северо–восточной Русью и Востоком свидетельствует не в последнюю очередь внешний вид знатного населения Владимиро–Суздальской земли, который приобретал восточные черты в одежде и вооружении[40]. Дорогие шелка и изысканное оружие покупались, как и все то, что Восток предлагал, для роскоши: жемчуг и драгоценности, изготовленные из благородного дерева или серебра предметы, а также пряности, специи и лекарства. У самих татар покупались соль и лошади.

С 15 века волжская торговля теряет свою интенсивность. Причиной этому были не столько последствия внутренней раздробленности Золотой Орды, сколько завоевательные походы Тимур–Ленга, который не только захватил в конце 14 века земли, но и нанес сильный удар по единой евроазиатской торговой системе. Следствием была регионализация торговли между Востоком и Западом, которая, однако, открыла Северо–восточной Руси новые торговые возможности не по Волге, которая ко второй половине 16 века потеряла свое значение из–за разгрома Сараев Тимур–Ленгом (1399), а через открытие черноморского пространства.

В этой итальянской черноморской торговле значительную роль играли традиционные экспортные товары из Восточной Европы (меха, воск, мед). Насколько далеко попадали эти товары из Древней Руси и принимали ли купцы из Руси в этом участие, определенно сказать нельзя. Единственное, что нужно заметить, это то, что русские княжества экспортировали рабов.

Работорговля на Руси, которая продолжала существовать весь московский период, ограничивалась, как в киевский поздний период, выкупом находящихся в плену соотечественников у татар и сильно обременяла государственный бюджет[41]. То, что коммерческие отношения на Черном море продолжали существовать после монгольского нашествия, подтверждает францисканец Вильгельм фон Рубрук, который останавливался во время своего путешествия к монголам в 1253 г. в Солдайе и там наблюдал торговлю «ценными мехами» с Русью[42]. При этом, возможно, речь шла о купцах из Юго–восточной Руси, так как связи этих, попавших под власть Литвы, частей Древней Руси с итальянскими колониями, а также с Византией до завоевания северных черноморских областей турками, оставались всегда в сохранности. Итальянские и греческие купцы ездили по юго–западному региону, и в Византии, и в Каффе[43] жили русские купцы и священнослужители, пришедшие оттуда[44].

Нельзя точно утверждать, с какого времени северо–восточная Русь имела под татарским надзором непосредственный торговый контакт с черноморским регионом. По сообщениям духовных лиц из северо–восточных княжеств о путешествиях в Византию в 14–15 вв. известны некоторые пути на юг, для выбора которых определяющими были расстановка сил внутри Золотой Орды и вопрос

безопасности в степи[45]. Сначала предпочтение отдавалось пути по Волге к Сараю, потом по Дону к Азову. Со временем важнее стали различные пути через Рязань и Дон, в частности, через Курск и Донецк к Азову и оттуда к Каффе и Солдайе. Так как после разгрома Азова Тимур–Ленгом (1395) значение этого транзитного пункта, прежде всего, из–за также прерванных связей с Востоком, быстро уменьшилось, можно предположить концентрацию в 15 веке дальней торговли северо–восточной Руси в итальянских крымских колониях. Торговые пути шли в основном через Курск или Путивль по степям и по Перекопскому перешейку. Другие пути шли через Новгород–Северский, Киев и Днепр, или через Путивль, степи и низовья Дона – на юг. Наряду с ними существовал старый путь через Смоленск и Днепр. Все эти пути, кроме крымских, которые шли по Литовской территории и вели к Белгороду (Аккерман), мало использовались до конца 15 в.[46]

Хотя и другие княжества в северо–восточной Руси вели торговлю с итальянскими колониями на Черном море, со второй половины 14 в. в дальней торговле с югом существовали московские опорные пункты. Участвовали в этом как итальянские и греческие, так и русские купцы. Первое упоминание таких крымских ходоков, уже известных гостей–сурожан[47], относится к 1356 году. Этот термин исчезает из всех источников с конца 14 в. Только после завоевания итальянских черноморских колоний (1475) и подчинения Крымского ханства туркам источники снова сообщают об оживленной торговле с Каффой и Азовом, также как и с крымскими татарами[48]. Очевидные, между тем, опустошающие нападения Тимур–Ленга на итальянские торговые опорные пункты, захват Византии турками (1453) и, не в последнюю очередь, взаимоотношения ханств – наследников Золотой Орды, междоусобицы в Московском княжестве не допускали дальнейшего постоянного развития дальней торговли Северо–восточной Руси. Но после того, как при Иване III страна приобрела окончательные очертания и северное черноморское побережье вошло в область господства Османской империи, появились новые возможности для дальней торговли с югом, однако ненадолго, так как военные действия между Крымской Ордой и Москвой с начала 16 века постоянно подвергали эту торговлю сильной опасности.

Если в торговле с итальянцами менялись традиционные продукты промыслов (меха, воск, мед) на шерстяные и шелковые ткани, бумагу, стекло, оружие, душистые масла, а также золотые и серебряные монеты[49], то палитра доставляемых в качестве подарков товаров крымским татарам была больше. Сюда относились меха, охотничьи соколы, моржовая кость, западные опушенные одежды, а также типичные русские мужские сюртуки без воротников (однорядки), пенька, седла, ножи, луки, стрелы и юфть.

Предложение продуктов ремесла было широким. Ремесленные товары находили больший сбыт в 15–16 вв. как в различных татарских ордах, так и в Средней Азии. Через восточные рынки в Крыму проходили прежде всего ценные меха, а также охотничьи соколы. За это из Малой Азии, Персии и Сирии доставлялись шелковые и хлопковые ткани, пряности, специи, москательные товары, красители, а также жемчуг и драгоценные камни. Татары доставляли соль, лошадей, самые породистые из которых посылались в качестве подарков для великих князей[50].

3. Распад Золотой Орды.

Междоусобицы среди поздних правителей Золотой Орды с 1375 г. (Мамай, Тохтамыш) подрывали постепенно экономический базис страны, причиняли ущерб прежде всего дальней торговле. Из–за постоянных войн и захватнических походов со временем все меньше купцов отваживались находиться на оспариваемых территориях. Разрушение общей торговой системы с Западом последовало за завоевательным походом Тимур–Ленга, который претендовал на всю Монгольскую империю. Тирания Тимур–Ленга осложняла не только торговые отношения Азии с юго–восточной Европой, но и привела к переносу торговых и ремесленных центров в другую часть Передней и Средней Азии. Перемещение ремесла, торговли, науки и искусства из завоеванных областей в новую столицу – Самарканд – привело к расцвету других торговых городов. К ним наряду с Самаркандом принадлежали Табриз, Султания и Герат. Перенос торговых путей на северные персидские города сподвигнул западно–европейских купцов, в частности, венецианцев и генуэзцев, посещать эти рынки. Там особое внима-

ние уделялось шелку из Гиляна. С развитием ремесла в этих городах – от Трапезунда до Самарканда – оживилась торговля в североитальянских городах-республиках[51].

Таким образом, следствием интенсивных междоусобиц в Золотой Орде в конце 14 в. стало то, что северные маршруты евроазиатской сухопутной торговли благодаря татарам перестали быть безопасными. Это способствовало тому, что политические силы южнее старых торговых путей пытались передвинуть на свои территории эту дальнюю и транзитную торговлю с восточной и юго–восточной Европой. Теперь не через Сарай, Ургенч, Отрар и Тараз вел путь в Среднюю Азию, а в Султанию, Герат, Балх, Самарканд, Тараз, к одному из важнейших исходных пунктов – Трапезунду, находящемуся на южном берегу Черного моря[52]. Между тем, этот путь на Запад был безопасным только на короткое время существования государства Тимур–Ленга, которое образовалось на территории современного Туркестана, Афганистана, Персии и частично южного Кавказа между 1370 и 1405 гг., во время походов против Золотой Орды, Персии, Малой Азии и Индии. «Вся специфика этой эпохи заключается в том, что главная масса торгового оборота Восточной и Центральной Европы шла через государство Тимур–Ленга и что все торговые сборы, которые раньше шли в кассу хана Золотой Орды, теперь текли к Тимур–Ленгу»[53].

Уже во второй половине 15 в. евроазиатская сухопутная торговля была в состоянии упадка, который продолжился в 16–17 вв[54]. С 16 в. владеющие центральноазиатскими торговыми городами узбекские ханы были не в состоянии сохранять открытыми старые караванные пути на Запад, примиряя живущих вокруг и странствующих кочевников (туркменов, калмыков, джунгаров)[55]. В первой половине 15 в., образовавшееся после распада Золотой Орды Казанское ханство[56] было культурным, социальным и экономическим потомком Волжской Булгарии, а не Золотой Орды. Оно осталось центром торговли, где встречались русские, армяне, персы и бухарцы. В этом непосредственно участвовала местная экономика, которая поддерживала эту торговлю и способствовала тому, что Казань стала важнейшим центром в Поволжье. «Казанские купцы продавали кожаные изделия, меха, рыбу и рабов (особенно покупаемых крымскими татарами), и в 15–16 вв. город стал

жизненно важным центром Московской пушной торговли с Азией в целом и Оттоманской империей, в особенности»[57].

Примечания

1. Якубовский А. Феодальное общество Азии и его торговля с Восточной Европой в 10–15 вв.: Материалы по истории народов СССР: Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР, ч.1: Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в 16–17 вв. – Л., 1932, С.90.

2. Kappeler A. Rußlands erste Nationalitaten. Das Zarenreich und die Völker der Mittleren Wolga vom 16. bis 19. Jahrhundert. Köln\Wien 1982, S.25f.

3. K.Heller, Russische Wirtschafts – und Sozialgeschichte, Darmstadt 1986, Bd.1: Die Kiever und die Moskauer Periode (9–17. Jahrhundert), S.49–52.

4. Якубовский. Феодальное общество, С.11–17.

5. C.Goehrke. Die Anfänge des mittelalterlichen Städtewesens in eurasischen Perspektive; in: Saeculum 31 (1980), S.233.

6. A.Attman. The Bullion Flow between Europe and the East 1000–1750. Göteborg, 1981, S.11f. u.60–62.

7. Савельев П. О торговле Волжских булгар в 9–10 вв.: Архив научных исследований о России, 6, Берлин 1848, с.91–104; G.Jacob, Der Nordisch–Baltische Handel der Araber im Mittelalter. Leipzig 1887 (Reprint Amsterdam 1966); Ders., Welche Handelsartikel bezogen die Araber des Mittelalters aus den nordisch–baltischen Ländern? 2. Auf1., Berlin 1891; R.Henning, Der mittelalterliche arabische Handelsverkehr in Osteuropa; in: Der Islam 22 (1935), S.239–265; E.Benningsen, Contribution à l'étude du commerce des fourrures russes. La route de la Volga avant l'invasion mongole et le royaume des Bulghar; in: Cahiers du Monde Russe et Soviétique (CMRS) 19 (1978), S. 285–399, u. vor allem P.M.Валеев. Волжская Булгария: Торговля и денежно–весовые системы 9 – начала 13 вв.– Казань, 1995.

8. Якубовский А. Феодальное общество, С.33–38.

9. Kappeler A. Rußlands erste Nationalitäten. S.32.

10. Kappeler A. Rußlands erste Nationalitäten. S.35.

11. Spuler, B., Die Goldene Horde. Die Mongolen und Rußland 1223–1502. 2, erw. Aufl., Wiesbaden, 1965. S.388.

12. Якубовский А. Феодальное общество, с.38–60.

13. Якубовский А. Феодальное общество, с.42–44, 46ф.

14. Якубовский А. Феодальное общество, с.44.

15. Якубовский А. Феодальное общество, с.45.

16. Якубовский А. Феодальное общество, с.2–47.

17. Spuler, B., Die Goldene Horde. S.389.

18. Heimpel H., Zur Handelspolitik Kaizer Sigismunds; in: VSWG 23 (1930), S.145–156; s. auch Spuler, B., Die Goldene Horde. Wiesbaden, 1965. S.612.

19. Байкова Н.В. Роль Средней Азии в русско–индийских торговых связях (1 пол. 16 – 2 пол. 18 вв.).– Ташкент, 1964, с.27–29.

20. Spuler B., Die Goldene Horde, S.392–399.

21. M.Balard, Caffa; in: Lexikon des Mittelalters, Bd.2, München/ Zürich, 1983, Sp.1370f.

22. Скржинская Е.К. в: Барбаро и Контарини о России.– Л, 1971, с.29–64.

23. Ch.Verlinden, Ist die mittelalterliche Sklaverei ein bedeutender demographischer Faktor gewesen? S.165–169, u. ders., La colonie vénitienne de Tana, centre de la traité des esclaves an XIV et au debut du XVe siècle; in: Studi in onore di Gino Luzzatto, Bd.2, Milano 1950, S.1–25, u. A.Fisher, Muscovy and The Black Sea Slave Trade; in: Canadian–American Slavic Studies 6 (1972), S.576–579.

24. Spuler B., Die Goldene Horde. S.392f.

25. M.Balard Caffa, Sp.1371.

26. Spuler B., Die Goldene Horde. S.393–395.

27. Spuler B., Die Goldene Horde. S.396f.

28. Spuler B., Die Goldene Horde. S.397f.

29. Spuler B., Die Goldene Horde. S.398.

30. Spuler B., Die Goldene Horde. S.403–407.

31. Spuler B., Die Goldene Horde. S.407.

32. Böhnke W., Der Binnenhandel der Groß–Schäffereien des Deutschen Ordens Königsberg und Marienburg in Preußen um 1400. Phil. Diss., Hamburg 1960, S.168f; Spuler B., Die Goldene Horde. S.402f., S.612 (33).

33. Spuler B., Die Goldene Horde. S.402f.

34. J.Martin, The Land of Darkness and the Golden Horde. The fur trade under the Mongols 13–14th centuries: in: CMRS 19(1978), S.401–421.

35. Zum Vordringen Moskaus in diese nordöstlichen Gebiete im 14/15 Jh. s. J.Martin. Muscovy's northeastern expansion: the context and a cause; in: CMRS 24 (1983), S.459–470.

36. Сыроечковский. Гости–сурожане, с.14.

37. J.Martin. Les uskujniki de Novgorod: marchands ou pirates?, in: CMRS 16(1975), S.5–18.

38. Смирнов. Волжские булгары.– М., 1951. с.59.

39. Kappeler A. Rußlands erste Nationalitäten. S.32.

40. Мельгунов П.П. Очерки по истории русской торговли 9–18 вв. – М, 1905, с.160; Фирсов Н. Некоторые черты из истории торгово–промышленной жизни Поволжья. – Казань, 1898, с.11.

41. A.Fisher, Muscovy and The Black Sea Slave Trade, S.578–594.

42. W.V.Rubruk, Reisen zum Großkhan der Mongolen, Darmstadt 1984, S.135f.

43. Стародомская М.К. Русское торговое население генуэзской Каффы. // История и археология средневекового Крыма. М., 1985. С.147–154.

44. Сыроечковский В.Е. Гости—сурожане.– с.14–16.

45. Тихомиров М.Н. Пути из России в Византию в 14–15 вв.// Исторические связи со славянскими странами в Византии.– М., 1969, с.48–77; Сыроечковский. Пути и условия сношений Москвы с Крымом на рубеже 16 в. // Известия АН СССР, Отдел общественных наук, 1932,3, с.193–237; см.: Скржинская // Барбаро и Контарини о России, с.61–64 и W.Knackstedt, Moskau. Studien zur Geschichte einer mittelalterlichen Stadt. Wiesbaden, 1975, S.107.

46. Auch die Karte bei A.Bennigsen u. Ch.Lemercier–Quelquejay, Les marchands de la Cour Ottomane et le commerce des fourrures moscovites dans la seconde moitié du 15 siècle; in: CMRS 11 (1970), S.373.

47. Сыроечковский В.Е. Гости–сурожане, с.17–24; Тихомиров. Пути из России. с.65–69.

48. Сыроечковский В.Е. Гости–сурожане, с.39–124, u.Knackstedt, Moskau, S.109–119.

49. Саркова И.С. Россия и Италия: торговые отношения 15 – первой четверти 18 вв.– Л., 1981, с.39–46.

50. Сыроечковский В.Е. Гости–сурожане, с.53–65.

51. Якубовский. Феодальное общество, с.54.

52. Якубовский. Феодальное общество, с.55ф.

53. Якубовский. Феодальное общество, с.58, 58–60.

54. H.Carrére d'Encause, Les routes commerciales de I'Asie Centrale et les tentatives de reconquête d'Astrahan d'aprés des «Affaires importantes» des Archives ottomanes; in: CMRS 11 (1970), S.391–422.

55. Хеллер К. Развитие торговых связей Московского государства с Персией и Средней Азией в 16 и 17 вв. // Forchungen zur osteuropäischen Geschichte, T.52 (1966), с.35.

56. A.Rorlich. The Volga Tatars. A.Profile in National Resilience. Stanford, California 1986, S.24–31.

57. Rorlich. The Volga Tatars. S.30, s.auch S.27.

Колин Хейвуд

Некоторые проблемы нумизматического доказательства правлений хана Ногая и Джеки*

I

Распад в 1299 г. государства, основанного в степи между Нижним Дунаем и рекой Буг чингизидским темником Ногаем в результате его поражения от джучидского правителя Великой Орды – Токты, и одновременно три года засухи, голода и эпидемической вспышки в причерноморских степях, ускорили рассеивание населения, особенно миграцию тюркских элементов в пограничные земли между территориями Византии и Ильханов в Северо–западной Анатолии. Некоторые аспекты этого рассеивания я уже упоминал в другом месте[1]; в данном случае достаточно заметить, что любая попытка исторически связать события конца XIII века в западной части причерноморской степи и Северо–западной Анатолии должна дать оценку политической и экономической ситуации в землях между Нижним Дунаем и Дарданеллами, что создает мост между двумя районами. С перспективы Анатолии и Подунавья, трудность в этих, более широких рамках для изучения понтийских политических влияний на юг Дуная, в отношении которых любая попытка дать решение открывает ряд в высшей степени интригующих и многосторонних проблем в джучидско–огузских связях, представлена в классическом исследовании, опубликованном почти полстолетия тому назад. В статье, напечатанной в «Bulletin of the School of Oriental and African Studies», под названием «Языджыоглу Али о тюрках–христианах Добруджи», покойный Поль Виттек открыл западной науке дискуссию о происхождении тюрков–гагаузов и об обстоятельствах, сопровождавших заселение ими Добруджи во второй половине XIII в. Эта дискуссия широко ведется до настоящего времени историками Юго–восточной Европы. Основные формулировки Виттека в отношении

* Перевод с английского языка А.А.Арслановой.

формирования и характера раннего Оттоманского государства недавно подверглись более или менее жесткой ревизионистской критике, но его значительное обвиняющее мастерство лучше всего обнаруживается в этой статье[2]. Ее нужно читать вместе с куском, написанным в то же самое время и появившемся двумя годами позже в польском востоковедном журнале, «Rocznik Orientalistyczny»[3].

Идентификация гагаузов как «народа Кейкаус», последователей румского сельджукского султана Изз–ад–дина Кейкауса II, умершего в изгнании в Крыму в 678/1279–80 г., не была открытием самого Виттека; фактически статьи не предлагают какой–либо новой, более важной интерпретации. Наоборот, обе они связаны по форме с обширными и очень подробными информативными комментариями на памфлет, написанный по–гречески и опубликованный в Софии в 1930 г., речь идет о работе болгарского ученого Г.Д.Балашева[4]. Теория Балашева о том, что гагаузы были (как этимологически, так и исторически) народом Кейкаус, уже была жестко раскритикована его же соотечественником Мутафчиевым (который уже умер, когда Виттек писал свою статью) и современным австрийским востоковедом Гербертом Дудой[5]. Виттек был восторженным сторонником «великолепного и важного открытия» Балашева и посчитал для себя необходимым придти на ее защиту перед лицом клеветников на исследования, которые он долгое время рассматривал, как «важное и в высшей степени привлекательное открытие»[6].

Балашев выдвинул еще одну гипотезу, о которой говорится только в сноске его памфлета, она также косвенно процитирована без комментариев в собственной ссылке Виттека[7]. Эта вторая гипотеза, в конечном счете заключалась в том, что в Добрудже в конце XIII в. существовало Огузское государство, основанное византийским императором Михаилом VIII в качестве оплота против набегов кочевников через Нижний Дунай[8]. Действия Михаила VIII, как мнимого реставратора византийского имперского величия, хорошо известны, а также подробно изучены в известной и чрезвычайно плодотворной статье византиниста В.Лорана[9] в контексте их связи с восстановлением теоретических границ византийского правления в Добрудже и на Нижнем Дунае.

Слабость как новой работы Балашева, так и ее критики Мутафчиевым, а также пересмотра предмета исследования Виттеком, лежит в отсутствии критической остроты их трактовок политической ситуации в землях, смежных с причерноморской степью, лежащей к северу от Дуная. Сам Виттек в двух своих статьях «Языджыоглу Али» только один раз упоминает название «Золотая Орда», где, заимствуя из статьи Лорана, он ссылается на Добруджу, как на тот «коридор», по которому татары Золотой Орды «снова и снова предпринимали глубокие вторжения на Балканы». Именно против этой угрозы Михаил VIII очень хотел воздвигнуть барьер посредством насаждения в Добрудже и Анатолии «народа Кейкаус», то есть гагаузов[10]. В том же самом контексте Виттек ссылается, подобно Лорану, на восстановление Михаилом VIII византийского правления в дельте Дуная, особенно путем учреждения византийского гарнизона в островной крепости Вичина – торговом центре, находившемся на северном крае дельты Дуная и экономически доминировавшем в конце XIII века благодаря генуэзским купцам[11].

II

Дальнейшее рассмотрение этого момента ведет к главной теме данной статьи. Ситуация в северной Добрудже и на Нижнем Дунае в конце XIII века была гораздо более сложной, чем Виттек или даже Лоран представляли себе в то время, когда писали, т.е. полвека назад. Только в последние десятилетия дальнейшее исследование и новые открытия привели к появлению более ясной и более подробной картины ситуации на этой крайней юго–западной границе земель Улуса Джучи. Необходимо поставить и рассмотреть несколько вопросов. Во–первых, важно подчеркнуть, что в тот период земли так называемой «Золотой Орды» не образовывали единого политического организма. Как Лоран ясно говорит в своей статье, и как было известно – или, по крайней мере, предполагалось – земли «Золотой Орды», то есть владения Улуса Джучи – были в то время, в сущности, разделены на два враждебных ханства. Одно, с центром в Сарае на Нижней Волге, управлялось ханами из прямых потомков Джучи. Другое, контролировавшееся младшей линией Чингизидов в лице темника или хана Ногая , «le

roi de la steppe, le fidele allie du basileus», уже упомянутого выше, имело центром земли между Нижним Дунаем и рекой Буг, в основном на юго–западной Украине[12]. Городом Ногая, в котором чеканили монеты и (впоследствии) столицей нового ханства, по крайней мере с начала 1290 г. до распада его государства, был Сакджи/Исакджи, современный Исакчи, который находился на правом берегу Нижнего Дуная. Карьера Ногая могла бы быть достойна подробного пересмотра, однако соображения времени и места не позволяют здесь это сделать[14]. Невозможно также провести детальное исследование его деятельности даже в течение 1290–х гг., последнего и наиболее значительного десятилетия в его карьере, в которое он правил над западно–причерноморской степью совместно со своим сыном – Джекой[15].

Как мы видели, царство Ногая и Джеки ограничивалось на юге Нижним Дунаем и его дельтой. Этот район, подобно западной прибрежной Анатолии того времени, был пограничной зоной между областями, на которых преобладали тюркские или тюрко–монгольские элементы и Византия. В обоих районах в отношении торговли и экономики доминировали генуэзские купцы, которые легко и выгодно влияли на политические и экономические отношения между двумя мирами. Генуя экономически преобладала на территории Византии даже до реставрации византийского правления в Константинополе в 1261 г.; подобные отношения между Генуей и местными мусульманскими, сельджукскими правителями эмиратов западной Анатолии также были чрезвычайно тесными. Такие же замечания можно сделать относительно ситуации на Нижнем Дунае и в районах вглубь от него: в этих сложных отношениях между степью и оседлыми землями, и между Улусом Джучи и Византией, играли роль четыре, часто конфликтовавшие силы: ногайская, византийская, болгарская и генуэзская, хотя процессы постоянного или эфемерного государственного строительства в двух регионах не проходили полностью параллельно. Решающими как для экономических, так и для политических целей в обоих регионах, однако, были торговые центры, которые также были центрами сельджукского или тюрко–монгольского правления. Это очевидно для Анатолии, где роль торговли в судьбах эмиратов Ментеша, Айдына, Сарухана, например, и активное вовлечение в

эту торговлю их местных тюрко–мусульманских правителей уже хорошо документирована[16]. До сих пор этот феномен менее осознан в отношении Нижнего Дуная, однако царство Ногая, подобно собственно Золотой Орде, зависело от торговли и доходов от нее (вопрос, уже проясненный Юлаем Шамильоглу)[17].

На Нижнем Дунае самым большим и наиболее процветающим генуэзским торговым центром в тот период был рынок – в конце XIII века он стал городом с византийским гарнизоном – Вичина[18]. Много трудов, в основном итальянских и румынских историков, было написано в течение последнего полстолетия или около того по истории Вичины и ее роли – и как торгового центра при экономическом доминировании Генуи, и как аванпоста византийского правления с византийским гарнизоном, восстановленным Михаилом VIII и снабжаемым всем необходимым по морю. Название Вичина позднее вышло из употребления и действительное расположение крепости–склада до сих пор является предметом споров[19]. По одному современному мнению, относящемуся к нашим задачам, ее место находилось под или по соседству от Исакчи[20]. Все вышеупомянутые исследования, однако, объясняют свой предмет или с точки зрения генуэзской торговли на Нижнем Дунае, или внутренних связей румынской – или болгарской, или византийской – истории и игнорировали существенную, но не сразу очевидную, проблему связи Вичины с Улусом Джучи и, в частности, с Ногаем. Связь является нумизматической, и если мы принимаем идентификацию Вичины XIII века с современной Исакчи – что сомнительно, мы должны также принять, что топоним Исакчи – в конце XIII века, как и при Османах, в форме Сакджи/Исакджи – частично совпадал, скорее, чем заменял, название Вичина. Топоним Сакджи уже использовался в конце XIII века и, если подойти наиболее критично, Сакджи также служил Ногаю городом, в котором чеканились монеты. Монетная чеканка Ногая, существование которой было совершенно неизвестно более раннему поколению исследователей в 1940–х и 50–х гг. (и ранее), в особенности Балашеву, Мутафчиеву, Лорану, Дуде и Виттеку, чья работа была выше проанализирована, является в высшей степени важной для нашего понимания сложной экономической и политической ситуации в регионе, но имеет еще большее – и даже революционное –

значение для нашего понимания экономической и политической ситуации на юго–западных границах Улуса Джучи в конце XIII века. Можно сделать вывод, что Вичину нельзя приравнивать к Исакчи. Недавние доводы, выдвинутые болгарским ученым Кузевым в пользу Измаила, как местоположения Вичины, представляются более весомыми[21].

III

Обратимся теперь более подробно к чеканке монет Ногаем и Джекой. Важно сначала осознать, что переломное нумизматическое открытие, которое одно ставит много важных вопросов касательно их правления на Нижнем Дунае, было сделано не ранее, чем в 1962 г. Уникальная монета, серебряная акче с легендами на греческом языке, выпущенная с именами Ногая и его сына Джеки, была найдена в том году в одном из больших кладов джучидских и византийских монет, слитков и украшений, раскопанных на Урунбаире, в округе Тулча в северо–восточной Румынии. Находка была впервые опубликована двумя годами позже, в статье румынского нумизмата Октавиана Илиеску и Гаврилы Симиона[22]. Впоследствии другие румынские нумизматы, особенно Эрнест и Ирина Оберлендер–Тарновяну, опубликовали другие группы до сих пор еще широко неизвестных монет конца XIII и начала XIV в., полученных из района Нижнего Дуная[23]. Монетная чеканка использовалась этими румынскими учеными, работавшими под суровым политическим давлением эры Чаушеску, для того, чтобы дать определенные исторические выводы, касающиеся сложной политической ситуации в этом пограничном районе, из которого к концу XIII века сформировалась часть противостоявшего ханства Ногая, а после этого (с 1299 г.) он был включен на время во вновь объединенное владение Золотой Орды. Я должен констатировать, что работа этих ученых имеет огромную ценность, она была весьма полезной как для изучения Улуса Джучи, так и для исламской и византийской нумизматики. Понятно, что политические выводы, которые они, вероятно, вынуждены были извлекать из своих нумизматических фактов – и которые не будет преувеличением назвать революционными по своему значению – должны рассматриваться, по крайней мере частично, как нуждающиеся в пересмотре в свете более широких нумизматических и исторических сооб-

ражений.

Кроме уникальной «греческой» монеты – акче Ногая и Джеки, уже упомянутой выше, должны быть рассмотрены еще две группы монет: во–первых, медные монеты, найденные на Нижнем Дунае и в северной Добрудже, на одной стороне которых имеется тамга Ногаидов, а на другой – или испорченная греческая надпись, или двуглавый орел; и, во–вторых, чисто исламские серебряные монеты Ногая, битые в Исакчи в конце XIII века[24].

Обратимся сначала к «греческой» акче Ногая и Джеки. То, что Илиеску и Симион рассматривали как реверс (фактически он должен быть аверсом) имеет тамгу Ногаидов ( ), заключенную в круг и сопровождающуюся круговой легендой греческими буквами. Чтение, которое они дают – + ΤΗΧΕΡΟ ΝΟΓΑΗ [ΚΑΙ] TZAKAS – нельзя поддержать[25]. Сама надпись окружена кольцом из маленьких шариков. На аверсе (то есть реверсе) имеется сильно стилизованная фигура лошади и всадника, смотрящего вправо. В правой руке всадник держит длинное копье. На верхней части поля имеется надпись, которая сначала (но ошибочно) была прочитана как TED/'PW [26]. Правильным чтением, как отметил Эрнест Оберландер, является (аверс) + ΤΗΧΕΡΟ ΝΟΓΑΗS / (реверс) TZAKAS. Монета имеет размеры 17x19 мм и весит 1,30 грамма[27]).

Эрнест Оберлендер–Тарновяну в своей критике прочтения этой монеты правильно отмечает, что с точки зрения ногаидской тамги, эта монета не может быть атрибутирована как золотоордынская. Он добавляет, однако, что «они [то есть также анонимные медные монеты, упомянутые выше] не могли быть выпущены Ногаем или же Джекой, хотя на них есть их тамга и в одном случае [то есть в «греческой» акче] даже упоминаются их имена»[28]). Хотя верно, что эта монета (и медные монеты, о которых будет сказано далее) совершенно отличаются от ногаидских серебряных монет, которые он определяет, как «настоящих членов большой семьи мусульманской нумизматики, везде имеющих арабские легенды», не следует считать также, что то, что Оберландер–Тарновяну называет «сведениями, которые мы имеем о Ногае, как о набожном человеке, посвященном мусульманине еще с 70–х гг. XIII в.», могло помешать чеканке таких, не являющихся исламскими, монет, или, что я должен бы отметить в этом контексте, аналогич-

ных «смешанным» монетам, чеканенным мусульманскими правителями где–то еще, не являются несуществующими. В действительности, они существуют, и в весьма сравнимом и в более–менее одновременном христианско–мусульманском/византийско–тюркском контексте. В Восточной Анатолии тюркская династия Данишмендидов, которая впервые в Анатолии употребила термин «гази», чеканила как монеты с надписями полностью греческим шрифтом, так даже и с легендами на греческом языке[29]. Подобные монеты были выбиты другой ветвью Данишмендидов, правивших в Малатье в юго–восточной Анатолии[30]. Остается заметить, что Данишмендиды тоже чеканили совершенно исламские монеты[31]; поэтому и исламские, и «смешанные» монеты – возможно, выпущенные для разных целей – могли удобно сосуществовать в монетной чеканке одной династии. Поэтому аргумент, выдвинутый Оберландером–Тарновяну против ногаидского происхождения урунбаирской «греческой» акче, не требует исследования.

Другое сравнение, более непосредственно относящееся к нашим целям, состоит в том, что полтора века спустя, а именно в самом конце XIII – начале XIV в., тюркские эмиры Айдына на западном побережье Анатолии чеканили так называемые gigliati, серебряные монеты, в своей основе западноевропейского (фактически неаполитанского) иконографического типа, с латинскими надписями[32]. Эмират Айдына, конечно, также был одним из (если не лидирующим до возвышения Османов) эмиратов–гази Анатолии. Через успехи своего правителя Умур Бега он непосредственно был связан с началом заселения анатолийскими турками Юго–восточной Европы и особенно с его экспедицией против Кили[33]. Подобные же монеты в течение некоторого времени чеканилась Орханом, правителем соседнего эмирата Ментеша в начале XIV века[34].

Было предположение, что эти айдынские gigliati чеканились для торговых целей как монеты, приемлемые для итальянских (то есть генуэзских) купцов, которые были активны в этот период в Западной Анатолии. Сразу приходят на ум параллели с ситуацией на Нижнем Дунае в период Ногая и непосредственно после него.

Статьи Оберлендер–Тарновяну также имеют большую ценность в связи с их изучением на основе сохранившихся монет природы правления Ногая и Джеки. Он абсолютно прав, привлекая внима-

ние к феномену совместного правления и к присвоению Ногаем титула хана, к пожалованию им сыну Джеке при своей жизни титула султана. Это, конечно, было дуальное правление; и хан, и султан имели в государстве Ногая значение, аналогичное тому, которым обладали ханы в сарайском ханстве Золотой Орды[35]. Однако он не убежден, заявляя, что этот институт «несомненно, был инспирирован византийской моделью». Ногай действовал абсолютно внутри степной традиции тюрко–монгольского правления, и даже его тесные связи с Византией в этот период – он действительно был зятем Михаила VIII – не позволяли импортировать политические концепции из Византии[36]. Этот момент уже был убедительно отмечен в контексте оттоманской истории и институтов вопреки ошибочным восприятиям прежних исследователей (не тюркологов) этой области[37]. Такая же критика может возникнуть в связи с чтением надписи уникальной «греческой» акче Ногая и Джеки. Румынские исследователи этой монеты предположили, что слово ΤΗΧΕΡΟS (tuceros) в надписи на аверсе является искажением тех или иных византийских административных терминов – paneutucis, eutukestatos, eutucis – для местного или провинциального правителя или администратора[38]. В действительности, конечно, термин, как он есть, является в первоначальном значении калькой слова «счастливый», «удачливый» – хорошо известного древнего эпитета правителей тюркских степей – КУТЛУГ – если мы сравним употребление megaVamiraVc хорошо известным арабским термином ал–амир ал–кабир. Эти термины всегда выступают в форме калек, прямых переводов или транслитераций, но не искажения основной греческой терминологии[39].

IV

Здесь недостаточно времени, чтобы входить в комплекс дальнейших вопросов, касающихся ханств Ногая и Джеки и ситуации в Добрудже и на Нижнем Дунае в конце XIII и в самом начале XIV века. Оберлендер–Тарновяну рассмотрел их в некоторых деталях, и мы должны быть благодарны ему за тот свет, который он пролил на последние переломные годы Ногая в его окончательном вызове Токте относительно господства в Орде и попытки завоевать «владение троном»[40]. Это был конфликт, который легко мог бы пойти

по другому пути, несмотря на краткое правление Джеки в Северо–восточной Болгарии – предположительно включая Добруджу – после смерти его отца от рук Токты[41].

Далее, эпизод финальной битвы между Ногаем с Джекой и Токтой, когда она рассматривается в связи с передовой и многообразной монетной чеканкой государства Ногая, указывает на сложность и продвинутость развития политических амбиций Ногая и Джеки в годы их последнего неудачного вызова Токте. Очевидно, их глубокое проникновение в земли юго–восточных Балкан, по крайней мере, это ясно в связи с эпизодом освобождения Изз–ад–дина Кейкауса. Насколько далеко идут важные события в самом конце XIII века: поражение и падение Ногая, короткая власть в Болгарии Джеки, могли ли они влиять на события в Анатолии путем движения военно–политического «ядра» из причерноморской степи через Добруджу, или морем в северо–западную Анатолию, позволит определить дальнейшее исследование.

Нумизматические данные могут здесь также помочь. Например, авторы «Note préliminaire» могут ошибаться, рассматривая большое сокровище, найденное на Урунбаире, как один набор соединенных кладов. Не является ли более вероятным, что клады II, V, VI и VII, состоящие соответственно из 9205, 5882, 1191, и 7159 «piéces d'argent tatares», то есть всего из 23437 (Илиеску и Симион, с.221: 23440) так называемых aspri baricati Золотой Орды (то есть акче хана Берке и его преемников), были зарыты во время великого переворота в южной части причерноморской степи, связанного с падением Ногая в 699/1299–1300 г. Хотя четыре отдельных клада золотоордынских монет – каждый из которых помещен в керамический сосуд, в отличие от византийских монетных и вещевых кладов I, III и IV, помещенных в металлические сосуды – содержали в основном монеты правлений Туда–Менгу (1280–1287 гг.), Тула–Буги (1287–1290 гг.) и Токты (1290–1312 гг.) (плюс несколько фрагментов и имитаций золотоордынских монет той же эпохи и, конечно, знаменитую акче Ногая–Джеки), на основе предварительных исследований не очевидно, чтобы на них была мусульманская дата позднее 699 г.х. С другой стороны, terminus post quem, 1325–1327 гг. (правлений Андроника II и Андроника III) для двух кладов византийских иперперов (hyperpera) означает, что эти

византийские клады могут быть связаны с вторжением в регион сил Золотой Орды в 1335 г. Дальнейшие исследования других сравнимых кладов могли бы пролить новый свет на обстоятельства, сопровождавшие падение ханства Ногая[42].

Можно сделать несколько заключительных наблюдений. Я хотел бы предположить, что совершенно невероятно существование того, что Оберлендер–Тарновяну определяет, как «местное государство с византийской традицией, православными жителями и греческое по официальному языку», с центром в Исакчи, с правителем, который имел титул «деспот». Доказательством этой его гипотезы являются медные монеты с ногаидской тамгой на одной стороне и с византийским двуглавым орлом на другой. Фактически монеты можно рассматривать, несомненно, как доказательство существования до настоящего времени неизвестной деспотии на Нижнем Дунае в 1290–1300 гг.; скорее – если мы принимаем географическую идентичность или (что более вероятно) близость Исакчи и Вичины – эта монета должна отражать политическую реальность тесного альянса (подкрепленного браком) между Ногаем (говоря словами Лорана, «ce prince habile») и Михаилом VIII, и реальное присутствие византийского правления в Вичине в период правления последнего и, возможно, не позднее конца правления Ногая. Если мы добавим к этому, что несомненный расцвет Исакчи, как центра правления Ногая и соседнего (а не идентичного) генуэзского рынка и византийского гарнизона Вичины (современный Исмаил – ?), монетная чеканка Ногая и Джеки, при всем ее многообразии, является одним целым и точно соответствует политической и экономической ситуации региона, где стал преобладать новый, хотя и непродолжительный режим этих правителей.

Функция Сакджи–Исакджи/Исакчи в качестве города с монетной чеканкой для чисто исламских выпусков Ногая в серебре отражает его положение (как отмечает Оберлендер–Тарновяну), как главного центра правления его семьи над степными землями до Буга (и даже далее на восток); точно так же медные монеты должны отражать старую традицию неисламской монетной чеканки (чеканка в меди: предписания сикки, право чеканки монет, предписанное для правителей, находившихся под исламским законом и применявшееся только к монетной чеканке из двух драгоценных металлов – зо-

лота и серебра), чеканки мусульманскими правителями для местного использования, или отражающие здесь совместное византийско–ногаидское присутствие, основанное в Вичине и Исакчи[43]. Наконец, в заключение – необходимо провести дальнейшее изучение уникальной акче с греческими надписями, найденной в Урунбаире. Возможно – только возможно – конная фигура отражает, в определенном приближении, стилистическое влияние сельджуков Рума, опосредованное через Добруджу, на которую, конечно, в это время простерлось ногаидское влияние[44].

Таким образом, здесь имеется поле для будущего исследования, сочетающего нумизматические, экономические и политические аспекты сложной ситуации и подводящего к более ясной сбалансированной картине государства (ханства, враждебного ханства) Ногая и Джеки; а его влияние на соседние земли Юго–Восточной Европы и Западной Анатолии, как и его существование, падение не требуют доказательств. Такова повестка дня, для которой нумизматические открытия последних тридцати лет в Румынии и первые работы, основанные на них, особенно работа Эрнеста Оберлендер–Тарновяну, сделали много в смысле стимулирования и продвижения, на них могут быть построены будущие исследования.

Примечания

1. В статье, названной «Заполнение черной дыры?: возникновение Вифинского атаманата, 1298–1304», представленной на международный симпозиум Комитета до–Оттоманских и Оттоманских исследований, Амстердам, июнь 1994. Есть надежда, что эта статья наконец появится в конце 1999 г. в турецком журнале «Yeni Turkiye Dergisi» (Ankara), под названием «Osmanli devletinin, kurulus problemi: yeni ipotez hakkinda bazi desenceler».

2. См., например: Colin Imber, 'Paul Wittek's «De la défaite d'Ankara à la prise de Constantinople» ', Osmanli Araştirmalari, v (1986); Colin Heywood, «Wittek and the Austrian traditison», *Journal of the Royal Asiatic Society, 1988, 7–25;* его же. «Boundless dreams of the Levant»: Paul Wittek, the George–Kreis, and the writing of Ottoman history', *Journal of the Royal Asiatic Society*, 1989, 32–50; см. также: Gy. Káldy–Nagy, «The Holy War (*jihad*) in the first centuries of the Ottoman empire», *Harvard Ukrainian Studies* iii–iv/2 (1979–80;=Eucharisterion Pritsak), 467–73; Rudi P. Lindner,

«Stimulus and justification in early Ottoman history», The Greek Orthodox Theological Review, xxvii/2–3 (Summer–Fall 1982), 207–224; R.C.Jennings, «Some thoughts on the Gazi–Thesis», Wiener Zeitschrift fьr die Kunde des Morgenlandes, lxxvi (1986), 151–161.

3. Paul Wittek, Yazijioghlu ʻAlī on the Christian Turks of the Dobruja, Bulletin of the School of Oriental and African Studies, xiv/3 (1952), 639–68; его же, «Les Gagouzes – les gens de Kaykaus», Rocznik Orientalistyczny, xvii (1951 [опубликована в 1953 г.], 12–24.

4. Georgiws D. Mpalastzef, O autokrator Micahl H o Palaiologos kai to idriqen th sindromi autou kratos twn Ogouzwn para thn dutikhn akthn tou Euxeinou (Sofia 1930). Работа Балашева осталась для меня недоступной (неожиданно оказалось, что в Библиотеке SOAS не имеется ее экземпляра), в то время, как на момент написания был румынский перевод (G.Balascei, Imparatorul Mihail VIII Paleologul si Statul Oguzilor pe tarmul Marii Negre (Iaşi 1940).

5. P.S.Mutafchiev, Die angebliche Einwanderung von Seldschuk–Türken in die Dobrudscha im XIII. Jahrhundert (Sofia 1943; Българска Академя на Науките и Изкуцтвата, lxvi/1); H.W.Duda, Zeitgenossische islamische Quellen und das Oguznāme des Jazygyoglu ʻAlī zur angeblichen türkischen Besiedlung der Dobridscha im 13 Jh. n. Chr., ib, lxvi/2, 131–145.

6. «Les Gagaouzes», 13: «работа важная и чрезвычайно красивая». В 1948 г. Виттек обратил внимание Тадеуша Ковальского, известного польского тюрколога и исследователя гагаузского языка, на «очень красивое открытие» Балашева (см. «Les gagaouzes», 12), и ссылается на него (с.6) в своей известной статье «De la défaite d'Ankara à la prise de Constantinople', которая была опубликована (в Revue des Etudes Islamiques, xii, 1–35) в том же году (см.: «Les Gagaouzes», 13, n.20.

7. Виттек в «Les Gagouzes...», 12 цитирует Балашева, 19.

8. Историографическое прошлое российской науки конца XIX века (Ф.К.Брун, В.Д.Смирнов) по идентификации гагаузов с тюрками Изз–ад–дина см. работу Виттека Yazijioghlu ʻAlī, 641, n.2.

9. V.Laurent, «La domination byzantine aux Bouches du Danube sous Michel VIII Paléologue», Revue du Sud–Est Européen, xxii (1945), 184–98. Эта статья была известна и использована Виттеком в его статье Yazijioghlu ʻAlī.

10. Wittek, Yazijioghlu ʻAlī, 654.

11. Там же. См.: Laurent, «Domination byzantine», pas im; G.I.Bratianu, Recherches sur le commerce génois dans la Mer Noire au xiii–e siècle, Paris,1929.

12. Laurent, «Domination byzantine» 193.

13. См. ниже, с.00,n.00.

14. Самому недавнему независимому исследованию правлений Ногая и Джеки уже более 80 лет: посмертная работа Н.И.Веселовского «Хан из темников Золотой Орды. Ногай и его время. Зап. росс. Акад. Наук, отд. истор. наук и фил., VIII. сер., xiii/6 (Петроград, 1922), 58 с. Веселовский умер в 1918 г. Работа была представлена для публикации в 1916 г. и подготовлена к печати В.В.Бартольдом, который также сделал несколько добавлений в сносках. Работа Веселовского была раскритикована, но широко использована Б.Шпулером при его изучении эпохи Ногая и Джеки (Die Goldene Horde 2, 59–75. См. также важную критику Поля Пелльо в «Notes sur l»histoire de la Horde d'Or, Paris, 1949, 73, n.2).

15. См. в данное время: Веселовский, 49–58; Pelliot, 71–83; Spuler, 70–75. Я надеюсь очень подробно вернуться к этому предмету в предстоящей статье.

16 .См. работу Е.А.Захариаду, особенно ее «Trade and Crusade: Venetian Crete and the emirates of Menteshe and Aydin», Venice, 1983, и «Romania and the Turks (c.1300 to c.1500), London, 1985.

17. Юлай Шамильоглу «An agenda for research on the history of the Golden Horde», supra/infra.

18. Полная библиография этих исследований до 19 в. имеется в работе М.Баларда «Activité économique des ports du Bas–Danube au xiv–e siècle», Travaux et Memoires.

19 .См. самые последние статьи Марку Ботцан, «Pour localiser Vicina: histoire et milieu géographique», Rev. des Études Sud–est Europeennes, xxx/1–2(1992), 61–73, а также ниже высокооцененное исследование Александра Кузева, «Zur Localisierung der Stadt Vicina», Études Balkaniques iii (1977), 112–125.

20. Кажется, эта точка зрения вошла в обиход среди широкого круга европейских экономических и политических историков благодаря таким исследованиям, как: Constantin G. Giurescu, «The Genoese and the lower Danube in the XIIIth and XIVth centuries», Journal of European Economic History, v/3 (Roma, 1976), 587–600; см., например, работу Денниса Делетанта «Genoese, Tatares and Rumanians at the mouth of the Danube in the fourteenth century», Slavonic and East European Review lxii/4 (London, 1984), 511–530, на стр.515, n.12.

21. Кузев, «Zur Localisierung der Stadt Vicina», 117, ff.

22. Октавиан Илиеску и Гаврила Симион, «Le grand trésor de monnaies et lingots des xiii–e et xiv–e siècles trouvé en Dobroudja septentrionale. Note préliminaire», Revue des Études Sud–est Européennes, ii/2–3 (1964), 217–228, на стр.220, 225–226 и табл. 3b.

23. Эрнест Оберлендер–Тарновяну и Ирина Оберлендер–Тарновяну Contributii la studiul emisiunilor monetare si al formatiunilor politice din zona gurilor Dunarii în secolele XIII–XIV, Studii şi cercetari de istoie veche şi archeologie xxxii/1 (1981), 89–109; Эрнест Оберлендер–Тарновяну «Numismatical contributions to the history of the south–eastern Europe at the end of the 13th century», Revue Roumaine d'Histoire xxvi/3(1987), 245–258.

24. О медной монетной чеканке см. E. and I. Oberländer–Târnoveanu, «Contributii la studiul emisiunilor», в разных местах; о серебряных акче, битых Ногаем в Сакджи см.: Там же, «Numismatical contributions», 252, ff. и табл.1 (с.247), no.5 (n.d.), табл.11 (с.248), nos. 6 (696 г.х.) и 7 (недатированный медный фельс).

25. Илиеску и Симион «Le grand trésor», 225 (под руководством I.Barnea; cf. loc. cit., n.12).

26. Илиеску и Симион. loc. cit.: это – поразительно неправильное чтение, которое, если бы оно было доказано, выдвинуло бы полезное доказательство правления Ногая и Джеки с 1296 г. над местным крымским княжеством Феодоро (теперь Мангуп; см. N.Banescu, «Contributional» histoire de la seigneurie de Théodoro–Mangoup en Crimée', Byzantinischen Zeitschrift, xxxv (1935), 20–37).

27. Оберлендер–Тарновяну «Numismatical contribution», 246.

28. Оберлендер–Тарновяну, «Numismatical contribution», 246. Илиеску и Симион (op. cit., 226) предполагают, что эта монета, вероятно, была местной чеканки, выпущенной в Вичине? [sic], под властью Ногая.

29. См. медный фельс/мангир Мелика Гази Гумуштегина из Сиваса (477/1084–529/1134 гг.), на которой написано tou megalou melekiamet [?] gazi, или аналогичные монеты его потомка Мелика Зу'л–Нун бен Мухаммеда (537/1142 и 564/1168–570/1174 гг.), которая дает сокращенный перевод на греческий язык имени правителя и титулов на арабском языке (o me– amir] asdanounis / ou[istou] melik makhamatis).

30. Например, эмира Зу'л–Карнейна (547/1152–556/1161 гг.), где легенда на аверсе (?) ясно читается, как o megas amiras Doulkarnayn и с сопоставимой надписью на арабском языке (но с добавлением греческой датировки с указанием индикта).

31. Ibrahim Artuk and Cevriye Artuk, Istanbul Arkeoloji muzeleri teşhirdeki Islâmi sikkeler kataloğu (Istanbul, 2 vols., 1971), i 384–7 (nos. 1180, 1183, 1186).

32. MONETA QVI FIT IN THEOLOGOS / DE MANDATO D[OMI]NI: EIUSDE[M]LOCI. Artuk and Artuk, Kataloğ, i, 435–6 no.1326) and табл.lvi.

33. Paul Lemerle, L'Émirat d'Aydin. Byzance et l'Occident. Recherches sur «La Geste d»Umur Pacha', Paris, 1957, 129–143.

34. Artuk and Artuk, «Kataloğ», i, 436 (no.1328).

35. Оберлендер–Тарновяну «Numismatical contribution», 254.

36. Однако «совместное правление» Джеки сравнимо с более ранними образцами дуального правления в степных государствах западной Азии и Понтийской зоны, например, у хазар. Но оно имело сходство и с поздней практикой в Крымском ханстве – доказательство долгой живучести этого института в доминировавших тюрко–монгольских государствах Причерноморской степи.

37. См. M.F.Köprülü, Alcune osservazioni intorno all'influenza delle istituzioni bizantine sulle istituzioni ottomane, Roma, 1953 (первоначально опубликована на турецком языке: «Bizans müesseselerinin Osmanli müesseselerine tesiri hakkinda bâzi mülâhazalar», Türk Hukuk ve Iktisat Tarihi Mecmuasi, i (1931), 165–313, в ней критикуются теории Х.А.Гиббонса, The foundation of the Ottoman empire, Oxford, 1916.

38. Oberländer, «Numismatical contribution», 249, цитирует работу: Pseudo–Kodinos, Traité des offices, ed. J.Verpeaux, Paris, 1966, 347, 1–4.

39. Ср. синхронное монгольское (/Джучидское?) использование, город Кутлуг–балиг – «счастливое поселение», основанный монголами на реке Кур в 1294 г. (Pelliot, Notes sur l'histoire de la Horde d'Or, 112), вместе с многочисленными монгольско–джучидскими собственными именами (но не включая имя Ногая), соединенных с «Кутлуг» (ср. Pelliot, там же, index, s.vv).

40. Ср. о «борьбе за трон» в Улусе Джучи мудрые замечания Л.Дж.Д.Коллинза в статье «По поводу утверждаемого распада Великой Орды в 1502 г.» Byzantinische Forschungen, xv (Amsterdam, 1991), 361–399, at 380, ff.

41. Были ли Ногай – или Джека после смерти отца удачливы или нет в своей попытке нанести поражение Токте, им просто было нужно «захватить трон Бату», то есть захватить контроль над его ордой и улусами, зависевшими от нее. Правление над Улусом Джучи / Великой Ордой должно было перейти *законно* (так как Ногай был настоящим чингизидом по происхождению по мужской линии) во владение дома Ногая.

42. Ср. находки кладов в Оделень–Делени (в северной Молдавии), о которых сообщил Октавиан Илиеску, Monede din tezaurul descoperit la Oteleni (raionul Husi, reg. Iasi), *Arheologia Moldovei* II–III (1962–3), 367–407; и в начале 20 века, в Белгороде–Днестровском, то есть средневековом и Оттоманском торговом центре Аккермане / Монкастро–Маврокастро / Cetatea Alba), ср. Л.Л.Полевой, «К топографии кладов и находок

монет, обращавшихся на территории Молдавии в конце XIII–XIV вв., *Известия Молдавского филиала Академии наук СССР*, 4, XXXI (1956), 101, обе процитированы в работе Илиеску и Симиона, 225, nn.10,11.

43. Совершенно невероятно, что Вичину можно отождествлять с Osaccea/Isakci. Если Исакчи был (а он действительно был) городом чеканки исламской монеты Ногая, как он мог быть практически также и городом византийского гарнизона?

44. Или было ли румско–сельджукское стилистическое влияние промежуточным через трапезундских посредников? И где была отчеканена монета? Действительно ли она имела связь с Исакчи или даже с нижним Дунаем, как предположили румынские исследователи?

Греческая легенда акче Ногая и Джеки
(из работы Оберлендер–Тарновяну
«Numismatical contributions», 247 [табл.1, no.6])

Аверс

Реверс

Исанбике Тоган

Джучи хан и значение осады Хорезма как символы законности*

В последнее время я была занята проблемами историографии и контекстуализации историков и их трудов, то есть наших исторических источников**. В 1997 г. я представила на Украине статью по вопросу о разделении в Хорезме[1]. В этой статье я показала, что осада Хорезма в 1221 г. изображалась в разных источниках[2], как имеющая противоречивую информацию. Для этой цели я изучила около 14 источников. Они написаны на персидском, тюркском, китайском и монгольском языках. С точки зрения времени их написания эти источники отличаются, они относятся к периоду от 13 до 17 веков. Противоречивые сведения относились к ссоре, имевшей место между принцами, сыновьями Чингис хана, включая Джучи.

Во–первых, историки прошлого не сходились в вопросе о том, что это была ссора; во–вторых, если они говорили о ссоре, то не соглашались в том, кто же в ней участвовал; в–третьих, у них были различные мнения о конфликте. Один путь для объяснения данных различий – это говорить о предубеждениях историков. Исследования, показывающие предубеждения источников по монгольской истории, не редки. Девид Аялон, Питер Джаксон, Лев Гумилев, Джакендофф уже продемонстрировали различные аспекты предвзятости. Поэтому моим намерением не было ни демонстрировать предубеждения источников, ни показывать, какой из них мог быть использован как корректный для достижении истины. Скорее, я старалась показать, что каждый источник был работой

---

* Перевод с английского языка А.А.Арслановой.

** В тексте используется минимальное количество диакритических знаков. Для имен авторов на арабской графике принято использование графики персидского языка Библиотеки Конгресса. Китайский язык транскрибирован посредством «pinyin». В транскрипции кусков на чагатайском языке я следовала Дж.Экманну, кроме использования буквы «h» вместо «x». Цитаты оставлены в виде подлинников оригиналов.

человека, отражавшего ценности своего времени. Из всех различающихся мнений мы можем увидеть, что политическая история становится очень важной с точки зрения контекстуализации источников. Мы должны знать – кем были авторы, что они написали, ценности их времени, символы и источники легитимности. Размышляя так об этих разногласиях, группируя источники и их авторов с позиции преданности, законности и лояльности, мы увидим, что совпадающие по времени источники не говорят о ссоре при осаде Ургенча в 1221 г. Под современными друг другу источниками я имею в виду те, что происходили от времени Угедея до времени Монке (1229–1259). Почему современные друг другу источники не упоминают ссору между братьями? Была ли она скрыта, или же ее не было? Почему источники, появившиеся век спустя, говорят о ссоре между братьями и почему они дают противоречивую информацию о человеке, допустившем ошибку и оказавшимся виновным в этом, а также о человеке, который примирил ситуацию. Можем ли мы сказать, что только после того, как источники отдалились друг от друга на 100 лет, они начали говорить о ссоре и конфликте? Однако определенным является факт, что к тому времени, когда они начали упоминать о ссоре, то исходили из своей точки зрения на легитимность.

В пределах этих противоречивых позиций осада Хорезма используется как притча легитимности. Каждый улус имел свои собственные символы законности. Каждый по–своему знал, кто был освободителем, кто был ловок в разрешении конфликта и кто был безупречен. У историков каждого улуса был некто, на кого они могли возложить вину. Позднее я буду говорить об этих вопросах.

Контекстуализация историков и их трудов в отношении осады Хорезма может предостеречь нас от использования исторических оценок эклектичного характера. Конечно, этот вопрос для современного времени, когда имеется большое количество информации, не является спорным. Историческая критика действительно может быть эффективно использована для современной истории. Однако для более ранних периодов мы вообще бываем счастливы, когда имеем хоть какую–то информацию. До сих пор нам нужно знать – кто были авторы и почему они говорили то, что они говорили. Я не намекаю в данном случае на вычисление политической

приверженности. Я говорю о ценностях и идеологиях времени и о спорных вопросах, которые не выражены словами, так как они были скрыты современным им народом. Следовательно, нам приходится искать очертания общей атмсферы мировоззрения на макроуровне.

Кроме предостережения от эклектичного подхода в использовании исторических источников[3], другой спорный вопрос историографии и методологии, вероятно, состоит в наших собственных предубеждениях и предположениях, основанных на нашем мировоззрении на макроуровне. Когда мы ищем истину, то делаем это на основе своих собственных предположений[4]. Концентрируясь на истории жизни Джучи и связывая ее с осадой Хорезма, ниже я исследую наш подход к Джучи хану и его роли в формировании империи[5].

Когда мы изучаем жизнь и карьеру Джучи хана, то видим, что определенные моменты признаны всеми историками. Но в то же время в других отношениях мы видим, что историки склонны недооценивать или преуменьшать некоторые достижения в его карьере. Под историками я подразумеваю авторов как исторических, так и современных исследований, так как историки являются продуктами своего времени и пытаются понять прошлое в связи с некоторыми проблемами своего времени (и теми, которые могут проявиться в будущем) – они имеют свои собственные предположения и предубеждения. Но имеется также тенденция оценивать прошлые события в ретроспективе. Все это содействует тому, что некоторым проблемам придается особое значение, а на других подробно не останавливаются. Так же обстоит дело с вопросом о жизни Джучи хана.

В целом его жизнь реконструировалась на основе трех или четырех наших главных источников, а именно трудов Насави и Джувейни, «Тайной истории монголов»[6] и «Джами ат–таварих» Рашид ад–Дина, из которых мы получаем следующую картину:

- §[7] Брак родителей, юный Темуджин и Борте[8].
- § Похищение его матери (Борте) племенем Меркит[9].
- § Спасение Онг–ханом Кераитским или с его помощью[10].
- § Обстоятельства его рождения и имени.

Его имя – Джучи – по-монгольски обычно приписывается особым обстоятельствам, при которых он родился и часто переводится как «гость» или «нежданный гость». В то же время, когда мы изучаем «Тайную историю монголов», то видим, что были и другие люди, носившие то же самое имя Джучи без особых или необычных обстоятельств[11]. Поль Пеллио изучил это имя и пришел к выводу, что его связь с нежданным гостем является лишь народной этимологией. Он установил, что это имя нужно читать и произносить не как Джучи или Джочи, а как «Джочи». На его взгляд, слово «джочи» является монголизированным вариантом тюркского слова «доши» или «тоши», так как в монгольском языке нет соответствующего слова. Тем не менее, он придал имени определенное значение («Pelliot 1950: 10–28). Однако, слово «тош», «дош» по–тюркски означает «грудная кость»[12], оно может использоваться и как термин ласки. Например, как bagir от слова ba'ur – печень, в качестве ласкательного обращения. В этом случае имя Джочи могло бы означать: «его грудная кость, его дорогой», представляя значение, приличествующее для первого сына. Дискуссии по поводу его имени показывают, что наши источники так много подчеркивали особые обстоятельства его рождения, что этими событиями даже затмевались имя и эпитет, под которыми он стал известен. Фактически мы обнаруживаем, что имя «тоши/доши» использовалось в труде Насави в качестве имени одного правителя во Внутренней Азии[13].

§. В качестве следующего события в его жизни мы слышим, что Чингис хан просил Ча'ур Беки (внучку кераита Онг–хана) для своего сына – Джучи, но что эта просьба была отклонена (MNT §165).

§. Позднее, в 1206 г. Чингис хан говорит о нем, как о своем старшем сыне и дает ему долю в военной живой силе. Он также назначил трех своих авторитетных командующих под управление Джучи. Ими были Монке'ур, Кете и Гунан. Чингис хан говорит (MNT §243):

«Я назначил для Джучи Гунана, Монке'ура и Кете – [всего] трех».

Из этих троих отсутствовал Гунан, так как возглавлял своих соплеменников[14]; его также описывают коварным, как волк–самец

в черной ночи, выдающимся и умным, как черный ворон в ясный день. При таких своих качествах он был определен под командование Джучи (MNT § 210):

«Старший из моих сыновей – Джучи. Пусть Гунан будет во главе его и будет командиром десяти тысяч под командованием Джучи».

§. В год 1207 Джучи был послан с воинами правого крыла «на лесные народы». В данном случае мы видим, что более крупные общества, такие, как ойраты, киргизы, подчинились, тогда как о меньших группах сказано, что Джучи «подчинил их». Среди них упомянуты буряты, тува, то'лес и многие другие. Согласно MNT, даже башкорты (баджирды) были среди покорененных[15]. Однако из вышеуказанной информации мы можем увидеть, что он проследовал на запад, в район Иртыша, который позднее упоминается Рашид ад–Дином (Boyle 1971: 117) как его удел.

Во время этой кампании Хоауйкан (?) дочь Джучи была выдана замуж за Торолчи, сына ойратского вождя.

§. Когда члены возникающей династической семьи получили свои доли в военном владении, Джучи тоже получил свою долю в 9000 человек. В «Тайной истории монголов» об этом имеется соответствующий отрывок (MNT § 242):

«Самый старший из моих сыновей – Джучи. Самый младший из моих младших братьев – Одчигин, [его] матери, вместе с частью Одчигина, он дал десять тысяч человек. Мать [хотя и] считала количество слишком маленьким, не подала [своего голоса] . Джучи он дал девять тысяч человек».

§. В отношении событий 1218 г. у нас есть знаменитый отрывок, где Джучи сталкивается с Чагадаем из–за особых обстоятельств, сопровождавших его рождение. Это было после избиения послов в Отраре (1218 г.)[16] и до кампании Чингис хана на запад, когда Есуй Катун, одна из его жен, попросила назначить наследника, говоря (MNT§ 254):

«Кого из твоих четырех сыновей [которые являются] кулу'уд и которые рождены от тебя, ты назовешь? [...]. Чингис Каан сделал степень родства, сказав, «[...] Я также забывал [об этом], как если бы я не следовал предкам. [Я] спал, как будто [я] не буду захвачен смертью», сказал он, «Мой старший сын – Джучи. Что ты скажешь?

Говори [это]. До того, как Джучи подал [свой голос], заговорил Ча'адай, сказав: «Когда [ты] говоришь, что Джучи будет говорить [это], то ты [этим] даешь Джучи [право наследования]? Как мы можем себе позволить, чтобы нами правил этот чул (?чул) улджа-'ар Меркидов»? Джучи вскочил тогда, схватив Ча'дая за воротник, он заговорил, он сказал: «Отец хан [никогда] не говорил мне, что я другой [чем мои братья]. Как отличаешь меня ты? Каким умением [ловкостью] ты более [способен, чем я]?».

Ссора заканчивается здесь тем, что Угедей был назван преемником двумя братьями – Чагадаем и Джучи. Заслуживает внимания, что исключая этот последний отрывок, во всех вышеупомянутых отрывках Джучи почитался как первый сын. Однако позднее историки склонялись к подчеркиванию похищения Борте и протеста Чагадая, усиливая, таким образом, молчаливые подозрения об обстоятельствах, сопровождавших его происхождение. Эти обстоятельства затем часто связываются со ссорой в Хорезме (Урганче) и с таинственными обстоятельствами ранней смерти Джучи, о которых ходили слухи.

В действительности все эти акценты дают нам в чем–то утонченную картину экспансии империи в направлении Восточной Европы с самых ранних дней. Эта тонкая картина не может быть легко согласована с экспансией и длительностью существования Улуса Джучи до 16 века. У нас создалось впечатление, что «Золотая Орда» возникла позднее, благодаря обстоятельствам, которые не были связаны с традициями, более ранней историей и т.д.[17]. Вдобавок к этому, обычно считается, что Монгольская империя подошла к своему концу в оседлом регионе, т.е. в Иране и Китае в 14 веке. Районы Золотой Орды, поскольку они остались за пределами горизонта оседлого историка, обычно не берутся во внимание как наиболее устойчивая часть империи[18]. Я полагаю, что историки России имеют различные взгляды, происходящие из их исторического опыта. С точки зрения западной историографии, противоречие между короткой и нехаризматической жизнью Джучи хана, как она оценивается, и великолепием Золотой Орды, как показано современными описаниями путешественников (Карпини, Рубрук), впервые приписано утверждению Джувейни о том, что Джучи было отдано руководство в походе на Запад, до тех пре-

делов, которых достигнут копыта монгольских лошадей, и, во–вторых, союзу Бату хана с Монке. Согласно этой точке зрения, экспансия была обусловлена жестокостью монгольских орд. Тогда как успех Бату обычно рассматривается как происходящий от его мудрости, а также в связи с манипуляциями Соркагтани Беки, жены Толуя. Ее, в свою очередь, рассматривают и оценивают как женщину, холившую своих сыновей для правления и умело защищавшую права своих сыновей; как способствовавшую заключению договора и союзу с Бату. Вообще после Бату и Берке не слишком много известно об Улусе Джучи, так называемой Золотой Орде, кроме того случая, когда они находились в ссоре с Ильханами и Чагатаидами, также за исключением российской точки зрения. Другими словами, образ жестокости продолжает существовать. Даже наблюдения Ибн Батуты о жизни в 14 веке не смогли изменить эту картину. Иначе говоря, образ монгольских орд был крепче действительных событий или даже понимания понятия «орда».

Несмотря на эти две проблемы, я хотела бы представить другую картину или сценарий в двух частях: главной темой сценария являются те обстоятельства, которые сопровождали рождение Джучи, вопросы незаконности и нехаризматической карьеры. Наоборот, это – карьера сына–первенца, имевшего определенные права и обязанности в соответствии с обычным правом. Эта карьера будет рассмотрена с двух сторон: первая часть связана с карьерой сына–первенца до времени осады Хорезма; вторая часть касается значения осады для его карьеры.

Часть 1: Карьера сына–первенца

Согласно более современным исследованиям, похищение Борте произошло в 1183/1184 гг. (Ratchnevsky 1991: 281). Джучи должно быть тоже родился в том же году, так как Угедей родился в 1186 г. В том же году будущий тесть Джака Гамбу убежал в Северный Китай (Джау'кут) и остался там в плену (I.Togan,1998:85). Джака Гамбу был спасен в следующем году при помощи Темуджина. В то время Джака Гамбу и Темуджин заключили союз и Онг хану То'рилу пришлось бежать в земли Кара Китая. Возможно, между тем временем и возвращением Онг хана в 1196 г. Джучи была от-

дана дочь Джака Гамбу, которая впоследствии в браке была известна как Бек Тутмиш Фуджин. В этой связи Рашид ад–Дин говорит следующее (Boyle 1971:99):

«В детстве и юности Джучи хан добивался в жены дочь Джакагамбо, которую звали Бек–Тутмиш Фуджин, сестру Ибака Беки, жены Чингис хана и Соркоктани Беки, жены Толуй Хана. Она была старшей женой Джучи хана».

Мы знаем, что Ибака и Соркагтани вышли замуж в 1204 г. (MNT § 208), это произошло тогда, когда снова Темуджин и Джака Гамбо скрепили печатью договор. В то время Джака Гамбо стал «вторым древком» Темуджина, позднее Чингис хана (MNT §186). Из–за этого особого события, во время которого они вышли замуж за Чингиса и его сына Толуя, их стали называть «двумя дочерьми Джака Гамбо» (MNT §186). Но в то же время имелась еще другая дочь – Бек Тутмиш Фуджин; при этих обстоятельствах она не упоминается. Даже женитьба на ней Джучи не зафиксирована. Ее имя не появляется при описании этих событий. Она фигурирует в особом разделе о Джучи хане в истории Рашид ад–Дина, переведенном Бойлем на английский язык, под названием «Преемники Чингис хана». Однако, когда мы размышляем о его карьере как сына–первенца, то видим, что к 1207 г. он уже имел дочь на выданье (MNT §239); ей могло быть только 8–10 лет в 1207 г. В таком случае Джучи должен был жениться до 1196 г. Следовательно, в обеих интерпретациях Джучи должен был жениться до 1196 года. Конечно, мы не знаем, кто была мать Холикан. Возможно, была другая жена; в этот ранний период, когда будущая жизнь династической семьи была еще неустойчивой, возможность многоженства для молодого человека 20–22 лет не была столь необычной.

Теперь, когда мы возвращаемся к упомянутым выше отрывкам, то видим, что Джучи почитался как первый сын, согласно семейному праву, обычному праву (не династийному праву). Рассмотрим эти отрывки более внимательно. В отрывке, относящемся к покорению лесного народа (1207), Чингис хан говорит (MNT § 239):

«Самый старший из моих сыновей, родившийся в шатре, ты [являешься] одним из тех, чей путь [является] хорошим. Ты не причиняешь боль и не заставляешь страдать людей и меринов в

землях, в которые [ты] ушел, покорив счастливый Народ Леса, я отдам народ тебе».

Здесь выражение «самый старший из моих сыновей, родившийся в шатре», заслуживает внимания. Френсис Кливз понимает этот отрывок так: «достигнув зрелости» (Cleaves 1982: c.173 n.23). Это же понятие выражено в другом отрывке MNT (§277) в словах «родившись некогда в шатре». В монгольском варианте первая фраза читается так:

«kö'üd–un minu aqa či
ger–teče sayi yarču»

Эти слова означают : «Ты – самый старший из моих сыновей и ты только что покинул семейный шатер, [чтобы основать свою собственную семью]». Образование своей семьи включает не только установление отдельного шатра, но также и пастбищ. Мы видим, что этот кочевнический обычай был широко распространен среди казахов в 19 веке. В.Радлов, который отметил его у казахов, пишет (1976: 194):

«Если размер стада семьи увеличивается намного больше того количества, которое она может пригонять на традиционные зимовки, самому старшему из братьев приходится искать новые зимовки».

В случае с Джучи мы, кроме того, отмечаем, что права выпадали на долю старшего сына. Как первый сын он завоевал лесной народ и в 1207 г. овладел территориями до Иртыша. Теперь посмотрим на эти события более внимательно (MNT §239):

«В год зайца [1207] [Чингис Каан] назначил Джучи выступить с воинами правого крыла на Народ Леса. Бука пошел, направляя [его]. Кудука Беки из Ойратов, еще раньше десять тысяч Ойратов, подчинившись, пришли [к Джучи]. Придя, он повелел Джучи, чтобы [он] направился к десяти тысячам Ойратов и заставил [их] покориться в Шийшиде.

Джучи покорил Ойратов, Бурятов, Барын, Урсуд, Кабканас, Кангкас и Тубас, когда он пришел, у десяти тысячей Киргисудов вождей Киргисудов, Еди Инал, Ал Ди'ер и Оре Бег Дигин, вожди Киргисуд пришли покориться, придя, взяв белых кречетов, белых меринов и черных соболей, пришли к Джучи.

Из Шибир, Кесдийюм, Байид, Тукас, Тенлег, То'лес, Тас и Бад-

жигит, здесь Джучи, покорив народы леса, позволил [им] придти к Чингис Каану с белыми кречетами, белыми меринами и черными соболями. [...]».

В данном отрывке мы встречаем одно за другим все названия народов леса, то есть тогдашних обитателей Сибири. Это случилось сразу после провозглашения Темуджина Чингис ханом в 1206 г., тогда Джучи был назначен в 1207 г. руководить кампанией, которая продолжалась до 1217 г.[19].

Посмотрев на события в ретроспективе, мы можем увидеть, что эта кампания в 1207 г. не привлекла большого внимания историка, происходившего из оседлого народа, но она имела значение, так как была кампанией за пределами непосредственного района, в котором Чингис хан пришел к власти. До того времени Чингис хан воевал с традиционными соперниками – найманами, кераитами, меркитами. Эта кампания фактически была предвестником последовавших кампаний, которые создали «покорителя мира». Она развивалась дальше в связи с преследованием разбитых группировок меркитов, найманов и других. В то же самое время они привели монголов ко «все более и более активному интересу с их стороны к миру, находившемуся вдали от Монголии»[20]. Эти народы и страны, которые Джучи стал контролировать, остались в его владении. Вероятно, для историков, писавших позднее о монгольских завоеваниях, ни эти территории, ни указанный народ не были такими же значительными, как Самарканд и Бухара, поэтому установление власти Джучи в этом обширном районе не получило должного внимания, за исключением исследования Поля Буэля. С другой стороны, так как обычные противники обратились в бегство, в 1209–1210 гг. силы под командованием таких полководцев, как Субе'дей, Джебе и Тагачар[21], также пришли на эти земли и вступили в сговор с Хорезмшахом (Buell 1992:5–9). В 1218–19 гг. Джучи возглавил кампанию против непокорившейся группы меркитов в Кам–Кемчик, или, вернее, в районе Кем–Кемчик, то есть на Верхнем Енисее и его притоке Кемчик[22]. Это происходило также приблизительно во время Отрарской резни в 1218 г.; Джучи, который находился в районе Кемчик, отцом было приказано очистить район от враждебных действий[23]. В этом процессе Джучи играл важную роль с 1207 по 1221 г. В течение периода монголь-

ской оккупации Восточной Азии 1211–1218 гг. лесные народы проявили признаки недовольства. В 1218 г. Джучи встретился с оппозицией и проблемами со стороны лесных народов. В 1218 г. подняло восстание племя Кори Тумад[24]. Киргизы отказались поднять войска на войну с Кори Тумад, но эти трудности были преодолены. Поль Буэль, посвятивший целый раздел в своей статье действиям Джучи по «обеспечению безопасности на Севере в 1218–1219 гг.»[25], делает следующий вывод:

«Общее восстание [включая все лесные народы] оказалось, однако, недолгим и в 1219 г., после личного вмешательства Джучи в кампанию, по замерзшим рекам Селенга и Енисей, все покорились или вновь подчинились монголам».

Ранней весной 1219 г. на Корчи было возложено руководство лесными народами (MNT §207,241), и Джучи снова отправился на запад, к Кара Куму, произвел атаку на Дженд и затем прибыл к Ургенчу.

Все эти районы в 1221 г. все еще находились под управлением Джучи при нападении на Дженд и позднее – при осаде Ургенча. Поль Буэль в заключении своей статьи пишет следующее (Buell: 1992: 30):

«Великое монгольское нашествие 1219–1220 гг. постоянно меняет историю Центральной и Западной Азии. Тем не менее, оно не было случайным, неожиданным происшествием, но логичной кульминацией десяти с половиной лет монгольского «Unterwanderung» на Туркестан и Западную Сибирь. В процессе этого «нашествия» монголы преследовали и уничтожали враждебных беглецов от степных войн за объединение, вступили в конфликт с новыми народами и новыми культурами, захватили новые владения, получили новых союзников и новые законные интересы. Они проявились как главная сила в западной Азии».

Другими словами, к 1221 г. Джучи около 14 лет правил этими народами леса. Как мы видели выше, отец похвалил его за мастерство в завоевании и управлении, говоря: «Он не обидел или не заставил страдать людей и меринов» (MNT §239). Эта похвала Чингис хана также не слишком принимается во внимание, так как она не является утверждением, ожидаемым от Чингис хана, которого считают жестоким человеком. Опять наше представление о

нем затмевает его слова. По словам Туджи (1984:298), Ку Дафенг и Лиу Джиани (1998:285) утверждают, что «его отец, однако, не считал это [то есть снисходительность по отношению к врагам] уместным поведением для командующего армией». Однако такая оценка действий Джучи Чингис ханом обнаруживает совпадение при других обстоятельствах, в других источниках. Особенно это проявляется в отношении осады Хорезма.

Итак, мы видим, что во время своей западной кампании и во время правления Джучи обрел уважение и силу. Тогда, когда его отец был занят в Китае и на востоке, он больше стал известен на западе (то есть до Отрарской резни в 1218 г.), именно поэтому мусульманские историки, как, например, Джузджани упоминают его имя в тюркской форме, как Туши хан (надо читать как Тоши), он говорит о нем в следующих словах (Raverty 1881, П:1096):

«Туши был старший из сыновей Чингиз хана, он был очень энергичный, бесстрашный, мужественный и воинственный»; его слава была настолько велика, что его отец боялся его».

С другой стороны, большинство мусульманских историков говорят о его мягком отношении к завоеванному населению. Это отношение позднее стало одним из моментов конфликта. С другой стороны, хорасанский историк Насави (1241), писавший для монголов, связывает его мягкий образ действий с тем фактом, что Джучи считал Хорезм своей долей и поэтому не хотел, чтобы его собственные владения (мульк) были разрушены. В то же время мы уже видели, что ранее отец похвалил его за мягкие действия. Его отношение не обязательно было связано с имущественным интересом. Если даже было и так, что в этом плохого?

С другой стороны, Джувейни (1260) также говорит о Хорезме, как о доле Джучи. Я не думаю, что назначение Хорезма во владение Джучи было формальным, ибо Хорезм находился на пути Джучи при походе на запад от Енисея через Джетису и Сыр–Дарью (Дженд). Поэтому он справедливо должен был считать Хорезм своей долей и осуществлять там особые приготовления. Теперь пересмотрим информацию о вотчине («юрт» – по–тюркски, «нунтуг» – по–монгольски) и о его доле. Насави – (1241), написавший одно из ранних описаний, не говорит о «юрте» Джучи, но передает слова Джучи хана: «Мой отец, Чингиз хан подарил Хо-

резм мне, и я не желаю, чтобы мое владение было разорено» (Nasavi 1965: 124). После этих слов, которые были произнесены во время осады Ургенча, вновь свидетельствующие о мягкой натуре Джучи, мы понимаем, что он смотрел на Хорезм, как на свою долю. Как Насави, писавший в 1241 г., так и персидский бюрократ и историк Джувейни, находившийся на службе у монголов и писавший в 1260 г. преимущественно со своей точки зрения, говорят о Хорезме как о доле Джучи. Джувейни пишет (Boyle 1958, 1:42):

«Своему старшему сыну Туши он дал территорию, простиравшуюся от районов Каялыка и Хорезма до отдаленнейших частей Саксина и Булгара и так далеко, куда достигнут копыта татарской лошади».

Джувейни дал эти сведения в ретроспективе, с высоты своего времени; мы знаем, что при жизни Чингис хана регионы к западу от Уральских гор, то есть Саксин и Булгар на Волге, не были завоеваны[26]. Поэтому эта часть утверждения Джувейни не воспринята серьезно позднейшими историками, но это же самое не является обоснованным и для Хорезма. Хорезм вообще рассматривался как его доля[27]. Однако, если посмотрим внимательно на события в Сибири, то поймем, что фраза «так далеко, куда достигнут копыта татарской лошади», говорит об обстоятельствах, когда Джучи отдали руководство в походе на запад, но с выгодного пункта на севере, как первому сыну, когда он покинул семейный шатер в 1207 г. Вот почему его доля также позднее осталась в северной стороне[28]. Другим современным источником, написанным вдали от этих событий, является труд Джузджани. Он не говорит о вопросах доли. «Юань–ши» в конце 14 века говорит очень кратко, но ясно о его доле, которая была ему дана в первые годы существования государства. Здесь локализация, данная на северо–западе, может рассматриваться как верная для раннего государства (YS 117.Vol.5:2906):

«Джучи (Зучи), он был старшим сыном Чингис хана (Тайдзу). Сначала, как принцу крови, ему пожаловали северо–запад в качестве его доли (лен). Эти территории находились очень далеко, на расстоянии 10000 ли от столицы. Если скакать на коне, то это заняло бы более 200 дней».

Довольно интересно, что, с другой стороны, Рашид ад–Дин дает

нам иную ретроспективную информацию, которая гласит: (Boyle 1971:117):

«Чингиз–хан поручил Джучи хану все страны и улус, который располагается в районе Эрдыша (Иртыша) и все Алтайские горы, а лето и зима в этом районе колеблются. Он также издал ярлыг, что возьмет во владение Кипчакскую степь и страны, которые будут завоеваны в той стороне. Его юрт находился в районе Эрдыша, а его местожительство находилось там, как показано на этой картине».

Как мы знаем, Кыпчакская степь не была еще в то время завоевана, но некоторые кыпчаки, жившие к северу от Хорезмшахов, пришли тогда под монгольское правление. Однако Рашид ад–Дин идет даже дальше в снабжении нас пристрастной версией. Он пишет (Boyle 1971:118):

«Что касается Джучи, он отправился из Хорезма на Эрдыш, где находился его тяжелый обоз и достиг своего ордоса. Прежде Чингиз–хан приказал Джучи отправиться на завоевание северных стран, таких, как Булар, Башгирд, Орус, Черкес, Кыпчакскую степь и покорить их. Так как [Джучи] воздержался от этой операции и вернулся в свои шатры, Чингиз–хан был очень разгневан и сказал: «Я предам его смерти, не взглянув ему в лицо».

Здесь, конечно, мы встречаемся с пристрастностью Рашид ад–Дина. Вероятно, как придворному историку при Толуидах, ему как–то было необходимо возвести напраслину на Джучи. Говоря словами Питера Джаксона, труд Рашид ад–Дина «датируется временем, когда вражда Ильханов и Золотой Орды держалась уже около 40 лет» (1978:189). Упомянутая выше ссылка на то, что Джучи уклонился, относится ко времени после осады Ургенча[29]. Так как ситуация после осады, приведшей в результате к смерти Джучи, также встречается в разных случаях, мы поговорим о ней позже.

Утемыш Хаджи, писавший в Хорезме в 16 веке, делал это для правителей Хорезма, которые, кроме всего прочего, были потомками Джучи. После рассказа о том, как Чингиз хан поделил наследство между своими сыновьями, он говорит[30]:

«Но Джучи хан был старше всех его сыновей. Дав ему большое число воинов, он послал его в область Дашт–и Кыпчак. Он дал ему Хорезм, чтобы тот служил как фураж для коней».

Здесь мы снова видим, что право Джучи, как первого сына, подчеркнуто. Как мы знаем, «Тайная история», которая была очень близка по времени к событиям, не говорит о формальном наделении землей, сделанном при жизни Чингис хана. В труде Рашид ад–Дина есть отрывок о разделении труда, выпавшего на долю сыновей (Boyle 1971:17–18). Интересно, что эта же информация имеется и в «Истории завоевателя мира» Джувейни, где тоже имеется упоминание о Джучи (Boyly 1958,1:40), отсутствующее в работе Рашид ад–Дина[31]:

«От этой (то есть главной) жены Чингиз–хан имел четырех сыновей, рисковавших своими жизнями при выполнении великих дел и славных сражений и были для трона царства как четыре его пьедестала, а для дворца ханства как четыре столба. Для каждого из них Чингиз–хан избрал особую обязанность. Для Туши, старшего сына, он назначил охоту и погоню, которая является у монголов великим спортом и очень ими почитается».

Намекая на эту ссылку, Ку Дафенг и Лиу Джиани утверждают, что обязанность Джучи была простой и незначительной. В сравнении с ним они нашли, что другим его братьям были даны руководство законодательством (Чагадай), управление царством (Угедей) и командование армией (Толуй)[32]. Как бы то ни было, нам необходимо поразмышлять в рамках соответствующего периода времени, когда эти обязанности были поручены сыновьям. Может показаться, что Джучи было поручено руководство охотой и погоней снова около 1207 г., когда государство только устанавливалось. Среди кочевников того времени организация охоты и особенно облавы имела огромное значение[33]. Тот факт, что Джучи была поручена организация охоты, может оцениваться как командование войсками, чем он фактически и занимался в 1207 г. Он получил больше войск, чем другие, что является подверждением этого факта. Отрывок, указывающий на обязанности, возложенные на других сыновей, о котором сказано выше, показывает, что они относились к управлению государством. Рашид ад–Дин относит этот разговор, сделанный в форме пожалования, на весну 1227 г., в то время как война в Тангуте еще продолжалась (RS/T:385 и Boyle 1958, 1:181,n.7), а Джувейни помещает инцидент в период времени, когда Чингис хан вернулся с запада и был на грани своей кам-

пании на тангутские земли. Мы знаем, что к тому времени Джучи уже не был со своим отцом. Поэтому распределение обязанностей между четырьмя сыновьями, как описано у Джувейни, не могло произойти в то время. Вероятно, версия Рашид ад–Дина, не говорящая о присутствии Джучи, отражала исторические обстоятельства.

Часть 2. Осада Ургенча

Обычно осада Ургенча описывается в очень ясных выражениях. Возможно, ученые уже пришли к определенному заключению по этому вопросу и представляют ситуацию как таковую. Не кажется также, что есть много сомнений в отношении разделения империи на четыре улуса. Интересно, что Хорезм, вероятно, является тонкой разделительной линией в этом мнимом делении. Например, как К.Е.Босворт, так и Заки Валиди в своих соответствующих статьях в E.I. и I.A. имеют схожие утверждения. Я процитирую ниже замечание Босворта (E.I. C.1064):

«Обширная империя, созданная этой последней линией Хорезм–шахов, тем не менее, разрушилась до монгольского завоевания, и столица шаха ‘Ала’ ад–Дина Мухаммада Ургенч (прежний Гургандж) досталась Чагатаю и Угедею в 618/1221 г. после мужественной защиты. Затем северная часть Хорезма и Нижней Сыр–Дарьи на 140 лет вошли в земли Золотой Орды, и только южная часть, включавшая Кят и Хиву, вошла в Чагатайский улус; до 751/1350 гг. Хорезмом прямо правили ханы Золотой Орды...»[34].

Выше мы также видели, что Насави, Джувейни рассуждали о Хорезме, как о доле Джучи. Ал–Умари, писавший в начале 14 века, тоже говорит о Хорезме, как о регионе, находившемся под властью Золотой Орды, без какого–либо раздела. Он создает впечатление, что этот регион всегда находился под властью Джучидов, укрепляя, таким образом, предположение, что Хорезм был долей Джучи (Lech 1968: 100,145–146). Абу–л Гази, писавший в 17 веке, с другой стороны, говорит, что некоторые части Хорезма были долей Чагатаидов, намекая этим на то, что другие части составляли долю Джучи (Desmaisons 1871, Текст: 148). Однако ни в одном из источников, касавшихся времени жизни Джучи, не упоминалось об этой тонкой

линии (границе) между Ургенчем и Кятом. Более внимательно исследовав события XIII в., я поняла, что в действительности в начале XIII в. не было реального раздела, как мы это понимаем в настоящее время. Оно представляло собой постепенное развитие, шедшее до второй половины XIII в. Во–первых, оно происходило после 1252 г., когда потомки Джучи под командованием Бату установили контроль над Хорезмом. Впервые Хорезм оказался под центральным управлением и позднее превратился в оспариваемую Чагатаидами территорию. После 1260 г., с другой стороны, Чагатаиды добились полного контроля в западных районах, таких, как Хива. Утверждения Босворта и Заки Валиди Тогана были заключениями, выведенными ретроспективно, они подводили итог конкуренциям и спорам XIII в., от периода стабильности, который был достигнут во второй половине XIII в.

Эти конкуренция и спор, однако, были значительными в рамках проблем, относящихся к наследованию власти, законности и символов закономерности. В свете расходящейся информации, касающейся раздела Хорезма, мы видим, что она становится очень близко связанной с разделом империи. Мы знаем из «Тайной истории» (§ 202), одного из самых ранних источников, что Чингис хан разделил свои войска между членами семьи, но там нет сведений о разделе завоеванных территорий на четыре улуса. У каждого сына была собственная вотчина (юрт, нунтуг), то есть области пастбищ и стоянки (ордо) без четко проведенных границ; они больше представляли собой районы. Главный раздел происходил в пределах населения, а не территорий; может показаться, что территориальный раздел завоеванных земель – вместо собственных пастбищ, стоянок – для всех четырех сыновей проявляется во время осады Хорезма и после нее. Таким образом, раздел династической семьи монголов сконцентрировался на осаде Гурганджа (позднее Ургенча), в дальнейшем столицы Хорезмшахов. Я уже упоминала об особенностях раздела и раздачи, которые мы наблюдаем в истории тюрков и монголов (I.Togan, будущая работа). Нигде значение перераздела или раздела не было изображено так же ясно, как в случае с Хорезмом[35]. Осада Гурганджа или Ургенча была очень важной с различных точек зрения.

Вначале не было четкого раздела. Были только свободные гра-

ницы, которые можно понимать как отражение следующих слов Чингис хана, обращенных к Чагатаю и Джучи в «Тайной истории» («MNT 1 255):

«[Идти] так далеко, чтобы вам соединиться, что это? Мать–земля широка. Много рек и вод. Расширяя стоянки [...] и делая [каждого из вас] правителем государства, мы разделим вас».

Этот разговор датируется 1218–19 г., временем ссоры между двумя братьями. Цитата ясно показывает, что в то время не было формального раздела. Разделительная линия между Ургенчем и Кятом (Хивой) развивалась постепенно из серии споров. Только к середине ХШ в. Хорезм и Ургенч подпали под власть Золотой Орды.

Во–первых, я дам подоплеку значения осады Ургенча, далее опишу различные оценки и чем они отличаются. Затем мы увидим, что определенные вопросы и события имеют символическое значение. Девин де Виз показал, что символы, как знак непрерывности и изменения в истории могут быть прослежены (1994). Здесь мы имеем случай, событие, которое использовано в качестве символа, то есть символа легитимности. Осада Ургенча является показательным примером такого рода символа. С точки зрения историографии, с другой стороны, я надеюсь, мы сможем рассматривать источники не как книги, оцененные с позиции их близости к событиям и точности, но как книги, написанные историками, которые, как человеческие индивидумы, отражали ценности своего времени и окружения. Есть определенные ценности, которые читаются, и те, которые не читаются, если вспомнить одну из «ораторских конструкций» Фуко[36]. В каждый период истории и в наше собственное время имеется много вопросов на макроуровне, которые мы считаем само собой разумеющимися и не пишем о них. Эти вопросы в общем относятся к пониманию порядка в данном обществе[37]. В связи с событиями, относящимися к осаде Ургенча, мы видим, что каждый историк говорит с точки зрения различного значения порядка. В более узком смысле каждый историк, наверно, писал со своей преимущественной точки зрения, в пределах теории познания законности, то есть части своего окружения. В результате мы приходим к осознанию, что в досовременной истории Центральной Азии проблемы законности яв-

лялись наиболее решающим вопросом.

Раздел империи концентрировался вокруг Хорезма и поэтому является важным, так как был отражением позднейших проблем престолонаследия[38], а в целом – легитимности соперников. Вот почему во всех источниках осаде Ургенча уделено особое внимание. Поразительно то, что все подробности осады повторяются в более или менее едином виде, даже с мельчайшими деталями, но отличаются с точки зрения участников и их отношений друг с другом во время осады.

Наиболее подробное описание осады имеется в исследовании Бартольда (1968: 433–37). Я не буду повторять его здесь, так как наша главная задача – понять какого рода сведения мы находим в наших текстах в отношении следующих вопросов:

а) Кто был виновен в осаде Ургенча?

б) Имелось ли разногласие между сыновьями Чингис хана?

в) Кто был несогласен?

г) Чем окончилась эта ссора?

Ответы на эти вопросы у историков различаются. Сначала я представлю краткое описание того, как Бартольд реконструировал историю, а затем дам примеры из более ранних описаний и покажу противоречия. Позднее я сгруппирую описания с точки зрения их символов законности. На основе различных описаний Бартольд пишет (1968:433,435):

«Для осады такого большого города, как Гургандж, Чингис хан должен был послать гораздо большее войско, чем против других городов. С юго–востока корпуса Чагатая и Угудея с тысячами правого крыла двинулись на Хорезм через Бухару, тогда как корпуса Джучи двинулись из Дженда на северо–восток. [...]. Главная причина неуспеха осады, как утверждает тот же историк, заключалась в ссоре между Джучи и Чагатаем. Причина этой ссоры не отмечена, но из описания Насави очевидно, что Джучи приложил все усилия, чтобы спасти богатый город, который впоследствии был включен в его территорию, от разрушения. С этой целью он призвал несколько раз жителей сдаться, и в доказательство искренности своих обещаний указал на тот факт, что монголы избегали военных действий, когда это было возможно, и что, вопреки своим обычаям, они даже воздержались от нанесения ущерба сель-

ским районам (рустакам) поблизости от города. Среди жителей мудрые головы обсудили принятие этого предложения, но «болваны» одолели. Первые заметили, что сам султан Мухаммад, когда был на острове, советовал жителям своих земель не противостоять врагу. Нерешительность Джучи, конечно, вызвала возмущение Чагатая, а Чингис–хан, услышав о распрях между принцами, назначил Угудея главнокомандующим всех трех войск».

Наиболее ранним является описание этого происшествия у Насави (1965:124–126). Выше мы говорили о том, как Насави и Джувейни оценивали отношение Джучи к Хорезму. В «Тайной истории», написанной около 1240 г., правление Угедея и история рассказана следующим образом (MNT § 258):

«И так Чингис Каган, вернувшись с равнины Барула, послал своих трех сыновей – Джучи, Ча'адая и Огодея, сказав, «Пройдя реку Амуи с воинами правого крыла, расположитесь [вы] в городе Урунгечи». Он послал Толуя, говоря, «расположись [ты] во многих городах, сделав во главе их Иру и Исебур». Сам Чингис Каган встал лагерем в городе Удирар. Когда три сына – Джочи, Ча'адай и Огодей послали просьбу, в которой говорилось: «Наши армии полностью собраны. Мы достигли города Урунгечи. Согласно чьим словам из нас мы будем действовать?». Когда Чингис Каан издал указ, то послал его, говоря, «Действуйте [вы] согласно словам вашего [брата] Огодея».

Позднее, когда (MNT § 260):

«Три сына – Джучи, Ча'адай и Огодей, приведя в подчинение город Орунггечи, разделив между собой народ всех трех городов, не принесли четвертую часть Чингис Каану».

Он был рассержен, у его товарищей и советников были тяжелые времена, когда они пытались успокоить его, говоря, что сыновья только учатся ведению войны[39]. Позднее Чингис хан не дал Ургенч ни одному из своих сыновей; управление Ургенчем было отдано двум хорезмийцам, назначенным правителями (MNT § 263):

«Снова заканчивая покорение народа Сарта'ул, Чингис Каан издал указ, назначив даругачин в города и города; из города Урунгечи пришли сарта'улы клана Курумчи, отец и сын, их имена были Ялавачи и Маскуд, рассказывали Чингис Ка'ану обычаи и законы города, [последнему] было рассказано, чтобы он знал [обычаи, по

которым правились города]...».

Другими словами, Ургенч и Транскоксиана управлялись центральным правительством. Мы знаем этот факт. Позднее Чагадай прогнал Махмуда Ялавача. Огедей, который был каганом, просил об этом Чагадая. Однако Чагадай не получил ответа. Он сказал: «Я сделал это. У меня нет объяснения». Между тем, за свою искренность он получил Трансоксиану в качестве доли. Огедей не хотел спорить с ним[40]. Таким же образом части Хорезма перешли в руки Чагатаидов.

Так как эти две цитаты показывают, что ранние сведения имеют противоречивую информацию, Джувейни, писавший около 1260 г., не упоминает Джучи присутствующим в Ургенче; он говорит о Чагадае и Угедее и не упоминает ни о каком конфликте (Boyle, 1958, 1:123–128). Рашид ад–Дин, писавший в начале 14 века, говорит, что туда были посланы три старших брата. Затем было разногласие между двумя старшими, и Чингис хан послал своего самого младшего сына Толуя решить проблему, и тот сделал это. Иначе говоря, история конфликта начинается с труда Рашид ад–Дина, в котором Толуй рассматривается как замиритель ссоры (RS/T,371–373). Однако в другом месте (Boyle,1971: 118) Рашид ад–Дин говорит о распре между Джучи и Чагадаем и о том, что Чингис хан приказал Огедею взять на себя командование операцией. Как было отмечено выше, это было соперничество между Ильханами – потомками Тули – и Золотой Ордой, что, видимо, имело влияние на атмосферу в описании этого важного события, написанного в двух версиях одним и тем же автором.

У Улуг Бега, писавшего в первой половине 15 века, имеется длинное подробное описание конфликта между двумя старшими сыновьями. Но он идет даже так далеко, что говорит о том, что войска Джучи и Чагадая воевали друг против друга и что конфликт был разрешен Угедеем (1994:154–167).

Хондемир, писавший в начале 16 века, кратко суммирует описание, данное Улуг Бегом, и рассказывает о конфликте между двумя старшими сыновьями. Он утверждает, что конфликт был решен Угедеем (Т.Ш–34). Эти два труда и труд Шараф ад–Дина Али Йазди[41], вероятно, написаны с точки зрения тимуридской законности и благосклонности к кагану, верховному правителю, в дан-

ном случае Угедею. Тимуридские источники выказывают предпочтение Угедею, как это делает «Тайная история», которая была написана при правлении Угедея. Однако «Тайная история» не говорит о конфликте. В этом случае, то есть в смысле теории конфликта, тимуридские историки следуют за Рашид ад–Дином, но меняют имена персонажей и принимают сторону Огедея. Очевидно, что они на стороне центрального института, каганата.

Абу–л Гази, писавший в 17 веке, следует сообщению Джувейни и Рашид ад–Дина в своем повествовании, но меняет персонажей и следует традиции, установленной Улуг Бегом, изображая Угедея замирителем конфликта (Desmaisons, 1871:110–111). Тем не менее, он также добавляет в длинный рассказ, вставленный в другое место[42], что его предок, Джучи хан, был расстроен, однако он делал все, что в его силах, чтобы угодить Чингис хану. Но так как чувства Джучи были задеты, он не включился в дела Хорезма и отправился на север, в кыпчакские земли (Desmaisons,1871,текст: 131–132),

То, что он отправился в кыпчакские земли, также отмечено Джузджани, который пишет:

«Когда Туши и Чагатай, сыновья Чингиз хана завершили свою работу в Хорезме, они обратились на Хифчак; и войско и племена хифчаков они продолжали покорять одно за другим и захватывать; и они взяли все племена в свое подчинение. Туши, который был самым старшим сыном Чингиз хана [как уже было сказано], когда он познакомился с климатом земли Хифчак, решил, что во всей вселенной не может быть более прекрасной земли, более приятного климата, более мягкой воды, лугов более зеленых, и пастбищ более обширных; и антипатия к отцу начала входить ему в голову. Он сказал своим доверенным лицам: «Чингиз Хан начал сходить с ума, так как он вырезает так много людей и разрушает так много стран! Так что, наверно, было бы похвально с моей стороны, если бы на какой–нибудь охоте я убил бы моего отца, вошел бы в союз с Султаном Мухаммадом [Хорезм шахом], сделал бы эту страну цветущей и дал бы помощь и поддержку мусульманам». Его брат, Чагатай получил известие об этой мысли [его брата], дал знать отцу об этой вероломной идее и замысле. Когда Чингиз хан узнал об этом, он отправил своих секретных агентов, так, чтобы они дали

яд Туши и убили бы его».

Конфликт между отцом и сыном[43] отмечен Рашид ад–Дином совершенно по–другому, как было выше указано. После отрывка, в котором Рашид ад–Дин говорит о разногласии между братьями в Хорезме, он пишет (Boyle 1971:118):

«Что касается Джучи, он отправился на завоевание северных стран, таких как Булар, Башгирд, Орус, Черкес и Кипчакская степь и на покорение их. Так как [Джучи] воздержался от операции и вернулся в свои шатры, Чингиз хан сильно разгневался и сказал: «Я предам его смерти, не взглянув ему в лицо».

Из приведенного выше рассмотрения событий и их трактовок в источниках мы можем сказать, что наши источники в отношении преследований Джучи, его вовлеченности в осаду Ургенча и важности Ургенча для проблем легитимности, могут быть разделены на три главных категории. Во–первых, у нас есть источники[44], написанные близко по времени к событиям и которые подробно описывают события в Ургенче, однако не говорят о конфликте. На втором плане у нас есть источники[45], которые подчеркивают конфликт между братьями и которые, тем не менее, не согласны друг с другом по вопросу о том, кто был виноват и кто был подобен третейскому судье, принесшему мир и порядок. Этот человек меняется в соответствии с контекстом, в котором оказывается автор. Но что определенно, так это тот факт, что история конфликта между братьями начинается с труда Рашид ад–Дина. Эта история конфликта между братьями не была безосновательной; вероятно, она была переработкой старой истории конфликта между отцом и сыном (замеченной Джузджани) и новыми обстоятельствами в контексте соперничества и конфликта между братьями. Эта переработка была ближе к реальностям соревновательной атмосферы 14 и 15 вв. Третья категория источников[46] – это те, которые не дают даже намека на конфликт, когда они говорят об осаде Ургенча. Впрочем, эти источники вообще не делают различия между братьями. Они были написаны вдали от проблем конфликта и соперничества 14–15 вв. С другой стороны, такие авторы, как Абу–л Гази и Утемиш Хаджи, считавшие себя имевшими отношение к Золотой Орде, говорят о Джучи благосклонно.

Далее, все они показывают, что участие в Хорезме было в выс-

шей степени важным. Урганч, являвшийся столицей Хорезма и Хорезмшахов, был воротами на запад и северо–запад, находился на перекрестке, являлся торговым центром. Власть над Хорезмом имела дополнительное значение легитимности. В работе 16 в. «Шайбани–наме» ее автор Бинаи говорит, что тому, кто бы ни мечтал завоевать восток, придя с запада, необходимо установить свою власть в Хорезме. Он говорит, что это же справедливо для тех правителей, кто приходит с востока и хочет завоевать запад. Поэтому, говорит он, все великие правители в истории хотели завоевать Хорезм (Kubo 1997:78).[47]

Сводка событий.

Если мы попытаемся расположить события в их перспективе, то можем сказать следующее:

(1) Отец Джочи Темуджин был из клана Борджигид и кости Кияд; его мать Борте Уджин была из племени Конгирад. (2) Конгирады считались одним из наиболее почтенных племен. (3) Родители поженились в согласии с монгольским обычаем. (4) Позднее, в 1183/84 г., мать Джучи была похищена Меркитами. (5) После ее спасения из рук Меркитов, она родила сына. (6) Есть два мнения в отношении ее беременности. (7) Согласно Рашид ад–Дину, она была беременна, когда ее похитили[48]. (8*) «Тайная история», с другой стороны, сеет сомнение по поводу ее положения, намекая, что она забеременела в плену. (9) Согласно обычаю монголов, ранг детей от одного отца был соразмерен рангу их матерей, так что ребенок старшей жены [или с более высоким родословным статусом] жаловался большим предпочтением и более высоким положением[49]. (10) Борте была женой, имевшей уважаемое происхождение, она оставалась главной женой. (11) Сын, которого она родила, был первенцем. (12) Сын стал известен как Джучи (Juchi) и/или Тоши (Доши). (13) Значение первого имени, а именно – Джучи, позднейшими источниками было истолковано как «нежданный гость»[50]. (14) Эта интерпретация в большинстве случаев была принята историками и стала влиять на умножение теорий о подозрительном происхождении Джучи, поскольку другие личности, упомянутые в «Тайной истории» под именем Джочи,

не обладают такими же легендами. (15) Однако мусульманские историки, близкие к тому времени, отметили его во второй форме, то есть Тоши (Доши). (16) Согласно Полю Пеллио, имя Джочи представляет собой монголизированную форму от тюркского слова «Тоши». (17) В этом случае слово могло означать «его дорогой». (18) Можно даже сказать, что это было не имя, а эпитет.

(19) Джучи был наделен определенными правами и привилегиями, как перворожденный. (20) К 1196 г. он женился на Бек Тутмиш Фуджин, дочери Джака Гамбо, брата Онг хана Кераитского. (21) К 1202–03 г. его отец попросил для него Ча'ур Беки, внучку кераита Онг хана; в этой просьбе было отказано. (22) Согласно Джувейни и Рашид ад–Дину: так как он был старшим сыном, то был назначен на охоту и облаву, (23) или, согласно Абу–л Гази, Чингиз хан поручил Джучи переговоры, обсуждение, сборы, пиры, игры (включая военные), развлечения и дела разведки (ойун).

(24) Поскольку он был перворожденным, в 1206 г. ему дали больше войск, чем другим братьям. (25) Под его командование были отданы три известных героя; один из них был даже вождем его племени, что являлось привилегией. (26) Покинув свою семью и обосновавшись независимо к 1207 г., (27) он отрезал для себя новые земли на северо–западе. (28) Это соответствовало кочевому обычаю; если не было достаточно пастбищ, старший сын должен был основать свой домен путем поиска новых пастбищ. (29) Они были даны ему на северо–западе, (30) как говорится, «куда только могло проникнуть копыто монгольской лошади». (31) Между 1207 и 1221 гг. он привел разные народы Сибири под свое правление. (32) Отец похвалил его за снисходительное поведение (к покоренным). (33) В 1207 г., после покорения людей леса, его дочь Халикан была выдана замуж за Торолчи из ойратов. Бейджин, северная столица Цинь, была завоевана в 1215 г.; во время своей занятости в Восточной Азии и на Северном Китае, вероятно, Джучи также должен был вернуться на восток[51]. (35) Как бы то ни было , к 1216–17 г. он продолжил свой поход на запад. (36) В 1217 г. восстал Кори–Тумад и Киргиз не хотел поставить войска против Кори–Тумада. (37) Джучи был способен восстановить порядок перед лицом оппозиции к своей политике. (38) Он был известен как «очень энергичный, бесстрашный, мужественный и воинствен-

ный человек». (39) Автор этих слов, Джузджани, даже думал, что его величие достигло такой степени, что отец боялся его[52]. (40) Около этого времени произошел Отрарский инцидент. (41**) Иначе говоря, Джучи там не было, когда, согласно MNT, Есуй Кадун попросила Чингис хана назвать наследника, (42) и когда предположительно Чагадай сказал о своих подозрениях в отношении происхождения Джучи, оба вступили в спор (как указано выше)[53]. (43) Когда произошла Отрарская катастрофа в 1218 г., Джучи находился в районе Кем–Кемчик. (44) Он прибыл туда летом и осенью 1218 г.[54], (45) в кампании по замерзшей реке Енисей он отправился на запад. (46) В быстром рейде все еще в западном направлении, но более к юго–западу, он прибыл в Кара–Кум, (47) оттуда произвел атаку на Дженд и взял его 21 апреля 1221 г. (48) Немного спустя он был перед Ургенчем. (49) Он пришел туда со всеми своими силами, вот почему Насави говорит о нем, как о главном лидере. (50) Урганч стоял на его пути и он захватил его, как само собой разумеющееся. Ургенч тоже должен был стать его долей, как и все сибирские земли и народы, которые он покорил. (51) Поэтому он сказал, что отец подарил ему Хорезм в качестве доли и он не хотел, чтобы его собственные владения (мульк) были разрушены.

(52) Земли, о которых сказано, что они стали его долей, были описаны позднее историками с ретроспективной точки зрения и поэтому включают районы, которые были завоеваны его потомками. (53) Осада Ургенча и завоевание Хорезма продолжались долгое время. (54) К этому времени ожидалось, что Джучи возглавит кампанию. (55) Согласно MNT, когда они спросили отца о том, кого они должны слушать, он сказал – Угедея. (56) Здесь, наверно, Джучи был обижен. (57) Сыновья разделили добычу на три части и не дали никакой доли своему отцу, что разгневало его. (58) Во время осады, Джучи снова отсутствовал из–за мягкой политики, которая в этот раз была против него. (59) Все это показывает, что к тому времени существовал конфликт между отцом и сыновьями (60), скорее всего между отцом и старшим сыном. (61) Тем не менее, представляется, что какой бы ни был конфликт между братьями, он не был велик: так как ранние источники не говорят о нем. (62***) Однако источники 14 в., начиная с Рашид ад–Дина, упоми-

нают конфликт между Джучи и Чагадаем. (63) Местонахождение Джучи после завоевания описано по–разному; в этом случае историк склоняется к признанию различия в оценках. В этих версиях о смерти Джучи мы слышим, что: (64) Джучи посетил своего отца и сделал ему подарки, оказал должное почтение, ушел на север. (65) Он был убит горем, удалился на север, не ответил на вызовы, вероятно, из–за болезни. (66) Он был рассержен на отца из–за убийств и хотел убить его. (67) Он воздержался от приказов Чингис хана завоевать районы Кыпчака и Булгара, и Чингис хан хотел убить его. (68) Он был отравлен. (69) Он упал с лошади. (70) Можно также сказать, что он был обижен, отошел в Кыпчакскую степь, заболел и вскоре умер. (71) Ку Дафенг и Лиу Джиани думают, что его болезнь произошла из–за психологического стресса. (72) Есть также мнение, по которому Джучи виновен в неповиновении приказам и что он симулировал болезнь, но позднее открылось, что это была ложная информация и что он всегда оставался честен перед отцом. (73) Но, возможно, наиболее драматическое описание смерти Джучи и того, как эти новости были получены, исходит от Улуг Бега. В своем «Шаджарат ал–Атрак» или «Тарих–и Арба'а Улус», он дает следующее описание. Когда новость о смерти Джучи достигла царственной ставки, Великий Поэт (Улуг Джирчи) сообщил новость Чингис хану в форме поэмы, в которой сказал: «Море восстало, кто может снова успокоить его? Тополь упал, кто сможет снова поднять его?». Чингис хан ответил: «Когда море восстало, это мой сын Джучи, который сможет его снова успокоить. Когда тополь падает, это мой сын Джучи, который сможет снова поднять его». Но затем он заподозрил и спросил: «Джучи умер?». Тогда поэт ответил, что боится гнева Чингис хана, он не чувствовал себя вправе сказать это. Теперь уже хан сам произнес, что знает это. Встреча заканчивается пятью четверостишиями, где он говорит: «Подобно дикому ослу, потерявшему своего осленка, я разлучен с моим осленком. Подобно бесхитростному человеку, обманутому и отделенному от своего мальчика, я отделен от моего собственного сына». Три четверостишия (1, 2, 5) этой поэмы на чагатайском тюркском языке в персидском тексте, приведены ниже 56):

Tengiz bašdin bulġandï
Kim tudurur ey ḫanïm
Tirek tübdin jıġıldı,
Kim turġuzur ey ḫanïm

Tengiz bašdin bulġansa
Turdurur oġlım Jučidır
Tirek tübdin jıġılsa
Turġuzur oġlım Jučidır

[...]

Qulunï alinġan qulanday
Qulunumdin ayrıldım,
Ayrïlïşqan anqavday
Er oġlumdin ayrïldïm

Эпилог

Сводка событий показывает, что наше видение Джочи затемнено тремя примерами, которые были выше отмечены звездочками. Последний из них (№ 62), то есть история конфликта, был уже раньше обсужден. Очень вероятно, что это было преувеличением, проявившимся в контексте конфликтов 14 века.

Два других случая, то есть похищение и подозрение насчет происхождения, очевидно, берут начало из одного источника – «Тайной истории». О мотивах автора «Тайной истории» уже писали Лев Гумилев и Гарри Джакендофф. Первый думает, что автор был членом старой аристократии, затаившим анти–чингисовские чувства (Гумилев 1987:238–243). Джакендофф, с другой стороны, считает, что автором «Тайной истории» был разочарованный урянгкай (1977:31–35). Кажется, что в отношении Джучи точка зрения Джакендоффа имеет большое значение. Два случая, отмеченные звездочками (похищение и незаконность) показывают анти–джучидские чувства. Как мы знаем, Субе'дей – урянгкай, в конце концов завершил завоевание Восточной Европы. Однако он должен был присутствовать на сцене с начала, то есть с 1209–10 г.[57] Его дела подробно не зафиксированы, в его биографиях – противоречивые сведения, он не выдвинут на передний план мусульманс-

кими источниками, которые меньше сообщают о событиях на севере. Тем не менее, монгольская история, написанная в 17 в., придает Субе'дею большое значение. Очевидно, память о нем сохранилась у монголов[58].

Каковы бы ни были мотивы разочарованного урянгкая, писавшего во время правления Угедея, во время рождения Джучи и в течение жизни Чингис хана, Джучи остался старшим сыном, рожденным от главной жены. Она, в свою очередь, имела знатное происхождение, поддерживалась кланом, члены которого позже играли важные роли в империи. Ее клан Конгирад стал консортным кланом в Китае, а также в районе Золотой Орды.

Вопрос состоял не столько в похищении или незаконности[59], но в подчинении обычного права, семейного права чингисидскому порядку, «ясак» – по–тюркски и «жасаг» – по–монгольски. Это подчинение также означает подчинение разделения власти сосредоточению власти. В рамках этой перемены у Джучи возникают препятствия в его положении, обязанностях и правах[60]. Интересен тот факт, что до осады Ургенча он пользовался всеми привилегиями перворожденного сына. В других контекстах такие привилегии давали благоприятную позицию старшему сыну. Говоря о старших сыновьях при Оттоманах, Халил Инальчик пишет (1993: 54–55):

«Получив наиболее важный пограничный регион во время своего раннего периода, самый старший принц, несомненно, занимал выгодное положение [...]. В тот период наиболее мощные силы государства находились в пограничном регионе. Старший брат, овладевший пограничным районом, был не только de facto в самой сильной позиции, но его военные испытания были также намного большими, чем у других братьев».

Оценка ситуации у Оттоманов дословно применима к позиции Джучи. Однако в случае с Джучи эта выгодная позиция, скажем так, испарилась, так как прерогативы династии, государства превалировали над семейным правом. Династия не желала предаваться практике наследования, в которой положение самого старшего сына должно было быть институционализировано. Различные описания и слухи о Джучи, заставившие его исчезнуть, нуждаются в оценке в рамках этого изображения на макроуровне.

Согласно обычному праву и более ранним традициям Внутренней Азии, обычно старший брат (ака) должен был наследовать первым и покинуть семейный шатер, он имел право решения от имени семьи, по крайней мере, идеологически[61]. Самый младший брат наследовал имущество и домашний очаг. Однако в данном случае ни Темуге Отчигин, ни Джучи не получили того, что должны были получить в соответствии с обычным правом. Имя Темуге Отчигина уже означало, что он был хранителем домашнего очага, но он должен был потерять это свое положение. Позже мы видим его даже взбунтовавшимся. Иначе говоря, в то время, когда в соответствии с обычным правом младший брат Чингиса и его старший сын были ожидаемыми наследниками права на правление, ясак Чингис хана, новый порядок, прокладывал путь для самого достойного. Самым достойным был Угедей[62]. Решение описано в разных источниках по–разному. Абу-л-Гази Бахадур хан, также писавший о разделе труда между четырьмя сыновьями, пишет (Desmaisons 1871, текст: 93)[63]:

«Он назначил каждому одну работу. Переговоры, совещание, сборы, праздники и игры (включая военные), развлечение и дела разведки (ойун) он поручил Джучи; дела юстиции он поручил Чагатаю; землю и правление он поручил Огедею; набор войск – Толую. Он разделил народ и дал каждому из четырех своих сыновей долю и заставил каждого править самому и сказал им: «Будьте в согласии друг с другом, не мешайте друг другу».

Этот отрывок продолжается притчей о стрелах, как у Джувейни[64]. Эта притча придает особое значение координации и совместному действию братьев. У Джувейни, с другой стороны, Чингис хан выступает против того, чтобы все сыновья были независимыми, другими словами, многоголовой змеей; он говорит (Boyle 1958, 1:181 и 41–42):

«Если все мои сыновья мечтают быть ханом и правителем и не содействовать друг другу, не будет ли это походить на басню о змее с одной головой и змее со многими головами?».

Между прочим, эта же притча упоминается в труде Джувейни в другом месте после притчи о стрелах (Boyle 1988, 1:41–42):

«Но если нет среди вас лидера, совету которого подчиняются другие братья, и сыновья, и помощники, и спутники, и командова-

нию которого они почтительно следуют, тогда вы будете подобны змее со многими головами. Однажды ночью, когда было очень холодно, головы хотели уползти в нору для того, чтобы согреться. Но как только одна голова входила в нору, другая голова мешала ей; и так они все погибли. Но другая змея, имевшая только одну голову и длинный хвост, вползла в нору и нашла место для своего хвоста и для всех своих членов, которые она оберегла от жестокости холода».

Из этих отрывков очевидно, что Чингис хан не очень думал о разделе власти, в котором бы превалировало побочное право наследования[65]. В системе побочного права наследования наследством должны были владеть совместно члены семьи. Право наследования должно было переходить от старшего брата к младшему. После младшего брата оно переходило к самому старшему сыну старшего брата. Таким образом, ясно, что, в соответствии со старинным обычаем, кандидатами были Темуге Отчигин и Джучи. Абу-л-Гази Бахадур хан, который хорошо сознавал эти проблемы и знал, какие обычаи и традиции поддерживаются – вопреки мерам, предпринятым во время правления Чингис хана – стремится установить обычай старшинства и семейного права на своем месте в истории. В отношении Темуге Отчигина он говорит, что Чингис хан слишком был огорчен смертью Джучи, послал Темуге Отчигина к Бату и сказал ему 66):

«Ты пойди в Дашт–и Кыпчак и посади на трон отца второго сына Джучи хана, которого зовут Бату и который имеет титул Саин Хан; убедись, что его младшие братья и его командиры послушны ему».

Здесь надо заметить, что младший брат и самый старший сын используются автором (Абу-л-Гази) для того, чтобы подчеркнуть переход власти от первого ко второму. Как мы видели ниже, в дальнейшей истории Золотой Орды линия наследования начинается со второго сына, переходит к младшим сыновьям и затем переходит к потомкам старшего сына. Предпочтение второго сына первому создает дополнительное ограничение власти. Первый сын тогда остается для совета, но у него нет власти[67].

Новый порядок (ясаг), установленный Чингис ханом, поддерживал самого достойного[68]. Фактически Угедей действовал как

самый достойный, введя разделение наследства. В 1236 г. первые официальные распределения уделов были проведены под управлением Угедея[69]. Позднее, в течение 13 века, мы видим, что потомки Толуя, самого младшего сына Чингис хана, получили как собственность (армию), так и право на правление, то есть Монке, как Великий хан, Хубилай и Хулагу, правившие в оседлых землях, к которым они открыли доступ своими мечами, правили в соответствии со своими собственными правилами (Lech 1968: 103). Соперничество между различными ветвями имело те последствия, что во второй половине 13 в. потомки самого младшего сына (Монке, Хубилая, Хулагу) и двух старших сыновей (Улус Джучи и Улус Чагатая) стали правителями. Мы также знаем, что это было достигнуто с помощью и согласия Бату. Между прочим, сам Бату тоже не был первым сыном, а вторым[70]. Иначе говоря, около полувека процесс наследования власти в империи был, так сказать, запущенным в ход, так что самый достойный мог выйти победителем, пока не будет достигнута стабилизация. Она была достигнута к 1260 г.

При Улусе Джучи превалировала традиция семейного права, разделения власти и побочного наследования, и земли управлялись в соответствии с ранними обычаями и при разделении власти, как было замечено выше. Джучи покинул Хорезм, им вновь овладел Бату. Джучи и его народ продолжали традицию сочетания семейного права, обычного права и династического права; в этом была их сила. Достигнутый компромисс был решением вопроса в пользу второго сына. Иначе говоря, ни Бату, ни другие члены Улуса Джучи никогда не предъявляли прав на ханство. Они оставались «ака», без титула «Великий хан». Это также было подчинением семейного права[71], разделения власти, побочного наследования[72] династийному правлению и государству Чингис хана, которое предпочитало монополию политической власти (I.Togan 1998:139–150). Однако, в то же самое время при Улусе Джучи «уруг», то есть племена продолжали играть роль, старшие сыновья (ака) играли важную роль, имелось разделение и побочное наследование власти[73]. В этом случае они могли добиться поддержки прежних обитателей степи, кыпчаков и тех, кто покинул Монголию и Алтайский регион через северный путь.

С этой точки зрения, можно сказать, что Бату обладал властью в континууме, начиная с карьеры Джучи, как первого сына. Они были потомками первого сына, Джучи. Элементы гибкости, которые являлись краеугольным камнем правления Улуса Джучи, также были объяснением его стойкости. Они не стремились стать Великими Ханами, Каганами, но сохранили свои права старшего сына в соответствии с семейным правом. Они добились этого, достигнув компромисса по праву второго сына.

Примечания

1. Вслед за использованием в источниках, близких к событиям, я использовала термин Хорезм не в отношении к самому региону, а к его столице Гурганджу или Ургенчу, который находился на месте Кухна–Ургенча (Куня–Ургенча), то есть Старого Урганча в Туркменистане. См.:Boyle 1958:1958,1:123,n.1. На протяжении всей этой работы используются оба термина: Хорезм и Ургенч.

2. Доклад был представлен на конференции, посвященной А.Е.Крымскому (Звенигород, 27–30 мая 1997 г.) и включен в данную статью.

3. Оценка В.Бартольдом осады Хорезма является хорошим примером этого эклектичного и критического подхода. Она будет показана ниже.

4. Например, Бабур говорит скорее о «склонности» к одной женщине, чем о посещении многих жен, что иногда являлось причиной плохой репутации. Babur 1946 (ed. by Arat), vol.1:20. text:20b.

5. Недавно Ку Дафенг и Лиу Джиани (1998) также провели переоценку жизни Джучи хана.

6. В данной статье название «Тайной истории монголов» сокращено в виде MNT – по названию на монгольском языке.

7. Здесь я указываю главные события знаком §, не давая номера. События перечисляются ниже. Об этих событиях см.: Рачневский, 1991: 34–37 и I.Togan, 1998:79.

8. MNT § 61–66, 94.

9. MNT § 99–103.

10. MNT § 104–111.

11. Слово джочи – «гость», могло быть дано любому, так как по монгольскому обычаю было принято называть ребенка по первому предмету, который мать видела после родов.

12. Dankoff 111:198 и 11:212, No. 497 и Clauson 1972: 558 b.

13. Nasavi 1965:7. Муджтаба Минови, редактор персидского изда-

ния, говорит, что имя было написано в форме «туш» в персидской версии и «души» в арабском оригинале.

14. В то время было привилегией управлять своим собственным племенем; об аспектах детрайбализации см.: I.Togan 1998:131–136.

15. Баджирды, упомянутые здесь, определенно были не те, что жили в Поволжье и на Урале. Имелись, однако, другие небольшие группы башкортов к востоку, как те, которые живут в Каракалпакии. Согласно Р.Г.Кузееву, следы башкортов могут быть прослежены в районе Баласагуна, на верхнем Иртыше и в устье Сыр–Дарьи. См.: Р.Г.Кузеев. Присхождение башкирского народа, М., 1974.

16. Подоплеку отрарской резни см.: Buell 1992:20–23.

17. См., например, Morgan 1986:136, где история Золотой Орды начинается с 1235 г. и далее. В целом Морган придерживается мнения, что Монгольская империя возникла без предварительных планов, как большое нашествие. (1986:72–73).

18. Об аспектах длительности см.: Collins 1991.

19. Подробно об этапах и датах этой кампании, которая длилась с 1207 г. по 1219 г., см.: Buell 1992:5. Наши источники иногда дают противоречивую и запутанную информацию о датах, включая эти события. Подробный анализ изложенных отрывков Поля Буэля вносит ясность в проблему.

20. Buell 1992:3.

21. SWQZL упоминает имя этого человека, как То'учар. Пеллио–Гамбис (1951:178–79) утверждают, что правильной формой имени является Тагачар. Он был конгратом и выступает как одна из важных личностей в поздней истории конгратов «Фирдаус ал–Икбал». См.: Юрий Брегель: 1982:362, №24.

22. Boyle 1958,1:69 и Buell 1992:23.

23. RS/1,2 p.177; RS/T:332 и Buell 1992:26 по 1217 г. Эти отрывки показывают, что он двинулся в эти районы в 1216–17 г., сразу после завоевания Бейджин, северной столицы Цин. RS/M:1–143–144 (отрывок о киргизе).

24. RS/A:348.

25. Buell 1992:23–27.

26. Как показывает название этого совещания, они пришли на Калку в 1223 г.

27. Например, см.: Бартольда 1968:437 , Босворта и Заки Валиди Тогана.

28. Халил Инальчик по поводу оттоманского наследования и его связи с тюркской концепцией власти говорит, что старших сыновей посы-

лали в приграничный район. Он утверждает, что наиболее важные границы давались старшему сыну (1993:51–52).

29. Эта же информация еще раз повторена в рассказе о Бату (Boyle 1971:107), где Рашид ад–Дин также включает Ибир–Сибир в эту неточность. К тому времени Ибир–Сибир, то есть Сибирь, уже с 1207 г. была завоевана. Мы видим, что в обоих описаниях имеется тенденция обвинить Джучи.

30. Юдин 1992:120 и с.91 – перевод на русский язык.

31. Дж.А.Бойль обращает наше внимание на это несоответствие между двумя источниками (Boyle 1958, 1:180–182 и n.7; см.: Boyle 1962:133).

32. 1998:285–286.

33. Замечания Абу–л Гази о «работе» Джучи см. далее ниже – в «Сводке событий», № 23 и текст с переводом этого места ниже – в сноске 63.

34. Интересно, что современная граница между Узбекистаном и Туркменистаном также идет между этими двумя городами, хотя старый г. Гургандж состоит теперь только из руин, называемых Кухна Ургенч.

35. Завоевание Хорезма также отмечает этап в завершении, после чего идея разделения завоеванных территорий стала более возможной.

36. Фуко 1972:4; 31–39. Я хотела бы выразить свою благодарность Эвриму Бинбашу, который выявил эту связь.

37. Например, если туфли находятся в чулане, мы не чувствуем необходимости реагировать, но когда они на холодильнике, то нам определенно надо писать о них.

38. Питер Джаксон в своей статье говорит о напряженности, созданной проблемами наследования; он подробно говорит о двух источниках напряженности в Монгольской империи. Они были таковы: 1. распределение пастбищ, 2. наследство и наследование (1978:192–198). Эти проблемы наследования также очень много рассматривались Халилом Инальчиком (1993).

39. Это описание могло прекрасно отражать дух времени, когда добыча делилась между участниками события. Институциализация центра с предоставлением части добычи отсутствующему правителю не была еще полностью установлена. У Чингис хана для подобного руководства был ранее обвиненный кераит Онг хан (I.Togan 1998:90–91). Нужно также отметить, что, согласно указанному описанию, добыча делилась среди трех братьев – участников; четвертому сыну – Толую, который не был участником, не было дано никакой доли.

40. Из Рашид ад–Дина у Бартольда 1968:472.

41. Cl.Huart. «Sharaf al–Din ‘Ali Yazdi» в E.I, vol.IV:318.

42. Техника, которая ранее была использована Улуг Бегом.

43. Бартольд также ссылается на это (1968:458).

44. Nasav*ī* (1241),MNT (после 1240), Juvain*ī* (1260), Juzj*ā*n*ī* (1260).

45. Рашид ад–Дин, Шараф ад–Дин ʻАли Йезди, Улуг Бег, Абул Гази.

46. Соответствующий отрывок имеется у Ибн ал–Асира (ум. в 1234 г.) T.12:152. В SWQZL (1260–90), который был отредактирован Ван Гуовеем (1962, перепечатка издания 1926 г.,с.192), Юаньши (конец 14 века) представлена выше в переводе. «Алтан Тобчи» (аноним) 1952:85 – 17 век.

47. Я хотела бы выразить благодарность Нуртен Кылыч, давшей эту справку.

48. Улуг Бег посвятил долгий разговор проблеме легитимности Джучи (с.218–221). Он утверждает, что похищение Борте не было успешным, так как, услышав об этом инциденте, Онг хан кераитский вступился и спас Борте. Этот, последний мотив об «Онг хане», восходит к Рашид ад–Дину, где Борте была возвращена ему после спасения.

49. Например, Джувейни у Бойля 1958,1:41.

50. См.: Рассказ Рашид ад–Дина у Бойля 1971:98.

51. Buell 1992:20.

52. Из Джузджани, цитированного выше.

53. Улуг Бег, рассматривая жизнь Джучи хана, говорит, что Чагадай и Огедей клеветали на Джучи хана и что подробности этой клеветы дошли до чагатаидских исторических трудов (1994:219).

54. Buell 1992:23. Также Джувейни у Бойля 1958,1:69,81.

55. RS/A:348–49. Текст здесь также подразумевает Селенгу, но когда он уже был в Кеме, еще прежде этого пересек Селенгу.

56. Улуг Бег, «Шаджарат ал–Атрак» или «Тарих–и Арба'а Улус». Из рукописи Британской Библиотеки. Add/26190 (с.163), как упомянуто Заки Валиди Тоганом, «Cengiz Han» (заметки мимеографической лекции 1969–1970) с.32. Я хотела бы выразить свою благодарность Дурсун Йилдирим, обратившего мое внимание на эту поэму.

Сюда я включила четверостишия 3 и 4, так как они значительно различаются в двух вариантах: в мимеографических лекционных заметках Заки Валиди Тогана и в узбекском переводе труда Улуг Бега (1994:219–221).

57. Buell 1992:7–16.

58. Bawden 1955: S.23,41. В этом описании упоминается только каган Угедей. Джучи и другие сыновья не упомянуты.

59. Фактически мы знаем немного о представлениях о законности у монголов 12 века. Часто позднейшие авторы переносят свои собственные представления на события, сопровождавшие рождение Джучи.

60. Ку Дафенг и Лиу Джиани думают, что Чингис хан стал менее энергичен (1998:285) и позднее отказался от монольского обычая (1998:286), а его отношение к Джочи изменилось настолько, что он даже сказал, что его нужно убить (1998:288).

61. Об этой проблеме, которую Питер Джаксон называет «старшинство», см.: 1978:193. Как он верно замечает, ранняя ссылка исходит от орхонских надписей, где «Кюль Тегин говорит о том, что его отцу наследовал младший брат, а не его сын «в соответствии с обычаем» (torude uza...)»; Здесь Питер Джаксон ссылается на Талат Текин: 1968:234.

62. Разговор о том, как Чингис хан обдумывал этот вопрос, см.: Ratchnevsky 1991:20–23.

63. Her birini bir išk a ta'ayin qïlïb irdi; ṣohbet ve toy ve oyun–niṉ J̌učiġa; yarġu aldurmaq ve tutdurmaqni Čaġatayġa; memleket–niñ malïnï ve ḍabṭ qïlmaqnï Ogedayġa; čerig tartibini Tuliġa [...] birib qaytïb irdi bu tört oġliġa illärni bölüb birib bir birdä olturub aytdi kim bir biriñiz bilän muvafaqat qïlïñ muḫalefet itmañ tidi.

64. Boyle 1958,1:41.

65. Barfied 1989:133–138.

66. *Sin Dašt–i Qipčaq–a bargïl, taqi Joči Han–nïnñ ikilänči oġlï Batu ve laqabi Sayin Han turur, ani atasï–nïñ taḫtinda olturub iniläri ve umaralarini aña tabi' qïlgïl* (Desmaisons 1871, text:170). В действительности, Темуче Отчигин не так много пользовался привилегией «принца домашнего очага семьи»; позднее он не почувствовал себя вознагражденным и восстал. В результате он был убит во время правления Гуюк хана (Boyle 1971:178, 180 и 182).

67. Позднее, в 16 веке, когда эти конфликты между семейным правом и государственной традицией были разрешены у узбеков, мы видим, что старший член династической линии становится правителем, и его правление называлось «номинально–почетным правлением (салтанат–и сури)»; правление самой харизматической и могущественной персоны из младших называлось «фактическим правлением (салтанат–и ма'неви)». См.: Robert McChesney, 1991:76–77.

68. Халил Инальчик в упомянутом выше исследовании не использует термин «самый достойный», но он так говорит о том, как эта практика понималась Оттоманами: «Вера в то, что вся династия совместно участвовала во владении государством и что именно Бог выбрал действительного правителя, была еще слишком сильна, чтобы ее можно было игнорировать».

69. См.: I.Togan 1973.

70. Различные описания того, как Бату, второй сын, получил пред-

почтение перед старшим сыном Ордой, см.: Allsen 1985:10.

71. Об этой проблеме см.: Jackson:195 и Бартольд 1968:479.

72. О побочном наследовании см.: Barfield 1989:133–138 и у Джаксона, который говорит об этом, как о «старшинстве» 1978:93.

73. Наследование в Золотой Орде может быть суммировано следующим образом: 2.Бату (1227–1256) наследовал его младший брат 3.Берке (1256–1266). Берке наследовал старший брат Бату, второй сын Тогана 4. Монке Темур (1266–1281). Ему, в свою очередь, наследовал его младший брат 5. Туда Монке (1282–1287). Правление вернулось к 6.Тула Буке (1287–1291), сыну Дарту, старшему сыну Тогана, сыну Бату. Тула Буке наследовал 7.Токта хан (1292–1313), сын Монке Темура. Токте, в свою очередь, наследовал 8.Узбек хан (1313–1340), сын старшего брата Токты Тугрулчи.

Система побочного наследования, в которой младшие братья наследовали один другому, а затем на сцену приходил сын старшего брата, изменилась во время правления Узбек хана. Узбек хан, который поддерживал концентрацию власти и внес определенную централизацию в Золотую Орду (I.Togan в печати), назначил своего старшего сына Тинибека бесспорным наследником. После его наследования 9. Тинибек был свергнут 10.Джанибеком (1340–1357), который, в свою очередь, совершил братоубийство и остался только его сын 11.Бердибек (1357–1360). Когда Бердибек был убит, линия Бату прекратилась. Правление в Золотой Орде перешло к линии Токай Темура, 13–го сына Джучи (Kafali 1976: 49–87).

Список литературы

Allsen T. 1957–87 «The Princes of the Left Hand: An Introduction to the History of the Ulus of Orda in the Thirteenth and Early Fourteenth Centuries», Archivum Eurasiae Medii Aevi V (1985–87). 5–40.

Ayalon D. «The Great Yasa of Chingiz Khan: A Reexamination», Studia Islamica 1971–73, vols. 33(97–140), 34(151–80),36(113–58),38(107–56).

Babur Zahirüddin. 1946. Vekayi. Babur'in Hâtirati. 2 vols., Ankara: Türk Tarih Kurumu Yayinlari. B*ā*bur–n*ā*ma (Vaq*ā*yi'). Критическое издание, основанное на четырех чагатайских текстах с введением и примечаниями. Eiji Mano (ed.) Kyoto, Shôkadô, 1995. Baburnama. 3 vols. Wheeler Thackston (ed. and trans.) Cambridge: Harvard University The Department of Near Eastern Languages and Literatures, 1993.

Barfield Thomas. 1989. The Perilous Frontier. Nomadic Empires and China. Cambridge, Massachussets: Basil Blackwell.

Barthold V.V. 1968. Turkestan Down to the Mongol Invasion. 4th ed. Philadelphia, Pennsylvania: E.J.W. Gibb Memorial Trust.

Barthold V.V. 1935. Zwölf Vorlesungen über die Geschichte der Türken Mittelasiens. Berlin: Deutsche Gesellschaft fur Islamkunde.

Bartold W. «Djuwainī», Encyclopaedia of Islam. Vol.1.Pp.1067–1070.

Bawden Charles. 1955. The Mongol Chronicle Altan Tobci. Wiesbaden:Otto Harrassowitz.

Beveridge H. «Khwāndamīr», Encyclopaedia of Islam. Vol.П, pp.899–900.

Binai. 1997. Sh*aybānī-nā*ma. Kazuyuki Kubo (ed.) in A Synthetical Study on Central Asian Culture in the Turko–Islamic Period. Kyoto, 1997.

Bosworth C. «Kharezm», Encyclopaedia Islam. New Edition, pp.1060–1065.

Boyle John Andrew. 1958. The History of the World–Conqueror by «Ala–ad–Din «Ata–Malik Juvaini. 2 vols. Перевод текста Мирзы Мухаммада Казвини, Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.

Boyle John Andrew. 1962. «Juvaynī and Rashīd al–dīn as Sources on the History of the Mongols», Hisrorians of the Middle East. London: Oxford University Press.

Bregel Yuri. 1982. «Tribal Tradition and Dynastic History: The Early Rulers of the Qongrats According to Munis», Asian and African Studies 16(1982). pp.357–398.

Brockelmann C. «al–Nasawī», Encyclopaedia of Islam, Vol.111, pp.854–855.

Buell Paul. 1992. «Early Mongol Expansion in Western Siberia and Turkestan (1207–1219): A Reconstruction», CAJ 36(1992).1–30.

Clauson Gerard. 1972. An Etymological Dictionary of Pre–Thirteenth–Century Turkish. London: Oxford University Press.

Cleaves Francis. 1952. Altan Topči. A brief History of the Mongols by blo–bzan bs Tan–'jin. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.

Cleaves Francis. 1982. The Secret History of the Mongols. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.

Collins Leslie. «On The Alleged «Destruction' of the Great Horde in 1502", Byzantinische Forshungen 16(1991). 361–399.

Dankoff Robert и Kelly James. 1982. Mahmud al–K*ā*şyarī. Compendium of the Turkic Dialects. (D*īwā*n L*ů*y*āt* at–Turk). Отредактировано и переведено с введением и указателями. Источники по восточным и языкам и литературам 7 : серии отредактированы : şinasi Tekin and Gönül Alpay Tekin. Cambridge, Mass.: Harvard University Printing Office, 1982(Vol.1), 1984(Vol.11), 1985(Vol.111).

Dawson, Christopher. 1980. The Mongol Mission, New York: AMS Press.

Desmaisons Petr. 1871. Histoire des Mongols et des Tatares. Tome 1, Texte St.Pétersbourg.

De Weese Devin. 1994. Islamization and Native Religion in the Golden Horde. Pennsylvania: The Pennsylvania State University Press, 1994.

Doerfer Gerhard. 1964–1975. Türkische und Mongolische Elemente im Neupersischen. 4 Vols. Wiesbaden: Franz Steiner.

Foucault Michel. 1972. The Archaeology of Knowledge. Alan M. Sheridan (trans.) London: Routledge.

Gumilev L.V. 1987. Searches for an Imaginary Kingdom. The Legend of the Kingdom of Prester John. R.E.F.Smith (trans.) Cambridge: Cambridge University Press.

Haenisch Erich. 1941. Die Geheime Geschichte der Mongolen. Leipzig: Otto Harrossowitz.

Huart Cl. «Sharaf al–Dīn ʻAlī Yazdī», Encyclopaedia of Islam. Vol.4,p.318.

Huart Cl. «Abu'l Ghāzī Behādur Khan»», Encyclopaedia of Islam. Vol.1,pp.86–87.

Ibn al–Athīr. 1851–1876. Kitāb al–kāmil fīt–tarikh. Cairo edition of ibn al–Athīri Chronicon. C.J.Tornberg. 13 Vols. Upsala, Leiden.

Inalcik Halil. 1993. «The Ottoman Succession and its Relation to the Turkish Concept of Sovereignty», в книге: Middle East and the Balkans under the Ottoman Empire–Essays on Economy and Society. Bloomington, Indiana University Turkish Studies and Turkish Ministry of Culture Series [Revised edition of his «Osmanlilarda Saltanat Veraseti Usûlü ve Türk Hakimiyet Telakkisiyle Ilgisi», Siyasal Bilgiler Fakültesi Dergisi 14(1959). 69–94)].

Jackendoff Harry.1977. «The Uriangqai Connection. Some Social Study and Textual Analysis of the Secret History», Mongolian Studies 4(1977).5–38.

Jackson Peter 1978. «The Dissolution of the Mongol Empire», CAJ 22(1978): 186–244.

Kafali Mustafa. 1976. Altin Orda Hanliğinin Kuruluş ve Yükseliş Devirleri. Istanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Yayinlari.

Khondemīr. 1333 H.Sh./1954. Tārīkh–i Habib al–Siyar fī Akhbār–i Afrād–i Bashar. Jalāl al–dīn Humaī (ed.) Tehran: Kitabkhāna–i Khayyām.

Кузеев Р.Г. 1974. Происхождение башкирского народа: Этнический состав, история расселения. М.

Lech Klaus. 1968. Das Mongolische Weltreich. Wiesbaden: Otto Harrassowitz.

McChesney R.D. 1991. Waqf in Central Asia. Four Hundred Years in the History of a Muslim Shrine 1480–1889. Princeton University Press.

MNT. See Cleaves,1982.

Morgan David. 1986. The Mongols. New York: Basil Blackwell.

Nasavī Muhammad. 1344 H.S./1965. Sīret Jalāl al–Dīn Mankobernī. Mujtaba Mīnovī (ed.) Tehran.

Утемыш Хаджи. 1992.Чингиз–наме. В.П.Юдин, Ю.Г.Баранов, М.Х.Абусеитова (редакторы). Алма–Ата: Гылым.

Pelliot Paul. 1950. Notes Sur Histoire de la Horde D'Or. Paris.

Pelliot Paul; Hambis Louis.1951. Histoire des Campagnes de Gengis Khan–Cheng–wou Ts'in Tcheng Lou. Leiden: E.J.Brill.

Qu Dafeng, Liu Jianyi. 1998. «On some Problems Concerning Jochi's Lifetime», CAJ 42(1998).2:283–290.

Racheviltz Igor de. 1972. Index to the Secret History of the Mongols. Bloomington:Indiana University Press.

Radloff W. 1976. Sibirya'dan (Seçmeler). Ahmet Temir (trans). Istanbul,1976.

Rashīd al–Dīn. Jāmi'al–Tawārīkh. Bahman Karimi (ed.)2 vol., Tahran,1338. Джами' ал–Таварих. Т.1. Пер. А.А.Али–заде. М.: Академия наук Азербайджанской ССР.1965. Сборник летописей. Т.–I–1. Пер. Л.А.Хетагурова и ред. А.А.Семенова. М.: Академия наук СССР,1952. The Successors of Genghis Khan. Trans. John Andrew Boyle. New York and London: Columbia University Press, 1971. Jāmi' al–Tawārīkh.Muhammad Rushan, Muṣṭafa Musavī (eds.) Tahran: Nashr al–Baraz, 1373 H.Ch./1995.

Ratchnevsky P. 1993. Genghis Khan. His life and Legacy. T.N.Haining (trans.) Cambridge, Mass.: Blackwell.

Raverty H.G. 1881. Tabakat–i Naṣirī: A General History of the Muhammadan Dynasties of Asia by the Maulāna, Minhāj–ud–Dīn, Abu–'Umarī–Usmān. Vol.11.London.

Tekin Talat. 1968. The Grammar of Orkhon Turkic. Bloomington: Indiana University Press.

Togan Isenbike. 1998. Flexibility and Limitation in Steppe Formations. Leiden: E.J.Brill.

Togan Isenbike. 1973. «The Chapter on Annual Grants in the Yüan shih»,Ph.D. Dissertation, Harvard University.

Togan Isenbike. Patterns and Legitimization of Rule in the History of the Turks», Korkut Ertürk (ed.) Rethinking Central Asia (в печати).

Togan Isenbike. «Altinordu Cözülürken: Kirim'a Giden Yol», будет опубликована в трудах «Türk Rus Ilişkilerinde Dün Bugün Sempozyumu. 12–14 December 1992, Ankara, Turkey.

Togan Zeki Velidi. «Harezm», Islam Ansiklopedisi.

Togan Zeki Velidi. 1969–1970. Cengiz Han. (mimeographed lecture notes).

Tu Ji. 1984. Meng wuer shiji. Beijing: Shi Zhongguo shudian.

Ulugh Bek. 1994. Tört Ulus Tarikhi. Böribay Ahmedov, Nai Narkulov, Mahmud Hasaniy (trans.) Tashkent.

Wang Guowei. 1962. Menggu shiliao si zhong. Taibei: zhengzhong shuju yinhang (reprint of 1926 edition).

Yüanshih. 1986. in the Zhongguo xueshu leibian. 7 vols Series edited by Yang Jiado. Taibei, Taiwan: Dingwen, Taiwan: Dingwen shudien.

Чхао Чху–чанг

К вопросу о взаимоотношениях юаньских и золотоордынских правителей (по данным китайских источников)

Международные отношения и внешняя политика имели большое значение в государственных делах Золотой Орды (известный исторический факт как суперпауэр международной системы). Золотая Орда оказывала большое влияние на мировую политику средневековья. Особый интерес, на наш взгляд, представляют исследования, в которых изучаются вопросы взаимоотношений Золотой Орды со средневековыми государствами Восточной Европы, Прибалтики, Средней и Передней Азии, а также с Византией и Древней Русью. Как показывают материалы исследований, в этом плане историки достигли значительных успехов. Что же касается вопросов взаимоотношений Юаньской династии и золотоордынских правителей, то они изучены недостаточно полно. В западно–европейских и исламских источниках, как показывает анализ, почти нет сведений, отражающих взаимоотношения Золотой Орды и Юаньской империи. В них преобладают сведения прежде всего о взаимосвязях Золотой Орды с Византией, Литвой, Мамлюками, Польшей, Москвой и другими странами.

Задачей нашего сообщения является попытка реконструкции по данным китайских источников основных аспектов дипломатических связей Золотой Орды с правителями Юаньской империи. Родоначальником Юаньской династии в Китае является Хубилай, сын Тулуя, четвертого сына Чингизхана. Начало Юаньской династии датируется 1260 годом. Одним из важных и фундаментальных источников, относящихся к монгольской истории, является «Юань–Ши» («История династии Юань»). Этот памятник содержит некоторые материалы (правда, в отрывках), раскрывающие характер взаимоотношений Юаньской династии и Золотой Орды. Как показывают наши наблюдения, «Юань–Ши» включает в себя 210 глав и состоит из четырех больших частей. Перечислим их: 1–я часть – Бэн–цзи («Основные анналы импе-

раторов»), 2–я часть – Чжи («Описания»), 3–я часть – Бяо («Генеалогические таблицы»); 4–я часть – Ле–чжуань («Биографии»). На основе анализа этих вышеуказанных частей нами была составлена таблица взаимоотношений юаньских и золотоордынских правителей.

Проанализируем материалы, представленные в «Юань–Ши» и прокомментируем их. Так, в разделе Ди–Ли–Чжи («Описания географические», глава 63) говорится, что в состав Улуса Джучи входили Киргизия, Хорезм, Алания, Дженте, Булгария и Древняя Русь. Дипломатические отношения между Юаньской династией и Золотой Ордой сохранились и развивались до середины XIV века, то есть до конца существования Юаньской династии. Следует отметить, что эти отношения сохранились, несмотря на большие географические расстояния, а также вопреки длительным гражданским войнам, которые велись между разными домами Чингизидов.

Большую роль в деле поддержания и укрепления дипломатических отношений между Улусом Джучи и Юаньской династией играли так называемые «ямы», то есть система почтовых связей, которые действовали как средство коммуникации вплоть до второй половины XIV века. Любопытен следующий факт: на весь путь от Сарая до Хан–балыка (т.е. Пекина) уходило от 3 до 5 месяцев времени.

Между Улусом Джучи и Юаньской династией длительное время происходил обмен послами. Кроме того, из Улуса Джучи в Юаньскую империю отправлялись воины из русского, асского и кипчакского населения.

Еще на один факт хочется обратить ваше внимание. Речь идет об использовании иностранных рабов в армии Монгольской империи в XII–XIV вв. Как правило, рабы–воины несли караульную службу, охраняя дворец Великого хана в Хан–балыке.

Общеизвестно, что натуральный обмен, торговля, как виды хозяйственной деятельности, способствовали развитию имущественного расслоения кочевых народов. Кроме того, эти виды хозяйственной деятельности способствовали поддержанию двусторонних экономических связей между юаньскими и золотоордынскими правителями. По свидетельству источников, китайские импе-

раторы, с одной стороны, жаловали правителей Улуса Джучи золотом и деньгами, а с другой, Великие ханы одаривали их продукциями местного ремесленного и промышленного производства. Благодаря этому поддерживались как фактические, так и формальные связи.

Следует отметить также, что в Джу–Чи–Ле–чжуань («Биографии Джучи») вкрались существенные ошибки, связанные с генеалогией династии. В соответствии с «Биографией Джучи», Улусом Джучи в разное время правили следующие ханы. Джучи – Бату (сын Джучи) – Сартак (младший брат Бату) – Монке–Тимур (младший брат Сартака) – Тохта–Монке (младший брат Монке–Тимура) – Тохта (младший брат Тохта–Монке) – Бердибек (младший брат Тохта) – Узбек (младший брат Бердибека) – Джанибек (сын Узбека).

По нашему мнению, эти ошибки являются результатом как нестабильности политических контактов, так и сравнительно позднего происхождения «Юань–Ши».

Как показывают наши наблюдения, в некоторых западно–европейских источниках также содержатся такие генеалогические ошибки. Кроме того, в них имеются противоречия относительно общественно–политических контактов правителей Улуса Джучи с другими странами. Китайские источники свидетельствуют о том, что у Золотой Орды и у Юаньской империи (хотя обе государственные системы были основаны монголами) были свои определенные исторические пути развития. В связи с этим напрашивается следующий вопрос: какие общие политические интересы существовали между ними, когда Золотая Орда была политически независимой по отношению к Великому хану в Хан–балыке?

Ответы на эти вопросы находим в китайских же источниках. Так, императоры Юаньской династии, Великие ханы центральной Монгольской империи всегда считали правителей Улуса Джучи своими наместниками (вассалами). Известно, например, что в Пекине правителей Улуса Джучи всегда называли «Си–бэ–чжу–Вань» («северо–западные царевичи»). Поэтому на территории Китая они имели свои хуби, то есть уделы.

В некоторых китайских источниках этот исторический факт подается как традиционное явление. Например, при Великом хане

Аюрбарваде (китайское имя Жэнь–Джон) в 1314 году император после смерти Тохты назначает Узбека ханом Улуса Джучи. На самом деле правители Улуса Джучи были наместниками (местными феодалами) императора лишь формально, фактически они были политически независимы от них. Утверждение же хана на престол Золотой Орды было формальным продолжением прежней традиции. Вот что говорил об этой традиции в 1254 г. Великий хан Монке Рубруку, прибывшему в ханский дворец в городе Каракорум: «Как солнце распространяет повсюду лучи свои, так повсюду распространяется владычество мое и Бату».

Следует отметить, что политическую ситуацию, сложившуюся в XIII–XIV вв. в Улусе Джучи, некоторые ученые рассматривают как проявление «дуализма», «двойной монархии» или как институт «соправительства». Употребление термина «дуализм», «соправительство» в китайских источниках и научной литературе (где в основном представлен термин «дуализм»), на наш взгляд, связано не с политической государственной системой, а с различием культур в рамках одной государственной системы. Вопрос употребления терминов «дуализм», «соправительство», как нам кажется, требует от исследователя тщательного изучения проблемы.

Ученые, изучающие историю династий, возникших в недрах кочевых народов в Китае, выделяют такие династии, как кидане, чжурчжэни и монголы. Эти династии нередко называют еще как «династии покровителей». В области социально–экономического развития каждая династия имела свои особенности. Это касается как политики, экономики, так и культуры.

Известно, что кочевые и оседлые народы имели разные культурные истоки. В то время, когда народы соприкасались друг с другом, сливались их культуры. Когда же такие культуры сохраняли свою самобытность, возникал феномен независимого сосуществования двух культурных начал в одном обществе. Это означало, что завоеватели и покоренные народы сохраняли свои традиционные культуры в рамках одной государственной системы. В такой социально–культурной ситуации общество приобретало так называемое «дуалистическое качество». Понятие «дуалистическое качество» использовалось не только в политической, но и в культурной сфере.

Заметим, что советские и российские историки не употребляют термин «дуализм», когда речь идет о взаимоотношениях юаньских и золотоордынских правителей.

Таким образом, по данным китайских источников, Золотая Орда и Юаньская династия играли большую роль в исторических процессах многих народов, оказывая на них сильное политическое, экономическое и культурное влияние. Несмотря на то, что обе государственные системы самостоятельно развивали экономику, политику и культуру, они в то же время стремились сохранить на постоянной основе торговые, политические и культурные связи друг с другом. Эти взаимоотношения укрепляли национальное самосознание обоих народов, их государственность, которая возникла в процессе монгольских завоеваний в XIII–XIV веках.

Иштван Вашари

Жалованные грамоты Джучиева Улуса, данные итальянским городам Кафа и Тана

Самыми важными источниками для истории каждого государства являются свои повествовательные источники и свой актовый материал. С обеими группами исследователь Золотой Орды находится в затруднительной ситуации. Современные повествовательные источники написаны почти исключительно на официальных языках тех стран, которые были во враждебном отношении с Золотой Ордой, в первую очередь, на арабском, персидском и русском. А тюркоязычные источники касательно ранней татарской истории, т.е. периода Золотой Орды, все довольно позднего происхождения, несмотря на то, что большинство их содержат ценные прежние устные традиции эпического характера, как, например *Ta'rih–i Dost Sultān* (или Чингиз–наме) Утемиша–хаджи (1558), или же *Šaǰara–yi Tarākima* (1659) и *Saǰara–yi Türk* (1663) от Абулгази Бахадур хана.[1]

Не подлежит сомнению, что в ряде источников по истории Золотой Орды особое значение приписывается актовому материалу. Поиск этого материала начался с изучения так называемых ханских ярлыков в 18 веке.[2] Ханские ярлыки, столь хорошо известные в русской исторической науке, являются старыми русскими переводами золотоордынских жалованных грамот, данных татарскими ханами и ханшами, и обеспечивавшими иммунитет и различные льготы для русской православной церкви. Первой золотоордынской грамотой на татарском языке, сохранившейся в оригинале, является ярлык Тохтамыша, адресованный литовскому великому князю Ягайло в 1393 году и впервые изданный И.Н.Березиным в 1850 году.[3] О научных достижениях следующих поколений в области «ярлыковедения» хорошую картину дает М.Усманов.[4] Теперь было бы совершенно бессмысленно повторять его результаты, мне хочется только сослаться на исследования прошедших двадцати лет. Прежде всего я имею в виду труды А.П.Григорьева,

М.А.Усманова, А.Беннигсена, а также его сотрудников, и И.Вашари.[5] Критическое издание как жалованных актов, так дипломатической переписки Золотой Орды и ее государственных преемников – Казанского и Крымского ханств, до сих пор еще не завершено, хотя большинство жалованных актов уже накоплено и приготовлено к печати М. Усмановым и мною. Надеюсь, что издание этого актового материала будет скоро осуществлено.

В данном случае мне хочется обратиться к той группе золотоордынских грамот, которые связаны двумя моментами: с одной стороны, все эти акты даны ханами или крымскими наместниками Золотой Орды причерноморским итальянским городам Кафа и Тана (Азак), а с другой стороны, татарские подлинники этих ярлыков потеряны и они сохранились лишь в современных латинских и итальянских переводах 14 века. Эти ярлыки–переводы – четыре на латинском и восемь на итальянском языках – являются ценными источниками по средневековой истории причерноморских областей Золотой Орды. Ведь первый ярлык, сохранившийся в подлиннике, датируется 1393 годом (см. прим. 3), а все двенадцать ярлыков–переводов возникли до того времени. Таким образом, значение этих латинских и итальянских переводов можно сравнить только с шестью ханскими ярлыками, сохранившимися в русском переводе. Но, между тем, как эти ханские ярлыки тщательно изучены и с исторической и с филологическо–языковой точек зрения, сказать то же самое в отношении латинских и итальянских переводов невозможно. Хотя они издавна известны европейской исторической науке, изданы несколько раз[6] и их место и роль в причерноморской торговле проанализированы, все–таки им не уделялось должного внимания с точки зрения дипломатики Золотой Орды. Кроме того, в связи с тем, что я намереваюсь переиздать все эти двенадцать текстов с английским переводом и комментариями, ныне ограничиваюсь лишь изложением нескольких аспектов своих исследований. Они следующие: 1. краткое перечисление грамот; 2. исторический фон возникновения грамот; 3. на каком языке и каким шрифтом изготовлялись подлинники?; 4. попытка языковой реконструкции текста подлинников.

1. Вот перечень двенадцати грамот:[7]

Переводы на латинском языке[8]

Зол 1 Узбек хан, 1333
Зол 2 Джанибек хан, 1342
Зол 3 Тайдула, ханша, 1358
Зол 4 Тайдула, ханша, 1358

Переводы на итальянском языке[9]

Зои 1 Джанибек хан, 1347
Зои 2 Рамадан, правитель Солгата, 4 марта 1356
Зои 3 Рамадан, правитель Солгата, 4–14 марта 1356
Зои 4 Бердибек хан, 13 сентября 1358
Зои 5 Кутлу–Темир, правитель Солгата, 1358
Зои б Бердиибек хан, 26 сентября 1358
Зои 7 Черкес бег, правитель Солгата, 27 ноября 1380
Зои 8 Ильяс бег, правитель Солгата, 24 февраля 1381

Из двенадцати грамот десять (Зол 1–4, Зои 1–6) адресованы венецианской общине города Тана (Азак), а две (Зои 7–8) — генуэзской колонии города Кафа. В большинстве случаев акты составляла сама ханская канцелярия (ханы Узбек, Джанибек, Бердибек и ханша Тайдула), но в случае пяти грамот составляющими органами были канцелярии татарских правителей города Солгата (Рамадан, Кутлу–Темир, Черкес бег, Ильяс бег). Хронология грамот охватывает почти половину столетия, от 1333 до 1381 гг.

2. С вышеупомянутыми лицами, городами и датами мы пришли к проблеме исторического фона. Вслед за татарским нашествием во второй половине 13 века Крымский полуостров, как и все северное Причерноморье, попал под верховенство ханов Золотой Орды. Те три города – Тана (Азак), Кафа и Солгат, имена которых встречаются в грамотах, сыграли важнейшую роль в международной трансконтинентальной торговле в 13–15 веках. Хотя возникновение этих городов восходит к периоду, предшествовавшему 13 веку, каждый из них достигает апогея своего развития в

14 веке.

Город Солгат или Солхат лежит в юго–западном направлении от Кафы (ныне Феодосии), внутри Крымского полуострова. С 13 столетия он встречается в источниках под именем Крым. Это нынешний город Старый Крым. После монгольского нашествия город стал местом пребывания татарского правителя полуострова. Около 1265 г. Берке хан пожаловал бежавшего из Византии сельджукского султана Изз ад–дин Кайкавуса городом Крымом, который впоследствии передается по наследству его сыну Гияс ад–дину Масуду. Первая золотоордынская серебряная монета чеканена в 1267 году в Солгате (Крыму) на имя хана Менгу–Темира. В 1395 году город, славящийся великим прошлым, был опустошен Тимуром. К началу 15 века старое название города Солгат совсем выходит из употребления и замещается именем Крым. После взятия Кафы османами в 1475 году название бывшей столицы распространилось на весь полуостров.[10]

В 13 веке Кафа была известной пристанью недалеко от нынешней Феодосии, основанной в глубокой древности греками–милетийцами. Название Кафа впервые встречается в сочинении *«De administrando imperio»* византийского императора Константина Багрянородного, написанном около 950 года, но потом оно исчезло из источников до 13 века. До 13 века самой значительной пристанью Крыма была Сугдая или Сугдак (Сурож древнерусских источников, ныне Судак), располагающаяся к востоку от Кафы. Расцвет Кафы в 13 веке связан с генуэзцами, купившими город у татарского князя в 1260 годах. По сведениям Рашид–ад–Дина и Абулгази, этим татарским князем был Уран(г)–Темур (*Üren(g)–Temür*), сын Тока–Темура, тринадцатого сына Джучи. Он и считается прадедом династии поздних крымских ханов Гиреев. Во всяком случае, в 1263 году в городе Кафа находится итальянский консул. Значит, в ту пору генуэзцы уже поселились в городе. 14 столетие является золотым веком Кафы; все окружающие поселения попадают под ее верховенство, и эта территория зовется «Хазарией» (*Gazaria*) в память прежнего присутствия хазар в Крыму. Население Кафы состоит из самых различных этнических элементов: здесь живут итальянцы, греки, армяне, евреи, аланы, татары; встречаются русские и представители народов Кавказа тоже. С 1318 года

Кафа стала центром католического архиепископата, юрисдикция которого распространилась от Варны до Сарая на Волге. Кафа была цветущим торговым городом с населением 80.000 душ, когда османы осадили и взяли ее в 1475 году.[11]

Наконец, город Тана тождествен с Азаком, располагавшимся около нынешнего города Азов, вблизи устья Дона. Азак был значительным городом Золотой Орды, его имя встречается на монетах уже в 13 веке. В 1330 годы здесь возникли первые итальянские колонии Генуи, а немного позже — Венеции. Итальянцы называли город Таной, по античному названию реки Дон Танаис (*Tanais*). Венецианцы скоро становятся руководителями города и развивают торговлю и экономику. В 14 веке вместе с Кафой Тана (или Азак) были самыми значительными центрами торговли в Крыму. Параллельно с возникновением Таны (Азака) значение Солгата (Крыма) все уменьшается, так как новые главные артерии международной торговли идут уже через Азак и Кафу. Во время западного похода 1395 года Тимур опустошил и Тану, после чего город уже никогда не смог достичь своего прежнего блеска. История средневекового города Тана, как и других итальянских колоний Причерноморья, закончилась с взятием его османами в 1475 году.[12]

3. На каком языке и каким шрифтом готовились подлинники, которые позже переводились на латинский и итальянский языки? В тексте переводов разбросаны различные, по–видимому, противоречивые сведения об этом. Самое важное примечание находится в конце перевода грамоты Узбек хана от 1333 года: «И я, брат Доминик Полонус из ордена братьев–проповедников (т.е. доминиканцев), когда попросили меня, перевел от слова до слова все вышесказанное с половецкого на латинское в 1333 году Господа на седьмом дне августа». (Зол 1: *Et ego frater Dominicus Polonus, ordinis fratrum predicatorum, rogatus transtuli, de uerbo ad uerbum omnia supradicta, de cumanico in latinum, anno Domini millesimo III.c. XXXIIIo, die VII intrante augusto*). В то же время в начале перевода подтверждается, что грамота переведена с персидского на латинский язык (Зои 1: *Hoc est exenplum pacti... quod translaotatum fuit de lingua persayca in linguam latinam*). Подобным образом в другом переводе повторяется: «Эти грамоты переведены с персидского на

латинский» (Зои 2: *Nota que questi pati fo translatadi de persescho in latin*). Ссылка на персидский язык объясняется только каким–то недоразумением, ведь не имеется никаких сведений о существовании персидских грамот в Золотой Орде. Правда, персидский язык был известен как *lingua franca* в трансконтинентальной торговле Золотой Орды, особенно в Крыму, как это проявляется в персидской части словаря *Codex Cumanicus*, но персидские грамоты неизвестны.

В то же время не подлежит сомнению, что в 14 веке подлинники золотоордынских грамот уже писались на тюркском языке. В 13 веке официальным языком канцелярий Монгольской империи был монгольский, и только к концу столетия появились грамоты, написанные на местном языке страны, например, в Иране первые персоязычные грамоты выдавались Газан ханом (1298–1304).[13] Аналогично можно предполагать, что в 14 веке самым распространенным языком канцелярий Золотой Орды стал тюркский язык. Но лингвистический анализ русских, латинских и итальянских переводов золотоордынских ярлыков тоже свидетельствует о том, что подлинники были написаны на тюркском языке.[14] Тюркский язык, употреблявшийся для грамот, был восточно–тюркским литературным языком 14 века, называвшимся сперва огузо–кыпчакским (Самойлович), потом хорезмийским (Экман, Фазылов, и др.). Несомненно, для этого хорезмийского языка золотоордынских грамот 14–15 веков было характерно наличие (особенно лексических) элементов кыпчакского разговорного языка, поэтому вполне понятно, что современный итальянский переводчик называл его половецким (*cumanicus*). Но, по другому названию разговорного языка того времени, этот язык мог бы называться и татарским, так как это название встречается в «Codex Cumanicus» (*tatar til*).[15]

Что касается письма подлинников, то грамоты, данные генуэзцам Кафы, содержат ценные сведения. Краткое латинское введение, написанное в 1383 году, подтверждает, что подлинник приготовлен «на уйгурском языке» (*in lingua ugaresca*), а затем «был переведен с упомянутого уйгурского языка на латинский» (*translato de dicta lingua ugaresca in lingua latina*).[16] Потом в одной из генуэзских грамот (Зои 8) читаем, что «этот документ написал Франческин де Джибелетто уйгурскими буквами» (*e anchora Franceschin*

de Gibeletto questa scritura scriva in letera ugaresca). Наконец, в третьем генуэзском документе от 1387 года как язык, так и шрифт называются уйгурскими (*a quo [i.e. a cano] habent speciale mandatum ad infrascripta ut apparet per litteras ipsius D. Inperatoris scriptas in littera ugaricha signatas Tamoga ipsius Domini Inperatoris, et lectas et vulgarizatas de lingua ugaricha in latinam*).[17] Но в конце документа становится ясным, что подлинник был написан на татарском языке (*el presentis instrumenti de lingua tartarica in latinam*). Речь идет во всех этих текстах о том, что подлинники были написаны уйгурским шрифтом, а упоминание уйгурского языка можно считать просто ошибкой, которая возникла из–за смешения языка с алфавитом.[18] Об уйгурских буквах упоминается и позднее, в 1446 году, когда пишется о расходах государственных денег в *Cartolario della Masseria di Caffa : Pro quadam muliere grecca que legit litteras ogarescha et pro ipsis legendis in palatio coram spectabili domino consule et consilio pro quando recepit litteras pactorum Inperatoris tartarorum et Commune Januae in Caffa occasione naufragii navium que de cetero franguntur in tartaria sive in territorio ejus in mari maiori... Asp. LX,*.[19]

4. Если нам удалось доказать, что подлинники латинских и итальянских грамот составлены на тюркском языке уйгурским шрифтом, то можно сделать попытку хотя бы частичной реконструкции подлинных текстов, опираясь, конечно, на свидетельство уже известных тюркских ярлыков. Реконструкция будет осуществлена по двум линиям: по дипломатическим и по терминологическим исследованиям. Здесь я предоставляю лишь несколько примеров, но в своем издании совершу полную реконструкцию подлинных текстов.

Впервые рассмотрим вводную статью грамот, которая содержит обращение к богу. Это введение, в латинской дипломатике называемое *invocatio*, тоже составляет важную часть грамот в славянской и исламской дипломатике. Стереотипная формула инвокации в монгольской дипломатике звучит *möngke t(e)ngri–yin küčün–dür* «силою вечного бога». Эта формула встречается и на верительных дощечках (*baysa*).[20] В грамотах Золотой Орды эта часть была переведена на тюркский язык, но могла быть и пропущена, или дополнена исламскими формулами. Тюркский перевод

монгольской формулы сохранился только в жалованной грамоте Хаджи Гирея от 1456 года, как *mengü tengri küčünde*. Тюркская формула, которая является дословным переводом, великолепно созвучна с монгольской, так как все три монгольских слова тюркского происхождения. В той же грамоте монгольская формула дополняется исламской формулой *Muḥammad rasūlullāh vilāyetinde* «властью Мухаммада, пророка Аллаха».[21] Монгольская формула переводится в русских ханских ярлыках как «Бесмертного бога силою» (Зор 1: Тюляк хан митрополиту Михаилу, 1379), или как «Вышняго бога силою» (Зор 3: Менгу–Темир русскому духовенству, 1267).[22] В грамотах, данных итальянским городам, монгольская формула инвокации точно переведена как *in virtute eterni dei* (Зол 1, Зол 2). Следующая формула – *sua magna pietate miserante* «своей милостью и благодатью» – не встречается в подлинниках, следовательно, ее надо считать добавлением переводчика.

Известная формула *sözüm* «мое слово» золотоордынских грамот, выражающая указ властелина, является тюркским переводом монгольского *üge manu* «наше слово». Единственная разница состоит в том, что вместо монгольского множественного числа в тюркском употребляется единственное число: *Tohtamiš sözüm* (Зот 1), *Temür Qutluğ sözüm* (Зот 2), *Muḥammad sözüm* (Зот 3), *Ḥāǰǰi Girey sözüm* (Зот 4), *Ibrāhīm sözüm* (Зот 6), *Mengli Girey sözüm* (Зот 9), *Muḥammad Girey sözüm* (Зот 12), и т. д. Эта формула переводилась на итальянский язык как *parola* «слово, указ»: *La parola de Çanibech* (Зои 1), *La parola de Ramadan* (Зои 2), *La parola de Cotelletomur, segnor de Sorgati* (Зои 5), *La parola de Berdibech* (Зои 6). Латинские переводы немного точнее, они употребляют выражения *verbum nostrum* «наше слово» или *verba nostra* «наши слова»: *Osbach verbum nostrum* (Зол 1), *Zanibech verbum nostrum* (Зол 2), *Thaydellu verba nostra* (Зол 4). Я не думаю, что употребление 1–го лица множественного числа вместо 1–го лица единственного числа объясняется влиянием монгольского *üge manu*. Скорее, под влиянием общеизвестной в средневековом латинском языке формы *pluralis maiestatis* слово *sözüm* переводилось не как *verbum meum*, но как *verbum nostrum*.

Интересно, что в одной из грамот ханшы Тайдулы (Зол 4) перед формулой *Thaydellu verba nostra* имеются слова *ex voluntate*

Berdibech «волею Бердибека». Эти слова ясно показывают, что ханша имела власть только «волею хана», а не «силою Бога», как ее муж–хан.[23] Та же формула отражается следующими словами русских ханских ярлыков: «По Дченибекову ярлыку Таидулино слово» (Зор 4) и «По Дченибекову ярлыку Таидулино слово» (Зор 6).[24] В первом ярлыке Тайдулы (Зор 1) это добавление отсутствует. Подобным образом солгатские правители хана устанавливали свою власть в Крыму только волею хана. Эта мысль выражается словами: *Cum la gracia de lo imperao, lharcasso segnò* «благодатию хана Черкес–бег» (Зои 7), *Cum la gracia de lo imperao, Elias segno fijo de Inach Cotoloboga* «благодатию хана, Ильяс–бег сын Инак Кутлу–буга» (Зои 8). Но два раза формула *sözüm* связывается непосредственно с именем правителя (Зои 2: *La parola de Ramadan*, Зои 5: *La parola de Cotelletomur, senor de Sorgati*).

В латинском переводе одной из джанибековых грамот (Зои 2) между инвокацией и формулой *sozum* вложен следующий текст: *Nos magnificus imperator generalis Zanibech cinis kan* «мы, благородный великий император Джанибек Джингис–хан». Такой или подобный текст не встречается в тюркских и монгольских подлинных ярлыках, поэтому латинский текст невозможно объяснять иначе, как добавлением итальянского переводчика. Это предположение подтверждается и употреблением формы pluralis maiestatis (*nos* «мы»). Но в то же время приходится заметить, что отождествление актуального хана–чингисида с предком Чингисом встречается и в татарском варианте эпоса Идегей. Тохтамыш хан гордо заявляет: Үзем Чыңгыз түгелме? «разве я сам — не Чингиз?».[25]

Наконец, мы должны упомянуть, что итальянский перевод джанибековой грамоты от 1347 года начинается такими латинскими словами: *In nomine domini et Maomethi prophete Tartarorum* «во имя господа и Мухаммеда, пророка татар» (Зои 1). Это предложение никак не принадлежит к подлиннику, а является добавлением итальянсного переводчика. По всей вероятности, его целью было удостоверение ярлыка формулами, приемлемыми для обеих сторон: христианской формулой — для итальянской стороны, исламской формулой — для татарской стороны. Но если слова *in nomine domini* — несомненно христианская формула, то «мнимая» исламская

формула *in nomine Maomethi prophete Tartarorum* не существует, а является только выдумкой переводчика.

Переходя на проблематику терминологии, я буду рассматривать только один аспект: какие тюркские термины не были или не могли быть переведены, следовательно, какой первоначальный тюркский или монгольский термин был сохранен в латинском и итальянском текстах. Ярлык (*yarlıq*), квадратная алая тамга или печать (*al tamğa*), как способ удостоверения ярлыка, и верительная дощечка (*payza, paysa, baysa*) – это три важнейших понятия татарской дипломатики.[26] Слово *yarlıq* не заимствовано итальянским языком, как русским (ярлык), а всегда переведено как comandamento «указ». Термин *tamğa* «тамга, печать» переводится, как правило, латинским словом *bulla* и итальянским *bolla* (Зол 1: *cum bullis rubeis*. Зол 2: *cum bullis tribus rubeis*, Зол 4: *cum bulla*, Зои 4: *cum le bolle rosse*), и только один раз остается без перевода (Зои 1: *commandamento cum tamoga rossa*). Тюрко–монгольское название верительной дощечки, которое само заимствовано из китайского пай–цзи, никогда не переводится в латинских и итальянских текстах: *baisa* (Зол 1); *baissinum de auro* (Зол 2); *payssan* (Зои 1, Зои 4); *paisan* (Зои 4, Зои 8); *paysam* (Зои 7). Слово *baissinum* является латинизированной формой слова *baisa*.

Другая группа терминов, сохранившихся в подлинных формах и в переводе, связана с налогами и повинностями. Это вполне понятно: ведь большинство этих терминов не имели соответствий в итальянском языке. Но самый важный налог Золотой Орды, *tamğa* «налог с оборота»[27], как правило, переводится словом *com(m)ercium* (Зол 1, и т.д.), *comerclo* (Зои 1, Зои 4, и т.д.) и *comerclum* (Зол 2: латинизированная форма итальянского слова). Татарское название сборщика тамги – слово *tamğaçi,* тоже переводится как *comerzarius* (Зол 1), *comerclarius* (Зол 2) или *comercler* (Зои 1, и т.д.). Только один раз слово *tamğa* остается без перевода: *elli debia pagar de tamoga II. per C. e non pluy* «они должны платить 3 процента тамги, а не больше» (Зои 3). В то же время название налога, платимого для взвешивания товаров, в большинстве случаев не переводилось, но подлинное слово *tartanaq* сохранилось как *tartanacho* (Зои 1), *lo tartanaco* (Зои 2), *lo tartana* (Зои 4).[28] Название так называемого *tartanaqci*, чиновника, ответственного за взвешивание това-

ров, переведено на латинский язык как *illi de tartanacho* (Зол 2). Наконец, название весов, слово *qantar*, которое употреблялось и для обозначения весового налога, тоже не переведено: *lo canther* (Зои 1), *canter* (Зои 4).[29]

Подводя итоги всего вышесказанного, можем установить, что современные латинские и итальянские переводы тюркоязычных ярлыков, данных ханами и правителями Золотой Орды генуэзцам города Кафа и венецианцам города Тана между 1333 и 1381 годами, представляют ценнейший материал для истории как причерноморских итальянских колоний, так и Золотой Орды. Оригиналы ярлыков, по всей вероятности, потерялись навсегда. Так как рассмотренный материал в достаточной мере не исследован с точки зрения истории Золотой Орды, было бы желательно более интенсивное вовлечение этих текстов в ее изучение. Автор этих строк намеревается решить названную задачу и попытается сделать критическое издание латинских и итальянских текстов с переводами и комментариями. Настоящая статья представляет предварительную информацию об этой работе.

Библиография и сокращения

Ализаде 1957 – Ализаде, А.А., изд., Фазлуллах Рашид–ад–дин, Джами ат–таварих (Сборник летописей), том III. Баку, 1957.

Бартольд 1965 – Бартольд, В.В., Сочинения III.: Работы по исторической географии. М., 1965.

Березин 1850 – Березин, И. Н., Ярлык Тохтамыш Хана к Ягайлу. Казань, 1850.

Веселовский 1909 – Веселовский, Н.И., «Несколько пояснений касательно ярлыков данных ханами Золотой Орды русскому духовенству». Записки Русского географического общества по отделению этнографии 34 (1909), 525–536.

Григорьев 1842 – Григорьев, В.В., О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству. М.,1842.

Григорьев 1978 – Григорьев, А. П., Монгольская дипломатика XIII –XV вв. (чингизидские жалованные грамоты). Л., 1978.

Егоров 1985 – Егоров, В. Л., Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985.

Идегәй 1994 – Идегәй. Татар халык дастаны. Kазан, 1994.

Кононов 1958 – Кононов, А. Н., Родословная туркмен. Сочинение

Абу–л–гази хана хивинского. М.–Л., 1958.

Липкин 1990 – Идегей. Татарский народный эпос. Перевод Семена Липкина. Казань, 1990.

Новиков 1788 – Новиков, Н. И., Древняя российская вивлиофика I. М., 1788.

Приселков 1916 – Приселков, М. Д., Ханские ярлыки русским митрополитам. Петроград, 1916.

ПРП 1955 – Памятники русского права III. М., 1955.

Радлов 1888 – Радлов, В. В., «Ярлыки Токтамыша и Темир–Кутлуга», Записки Восточного отделения императорского русского археологического общества 3 (1888), 1–40.

Усманов 1974 – Усманов, М. А., «Официальные акты ханств Восточной Европы и их изучение», Археографический ежегодник за 1974 (1975), 117–135.

Усманов 1979 – Усманов, М. А., Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. Казань, 1979.

Щербатов 1774 – Щербатов, М.М., История российская III. Санкт–Петербург, 1774.

Юдин 1992 – Утемиш–хаджи. Чингис–наме. Факсимиле, перевод,... В.П.Юдина. Алма–Ата, 1992.

Bennigsen 1978 – Bennigsen, A.–Boratav, P. N.–Desaive, D.–Lemercier–Quelquejay, Ch., Le Khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapi. Paris–La Haye, 1978.

Desmaisons 1871–74 – Histoire des Mogols et des Tatares par Aboul–Ghâzi Bèhâdour Khan, publiée, traduite et annotée par Le Baron Desmaisons. St. Pétersbourg, t. 1. Texte: 1871; t. 2. Traduction: 1874.

Desimoni 1887 – Desimoni, C., «Trattato dei Genovesi col chan dei Tartari. nel 1380–1381 scritto in lingua volgare», Archivio Storico Italiano, quarta serie, 20(1887), 161–165.

DVL I–II – Diplomatarium Veneto–Levantinum, sive Acta et Diplomata res venetas graecas atque levantis illustrantia. Pars I, a. 1300–1350. Ed. G. M. Thomas. Venetiis 1880; Pars II, a. 1351–1454. Ed. R. Pedrelli. Venetiis, 1899.

EI II – Enzyklopaedie des Islam II. Leiden–Leipzig, 1927.

Grönbech 1942 – Grönbech, K., Komanisches Wörterbuch, Türkisches Wortindex zu Codex Cumanicus. Kopenhagen, 1942.

Hammer 1840 – Hammer–Purgstall (J. von), Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland, Pesth, 1840.

İA IV – İslam Ansiklopedisi IV. İstanbul, 1988.

Kurat 1940 – Kurat, A. N., Topkapı Sarayı Müzesı Arşıvindeki Altın

Ordu, Kırım ve Türkistan hanlarına ait yarlık ve bitikler, Istanbul 1940.

Kuun 1873 – Kuun G., Adalékok Krim történetéhez. Budapest 1873. (Értekezések a Nyelv– és Széptudományok köréből. III. kötet, X. szám)

Kuun 1880 – Codex Cumanicus bibliothecae ad templum divi Marci Venetiarum. Primum ex integro edidit prolegomenis notis et conpluribus glossariis instruxit Comes Geza Kuun. Budapestini, 1880.

Mas Latrie 1868 – Mas Latrie, L. de, «Privilèges commerciaux accordés à la république de Venise par les princes de Crimée et les empereurs mongols du Kiptchak», Bibliothèque de l'école des chartes 29 (6. série, 4. tome: 1868), 581–595.

Papazian 1962 – Papazian A.D., «Deux nouveaux iarlyks d'ilkhans», Banber Matanadarani 6 (1962), 379–401 (по–армянски, с французским резюме).

Siouffi 1896 – Siouffi, M.,«Notice sur le cachet du sultan mogol Oldjaïtou Khodabendèh», Journal Asiatique 8 (9. série: 1896), 331–345.

Spuler 1965 – Spuler, B., Die Goldene Horde. Die Mongolen in Rußland 1223–1502, Leipzig 1943; 2., erweiterte Auflage: Wiesbaden, 1965.

TMEN – Doerfer, G., Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen I–IV. Wiesbaden, 1963–1975.

Vásáry 1987 – Vásáry I., Az Arany Horda kancelláriája [Канцелярия Золотой Орды]. Kőrösi Csoma Társaság: Budapest, 1987.

Примечания

[1] Юдин 1992; Кононов 1958; Desmaisons 1871–74.

[2] Щербатов 1774, 495–497; Новиков 1788, 10–26.

[3] Березин 1850; Радлов 1888, 3–17; Kurat 1940, 148–149.

[4] Усманов 1974.

[5] Здесь ссылаюсь только на их главные труды: Григорьев 1978; Усманов 1979; Bennigsen 1978; Vásáry 1987.

[6] Hammer 1840, 517–522; Mas Latrie 1868, 583–595; DVL I, 243–244, 261–263, 311–313; DVL II, 24–26, 47–54; Desimoni 1887, 162–165.

[7] В сокращении грамот я следовал методу, употребляемому в моей книге, в том смысле, что все сокращения состоят из трех букв: первые две буквы относятся к государству, в рамках которого составлен акт, а третья буква означает язык грамоты. Следовательно: Зои = грамота Золотой Орды на итальянском языке, Зол = грамота Золотой Орды на латинском языке, Зор = грамота Золотой Орды на русском языке, Зот = грамота Золотой Орды на тюркском языке.

[8] Употребляемые издания: Mas Latrie 1868, 583–586 (Зол 1, Зол 2);

DVL I, 243–244 (Зол 1), 261–263 (Зол 2); DVL II, 53–54 (Зол 3, Зол 4). Все тексты были проверены мною в подлинниках.

[9] Употребляемые издания: Hammer 1840, 517–522 (Зои 1, Зои 4); Mas Latrie 1868, 587–595; DVL I, 311–313 (Зои 1); DVL II, 24–26 (Зои 2, Зои 3), 47–52 (Зои 4, Зои 5, Зои 6); Desimoni 1887, 162–165 (Зои 7, Зои 8). Все тексты были проверены мною в подлинниках.

[10] Barthold: El II, 1162–1663 = Бартольд 1965, 467–469; Егоров 1985, 88. 4

[11] Barthold: EI II, 660–662 = Бартольд 1965, 453–455; Егоров 1985, 89.

[12] Barthold: EI II, 550 = Бартольд 1965, 313; Егоров 1985, 92–94; M. L. Bilge: İA IV, 300.

[13] В сочинении Рашид ад–Дина приводятся семь персоязычных грамот Газан хана, см. Али заде 1957, 426–432, 434–446, 466–476, 496–499, 510–517. – О ярлыке Улджайту хана от 2 октября 1313 г. (10 джумада II 713 AH) см. Siouffi 1896, 336–337; о двух ярлыках Абу Сайида от 1330 г. см. Papazian 1962, 297–399.

[14] О следах тюркского подлинника в русских переводах ханских ярлыков, см. Веселовский 1909, 527–532.

[15] Grönbech 1942, 237; Kuun 1880, 229.

[16] Desimoni 1887, 161.

[17] Kuun 1873, 33–34.

[18] О проблемах поздней уйгурской письменности, см. Vásáry 1987.

[19.] Rendiconti dei lavori atti dalla societa ligure del cav. Luigi Tommaso Belgrano segretario. Genova 1867, 61 apud Kuun 1873, 31. Аргументация Кууна следующая: фраза *legit litteras ogarescha* означает: «она читала буквы на уйгурском языке», а не «она читала уйгурские буквы». Но эту аргументацию можно опровергнуть, так как наличие слова *ogarescha* вместо «правильной» формы *ogareschas* в выражении *litteras ogarescha* является или ошибкой, или же вульгарной латинской формой.

[20] См.: Григорьев 1978, 18–33 ; Vásáry 1987, 63.

[21] Kurat 1940, 64–65.

[22] Приселков 1916, 91, 96; ПРП Ш, 465, 467. 8

[23] См. уже Григорьев 1842, 60.

[24] Приселков 1916, 99, 104; ПРП Ш, 468, 470. 9

[25] Идегәй 1994, 13; Липкин 1990, 12.

[26] Об этих терминах, см. Vásáry 1987, 23–27, 46–49, 61–66.

[27] О слове *tamğa*, см. Spuler 1965, 317; TMEN II, 554–565 (No. 933).

[28] О термине *tartanaq*, см. Vásáry 1987.

[29] О термине *qantar*, см. Vásáry 1987, 101.

Ю.А.Зеленеев

Источники по этнической истории Улуса Джучи

Улус Джучи изначально являлся многонациональным государством. В процессе его развития происходили сложные этнические преобразования, которые вели к созданию единого, или преобладающего этноса, при наличии определенного числа мелких народов. Эти тенденции прерываются во второй половине XIV–начале XV века и консолидационные явления в истории народов, населявших Улус Джучи, сменяются этнической дезинтеграцией и совсем иным направлением этногенеза на территории бывшей великой империи. Многие из народов, сформировавшихся в период распада этого государства и непосредственно в результате данного процесса, существуют и в настоящее время. Поэтому изучение этнической истории Улуса Джучи имеет определенное практическое, а не только познавательное значение. Тем более, что в разные периоды времени, в угоду иногда прямо противоположным политическим установкам, делались и делаются попытки фальсифицировать историю народов, проживающих в постджучидском пространстве.

Нельзя сказать, что этносы Улуса Джучи – Золотой Орды и их история не изучались до настоящего времени, но обобщающего, посвященного всем аспектам этнической истории и всем этносам этого государства труда, пока не создано. Тем не менее, ряд исследований существенно продвигает наши представления по данному вопросу. К ним относятся, в первую очередь, работы Р.Г. Кузеева (Кузеев Р.Г., 1992), Г.А. Федорова–Давыдова (Федоров–Давыдов Г.А., 1966). В.Т. Егорова (Егоров В.Л., 1985) и Л.Т. Яблонского (Яблонский Л.Т., 1980).

Дальнейшее изучение этнических процессов нуждается в тщательной проработке всех видов источников, большинство из которых хорошо известно и введено в научный оборот, но не всегда рассматривалось с этой точки зрения. Ещё одной задачей является публикация новых источников, которые стали известны в пос-

ледние десятилетия. К ним, в первую очередь, относятся материалы археологических исследований недавнего времени.

Комплексное источниковедение позволит решить многие неясные вопросы этнической истории Улуса Джучи. К ним я бы, в первую очередь, отнёс определение и обособление этносов и этнических групп, выявление этнонимов и соотнесение с ними объектов и комплексов материальной и духовной культуры, картографирование распространения культурных явлений в строгой совокупности с распространением этнонимов, то есть фиксация этнических территорий и этнических границ внутри этого государства. Исследования в указанных направлениях позволят не только углубить наши знания по истории Улуса Джучи, но и на примере населявших его народов проследить общие закономерности этнического развития.

Круг источников по указанным проблемам очень обширен, но не сосредоточен в каком–то едином своде или собрании. По видам можно выделить археологические, антропологические, письменные, эпиграфические и некоторые другие виды источников.

*Археологические источники***.** К ним относятся результаты раскопок золотоордынских городов и других населенных пунктов, а также материалы исследований многочисленных курганных и грунтовых могильников этого времени.

К концу двадцатого века накоплен очень большой объём источников этого вида и, что очень важно, значительная часть его опубликована. Особенно это характерно для памятников, которые были исследованы во второй половине двадцатого века Поволжской археологической экспедицией под руководством Г.А. Федорова–Давыдова. Почти полностью изданы результаты раскопок Царевского городища (Федоров–Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Мухамадиев А.Г. 1970; Мухамадиев А.Г., Федоров–Давыдов Г.А., 1970; Федоров–Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Гусева Т.В., 1974; Мухамадиев А.Г., Федоров–Давыдов Г.А., 1978; Федоров–Давыдов Г.А., 1981). По данному городу не опубликованы только материалы исследований могильников и результаты раскопок последнего десятилетия. В меньших объемах публиковались результаты археологических работ на Селитренном городище (Сарай), хотя вскрытая

площадь здесь более значительна, чем на Царевском городище. Тем не менее, многие материалы из этого городища уже доступны широкому кругу исследователей (Федоров–Давыдов Г.А., Булатов Н.М.,1989). Частично опубликованы археологические материалы Водянского городища (г.Бельджамен) (Егоров В.Л., Полубояринова М.Д., 1974; Мухамадиев А.Г., 1974). Значительный объем источников пока не издан и сосредоточен в виде научных отчетов, хранящихся в различных научных учреждениях России и некоторых других стран, а также в виде музейных коллекций.

Археологические материалы являются важнейшим источником при исследовании культуры и этнического состава золотоордынского города, а также кочевого и оседлого населения империи. В частности, раскопанные в нижневолжских городах остатки усадеб имеют большое сходство с монгольскими усадьбами – замками, что говорит об участии в формировании, в первую очередь, социальной верхушки их населения, выходцев из Центральной Азии (Федоров–Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Мухамадиев А.Г., 1970, с. 70). В то же время в городах проживало и население с местными, домонгольскими корнями. Могильники Царевского городища, несмотря на общий мусульманский облик этих кладбищ, имеют в своем составе захоронения, совершённые по половецкому языческому обряду погребения (Федоров–Давыдов Г.А., 1964, с. 262). Исследователи всегда отмечали различные влияния на культуру золотоордынских городов и её синкретизм. Археологически в домостроительстве, изготовлении некоторых групп керамических изделий прослеживается среднеазиатский компонент. Есть археологические подтверждения наличия в культуре Улуса Джучи заимствований от волжских болгар, народов Северного Кавказа и Крыма (Федоров–Давыдов Г.А., 1964, с.264–267). Насколько эти культурные приобретения связаны с проживанием в городах Нижнего Поволжья различных этносов, предстоит ещё выяснить. Тем не менее, в результате анализа уже имеющегося археологического материала мы можем говорить о том, что население городских центров Золотой Орды было полиэтничным. К вышеуказанным народам следует добавить также русских и мордву, присутствие которых здесь достаточно хорошо аргументируется археологическими источниками.

Археологические данные позволяют выделять территории, занятые тем или иным этносом. Так, материалы раскопок курганов дают основания определять и локализовать этносы или этнические группы кочевников в степных регионах Улуса Джучи (Федоров–Давыдов Г.А., 1981, с. 231).

С помощью археологических источников можно исследовать этнический состав населения оседлых окраин джучидского государства. Именно эти материалы дают представление о многокомпонентности этноса казанских татар, формирование основ которого завершается во второй четверти 15 века. Базу их материальной и духовной культуры составляют болгарские традиции, но с XIII–XIV вв. заметным стало влияние кипчаков (Кузеев Р.Г., 1992, с. 102). Тезис о болгарской основе культуры казанских татар сформулирован и обоснован достаточно давно (Смирнов А.П., 1948, с. 13–25), степень же кипчакского участия в этих процессах по–прежнему остаётся дискуссионной проблемой.

Археологические материалы подтверждают, что переселение кипчаков и других тюрок происходило не только в земли волжских болгар, но и на территорию традиционного расселения мордвы. Возможно, что к кругу этих памятников относится Стёксовский курган (раскопки Ю.А.Зеленеева в 1981 г.), а также захоронения с останками коня в мордовском могильнике Красное 1 (раскопки В.Н. Мартьянова). Находки в нижних слоях Наровчатского городища (г. Мохши) мордовской керамики (раскопки Ю.А. Зеленеева), подтверждает мысль о смешанном мордовско–тюркском составе горожан этого города. Археологические источники говорят о том, что и население округи г. Мохши, включавшей практически всё среднее Примокшанье, было полиэтничным.

Археологически, наряду с кипчакской миграцией, прослеживается перемещение русских и мордвы в пределах Улуса Джучи. Мордовские могильники, датируемые XIII–XV вв., появляются к югу и востоку от территории, которую мордва занимала в домонгольский период. К числу этих памятников относятся Муранский, Барбашинский, Аткарский, Карташихинские и некоторые другие могильники. Их материалы, а также находки в городах Поволжья мордовских вещей, не являющихся предметами торговли, говорят об изменении этнической территории у мордвы в джучидский

период.

Письменные источники. К ним относятся русские летописи, сказания и другие сочинения; записки восточных (арабских, персидских, армянских) авторов; различного рода документы, составленные европейцами.

Русские письменные источники являются очень важными свидетельствами по истории Улуса Джучи, так как их авторы были хорошо информированными людьми (Сафаргалиев М.Г., 1960, с.17). Летописи содержат сведения об этническом составе Орды, о названиях народов ее населяющих и их местонахождении в государстве. Правда, как и большинство средневековых документов, они довольно противоречивы и нуждаются в тщательном сопоставлении с другими видами источников. Много неясностей, например, в названиях народов. Русские летописцы всех кочевников данного периода именуют татарами (ПСРЛ, т.1. вып. 2, 1927, с. 474), одновременно давая и другие названия: бесермены (ПСРЛ, 1913, т. 21, ч. 2, с.396), измаилтяне (ПСРЛ, 1913, т. 21. ч. 2, с. 449) и т. д.

Многие летописные материалы по отдельным народам Поволжья изданы в виде выборок, например: «Документы и материалы по истории мордовского народа» (Документы ..., 1940), «История Марийского края в документах и материалах» (История..., 1992) и т. д.

Названия народов, населявших Улус Джучи, перечисляются в русских литературных произведениях, таких, как «Задонщина» и «Сказание о мамаевом побоище» (Древнерусская литература, 1997).

Исключительно интересную категорию документов представляют татарские исторические источники XVII–XVIII вв., выявленные и проанализированные М.А.Усмановым (Усманов М.А., 1972). И хотя в них повествуется о временах, отстоящих на триста–четыреста лет назад от момента создания источника, тем не менее, при комплексном использовании с другими материалами они позволяют делать выводы, в том числе и по этнической истории. В некоторых из этих источников есть названия народов или другие данные по этносам Улуса Джучи (Усманов М.А., 1972, с. 74).

Восточные источники по истории Улуса Джучи в большей сте-

пени опубликованы. Фундаментальную публикацию документов этого типа осуществил В.Г.Тизенгаузен (Сборник..., 1884). Второй том подготовленных им материалов увидел свет почти через шестьдесят лет после выхода первого (Сборник..., 1941). Это издание, снабженное подробными комментариями и указателем названий племен и народов, стало настольной книгой исследователей, занимающихся этнической историей Улуса Джучи. Сборник летописей Рашид–ад–Дина впоследствии был опубликован полностью (Рашид–ад–Дин, 1960). Изданы и армянские источники, касающиеся этого государства (Армянские..., 1962).

Из европейских источников наибольшее значение для исследований по этнической истории имеют сообщения Плано Карпини и Рубрука. Книги этих путешественников неоднократно переводились на русский язык и переиздавались. Последнее такое издание вышло в 1997 году (Джованни дель Плано Карпини, 1997). Этнографические материалы занимают в них большое место. В частности, Карпини дает названия народов, подвластных ханам Золотой Орды (Джовани дель Плано Карпини, 1997, с.60). Гильом Рубрук рассказывает о народах, проживающих в бассейнах Дона и Волги. Так, он отмечает, что земли в междуречье Дона и Волги заняты команами *капчат*, а севернее них находится территория мордвы: моксель и мердас. (Джованни дель Плано Карпини, 1997, с.108–109). Барбаро, посетивший Азов в 1436 г., публикует сведения о народах, проживающих в районе Казани. Он пишет, что эта страна населена татарами, к северу от которых проживают моксы и джагатаи, замечая при этом, что страна джагатаев заселена татарами (Документы..., 1940, с.183). Некоторые сведения об этносах Улуса Джучи можно извлечь из рассказа доминиканца Юлиана о путешествии в страну приволжских венгров в ХШ в. (Документы..., 1940, с.181).

Антропологические источники. Как показывают исследования антропологов, краниологические серии, полученные с территории Улуса Джучи, достаточно определенно говорят о наличии здесь двух антропологических типов: европеоидного и монголоидного (Трофимова Т.А., 1948, с.44–58; Яблонский Л.Т., 1980а, с.104). Выделяются также многочисленные переходные группы. В какой–

то мере этот факт подтверждает смешанное формирование народов Золотой Орды из местного европеоидного и пришлого монголоидного населения.

*Эпиграфические источники***.** Особое значение для определения этнической принадлежности имеет изучение надгробий с тахаллусами – фамилиями. Как подчеркивает Д.Г.Мухаметшин, существуют тахаллусы — этнонимы, указывающие на национальную принадлежность покойного. Например, «суари», «булгари», туркмен, урюм, мухши, татар, ашлы, ар, буляр, балимлар, куюк, алак, кердар и другие (Мухаметшин Д.Г., 1994, с.106). Особенно важен этот вид источников для выделения небольших этнических групп и их расселения.

Таким образом, имеющаяся база источников вполне позволяет решать многие вопросы, связанные с этническими процессами в Улусе Джучи. Наличие в письменных источниках огромного количества этнонимов дает возможность попытаться увязать их с определенными народами и территориями, проследить динамику этнического развития. Успехи золотоордынской археологии последних десятилетий подтвердили или опровергли некоторые положения письменных источников, изменили оценку ранее известных фактов. Так, например, расширение этнических территорий в первой половине XIV века у народов, включенных в состав Улуса Джучи в результате завоевания, отражает положительную, а не подавляющую роль джучидского государства.

Дальнейшие исследования, в основе которых лежит комплексное источниковедение, единственный путь к созданию объективной истории этносов Улуса Джучи.

Литература

Армянские источники о монголах. Извлечения из рукописей XIII–XIV вв., М., 1962.

Джовани дель Плано Карпини. История монголов. Гильом Рубрук. Путешествие в восточные страны. Книга Марко Поло, 1997. М.

Егоров В.Л., 1985. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.

Егоров В.Л., Полубояринова М.Д., 1974. Археологические исследования Водянского городища в 1967–1971 гг. // Города Поволжья в сред-

ние века. М.

Древнерусская литература, М., 1997.

Документы и материалы по истории мордовского народа. 1940. Т.1. Саранск.

История Марийского края в документах и материалах. Вып.1. Йошкар–Ола, 1992.

Кузеев Р.Г., 1992. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. М.

Мухамадиев А.Г., Федоров—Давыдов Г.А., 1970. Раскопки богатой усадьбы в Новом Сарае // СА. № 3.

Мухамадиев А.Г., Федоров–Давыдов Г.А., 1978. Раскопки усадьбы на Царевском городище // ВМУ, серия история, № 3.

Мухамадиев А.Г., 1974. Раскопки двойного дома на Воинском городище в 1970 г. Города Поволжья в средние века. М.

Мухаметшин Д.Г., 1994. Социальная терминология булгарских эпитафий XIII–X1V вв. Историко–археологическое изучение Поволжья. Йошкар–Ола.

ПСРЛ., 1913. Т.21, ч.2. Книга степенная царского родословия. СПб.

ПСРЛ, 1927. Т.1., Лаврентьевская летопись. Вып.2. Л.

Сафаргалиев М.Г., 1960. Распад Зологой Орды. Саранск.

Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, 1884. Извлечения из сочинений арабских. Т.1. СПб.

Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, 1941. Извлечения из персидских сочинений. Т.2. М.–Л.

Смирнов А.П., 1948. К вопросу о происхождении татар Поволжья // Происхождение казанских татар. Казань.

Трофимова Т.А., 1948. Этногенез татар Среднего Поволжья в свете данных антропологии // Происхождение казанских татар. Казань.

Усманов М.А., 1972. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. Казань.

Федоров–Давыдов Г.А., 1964. Раскопки Нового Сарая в 1959–1962 гг. // СА, № 1.

Федоров–Давыдов Г.А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов М.

Федоров–Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Мухамадиев А.Г., 1970. Археологические исследования Царевского городища (Новый Сарай) в 1959–1965 гг. // Поволжье в средние века. М.

Федоров–Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Гусева Т.В., 1974. Исследования трех усадеб в восточном пригороде Нового Сарая (Царевского городища) // Города Поволжья в средние века. М.

Федоров–Давыдов Г.А., 1981. Исследование большой аристократической усадьбы на Царевском городище // ВМУ, серия: история, № 1.

Федоров–Давыдов Г.А., 1981. Монгольское завоевание и Золотая Орда // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.

Федоров–Давыдов Г.А., Булатов Н.М., 1989. Керамическая мастерская Селитренного городища // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М.

Яблонский Л.Т., 1980. Население средневековых городов Поволжья: (По материалам мусульманских могильников). Автореф. дис.канд.истор.наук.М.

Яблонский Л.Т., 1980а. Мусульманский некрополь Водянского городища. // СА. № 1.

С.И.Валиулина

Золотоордынский Биляр: начало исследований

Многие годы длится дискуссия о судьбе Биляра – «Великого города», после монголо–татарского завоевания. Одни исследователи считают, что город после разорения и пожара был восстановлен, но не вернул себе прежнего великолепия и влияния (Степи Евразии..., 1981, с.210.). Другие, в основном те, кто многие годы работал или работает в Биляре, утверждают, что город в пределах своих укреплений после катастрофы 1236 г. уже никогда не возродился (Халиков А.Х., 1976, с.45; Волжская Булгария и монгольское нашествие, 1988; Биляр – столица домонгольской Булгарии, 1991; Хузин Ф.Ш., 1991). В то же время некоторые письменные источники упоминают Биляр в золотоордынское время, известны и серебряные монеты Билярского монетного двора в кладах 70–х – начала 80–х годов XIII в. (Мухамадиев А.Г., 1997, с.57; Сингатуллина А., 1998, с.62). На основании этих фактов у исследователей Биляра утвердилось мнение о существовании золотоордынского города в окрестностях разрушенного и сожжённого домонгольского Биляра (Халиков А.Х., Валиулина С.И., 1984, с.176). В последние годы А.Х.Халиков отождествлял золотоордынский Биляр со II–III Билярскими селищами, руководствуясь, прежде всего, обширной общей площадью памятников (по его мнению около 2,5 млн. кв. м.), и определял время его существования до середины XIV в. (Халиков А.Х., 1994, с.84–85). Однако до проведения широкомасштабных исследований установление характера памятника, его культуры и хронологии оставались в области научных гипотез и предположений.

Билярское III селище было открыто в 1964 году Р.Г.Фахрутдиновым (Фахрутдинов Р.Г.,1975, с.101, № 273,274). В «Археологическую карту Татарстана» Билярские II и III селища вошли объединенно под одним номером с обозначением общей территории (Археологические памятники...., 1990, № 433). Памятник расположен в Алексеевском районе Татарстана – на северо–западной окраине современного села Билярск и в 1,5 км севернее укрепле-

ний Билярского городища между правым берегом реки Билярка и левым берегом реки Малый Черемшан. Площадь памятника распахивается (рис.1).

В 1974 году на северо–восточной окраине селища жителем с.Билярск был найден клад из 38 серебряных монет XIV в., позднее были обнаружены еще 3 монеты XIV в. (Халиков А.Х., 1976, с. 33). Определение монет клада выполнено Д.Г.Мухаметшиным (Приложение 1).

В 1981–1982 годах Н.А.Кокорина рекогносцировочными раскопами исследовала северо–восточную окраину селища (Кокорина Н.А., 1982; Кокорина Н.А.,1983).

В 1994–1995 гг. из села Билярск в урочище «Святой ключ» была построена автодорога, которая прошла по территории памятника. В результате строительных работ на площади 107 600 кв.м культурный слой был срезан бульдозерами до материка. Охранно–спасательные работы были осуществлены экспедицией Казанского университета под руководством автора (Валиулина С.И., 1997). Особенно многочисленные и яркие материалы были получены в результате раскопок 1994 г.

Раскоп № 1 был заложен на расстоянии 1100 м от северо–западной окраины современного села на непотревоженной площади в направлении движения строительства и примыкал к строительной площадке с севера. Раскоп площадью 20 кв.м был ориентирован с севера на юг (рис.2). Стратиграфия: дерн – 5–8 см, под ним слой темно–серой рыхлой супеси – до 40 см, примерно 25 см из них переработано пашней, затем идет погребенная почва – темно–коричневый плотный суглинок. Материк – глина желтого цвета. Никаких сооружений, конструкций на раскопе не обнаружено. Находки раскопа № 1 – мелкие немногочисленные фрагменты керамики, осколки костей животных, несколько обломков железных предметов и железный ключ (рис.3, 17) от цилиндрического навесного замка типа BI второй половины XII – начала XV веков (Колчин Б.А., 1958, с.162). Отсутствие объектов на раскопе, скудость находок указывает на то, что данный участок мог быть окраиной селища. Памятник в этом районе ограничивается пологим склоном оврага.

Раскоп № 2 был разбит на расстоянии 31 м в юго–восточном

направлении от первого раскопа на северном краю строительного котлована. Площадь раскопа составила 316 кв.м. Работы были начаты общей зачисткой на уровне третьего штыка (верхние слои культурного слоя срезаны бульдозером). На глубине 45–50 см от современной поверхности на фоне погребенной почвы выявились пятна сооружений: землянки № 1, хозяйственных ям № 2–7, столбовых ямок.

Землянка площадью 18 кв.м имела столбовую конструкцию – сохранились следы столбовых ям с обугленным древесным тленом в середине западной стены и в северо–восточном углу. Внутри жилища, ближе к юго–восточному углу, зафиксированы остатки очага – обломки обожженного кирпича и пятно прокала на земляном полу диаметром около 1 м, рядом лежали крупные камни (розовый песчанник), кирпичи, найдены куски глиняной обмазки, осколки керамических труб. В северной части постройки располагался погреб. Близко подходящие грунтовые воды обеспечили хорошую сохранность органических материалов, находившихся в подвале: соломенную подстилку на дне, пучки толстых ниток, обрывки плетеной веревки, скопление обугленных зерен пшеницы. В засыпи обнаружено обилие костей животных (1216), керамики, угля, обломки битого кирпича, щебень, куски глиняной обмазки. Вещевой комплекс землянки содержит следующие индивидуальные находки: шарнирные ножницы (рис.3,20), 6 глиняных пряслиц (5 из которых биконической и 1 – овальной в сечении формы с ямочными вдавлениями по всей поверхности (рис.3,1), 3 обломка сланцевых точильных брусков, осколок венчика стеклянного бесцветного сосуда, сильно коррозированные обломки железных предметов, 3 железные крицы, ключ от навесного замка типа В1 по новгородской типологии, идентичный ключу с раскопа № 1 (рис.3,18). Обращает на себя внимание железный нож с двумя бронзовыми пластинками – упорами подтреугольной формы у основания рукояти (рис.3,8).

Интересен состав поливной керамики, относящейся к комплексу жилища. В засыпи землянки обнаружено 2 фрагмента архитектурной майолики на кашинной основе с ультрамариновой глазурью, 10 осколков поливной кашинной посуды: 3 фрагмента сосуда закрытой формы с двусторонней бирюзовой прозрачной по-

ливой и темно–зеленым подглазурным орнаментом; край чаши с отогнутым венчиком с черным линейным орнаментом под бледной бирюзовой поливой, с крупными ультрамариновыми точками по венчику; 1 осколок пиалы на поддоне с мелким ультрамариновым орнаментом и фрагмент закрытого сосуда с полихромным рисунком под прозрачной поливой. Редкой находкой является осколок селадона с подглазурным рельефом. Весь комплекс поливной керамики может быть датирован в пределах XIII–XIV веков.

Хозяйственные ямы округлой и овальной формы (рис.2), расположенные, в основном, в западной части раскопа, удалось исследовать на глубину 3–20 см в виду того, что бульдозерами был срезан не только культурный слой, но и почти вся погребенная почва. Исключение составляла яма № 4, достигавшая глубины 80 см от уровня выявления. В заполнении ямы найдены обломки камней, кирпичей, более 30 осколков костей, единичные фрагменты керамики, глиняное биконическое пряслице, фрагмент цилиндрического замка (рис.3,14), обломки других железных предметов. Вещевой материал, происходящий со дна ям № 2, 3, 5–7, весьма незначительный, потому определить характер и назначение этих сооружений сложно. Яма № 3 неправильной формы со следами прокала является, возможно, остатком открытой печи. Она оказалась плотно заполненной кирпичным щебнем, кусками камня, обмазки; здесь же обнаружены единичные фрагменты керамики, раковины речных моллюсков. Индивидуальные находки из других хозяйственных ям немногочисленны: 2 глиняных биконических пряслица, астрагал–лощило и железный черешковый массивный наконечник стрелы ромбовидной формы без упора для древка (рис.3,4). Стрелы подобной формы были широко распространены на средневековых памятниках Восточной Европы, в древнерусских, булгарских и кочевнических древностях (Медведев А.Ф., 1959, с.67, Т.30,41; Кравченко А.А., 1986, с.93, рис.33,4; Казаков Е.П., 1993, с.121, рис.5,1,2; Иванов В.А., 1988, с.9, рис.1). Четыре столбовые ямки диаметром 30–40 см (одна из них прорезает яму 7) не обнаруживают конструктивной взаимосвязи.

Раскоп № 3 заложен в 60 м юго–восточнее раскопа № 2. Исследуемая площадь составила 60 кв.м. В этом районе, как и на большей площади строительства, культурный слой был уничтожен

полностью, погребенная почва также была срезана вся до материковой глины. Зачистка выявила пятна от трех оставшихся ям (рис.2).

Яма № 1 имела подпрямоугольно–округлую форму (3,60 х 2,30 м), вытянутую с востока на запад. Темно–коричневый рыхлый грунт заполнения был насыщен костями животных, осколками керамики, камня, углем. Кроме массового материала найдены следующие предметы: железные – обломок черешкового наконечника стрелы с упором для древка и плоским линзовидным в сечении, пером (рис.3,3), гвозди, пробой (рис.3,19), накладка со штырьками, крючок (рис.3,9); костяные – астрагал–лощило с отверстием (рис.3,12), костяная полированная трубочка (рис.3,7); глиняные – лощило из стенки кругового сосуда (рис.3,5), верхняя часть сероглиняного сфероконуса; осколок стекла.

Из ямы № 1 происходит великолепная коллекция средневековой парадной посуды (Валиулина С.И., 1997[2]). Раньше других были обнаружены многочисленные фрагменты кашинного сосуда с бирюзовой и ультрамариновой глазурью. Сосуд удалось почти полностью реставрировать (рис.4). По форме – это крупная биконическая чаша на кольцевом поддоне с широким выпуклым туловом и невысокой шейкой чуть раструбом. Диаметр венчика – 19 см, высота венчика – 1,8 см, наибольший диаметр тулова – 26 см, высота сосуда – 15,5 см, диаметр поддона – 11 см, высота поддона – 2 см, толщина черепка – 0,6–0,7 см, кашинное тесто кремового цвета, рыхлое крупнозернистое, песчанистое. Сосуд, как и его ближайшие аналоги, был изготовлен в алебастровой форме, конусовидные налепы (сохранилось 3) выполнены отдельно (Абызова Е. Н., 1981, с.296). Внешняя поверхность его украшена рельефными горизонтальными линиями: одной – низ шейки, и двумя – ребро тулова. На плечики нанесен штампованный эпиграфический орнамент – стилизованная арабская надпись из повторяющихся слов «икбаль» (успех), дополненная декоративными точками. Нижняя часть сосуда оформлена рельефными удлиненными арочками (36 штук). Вазы с широким выпуклым туловом и рельефными конусовидными выступами на верхней внешней поверхности зафиксированы на средневековых памятниках Ирана, Средней Азии (Пугаченкова Г.А., 1960, с.197), в золотоордынских городах Сарае Бату

(Булатов Н.М., 1972, с.273), Старом Орхее (Абызова Е.Н.,1981, с.296), Маджаре (Гражданкина Н.С...., 1971, с.129), Болгаре (сообщение В.С.Баранова). Но наиболее близок, на наш взгляд, сосуду селища фрагмент с Царёвского городища (безпаспортная находка в экспозиции Археологического музея КГУ). «Родство» сосудов и, вероятно, общий центр производства подтверждают и результаты полуколичественного спектрального анализа (аналитик – н.с. ЦНИИ Геолнеруд Р.Х.Храмченкова), анализу были подвергнуты кашинная основа и глазурь обоих образцов (табл.I, а. №№ 3–7). Характер декора, химический анализ кашина и поливы позволяют сделать вывод, что сосуд для «розовой воды» с Билярского III селища мог быть выполнен в мастерской одного из золотоордынских городов.

Следующий кашинный сосуд из ямы № 1 имеет плохую сохранность, которая, однако, позволила собрать почти половину чаши – пиалы и в полной мере представить ее декор (рис. 5). Чаша с чуть загнутым внутрь венчиком диаметром 19 см, высотой 8,8 см, на поддоне диаметром 7 см и высотой 1,5 см, черепок кремового цвета, песчанистый, 0,5 см толщиной. Чаша относится к самой распространенной и многочисленной группе кашинной керамики с бесцветной прозрачной поливой, подглазурной полихромной росписью и подглазурным рельефом (Булатов Н.М., 1968, с.99). На внутренней стороне чаш–пиал этой группы не прослежено ни одной устойчивой орнаментальной схемы. Орнамент билярской чаши также является примером «системы бесконечного разнообразия ограниченного числа элементов». Все рельефные детали узора были покрыты толстым слоем белого ангоба.

Анализ кашинной основы пиалы селища (табл.1, А. № 1) показывает, что в сравнении с кашином с бирюзовой и ультрамариновой поливой здесь мы имеем пониженное содержание кремнезема, большее количество глины, извести. Этот образец занимает по составу промежуточное положение между кашинным тестом с бирюзовой и ультрамариновой поливой (табл.1, а. № 3,5) и основой сосуда с люстровой росписью (табл.1, а. № 2), приближаясь к самаркандским образцам (Гражданкина Н.С., 1971, с.132, табл.1) и кашинной керамике из мастерской Селитренного городища (Шляхова И.В., 1980, с.76). Таким образом, можно предположить

как золотоордынское, так и среднеазиатское–самаркандское происхождение чаши с селища. Кроме развала рассмотренной пиалы в яме № 1 найдено еще 13 фрагментов от других сосудов с бесцветной прозрачной поливой, подглазурной полихромной росписью и подглазурным рельефом, а также 1 черепок с прозрачной двусторонней бирюзовой глазурью.

В яме № 1 собрано и 11 осколков фаянсовой чаши, расписанной люстром и кобальтом. Чаша имела полусферическую форму с прямым заостренным венчиком диаметром около 15 см (рис.8). Глазурь – глухая (опаковая) блестящая, молочно–белого цвета, тесто телесного цвета, толщина черепка до 0,6 см. Химический состав глазури и основы (кашина) определен полуколичественным спектральным анализом (табл. № 1). Основной рисунок был выполнен золотисто–коричневым люстром. Растительный орнамент в сочетании с арабской вязью и плотным точечным заполнением фонового пространства покрывал внутреннюю поверхность чаши. Узор располагался горизонтальными полосами, которые выделялись синими линиями, кобальтом окрашен и край венчика. Весь орнамент внутренней поверхности бледный, как бы «размытый». Мягкий горизонтальный рельеф внешней стороны сосуда подчеркивают широкие люстровые линии, идущие параллельно краю сосуда. Наружная роспись сохранилась яркой и насыщенной. Кобальт во внешней росписи отсутствует. Осколки фаянсовой посуды, расписанной люстром без кобальта, встречаются почти на всех объектах верхнего горизонта культурного слоя Билярского городища (Валиулина С.И., 1991, с.90). Полихромность росписи фаянсовых фрагментов с селища – признак очевидно более поздней даты. Наиболее близкие аналогии люстровая керамика селища обнаруживает с подобной посудой Болгара, которую М.Д.Полубояринова относит к иранским изделиям «ильханского» стиля (вторая половина XIII – первая половина XIV вв.) (Полубояринова М.Д., 1998, с.34). Керамику с люстровой и кобальтовой росписью, найденную в Белгороде Днестровском (Кравченко А.А., 1986, с.99), и в Московском Кремле (Панова Т.Д., 1986, с.228; Коваль В.Ю., 1996, с.169–173) исследователи (Кравченко А.А., Коваль В.Ю.) определяют как продукцию испано–мавританских ремесленных центров. Сложность окончательной атрибуции чаши из золотоордынского

Биляра обусловлена ее плохой сохранностью и отсутствием данных о химическом составе глазури и основы подобной посуды с других памятников.

Вероятно, люстровая чаша селища была разбита в конце XIII или первой половине XIV века.

Завершает обзор парадной посуды из ямы № 1 сероглиняный кувшин со штампованным орнаментом. (рис.6). Изящной формы сосуд имел следующие основные размеры:– высота – примерно 30 см, диаметр тулова – 19 см, диаметр подставки – 7,5 см.

Штампованная светлоглиняная керамика с XI–XII вв. была широко распространена по всему мусульманскому миру как принадлежность богатого аристократического быта (Федоров–Давыдов Г.А., 1976, с.152). В домонгольском Биляре, кроме сфероконусов, штампованной керамики нет. В XIII–XIV вв. в золотоордынских городах было налажено собственное производство подобной посуды. Почти вся поверхность нашего сосуда щедро украшена мелким штампованным рисунком в виде частых рядов ромбиков и трилистников. Основной орнаментальный пояс располагался на плечиках – эпиграфический орнамент с растительными мотивами чередовался с декоративными медальонами. К сожалению, верхняя часть тулова утрачена, надпись не читается. Лишь по аналогии можно предположить уже знакомое слово – «успех». Подобные кувшины известны в коллекциях Нового Сарая (Федоров–Давыдов Г.А., 1976, с.160–161, илл. 123–124) и Сарайчика (Агапов П., Кадырбаев М., 1979, с.190).

Ввиду практически полной гибели исследуемой части памятника чрезвычайно трудно определить характер и назначение объектов, связанных с изученными ямами. Одно бесспорно – дорогая праздничная посуда покоилась в засыпи ямы целой и пострадала под ножом бульдозера. В древности была разбита только пиала с люстровой росписью. Можно лишь предположить, что яма № 1 раскопа 3 являлась погребом или тайником, где хранилась или была спрятана парадная посуда. Какому сооружению или жилищу принадлежал погреб уже никогда не узнать. В заполнении ямы кроме прочих находок было выявлено более 40 осколков керамических труб.

В отвале грунта, сдвинутого строительством, в непосредствен-

ной близости от ямы № 1 вместе с отдельными фрагментами сосуда с ультрамариновой и бирюзовой поливой была сделана редкая находка, которую, с определенной долей вероятности, можно связать с комплексом ямы № 1.

Костяная обойма являлась деталью наборного пояса и представляет собой плоскую коробочку прямоугольной формы (30 х 33 х 5 мм) с овальными боковыми прорезями для ремня и овальной петлей–дужкой внизу, которая у основания оформлена фигурной скобочкой (рис.7,2). Оборотная сторона обоймы – гладкая без орнамента. На лицевой стороне в технике пропильной резьбы выполнена сложная композиция: оставлена узкая рамка по периметру и в заданное поле искусно вписано профильное изображение дракона. Дракон имеет удлиненную морду с достаточно выразительным глазом, развевающуюся гриву, плавник, змееподобное туловище, покрытое чешуей, показанной рядами мелких резных треугольников и кружков, 2 отростка – лапы (?), один из них обломан – правая часть изображения утрачена. Вся фигура опирается на раздвоенный хвост – типа рыбьего – или задние лапы. Композицию дополняют расположенные по углам декоративные детали в виде округлых и полукруглых сквозных фигурных прорезей.

Остатки поясов с прямоугольными обоймами с петелькой внизу из твердых материалов – бронзы, серебра, железа, агальматолита, рога – являются довольно частыми находками в средневековых памятниках евразийских степей (Степи..., 1981, с.198, рис.73, 31). Исследователи рассматривают эти пояса как пример сохранения глубокой традиции, сложившейся в древности, видимо, в районе равнинных степей, в том числе, в таштыкских памятниках. В монгольское время эта традиция стала господствующей на всей территории степей. Бляхи–обоймы такого облика известны в памятниках Башкортостана, Алтая (Гаврилова А.А., 1965, с.73), Южной Сибири (Медведев В.Е., 1982, с.65), в Болгаре (Полякова Г.Ф., 1996, с.215, 221–222). Два экземпляра бронзовых обойм с фигурными петельками поступили в фонды ГОМРТ в составе коллекции А.Ф.Лихачева. Место находки обоих – Биляр или его окрестности (ГОМРТ, №№ 5427–41, 5427–100).

Являясь деталью богатой одежды, бляхи–обоймы часто украшались геометрическими или зооморфными изображениями, в том

числе и фантастических животных–драконов (Кызласов И.Л., 1983, с.200). Обойма с Билярского III селища близка по материалу, форме и размерам костяным обоймам наборных поясов ундугунской культуры Восточного Забайкалья X–XV вв. (Кириллов И.И., 1983, с.133, рис.8). Но эти изделия украшал геометрический орнамент. По материалу, сюжету, композиции и технике исполнения билярская находка обнаруживает типологическую связь с костяными обоймами из Смоленска (Асташова Н.И., 1993, с.73). Воинские пояса с изображением драконов, являвшиеся знаками нойонского достоинства, найдены на городище средневекового Укека в Поволжье, на Ставрополье, в Краснодарском крае, левобережье Среднего Дона, на острове Березань на Черном море (Крамаровский М.Г., 1991, с.13).

Уровень исполнения и понимания мастерами образа дракона в целом и отдельных деталей на ручках поясных чаш и на обоймах, позволяет исследователям установить исходный–иконографический китайский вариант с наиболее полно и наиболее тщательно проработанныыми деталями, передающими облик зооморфного существа (Крамаровский М.Г., 1973, с.69). Образ дракона – «лун», чрезвычайно популярен в изобразительном и прикладном искусстве Китая. С глубокой древности широко известны изображения драконов–рептилий с телом змеи, чешуей рыбы, плавником и гривой, головой верблюда, глазами демона и хвостом, часто имеющим ветвистые отростки (Акишев А.К., ... 1981, с.234). По мнению М.Г.Крамаровского, «золотые и серебряные поясные ковши с ручками в виде протомы дракона и воинские пояса с изображением драконов представляют тот стиль в имперской культуре Великого монгольского государства, который при старшем поколении Чингизидов был перенесен из Центральной Азии в Европу. Причем традиционная иконография метрополии свое наивысшее воплощение получила в раннеджучидский этап (40–50–е годы XIII в. – 1300 г.) в воинских поясах с геральдическими изображениями драконов» (Крамаровский М.Г., 1996, с.202). Билярская обойма, безусловно, представляет собой не только социальнозначимую престижную вещь, но и уникальное художественное произведение, которое может быть датировано не позднее начала XIV в.

На расстоянии 80 см севернее ямы № 1 располагалась яма № 2

почти правильной округлой формы диаметром до 2 м. После второй выборки яма чуть сократила свои размеры, завершилась ровным материковым дном на глубине 1,5 м от уровня выявления. Заполнение ямы – рыхлая темно–серая супесь. Кроме массового материала – керамики, костей животных, угольков – обнаружены немногочисленные железные предметы: обломок черешкового наконечника стрелы с упором для древка, деталь цилиндрического замка, долото цельнометаллическое в виде граненого восьмиугольного стержня с лезвием на одном конце и обухом на другом (рис.3,16).

Яма № 3 (280 х 140 см) находилась на расстоянии 80 см северо–восточнее ямы № 2, имела неправильную форму и располагалась вытянуто с запада на восток. После первой выборки яма в два раза сократилась, заполнение – темно–серая рыхлая супесь, по краям и ближе ко дну – пестроцвет – смесь материковой глины с супесью – результат неоднократного оплыва глиняных стенок ямы. Индивидуальных находок немного: 6 фрагментов кашинной керамики (2 – с ультрамариновой двусторонней глазурью, 1 – с двусторонней бирюзовой и 3 – с бесцветной поливой полихромной подглазурной росписью и рельефом); пряслице из стенки лепного с примесью толченой раковины сероглиняного сосуда (рис.3,6); амулет из клыка медведя (рис.3,13). Выразительной находкой является псалий от удил типа II в виде кольца, соединенного со стержнем из круглого дрота с шишечками на концах (рис.3,11). А.Н.-Кирпичников такие удила датирует X–XIII вв., отмечая, что наибольшего распространения они достигают в XII–XIII вв. (Кирпичников Н.А., 1973, с.16–17, табл.VI). Стержневые псалии известны в Новогрудке, в постройке рубежа XII–XIII вв. (Гуревич Ф.Д., 1981, с.74, рис.60,10), в Ярополче Залесском, в слое начала XIII в. (Седова М.В., 1978, с.108. табл.16,6), 2 экземпляра происходят из Биляра – случайная находка во внутреннем городе и подъемный материал (Культура..., 1985, табл.LXV 4,8). Наиболее ранними подобными находками являются псалии из огузских курганов (Кригер В.А., 1993, с.139, рис.1), а наиболее поздние найдены в Иван-городе в слое конца XV в. (Петренко В.П., 1991, с.65, рис.2,22). В яме № 3 был найден также бронебойный пирамидальный наконечник стрелы с короткой массивной головкой квадратного сече-

ния (рис.3,2). Такие стрелы были широко распространены с X по XIV вв. (Медведев А.Ф., 1991, с.83, табл.25,7,18).

Из этого же объекта происходит обломок зеркала диаметром 7,4 см с вертикальным узким, подтреугольной формы бортиком высотой 3 мм по краю и петелькой–ручкой в центре. Вокруг ручки расположена окружность зубчиками и растительным узором с цветами лотоса (рис.7,1). Орнаментальному мотиву зеркала близки изображения цветов лотоса на поливных чашах и архитектурной майолике золотоордынских памятников (Федоров–Давыдов Г.А., 1976, рис.83, 105). По классификации Г.Ф.Поляковой, зеркало относится к типу В–II–3 (Полякова Г.Ф., 1996, с.230, рис. 73,2). Из Болгара происходят 2 экземпляра подобных изделий. Одно из них, идентичное билярскому, (тоже обломок) хранится в фондах ГОМРТ (5363; АА 7–43). Полное сходство обоих образцов, низкий рельеф орнамента, нечеткость, «размытость» билярского зеркала позволяют предположить их отливку в одной глиняной форме. Этот тип зеркал не имеет аналогов на других памятниках, кроме Болгара (Полякова Г.Ф., 1996, с.238; Недашковский Л., Ракушин А., 1998), что, возможно, является свидетельством их булгарского происхождения в золотоордынское время.

Исследование всей, утраченной в результате строительства дороги, площади селища, в основном сводилось к сбору подъемного материала. Кроме того, производилась зачистка и фиксация уничтоженных объектов там, где от них сохранились хоть какие–то следы. Но даже по этим крупицам можно констатировать, что сооружения – жилища и хозяйственные постройки располагались уже в 200–250 м от северной окраины села Билярск, далее в северном направлении плотность застройки, очевидно, увеличивалась. Здесь угадываются остатки производственных сооружений, горнов, тандыров. Отвалы по обе стороны от строящегося полотна дороги были насыщены керамикой, костями животных, обломками железных предметов, шлака, крицы. Подъемный материал с южной окраины селища содержал керамику как золотоордынского времени, так и домонгольского, в том числе, поливную булгарскую и среднеазиатскую X–XII вв. (Брусенко Л.Г., 1986, с.58).

Среди других находок в подъемном материале оказались крупные осколки чугунного котла, стремя (рис.3,21) типа EIII по клас-

сификации Г.А.Федорова–Давыдова. Такие стремена бытовали в XII–XIV вв. (Федоров–Давыдов Г.А., 1965, с.62, рис.1). Редкой находкой является костяное изделие (рис.3,15), которое по аналогии с находкой на городище Баба–ата (Южный Казахстан) VIII–IX вв. можно атрибутировать как деталь инструмента для сучения веревок (Агапов П., Кадырбаев М., 1979, с.166–167, рис.2).

Массовый материал селища – керамика – требует специального изучения (Валиулина С.И., 1997[1]). Круговая керамика представлена фрагментами корчаг, горшков, кринок, мисок, в меньшей степени широкогорлых кувшинов. Часто поверхность сосудов оформлялась лощением, реже украшалась линейным и волнистым орнаментом, иногда в сочетании с оттисками гребенчатого штампа. В целом гончарная керамика может быть определена как общебулгарская золотоордынского времени (Хлебникова Т.А., 1988).

Традиционную лепную и подправленную на круге посуду составляют, прежде всего, сосуды с подтреугольной ручкой, характерные для родановской культуры Прикамья. Достаточно много лепной керамики относится к XIII этнокультурной группе (по классификации Т.А.Хлебниковой), тип «джукетау». Керамика XIII группы, сформировавшаяся на основе IX группы, является отражением связей с тюрко–язычным населением юго–восточных истоков (Хлебникова Т.А., 1988, с.31). Спецификой керамического комплекса Билярского III селища является «размытость» признаков этой группы, что объясняется существованием многообразных гибридных форм, сложившихся в основном в результате взаимодействия XIII и XVIII групп керамики. Н.А. Кокорина за морфологическим сходством посуды этих групп усматривает взаимодействие, смешение их носителей (Кокорина Н.А., 1994, с 194). Некоторые образцы керамики соотносимы собственно с IX этнокультурной группой, что не входит, однако, в противоречие с общей датировкой памятника. «Материалы Болгара, позволяют, в какой–то мере, говорить о бытовании подобной керамики и в золотоордынский период, что, очевидно, объясняется продолжавшимся притоком тюркского населения юго–восточного происхождения из пограничных регионов между оседлым и кочевым населением Средней Азии» (Хлебникова Т.А., 1988, с.29). Отдельные фрагменты представляют XIV и XVI группы славянской (древнерусской) и марийско–

чувашской керамики.

Бытовая керамика отражает основные этнические составляющие населения и процесс их взаимодействия.

Богатый вещевой комплекс изученных объектов имеет достаточно широкий хронологический диапазон в пределах XIII–XIV вв. Более узкую дату исследованной части памятника – вторая половина XIII – первая половина XIV вв. – можно установить по наличию костяной обоймы, фаянсовой посуды «ильханского» типа с люстровой и кобальтовой росписью. Не противоречит такой дате и находка монеты в строительном отвале вблизи раскопа № 3. Пул на лицевой стороне имеет надпись «высочайшее повеление», на оборотной стороне изображен идущий влево барс. По определению А.Г.Мухамадиева, монета является пулом Узбека 30–х годов XIV в. чеканки Сарая.

Таким образом, в исследованной северной части памятник предстает однослойным золотоордынским. Никаких свидетельств существования подстилающего домонгольского слоя раскопками не обнаружено. Анализ подъемного материала в южной части памятника дает основания считать, что здесь имеет место «наложение» слоя золотоордынского времени на домонгольское поселение. Окончательное решение этого вопроса является ближайшей задачей. Исследованиями 1994–1998 гг. определены границы и площадь памятника, которая составляет, очевидно, не более 1000х700 м, значительно меньше той, что первоначально предполагалась. Автодорога на «Святой ключ» проходит почти по центру памятника с севера на юг. Приходится констатировать, что на настоящий момент наиболее богатая объектами и материалами часть памятника уничтожена строительством. В северной и северо–восточной части естественной границей поселения служит рельеф местности – край первой надпойменной террасы левого берега реки М.Черемшан, с востока – русло небольшого ручья. Очевидно, ручей разделяет два памятника – Биляр золотоордынский (III селище) и Билярское II селище. Билярское II селище по характеру керамического материала датируется XI–XII вв.* Эта датировка подтверждается и кладом серебряных

* Приношу благодарность Т.А.Хлебниковой за консультации и помощь в обработке керамического материала.

монет конца X – начала XI вв., найденным на территории Билярского селища экспедицией 1998 г.

Богатый материал, прежде всего, дорогая посуда, поясная обойма и т.п., будучи, безусловно, принадлежностью золотоордынского аристократического быта, является свидетельством городской культуры памятника.

Золотоордынский Биляр возник на незаселенной свободной территории. Тенденция возводить новые города на пустом месте, по мнению исследователей, является характерной для Золотой Орды (Федоров–Давыдов Г.А., 1994, с.15). Но для Золотой Орды характерно также использование старых городов и их доминирование в городской жизни, судя по монетам, во второй половине XIII в. (Федоров–Давыдов Г.А., 1994, с.16). В конкретном случае с золотоордынским Биляром мы не видим в этом противоречия. Напротив, оба положения здесь взаимообусловлены. С одной стороны, новый город возник на пустом месте, с другой стороны, он располагался всего лишь в 1,5 километрах от домонгольского Великого города – Биляра. Расстояние – не существенное во всех отношениях. Не случайно новый город тоже был назван Биляром. Такая очевидная преемственность названий не проявляется, однако, в материальной культуре памятников, где по многим позициям мы имеем полное отсутствие континуитета. Прежде всего это относится к поливной керамике и стеклянным изделиям. Эти находки в верхнем горизонте Билярского городища являются массовым материалом, в новом городе таких изделий нет, практически вся поливная посуда здесь на кашинной основе, единичные находки стекла также относятся к иной ремесленной традиции. В целом новый город предстает как бы перенесенным из нижневолжских степей, как будто нет рядом огромного разоренного старого города с богатейшей культурой, отделенного от нового полуторами километрами территориально и несколькими десятилетиями хронологически.

Полученные материалы позволяют не только определить характер памятника, но и представить широкую картину торговых и культурных связей, истоки питающие и формирующие культуру золотоордынского города.

Литература

Абызова Е.Н. Кашинный сосуд из Старого Орхея // СА. 1981. №2. С.296–298.

Агапов П., Кадырбаев М. Сокровища древнего Казахстана. Алма–Ата. 1979.

Акишев А.К., Байпаков К.М. Медальон с изображением борьбы с драконом из Отрара // СА. 1981. № 4. С.229–238.

Археологические памятники бассейна р.Черемшан. Казань, 1990.

Асташова Н.И. Костяные изделия средневекового Смоленска // Средневековые древности Восточной Европы. М., 1993.

Биляр – столица домонгольской Булгарии. Казань. 1991.

Брусенко Л.Г. Глазурованная керамика Чача IX–XII вв. Ташкент. 1986.

Булатов Н.М. Классификация кашинной поливной керамики золотоордынских городов // СА. 1968. № 2.

Булатов Н.М. Алебастровые формы из керамической мастерской Селитренного городища // СА. 1972. № 1. С.271–274.

Валиулина С.И. Поливная керамика Билярского городища (по материалам 40 раскопа) // Проблемы археологии Среднего Поволжья. Казань. 1991. С.78–96.

Валиулина С.И. Билярское III селище (к вопросу о Биляре золотоордынского периода) // Биляр и Волжская Булгария. Изучение и охрана археологических памятников. Казань, 1997. С.21–24.

Валиулина С.И. Бытовая керамика золотоордынского Биляра // Проблемы межэтнических взаимодействий в сопредельных национальных и административных образованиях. Сарапул, 1997[1]. С.20–22.

Валиулина С.И. Парадная посуда золотоордынского Биляра (по результатам раскопок Билярского III селища) // Гуманитарные науки: проблемы и аспекты изучения. Казань, 1997[2]. С.51–62.

Волжская Булгария и монгольское нашествие. Казань, 1988.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.–Л., 1965.

Гражданкина Н.С., Ртвеладзе Э.В. Влияние Хорезма на керамическое производство золотоордынского города Маджара // СА. 1971. № 1. С.127–129.

Гуревич Ф.Д. Древний Новогрудок. Л. 1981.

Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кипчакского времени на Южном Урале (XIII–XIV вв.). М. 1988.

Казаков Е.П. Коминтерновское II селище // Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения. Казань. 1993. С.117–129.

Кириллов И.И. Ундугунская культура железного века в Восточном Забайкалье // По следам древних культур Забайкалья. Новосибирск. 1983. С.123–138.

Кирпичников Н.А. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси в IX–XIII вв.// САИ. Вып.Е1–36. М. 1973.

Коваль В.Ю. Испанская люстровая керамика в Москве // СА. 1996. № 1.

Кокорина Н.А. Раскоп на III Билярском селище // Отчет об археологическом исследовании Билярского городища в 1981 году. Казань, 1982.

Кокорина Н.А. Отчет об археологическом исследовании Билярского городища и его окрестностей в 1982 г. Казань. 1983.

Кокорина Н.А. О финно–угорском компоненте в булгарской и булгаро–татарской культурах (по материалам керамики) // Проблемы средневековой археологии волжских финнов. Йошкар–Ола. 1994. С.185–213.

Колчин Б.А. Хронология новгородских древностей //СА. 1958. №2.

Колчин Б.А., Рыбина Е.А. Раскоп на улице Кирова // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М. 1982.

Кравченко А.А. Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII–XIV вв.). Киев. 1986.

Крамаровский М. Золотой ковш монгольского времени из Предкавказья // СГЭ. XXXVI.Л. 1973. С.65–70.

Крамаровский М.Г. Новые находки золотоордынского серебра из Приобья. Северо–китайские и исламские черты в торевтике 13–14 вв. // Восточный художественный металл из среднего Приобья. Новые находки. Каталог временной выставки к 70–летию отдела Востока. Ленинград, 1991. С.11–20.

Крамаровский М.Г. Ковш поясной. 76 // Сокровища Приобья. СПб., 1996. С.200–202.

Кригер В.А. Огузские курганы в междуречье Волги и Эмбы // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара. 1993. С.137–144.

Культура Биляра. М., 1985.

Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. // САИ. в. Е3–18. М. 1983.

Медведев А.Ф. Оружие Новгорода Великого // МИА. №.65. 1959.

Медведев В.Е. Средневековые памятники острова Уссурийского. Новосибирск. 1982.

Мухамадиев А.Г. Город Биляр по нумизматическим данным // Биляр и Волжская Булгария. Изучение и охрана археологических памятников. Казань, 1997. С.56–59.

Недашковский Л., Ракушин А. Средневековые металлические зер-

кала с Увекского городище // Татарская археология. № 1(2). 1998. С.32–51.

Панова Т.Д. Восточная поливная керамика из раскопок в Московском Кремле // СА. 1986. № 1.

Петренко В.П. Исследование Ивангорода // КСИА. 1991. № 205. С.61–71.

Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996.

Пугаченкова Г.А. Орнаментированный сосуд из Куня–Ургенча // Тр. ТГУ. Вып.172. 1960. С.197–200.

Седова М.В. Ярополч Залесский. М. 1978.

Сингатуллина А. Джучидские монеты поволжских городов в XIII в. (Материалы из каталога) // Татарская археология. № 1(2). 1998. С.52–87.

Степи Евразии в эпоху средневековья // Археология СССР. М, 1981.

Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско–Камской Булгарии и ее территория. Казань, 1975.

Федоров–Давыдов Г.А. О датировке типов вещей по погребальным комплексам // СА. 1965. № 3. С.50–66.

Федоров–Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. М. 1976.

Федоров–Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М., 1994.

Халиков А.Х. История изучения Билярского городища и его историческая топография // Исследования Великого города. М., 1976.

Халиков А.Х., Валиулина С.И. Проблемы изучения археологии Среднего Поволжья и Приуралья в Казанском университете // Страницы истории Поволжья и Приуралья. 1984. Казань, с.162–182.

Халиков А.Х. Монголы, татары, Золотая Орда и Булгария. Казань. 1994. 164 с.

Хлебникова Т.А. Неполивная керамика Болгара // Город Болгар. М. 1988. С.7–103.

Хузин Ф.Ш. О верхней дате существования Билярского городища // Проблемы археологии Среднего Поволжья. – Казань, 1991.

Шляхова И.В. Керамика с кобальтовой росписью в Золотой Орде (по материалам Селитренного и Царевского городищ) // СА. 1980. № 4. С.75–86.

Приложение 1

Клад монет, найденный на северо–восточной окраине Билярского III селища (золотоордынский Биляр).

Хранится в фондах Болгарского музея–заповедника /АК/

Шифр 337/1 Монета. Золотая Орда. Хызр. Гюлистан, 761 г.х. – 1,57 г

337/2 То же – 1,55 г

337/3 Монета. Золотая Орда. Хызр. Гюлистан, 762 г.х. – 1,46 г

337/4 Монета. Золотая Орда. Хызр. Сарай ал–Джедид – 761 г.х. – 1,54 г

337/5 То же – 1,44 г

337/6 Монета. Золотая Орда. Джанибек. Сарай ал–Джедид, 749 г.х. – 1,54 г

337/7–11/ То же – 1,59; 1,48; 1,44; 1,58; 1,48 г

337/12–15/ Монета. Золотая Орда. Джанибек. Гюлистан, 752 г.х. – 1,56; 1,64; 1,51; 1,58 г.

337/16 Монета. Золотая Орда. Джанибек. Гюлистан 753 г.х. – 1,54 г

337/17 Монета. Золотая Орда. Джанибек. Гюлистан 752 г.х. – 1,51 г

337/18 Монета. Золотая Орда. Джанибек Сарай ал– Джедид 7... г.х. – 1,54г

337/19 То же – 1,51 г

337/20 Монета. Золотая Орда. Джанибек. Сарай ал– Джедид 752 г.х. – 1,57 г

337/21 Монета. Золотая Орда. Джанибек. Сарай ал– Джедид 742 г.х.–1,5 г

337/22 Монета. Золотая Орда. Узбек. Сарай 7... г.х. – 1,41 г

337/23 Монета. Золотая Орда. Узбек Сарай ал– Махруса 722 г.х. – 1,36 г

337/24 Монета. Золотая Орда. Узбек. Болгар ал– Махруса, 723 г.х. – 1,36 г

337/25 Монета. Золотая Орда. Тохта. Сарай ал– Махруса 710 г.х. – 1,51 г

337/26 Монета. Золотая Орда. Бердибек. Сарай ал– Джедид 759 г.х. – 1,59 г

337/27 Монета. Золотая Орда. Бердибек. Сарай ал– Джедид 760 г.х.–1,57 г

337/28–29/ Монета. Золотая Орда. Бердибек. Гюлистан 760 г.х. – 1,6; 1,48 г

337–30 Монета. Золотая Орда. Бердибек. Гюлистан 759 г.х. – 1,51 г

337/31–34/ Монета. Золотая Орда. Мюрид. Гюлистан 763 г.х. – 1,52; 1,54; 1,55 г

Определение монет Д.Г.Мухаметшина.

Таблица № 1
Химический состав кашинской основы и глазури керамики Золотоордынского Биляра и Сарая (результат спектрального анализа)

№	Проба	As	P	Mn	Pb	Sn	Mo	Cu	Ag	Zn	Ti	Co	Ni
1	Кашин. полихром. чаша	0,002	2,29	0,04	0,001	+	+	0,003	+	0,020	0,150	0,002	0,003
2	Кашин. люстр. сос.	0,001	0,40	0,03	1,000	0,006		0,018	0,003	0,006	0,750	0,001	0,001
3	Кашин ультрамар. бирюз. сост.	0,002	+	0,03	0,003	+		0,010	+	0,002	0,110	0,001	0,001
4	Синяя глазурь ультрамаринов. бирюз. сос.	0,010	+	0,06	0,100	0,001	+	0,310	0,001	0,030	0,160	0,080	0,001
5	Кашин ультрамар. бирюз. сос. Сарай	0,003	+	0,03	0,003	0,001		0,010	+	0,005	0,110	0,001	0,003
6	Синяя глазурь ультрамар. бирюз. сос. Сарай	0,010	0,40	0,05	0,100	0,040	+	0,180	+	0,006	0,160	0,080	0,004
7	Бирюзовая глазурь ультрамар. бирюз. сос. Сарай	0,002	+	0,06	0,090	0,040	+	2,500	0,001	0,007	0,250	0,001	0,004

№	Zr	Cr	Sr	Ba	Y	Yb	Na	K	B	Mg	Ca	Al	Fe	Si
1	0,009	0,007	0,059	0,006	+	+	1,08	1,00	0,010	0,830	2,80	5,67	0,42	85,59
2	0,030	0,004	0,094	0,007	+	+	8,10	2,40	0,020	1,660	4,20	9,45	0,57	71,27
3	0,009	0,004	0,010	0,009			0,50	1,00	0,010	0,490	0,70	3,78	0,14	93,18
4	0,006	0,010	0,059	0,007	+	+	13,50	3,00	0,030	2,490	8,40	3,78	5,00	62,97
5	0,009	0,004	0,006	0,006	+	+	0,80	0,50	0,010	0,490	0,84	2,83	0,57	93,76
6	0,006	0,007	0,020	0,007			10,50	2,40	0,020	2,490	8,40	3,78	2,86	68,18
7	0,006	0,008	0,030	0,008			13,50	2,40	0,020	3,320	10,50	7,56	2,14	57,55

SiO + потери при прокаливании

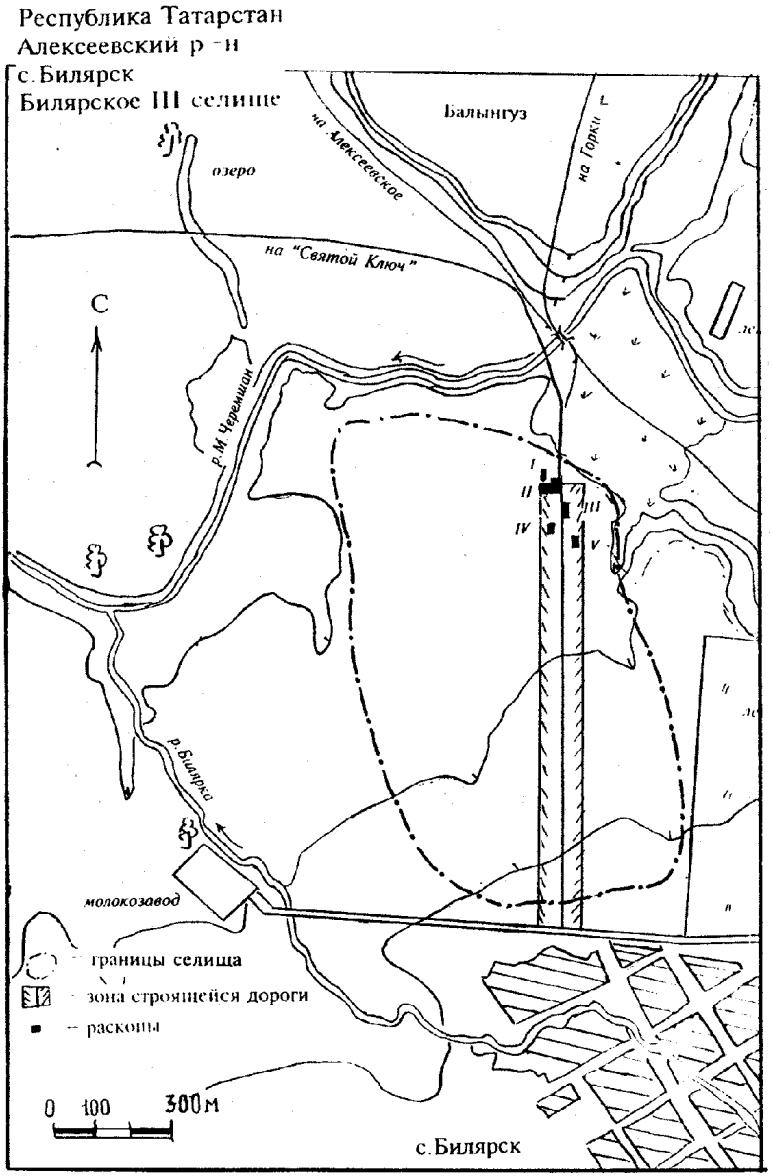


Рис. 1. План расположения Билярского III селища.

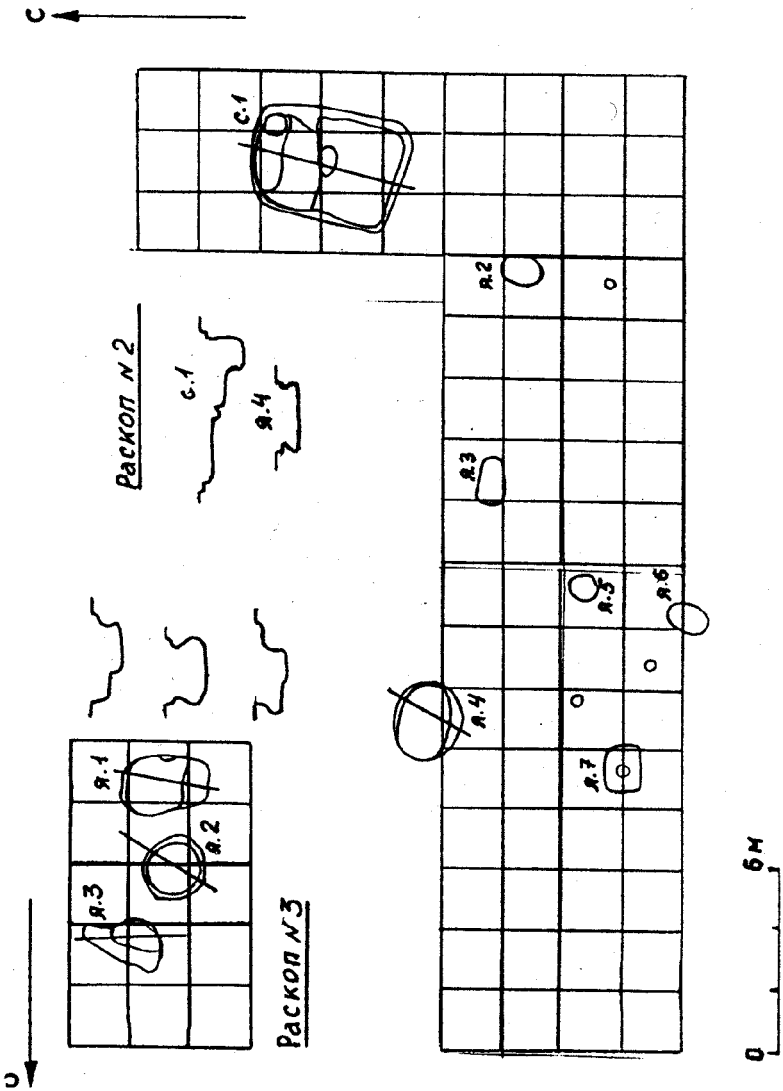


Рис. 2. План раскопов 1994 года.

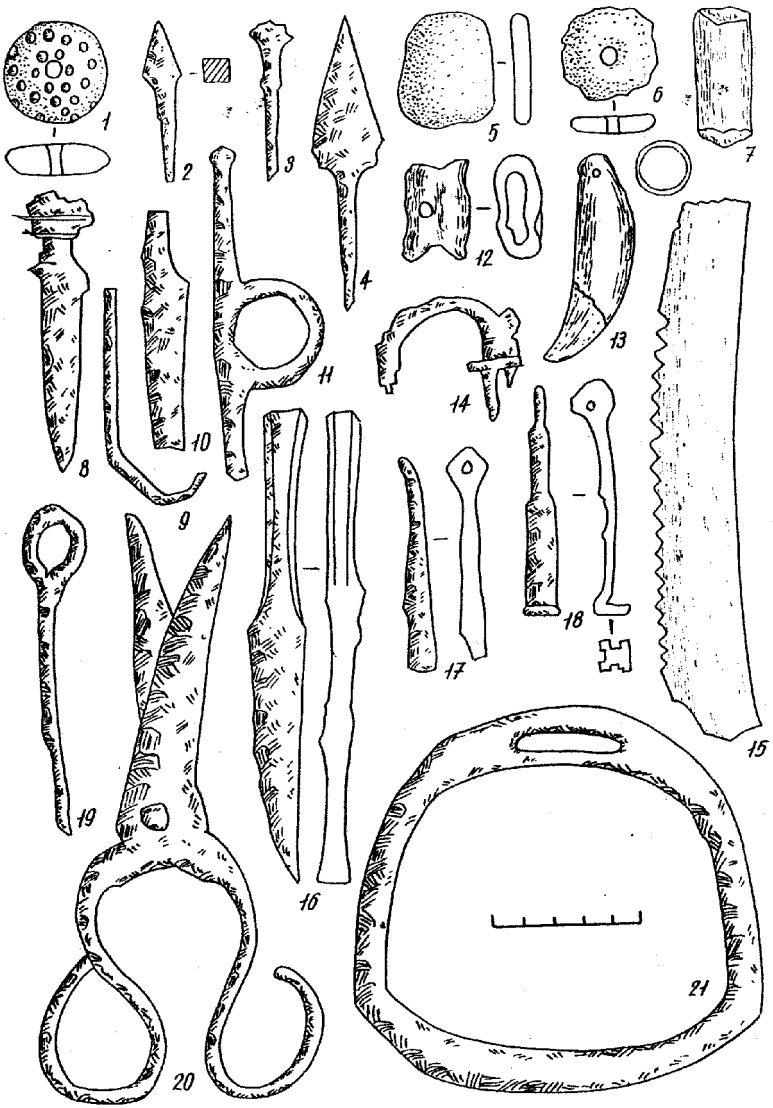


Рис. 3. Вещевой материал Билярского III селища. № 17 – раскоп № 1; №№ 1, 4, 8, 14, 18, 20, – раскоп № 2; №№ 2, 3, 5–7, 9, 11–13, 19 – раскоп № 3; 10, 15, 21. – подъемный материал; 1, 5, 6, – глина; 2 – 4, 8 – 11, 14, 16 –21. – железо.

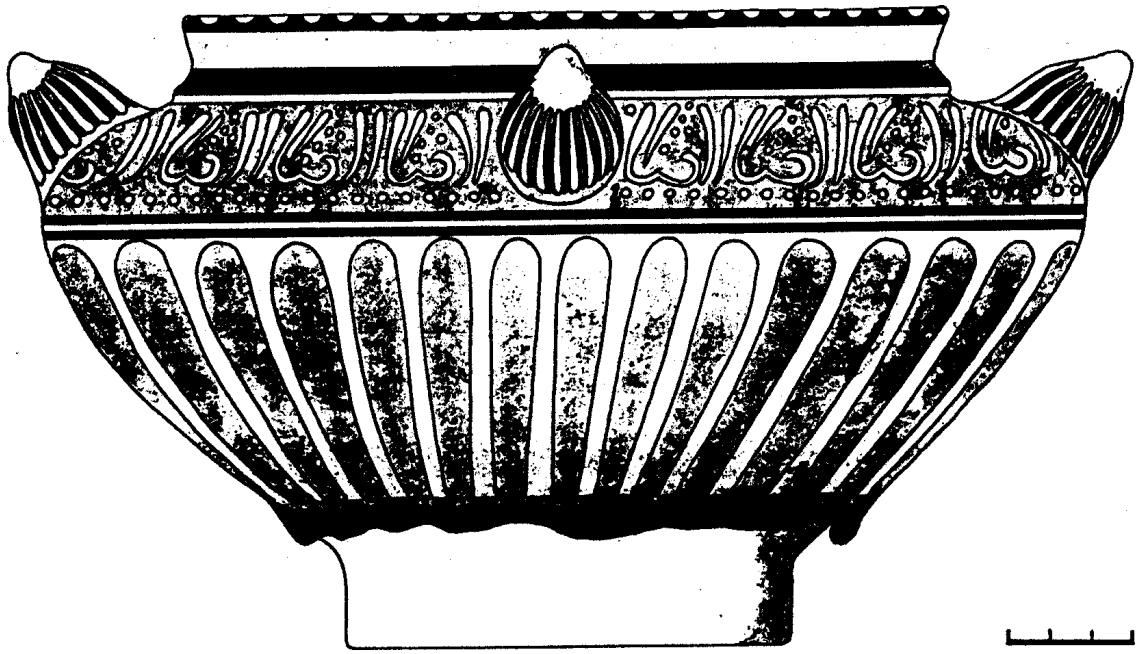


Рис. 4. «Сосуд с ультрамариновой и бирюзовой глазурью из ямы №1, раскоп 3.

Рис. 5. Чаша с прозрачной поливой, подглазурным рельефом и подглазурной полихромной росписью ямы № 1, раскоп 3.

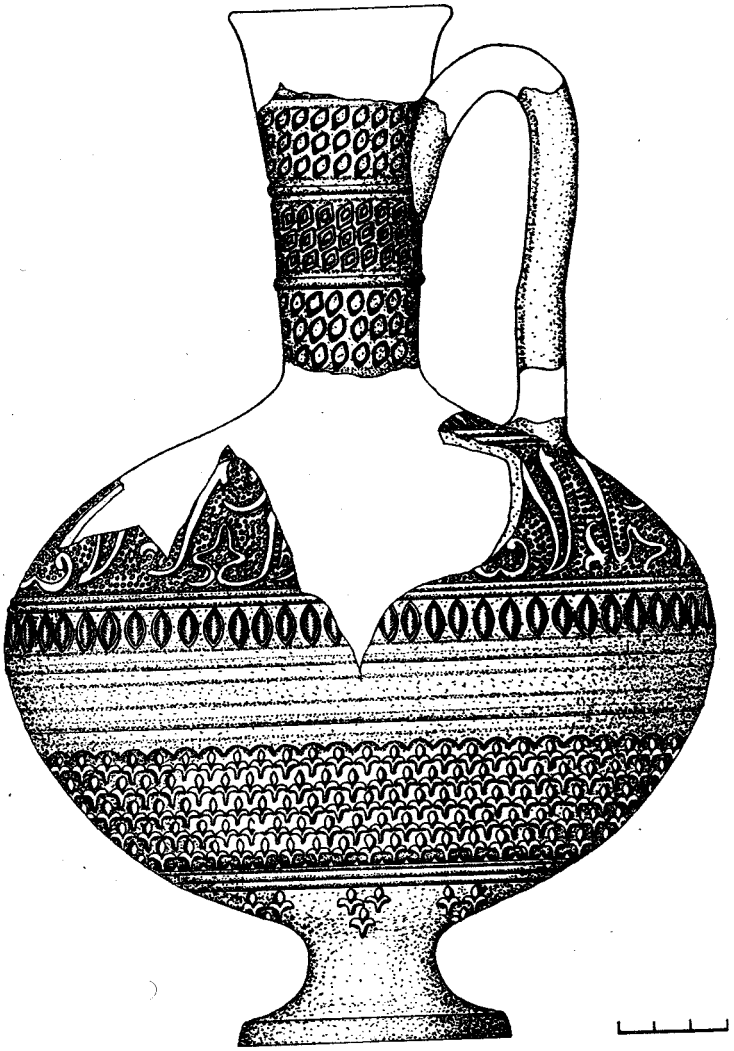


Рис. 6. Кувшин со штампованным орнаментом из ямы №1, раскоп 3.

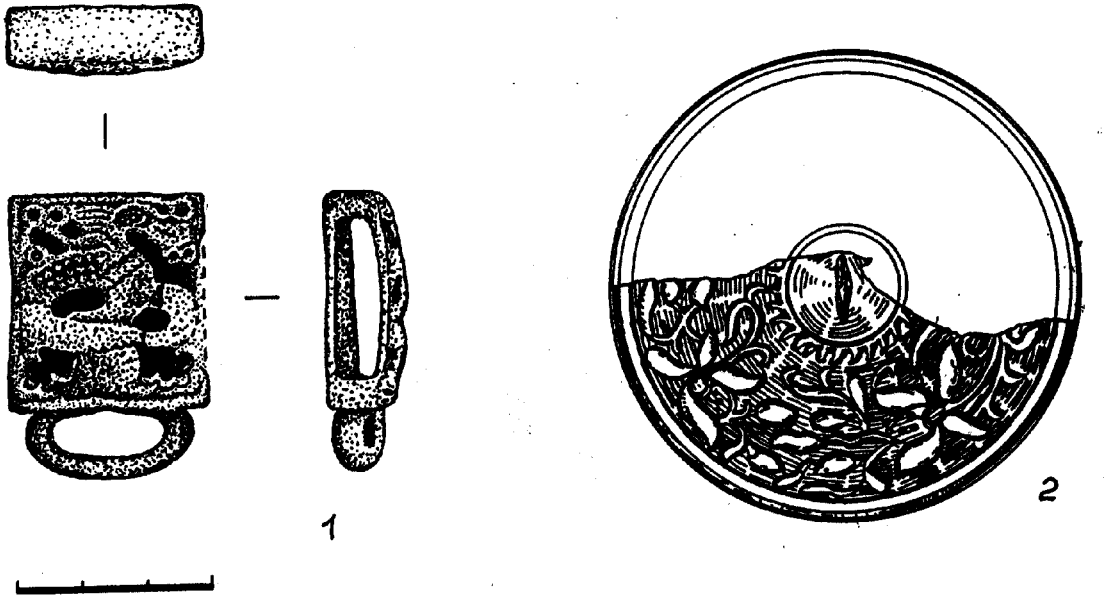


Рис. 7. 1. Зеркало из ямы № 3, раскоп 3. (белый сплав); 2. Поясная обойма (кость), раскоп 3.

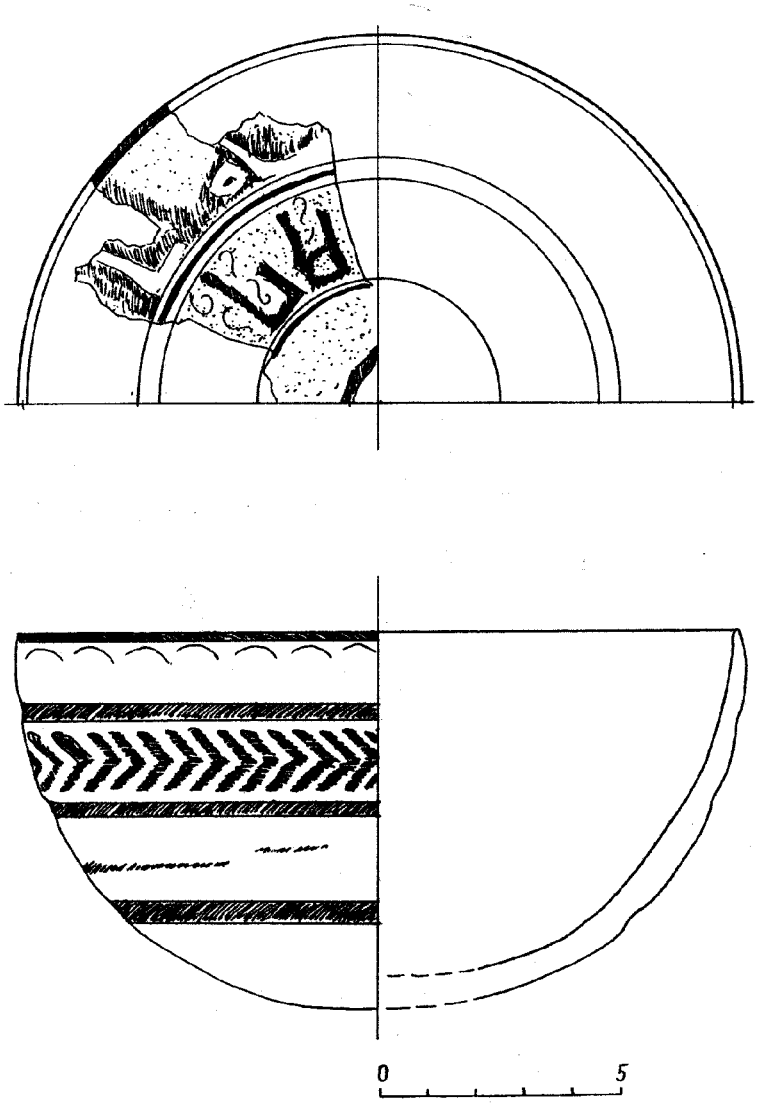


Рис.8. Кашинная чаша с росписью люстром и кобальтом (реконструкция).

И.Л.Измайлов

Формирование этнополитического самосознания населения Улуса Джучи: некоторые элементы и тенденции развития тюрко–татарской исторической традиции

Все цивилизации и большая часть из составляющих ее социальных универсумов имеют свою особую «картину мира», ориентирующую общество не только в настоящем географическом (космологическом) пространстве, но и определяющих их топос в череде веков и поколений, указывая на первопричину и смысл их появления и обуславливая тем самым «бремя истории», тяготеющее над обществом. Улус Джучи (Золотая Орда), как великая евразийская империя (вторая после Тюркского каганата), на фоне истории мировой цивилизации существовала сравнительно недолгий период. Но именно в это беспокойное, сложное и мятежное время средневековые татары не только создали свое государство, но и выработали свою этнополитическую идеологию, в которой сформулировали новые идеи, мифологемы и символы своей общности. Став в середине XIII в. фактически, а с 1266 г. политически независимым государством, Улус Джучи стал вырабатывать свою парадигму исторической традиции и идеологии (определяемых как единство символов, моделей и знаков данной культуры и сообщества людей их понимающих, принимающих и использующих[1]), которая стала основой этнополитической идентификации средневековых татар.

Эпоха Улуса Джучи действительно может быть обозначена как ключевой этап татарской истории[2], что прекрасно понимал и подчеркивал в своих трудах еще «отец татарской историографии» Ш. Марджани[3], поскольку именно тогда произошло формирование социальных и политических структур, а также основ культурной и идеологической жизни татарского социума, понимаемого в данном случае не в современном узконациональном, а в широком этносоциальном смысле. Этот период был существенно важен и для

последующего политического и культурного развития всего евразийского региона, ибо формирование структур золотоордынского государства приводит к последовательному изживанию принципов племенного устройства.

Судя по анализу письменных источников, определенно можно сказать, что правящая верхушка знати Великого Монгольского государства («Еке Монгол Улус») предпочитала называть себя «монгол»[4]. По словам Рашид ад–Дина, целый ряд племен, «подобно джалаирам, татарам, ойратам, онгутам, кераитам, тангутам и прочим, из которых каждое имело определенное имя и специальное прозвище – все они из–за самовосхваления называют себя монголами, несмотря на то, что в древности они не признавали этого имени»[5]. Под именем «татар», очевидно, понимались остатки разгромленных народов, собранных в особые войска. Не исключено, что основная часть этих разноплеменных отрядов была передана в Улус Джучи и его потомкам, так как собственно монголы составляли лишь 4 тысячи человек, а остальные были «из войск русских, черкесских, кыпчакских, маджарских и прочих, которые присоединились к ним»[6].

Несмотря на то, что собственно татар и монгол в степях Восточной Европы было немного, создание Улуса Джучи и становление его социальной структуры полностью изменило этнополитическую ситуацию в регионе. Между тем, в трудах ряда историков можно встретить утверждения, что монголы были быстро ассимилированы кыпчаками, в подтверждение чего обычно ссылаются на слова арабского историка середины XIV в. ал–Омари: «Земля одержала верх над природными и расовыми качествами их (татар), и все они стали точно кыпчаки, как будто от одного (с ними) рода, оттого что монголы (и татары) поселились на земле кыпчаков, вступили в брак с ними и оставались жить на земле их»[7]. Этот пассаж, по мысли многих историков, прекрасно объяснял значительное сходство археологических материалов XIII–XIV вв. с домонгольскими, а в этническом плане доказывал сохранение кыпчакского этноса, воспринявшего от завоевателей только их этноним[8]. При этом данному извлечению из сочинения секретаря мамлюкского султана ал–Малик ан–Насира придается несвойственный ему статус ultima ratio в системе этих доказательств. Однако,

если обратиться к контексту этого сообщения, то, оказывается, что автор в действительности имел в виду не факт растворения монголов кыпчаками, а разъясняет, почему рабы, привезенные из владений Узбека в Египет, столь же хороши, как и в более ранние времена. Средневековый автор объясняет это воздействием «природы», заставившей татар принять физические и нравственные качества, присущие до этого кыпчакам. Очевидно, что ал–Омари руководствовался не только идеями географического детерминизма, но и политическим расчетом. Этот пассаж, как совершенно справедливо заметил В.П. Костюков, «не только изящно завершает пространное славословие доблестям кыпчаков, спасших мусульманский мир, но еще и тонко подает дополнительный аргумент к оправданию дружбы кыпчакских правителей Египта и разорителей Дашт–и Кыпчака»[9].

Реальная обстановка в Дашт–и Кыпчаке была, видимо, далека от идиллической картины, нарисованной египетским историком и воспроизведенной современными археологами. Монгольское завоевание не только уничтожило государства и разорило целые народы, но и подчинило их военно–административной системе Улуса Джучи. Включение кочевых (в том числе кыпчакских) племен в монгольскую улусную и клановую структуру на правах зависимых племен сопровождалось уничтожением старой родовой элиты, массовыми переселениями племен и разрывом старых родовых связей[10]. По сути дела .уже в период завоевания евразийских степей были уничтожены прежние родоплеменные структуры и родовые культы и традиции, введен территориальный принцип военно–административного управления и расселения народа, а также были образованы новые улусы и кланы, куда вошли осколки прежних кыпчако–кимакских племен. Археологические памятники из Северной Евразии дают детальное представление об этих событиях: в XIV в. прекращается кыпчакская традиция установления каменных изваяний, количество и разнообразие погребальных комплексов резко увеличивается, обрядность их демонстрирует появление новых типов, а также смешение и комбинацию старых[11]. Скорее всего, именно тогда в центральной части евразийских степей исчезли старые родовые и племенные кыпчакские этнонимы («бурчевичи», «токсобичи», «етебичи», «кулобичи» и т.д.)

и внедрились новые монгольские (мангыт, кунграт, джалаир, барын, найман, аргын, ширин, кыят и т.д.).

И не случайно, что в условиях распада старого самосознания и своеобразной аберрации сознания значительная часть населения, особенно знать, стремилась включиться в новую социальную систему, активно перенимая новую этнополитическую идентификацию. В степях Дашт–и Кыпчака, где происходили подобные процессы распыления племенной структуры кыпчаков и новой консолидации населения степей, стянутого скрепами монгольской этнополитической системы, общим этнонимом становится имя «татар». Об этом свидетельствует, в частности, Рашид ад–Дин: «Вследствие силы и могущества татар... (ныне) в стране киргизов, келаров и башкир, в Дашт–и Кыпчаке, в северных... все тюркские племена называют татарами»[12]. Этнокультурным отражением этих процессов может служить целый пласт новых элементов культуры, связанный, прежде всего, с традициями имперского государственного управления (металлические пайцзы, джучидские монеты и т.д.) и центральноазиатского рыцарства (украшения пояса, оружие и воинское снаряжение, орнаментированная конская упряжь и т.д.)[13].

Расцвет империи Джучидов, развитие городов, становление пышной и синкретичной культуры, формирование общепонятного городского койне и литературного языка («поволжский тюрки»), а также активное перемешивание военно–феодальной знати привело к формированию татарской этнополитической общности. По мере усложнения этнополитической структуры общества содержание термина «татар» усложняется, в первую очередь, под ним подразумевается военно–феодальное рыцарское сословие, служащее «пером и мечом» Джучидам, считающее себя мусульманами и ведущее, как правило, кочевой образ жизни[14].

Становление новых функций и механизмов политического управления совпало с началом систематической исламизации населения на огромных просторах Северной Евразии, нивелирования этнокультурных особенностей и становления нового «татарского» самосознания. Политическое и религиозное развитие Улуса Джучи было в значительной степени обусловлено геополитическими обстоятельствами. Завоевав обширные территории евразийских

степей и ряда оседлых народов Восточной и Центральной Европы, правители Золотой Орды вступили в Закавказье с другими чингисидами, потомками Хулагу. Во многом благодаря этому противоборству и поискам союзников (Мамлюкский Египет, сельджукские эмираты и т.д.) возникла необходимость в собственной государственной (этнополитической) идентификации и апелляции к иной (не языческой и несторианской) религиозной системе. Взаимодействие ислама с традиционной тюрко–монгольской культурой в Улусе Джучи с известной условностью можно охарактеризовать формулой – «включение региона в мусульманскую ойкумену».

Одним из исторических феноменов, возникших на стыке религиозных, политических и этнических процессов золотоордынской эпохи, является формирование идеологии «чингисизма» – политического культа Чингис–хана и его потомков, в первую очередь, его сына Джучи. Появление и развитие его не только отметило своеобразие эпохи, но и демонстрирует направление и тенденции формирования этнополитического самосознания населения Улуса Джучи. Именно формирование системы мифологем, ядром которых был культ Чингис–хана, стало явлением, маркирующим глубинные процессы и механизмы становления и распространения татарской этносоциальной идентификации.

Выявить конкретные аутентичные изменения сюжетов и их обогащение новыми элементами в процессе развития достаточно сложно, поскольку от цельной государственной историографической традиции до современности сохранились лишь переработанные в более позднее время отдельные сюжеты и отрывки[15]. Нельзя с достоверностью определить, когда и кем было положено начало созданию собственной золотоордынской истории. Бесспорно ясна ее цель – укрепление собственной легитимации в противоборстве с другими коленами чингисидов и создание аргументов в пользу собственной исключительности и природного величия. По мере внедрения и укоренения ислама чингисизм в его золотоордынском варианте приобретает очевидные коннотации. В этом процессе явно отразились новые формы этнополитической и социальной идентификации, в частности, осознание Джучидами важности религиозных символов для упрочения исламской репутации

династии. В XV–XVI вв., а скорее всего и в XIV в. чингисизм в сложившемся виде приобрел очевидное политическое и социальное звучание, которое В.П. Юдин поспешил назвать особой религией[16]. Основными чертами ее он считал «новый генеалогический комплекс, изложенный в терминах родоплеменного осмысления возникновения и сложения структуры человечества, который стал базой формирования воззрений на происхождение всего человечества и вселенной. Он был дополнен традиционными элементами тюрко–монгольского шаманизма, которые стали как бы верхним этажом и пристройками здания новой веры. Тем самым был создан космогонический миф, т.е. сформировались иллюзорное мировоззрение и идеология. Так родилась новая религия»[17].

Между тем, Чингис–хан золотоордынской исторической традиции – это не «святой» и даже не столько «небесный патрон» династии и государства, а скорее «отец–основатель», создатель государства и законов («Йаса Чингис–хана»), «вечный правитель», лишь временно передающий свои права очередному хану. В рамках этой идеологической парадигмы сформировались основополагающие представления о самостоятельном Улусе Джучи и этнополитическом единстве татар, определились параметры династической легитимности, преемственности власти, клановой и социальной иерархии. И только после распада единого государства в отдельных ханствах и владениях (Казанское, Крымское, Узбекское (Шайбанидское) ханства, Ногайская Орда) появляются и формируются новые символы власти и механизмы легитимации, связанные уже с местными особенностями властных структур и более активным влиянием и внедрением ислама в эти процессы (возвеличивание отдельных колен потомков Джучи – Тука–Тимуриды, Шайбаниды и даже неджучидов – потомков Идегея, появление местных святых – покровителей различных династий и т.д.).

С точки зрения своей особой значимости в системе политического самосознания, «чингисизм», вопреки мнению В.П. Юдина[18], имеет целый ряд параллелей в европейской и азиатской истории. Это франкский император Карл Великий и «вечный король» Норвегии Олаф, и король Чехии святой Вацлав, и древнерусские князья – святые Борис и Глеб, и даже Александр Македонский, ставший в своей восточной ипостаси (Искандер Зу–л–Карнайн)

покровителем ряда мусульманских династий, в том числе и Волжской Булгарии[19]. Если говорить о более общем историческом контексте, то чингисизм – «политический культ» правителя, имеющего небесную харизму и олицетворяющего единство политического сообщества и правящей династии. Подчеркивая передачу традиций власти именно Джучидам, этот культ сыграл важнейшую роль в социальной и этнополитической консолидации татарской знати.

Образы святых–правителей – одно из характерных и парадоксальных явлений средневекового сознания[20]. Но при всей близости и схожести образов святых в различных цивилизационных и социальных контекстах, он мог иметь некоторые отклонения. Например, в отличие от христианской агиографии, где святой правитель часто был не только человеком исключительной религиозности, но и противостоял мирской власти, компенсируя ее несправедливость и неправедность[21], в исламе образ святого и правителя, начиная с Пророка Мухаммада, был подчеркнуто слит; а позднее – с эпохи Сельджукидов – возникает образ «султана ислама» как верховного светского правителя мусульманского мира, стоящего рядом с халифом, религиозным главой, освещающим своим религиозным авторитетом власть султана[22]. Культ правителя Чингис–хана , правящего с санкции «Вечного Неба», в этой связи как раз и отвечал подобным требованиям, легко укладываясь в систему исламских ценностей. Феномен аристократической ханской власти, возникший в языческой (или в несторианской) среде, явно восходит к системе мифологических представлений о сверхъестественной природе власти[23]. Однако архаические представления о харизме правителя в Улусе Джучи в XIV в., под воздействием внедряющегося в ментальные структуры общества ислама, претерпевают своеобразную перекодировку, вместо традиционных мифологем власти возникает новая система понятий мусульманизированных религиозных и политических символов. Адаптировав культ Чингис–хана и его сына Джучи к исламским ценностям, золотоордынская правящая династия оказывалась включенной в мусульманскую систему сакрализации и легитимации политической власти. Смысл этого процесса, нашедшего отражение в исторической традиции и, разумеется, имевшего характер «интуитив-

ного политического действия», может быть описан формулой «тюрко–монгольская традиция в исламской парадигме». Не исключено также, что правы те исследователи, кто считает, ссылаясь на широкий антропологический контекст, что в мотиве святости правителя и харизмы его власти отразились процессы мифологизации вождя, определяемые понятием «сакральный правитель»[24].

Как бы то ни было, но в условиях средневекового государства все эти процессы имели, видимо, более сложный характер, который можно отнести к феномену средневековой политической теологии или, точнее, «теологии власти»[25]. Традиция, описывающая его, определенно решила центральную для политического сознания средневековья проблему – религиозного статуса мирской власти. Иными словами, династия посредством своих идеологов использовала «своего» покровителя для подтверждения особой избранности династии: архаическая вера в наследование харизматических качеств перевоплощалась в идею наследования святости.

К сожалению, переходя от анализа идеологической и социальной составляющей этого культа к некоторым конкретным проблемам, следует констатировать, что проблемы почитания центральноазиатских и европейских мусульманских святых, становление и развитие их культов, соотношение их с традиционными тюркскими верованиями не стали объектом целенаправленного и систематического изучения, если не считать прекрасный труд Д.ДеВиза[26]. В нем подробно проанализированы историческая традиция и фольклорные источники об исламизации Улуса Джучи. Особо выделен образ святого Баба Тукласа, который, на взгляд автора, является ключевым сюжетом в понимании механизмов исламизации Золотой Орды и демонстрирует внедрение исламских мотивов в архаические традиционные культы населения Центральной Азии[27]. Вместе с тем, самому образу Чингис–хана и его потомков – Джучидов, как важнейшей составляющей государственной идеологии Улуса Джучи, уделено гораздо меньшее внимание и роль, связанных с этим кругом образов, высвечена менее отчетливо.

Конкретным примером подобного анализа будет тема династической связи Джучидов с Чингис–ханом в тюркской исторической традиции. Основным источником, позволяющим реконструи-

ровать эту историческую традицию, являются тюркские источники: различные варианты «Дафтар–и Чингиз–наме», «Чингиз–наме», «Таварих–и гузида» и «Родословная туркмен» Абу–л–Гази и ряд других[28]. Оставив в стороне проблему выявления и вычленения ранней золотоордынской традиции, а также дискуссии по поводу их филиации и датировок, что должно стать предметом специального анализа, отметим лишь самый важный и определенно общий для всей этой традиции мотив – «Чингиз–хан и его сын и наследник Джучи». Хотя, несомненно, что этот мотив является частью золотоордынской традиции, ее содержание и состав сведений носит в значительной мере реконструктивный и конвенционный характер[29].

Важнейшие элементы этой традиции восходят к официальной монгольской истории рода Чингис–хана – «Алтан дептер» («Золотая тетрадь»)[30]. Характерными повествовательными элементами ее являлись сконцентрированная в летописи генеалогия (мифологическая – предки Чингис–хана от Алан–Гоа и историческая – Хабул–хаган и его потомки); связанные с генеалогиями краткие биографические описания; вкрапление «малых» сюжетных форм (панегирические, дидактические и другие рассказы); относительно слабо выраженное (часто в форме регистрации событий) хронологическое описание. В целом, самое значительное место в историописании отведено жизни и деяниям Чингис–хана[31].

Все тюркские генеалогии с той или иной полнотой передают эту монгольскую традицию. Наиболее полная версия сохранилась в сборнике конца XVII в. «Дафтар–и Чингиз–наме»[32], где присутствуют практически все элементы истории, присутствующие в «Сборнике летописей» Рашид ад–Дина и, возможно, восходящей к ней, вплоть до упоминания прародительницы Алан–Гоа (в форме Алангу). Прямое заимствование части этой летописи и ее соединение с некоторыми другими татарскими и даже булгарскими источниками несомненны. Однако неясно, результат ли это поздней компиляции, или это – сохранившийся элемент ранней золотоордынской историографии. Но одновременно в данном источнике отсутствует такая деталь, как биография хана Джучи и его потомков (кроме Джанибека, которому посвящен отдельный дастан, весьма значительно переработанный в позднее время).

В других источниках, где золотоордынская традиция сохранилась, видимо, полнее, отрывки, касающиеся истории «золотого рода», полностью отсутствуют. Скорее всего, в более ранних вариантах джучидской историографии эти мотивы в той или иной степени были представлены. Но постепенно, потеряв этнополитическую актуальность, были сокращены или переделаны. Вариант подобного сокращения генеалогии представлен в списках «Чингиз–наме» Утямыш–хаджи и «Родословия тюрков» («Шаджарат ал–атрак»)[33], где с некоторыми разночтениями указывается, что «величайший обладатель счастливой звезды (сахибкыран) великий Чингис–хан» пожаловал сыну Джучи часть своих владений – Дашт–и Кыпчак и Хорезм. Никаких других подробностей о величественности и грандиозности завоеваний, предпринятых Чингис–ханом, в сохранившейся поздней тюркской традиции не сохранилось. Все они оставлены как бы за скобками династической истории Джучидов, представляя разительный контраст с монгольской традицией[34].

Вариант переработки связан также с насыщением истории исламскими мотивами. Ранний этап ее представлен уже у Рашид ад–Дина, который сочетает сведения о предках Чингис–хана с сюжетом об истории огузов – «Огуз–наме»[35], где одновременно присутствует мусульманская генеалогия народов и предки Огуз–хана возводятся к пророку Йафету (Яфесу).

Уже в несколько переработанном виде этот дастан попал в золотоордынскую традицию, где пополнился некоторыми новыми актуальными мотивами. Вся родословная правителей возводится к Адаму и его потомку Йафету. Например, по Абу–л–Гази, «...пророк Нух каждого из своих трех сыновей послал в разные земли... сына своего Яфеса послал в страну северного полюса. О Яфесе некоторые говорят, что он был пророком, а некоторые говорят, что он не был пророком. Яфес, по воле своего отца, покинул гору Джуда и отправился к берегам Итиля и Яика»[36]. После Йафета в северной стране правил его сын Тюрк, которого якобы отец посадил на престол, сказав другим сыновьям: «Тюрка считайте своим государем, из повиновения ему не выходите!»[37]. После череды правлений других ханов, в том числе Могола и Татара, которые не находят параллелей в «Огуз–наме» Рашид ад–Дина, правителем тюрок ста-

новится Кара–хан, а после него сын Огуз–хан. Таким образом, одной из особенностей джучидской исторической традиции следует считать отсечение «монгольских» предков Чингис–хана, а другой – включение в традиционные тюрко–мусульманские легенды («Огуз–наме») эпонимов «Татар» и «Могол». И не только эпонимов, в тексте встречаются указания на то, что держава Огуз–хана военным потенциалом была обязана «воинам могольских и татарских илей»[38].

Другим важным моментом этих мифологем является подчеркивание благородности предков, по праву рождения призванных править тюрками, начиная от легендарного эпонимичного Тюрка до Огуз–хана. В этой последовательности Чингис–хан выглядит одним из ключевых персонажей. Общественное сознание тюрко–татарских ханств поглощает его и адаптирует его образ, делая его закономерным продолжателем и наследником великих тюркских владетелей степи. Но роль его не столько в завоевании мира и верховенстве среди тюрок (например, в ряде историй особо подчеркивается, что основная его завоевательная политика была направлена на другие страны и регионы[39]), а в передаче власти над тюрками исключительно своему сыну Джучи.

Интенции «Чингиз–наме» и «Родословий тюрок» могут быть соотнесены с важностью персоны правителя Чингис–хана для создания исторических и символических оснований политической легитимации династии. Кроме того, указание на первенство среди тюрок может быть понято и как политическая претензия. Религиозную же легитимацию создатели золотоордынских мифологем власти черпали в исламских легендах, которые смело вводили в тюркские генеалогические предания.

На территории Улуса Джучи в период становления самостоятельного государства эта традиция получила дальнейшее развитие. Ключевым ее элементом стали предопределение появления «золотого рода Чингис–хана» и передача власти его сыну Джучи в части государства (Улус Джучи), которая включала «Хорезм и Дешт–и Кипчак от границ Каялыка до отдаленнейших мест Саксина, Хазара, Булгара, алан, башкир, урусов и черкесов. Вплоть до тех мест, куда достигнет копыто татарской лошади»[40]. Вот как описывает это Утямыш–хаджи: «Йочи–хан был старшим из его (Чин-

гис–хана – И.И.) сыновей. Он дал (ему) большое войско и отправил, назначив в вилайет Дашт–и Кыпчака, сказал: «Пусть будет пастбищем для твоих коней». Дал (ему также) вилайет Хорезма»[41]. В версии Абу–л–Гази это описывается очень похоже: «...Джучи с принадлежавшими ему нукерами из Ургенча пошел в Дешт–и Кыпчак. Кыпчакский народ собрался, и произошла битва. Джучи–хан победил и перебил (всех) попавших (ему) в руки кыпчаков... Кыпчаки, обитавшие между Итилем и Тином, рассеялись на четыре стороны... Джучи–хан, взяв в плен кыпчакскую молодежь, поселился в кыпчакском юрте. Из могольской (страны) он переселил сюда свою семью и все или, которые дал (ему) отец. Из каждого уруга узбеков были переселенцы в кыпчакский юрт»[42]. Таким образом, Джучи выступает здесь в двух ипостасях – как наследник харизмы Чингис–хана и как основатель и создатель на завоеванных землях своего – Джучиева Улуса («в этих странах он утвердился на престоле ханства и троне правления»[43]).

Видимо, это ключевая мифологема формируемого джучидского политического культа. К сожалению, в имеющихся в нашем распоряжении источниках тема о Джучи–хане развита слабо, отражая, очевидно, более поздний этап развития историографии. Возможные сюжеты, раскрывающие образ Джучи, содержатся в ряде персоязычных источников, созданных при дворе Тимуридов, но значительно переделанных и дополненных уже при Шайбанидах. Например, в «Родословии тюрок» («Шаджарат ал–атрак») имеется три ключевых мотива: о законности Джучи, как старшего сына Чингис–хана (здесь обсуждается широко известный эпизод с захватом беременной жены Чингис–хана Борте меркитами, что бросило тень на законность наследника); об особой любви Чингис–хана к своему старшему сыну (которого он любил якобы «больше, чем всех своих детей мужского и женского пола»), приводя в качестве доказательства распространенную тюркскую легенду о певце, иносказательно сообщающем хану о гибели сына; о вражде и ревности по отношению к Джучи со стороны младших братьев – Чагатая и Угедея[44]. Подобных эпизодов, разумеется, не было в историографической традиции других монгольских государств, в которых на первый план выходили другие мифологемы легитимации власти и подчеркивались другие связи с политическим куль-

том Чингис–хана.

В подчеркивании получения инвеституры Джучи–ханом на власть в Улусе от Чингис–хана высвечивается мотив благородного происхождения и, как отражение веры в наследование харизматических качеств, освящение власти Джучи и его потомков культом «Потрясателя Вселенной», акцентируется внимание на династических связях.

То есть сюжетная линия, связанная с Джучи, определяет не только включение политического культа Чингис–хана в джучидский политический пантеон, но и знаменует формирование золотоордынской этнополитической мифологемы. В дальнейшем развитие тюркской исторической традиции Улуса Джучи происходит уже в рамках этой повествовательной парадигмы. Основой ее являлась генеалогия определенного потомка Джучи с краткой характеристикой предшествующих поколений и более подробное описание биографии хана (Джанибек, Орду–иджен, Урус, Абулхайр и др.) или знатного карачи бека (Мамай, Идегей).

Тенденцией развития этой традиции является постепенное насыщение ее мусульманскими элементами (особенно в XV–XVI вв.) посредством кратких экскурсов (сведения о принятии ислама ханами Берке и Узбеком, биографии святых и т.д.) и путем возведения генеалогии ханов и карачи беков (Идегей) к святым пророкам. Постепенно данная традиция была встроена в мусульманскую картину мира и историографии. Распространению этой традиции и внедрению в сознание тюркского населения способствовали ее близость к фольклорным, эпическим системам и четкая локализация каждого клана (микрокосм) внутри империи Джучидов (макрокосм)[45]. Другой тенденцией стала «коренизация» истории государства, подчеркивание ее местных традиций и истоков. Достигалось это за счет включения в государственную историографию историй племен и кланов, местных святых и популярных героев легенд и преданий.

Улус Джучи объединил значительное количество тюрко–монгольских кланов, между которыми, в соответствии с генеалогической близостью к роду Чингис–хана, была установлена определенная иерархия, закрепленная в исторической традиции. Создание в Улусе Джучи иерархии кланов во главе с Джучидами трак-

товалось не просто как учреждение государства, а как акт творения, упорядочения макрокосма. Закрепление этой исторической традиции в письменной, а позднее в устной (фольклорной) формах, делало ее общепризнанной и легитимной. Данная историческая традиция выработала основной набор мифологем и стала идеологическим обоснованием формирования нового этнополитического – «татарского» самосознания. Наибольшее распространение оно приобрело в среде родовой и чиновной знати (в значительной мере мусульманизированной), находившейся в вассальной зависимости от Джучидов, включенных в их клановую и улусную систему и часто ведших кочевую жизнь.

Таким образом, создание джучидской (татарской) исторической традиции явилось важнейшим фактором формирования ментального универсума и сплочения различных тюркских общностей и выработки татарской этнополитической идентификации. Добившись независимости от Монгольской империи, Улус Джучи получил необходимые рычаги для выработки и конструирования собственной державной исторической традиции, а после официального принятия ислама в качестве государственной религии, получил опору в богатых возможностях мусульманской историографической и философской словесности, обогатившись новыми мотивами и символами. В отличие от целого ряда других тюркских государств с расплывчатой социальной структурой и неразвитой государственной традицией, золотоордынская державная идеология (своеобразная «политическая теология») стала ярким всплеском тюрко–татарского самосознания. Ее парадигма этнополитической идеологии оказалась настолько авторитетной, что поглотила менее приспособленные и более слабые мифологемы предшествующих эпох, или, частично переработав, поглотила их, определив на многие века дальнейшее развитие тюркской историко–политической мысли позднесредневековых государств и народов Евразии. Татарская историческая традиция из–за ее устойчивости после распада Улуса Джучи вошла составной частью в локальные исторические традиции различных татарских государств XV–XVII вв.

Литература

1. Кун Т. Структура научных революций. М., 1977.

2. Исхаков Д.М. Ключевой этап татарской истории // Татарстан. 1997. №3. – С.14–19.

3. Schamiloglu Uli. The Formation of a Tatar Historical Consciousness: Sihabaddin Marcani and the Image of the Golden Horde // Central Asiatic Journal. 1976. XX. – p. 39–49; русский перевод и комментарий Д.М. Исхакова см.: Шамиль Ю. Формирование исторического сознания татар: Шигабуддин Марджани и образ Золотой Орды // Татарстан. 1991. №10. – С.21–29.

4. Мэн–да бей–лу (Полное описание монголо–татар). М., 1975. – С.92–94; Мункуев Н.Ц. Заметки о древних монголах // Татаро–монголы в Азии и Европе. М., 1977. – С.378–385; Михайлов Т.М. Развитие этнического самосознания монголов в XII–XIV вв. // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1993. – С.179–198.

5. Рашид ад–дин. Сборник летописей. Т. I. Кн.1. Пер. Л.А. Хетагурова. М., Л. 1952. – С.102.

6. Рашид ад–дин. Ук соч. – С.275.

7. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. СПб., 1884. – С.235.

8. См. например: Плетнева С.А. Половцы. М., 1990 – С.186, 187; Яминов А.Ф. Кыпчаки на Южном Урале в XIII–XIV вв. // Археология Южного Урала. Стерлитамак, 1992. – С.226, 227.

9. Костюков В.П. Кыпчаки и Золотая Орда // XIV Уральское совещание. 21–24 апреля 1999 г. Тезисы докладов. Челябинск, 1999. – С.165–166.

10. Федоров–Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. – С.35–43; Плетнева С.А. Ук. соч. – С.182–184.

11. Федоров–Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. – С.166–193; Kramarovsky M. G. The Culture of the Golden Horde and the Problem of the «Mongol legacy» / / Rulers from the Steppe. State Formation on the Eurasian Periphery. Vol.2. Los Angeles, 1989. – p.255–273; Костюков В.П. Памятники кочевников XIII–XIV вв. Южного Зауралья (к вопросу об этнокультурном составе Улуса Шибана). Автореф. дисс. канд. ист. наук. Уфа, 1997.

12. Рашид ад–дин. Ук соч. – С.103.

13. Kramarovsky M. G. Ibid. – p.260–264; Крамаровский М.Г. О доблести и пряжке у Чингисидов (в связи с новой находкой воинского пояса первой половины XIII в.) // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровс-

кого. Тезисы докладов. СПб., 1999. – С. 38–46.

14. Измайлов И.Л. Некоторые аспекты становления и развития этнополитического самосознания населения Золотой Орды в XIII–XIV вв. // Из истории Золотой Орды. Казань, 1993. – С.17–32.

15. Некоторые исследователи склонны отрицать существование золотоордынской историографии, считая «Чингиз–наме» и другие подобные произведения не частью исторической традиции Улуса Джучи, а некой «степной устной историологией» (Юдин В.П. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая... // Утямыш–хаджи. Чингиз–наме. Алма–Ата, 1992. – С.25; первое издание см: Юдин В.П. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая... // Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI–XVIII вв. Алма–Ата, 1983). Но эта традиция не была устной, поскольку существовала в трудах придворных историков, которые, разумеется, пользовались устными преданиями, но не только ими – например в труде «Чингиз–наме» Утямыш–хаджи, автор XVI в. пишет: «В хрониках, которые я видел...» (Утямыш–хаджи. Чингиз–наме. Пер. и исслед. В.П. Юдина. Алма–Ата, 1992. – С.90), тем самым отмечая существование письменной исторической традиции. Не была она и степной, поскольку существовала в городах, при дворе ханов. Сложен вопрос и о соотношении устного предания и исторической традиции. Судя по значительному единообразию сохранившихся текстов, можно предположить, что предания постзолотоордынского времени испытали влияние исторической традиции Улуса Джучи.

16. Юдин В.П. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая... // Утямыш–хаджи. Чингиз–наме. – С.16–21. Вряд ли сейчас столь однозначно можно считать «чингисизм» религией хотя бы потому, что сам автор пишет, что она была также «мировоззрением, идеологией, философией, санкцией общественного строя и социальных институтов, политической и правовой системой, культурологической доктриной, основой просвещения, средством регуляции поведения в семье и обществе» (Там же. – С.19), а далее открывает еще целый спектр квазирелигий – «огузизм», «идегеизм» (Там же. – С.55–56). Иными словами, для автора любая «ложная идеолого–мировоззренческая система, конструировавшая картину и функционирование мира» (Там же. – С.19) и есть религия. Не вдаваясь в понимание сущности религии, хочется все же отметить, что поскольку ее основой, видимо, следует считать веру в сверхъестественное, то автор описывает мифологическое мышление (например см.: Мелетинский Е.М. Мифология // Философский энциклопедический словарь. М., 1983. – С.377; Токарев С.А., Мелетинский Е.М. Мифология // Мифы народов мира. М., 1991. – С. 11–20). При такой постановке проблемы обнаружи-

вается, что у монголов была своя, не сводящаяся к «чингисизму» мифологическая система (см.: Неклюдов С.Ю. Монгольских народов мифология // Мифы народов мира. М., 1991. – С.170–174). Чингис–хан отнюдь не являлся «всевышним богом», как это представляется автору, хотя бы потому, что сам он правил с санкции «Вечного неба» (см.: Трепавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи XIII в. Проблема исторической преемственности. М., 1993. – С.59–67; Скрынникова Т.Д. Харизма и власть в эпоху Чингис–хана. М., 1997. – С.56–73). Кроме методологических недостатков данная теория имеет и «политические» корни. Основанием подобной неверной трактовки в немалой степени послужило общее представление об обществе и государстве Джучидов как о «степной империи» или «кочевом объединении», которые не могли якобы иметь развитых форм историографии и идеологии. Представляется однако, что под термином «чингисизм» следует подразумевать особую парадигму монгольской и татарской (золотоордынской) политической идеологии.

17. Юдин В.П. Указ. соч. – С.18.

18.Автор не находит других параллелей феномену чингисизма и сравнивает его напрямую с буддизмом, христианством и исламом. (Там же. – С.18–20).

19. Saints and their Cults. Studies in Religious Sociology, Folklore and History. Cambridge, 1983; Левандовский А.П. Карл Великий. М., 1999; Хорошев А.С. Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.). М., 1986; Парамонова М.Ю. Генеалогия святого: мотивы религиозной легитимации правящей династии в ранней старовацловской агиографии // Одиссей. Человек в истории. 1996. М., 1996; Бойназаров Ф.А. Проблемы традиции и современности. Образ и личность Александра Македонского. М., 1990; Измайлов И.Л. Этнополитические аспекты самосознания булгар X–XIII вв. // Панорама–Форум. 1996. 1(4).

20. Блок М. Короли–чудотворцы. Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии. М., 1998; Saints and their Cults...; Nelson J. Politics and Ritual in Early Medieval Europe. L., 1986.

21. Наиболее яркий пример для древнерусской агиологии – образ святых князей Бориса и Глеба в «Сказании» (Памятники литературы Древней Руси. XI – начало XII века. М., 1978), который знаменовал появление особого культа «страстотерпцев», приверженцев обязанностям вассалитета, не желающих переступить через них даже под угрозой смерти. (Хорошев А.С. Ук. соч. – С. 13–36).

22. Бартольд В.В. Халиф и султан // Бартольд В.В. Соч. T.VI. М.,

1966; Гусейнов Р.А. Султан и халиф // Палестинский сборник. 1969. Вып. 19(82).

23. Трепавлов В.В. Государственный строй ... – С.59–67; Скрынникова Т.Д. Харизма и власть ... – С.56–73.

24. Скрынникова Т.Д. Харизма и власть ... – С.100–148.

25. Nelson J. Op. cit. – p.39–44.

26. De Weese D. Islamization and Native Religion in the Golden Horde. Baba Tukles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. – Pennsylvania State University, 1994.

27. Ibid. – pp. 321–516.

28. Характеристику этих источников см.: Хальфин И.И. Жизнь Джингиз–хана и Аксак–Тимура, с присовокуплением разных отрывков, до истории касающихся, коих все слова для обучающихся расположены по алфавиту. Казань, 1822; Автобиография Тимура// Богатырские сказания о Чингис–хане и Аксак–Тимуре. М., 1934; Кононов А.Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу–л–гази хана хивинского. М., Л., 1958; 1992; Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII веков. Составители: С.К. Ибрагимов, Н.Н. Мингулов, К.А. Пищулина, В.П. Юдин. Алма–Ата, 1969; Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. Казань, 1972; Утямыш–хаджи. Чингиз–наме...; De Weese D. Islamization...– p. 321–408.

29. Интересную работу, в которой автор на основе анализа комплекса источников реконструирует тюрко–монгольскую историческую традицию на примере мифологемы об общем происхождении тюрок и монгол от предка Огуз–кагана см.: Dobrovits M. The turco–mongolian tradition of common origin and the historiography in fifteenth century Central Asia // Acta Orientalia. 1994. T. XLVII (3). – p.269–277.

30. Наиболее ранняя и полная версия ее сохранилась в передаче Рашид ад–Дина (Рашид ад–дин Сборник летописей. Т.I/1. Пер. с перс. Л.А. Хетагурова. М., Л., 1952). Историю и генеалогию Чингис–хана в аутентичной «Тайной истории монголов» также см.: Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М., Л., 1941.

31. Неклюдов С.Ю. Героический эпос монгольских народов. Устные и литературные традиции. М., 1984. – С. 223–241; Шастина Н.П. Образ Чингисхана в средневековой литературе монголов // Татаро–монголы в Азии и Европе. М., 1977. – С.462–483; историческую оценку этих источников и научную биографию Чингис–хана, см.: Кычанов Е.И. Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир. Чингис–хан: личность и эпоха. М., 1995.

32. Автобиография Тимура. Богатырские сказания о Чингис–хане и

Аксак–Тимуре. М., 1934; источниковедческую характеристику см.: Усманов М.А. Татарские исторические источники ... – С.97–111.

33. Утямыш–хаджи. Чингиз–наме...; Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.II. М., Л., 1941. – С.202–209.

34. Монгольскую историческую традицию см.: Лубсан Данзан. Алтан Тобчи («Золотое сказание»). Пер. и коммент. Н.П. Шастиной. М., 1973; Шастина Н.П. Образ Чингисхана...; Неклюдов С.Ю. Героический эпос... – С. 223–241.

35. Рашид ад–Дин. Сборник летописей... – С.80–91; Щербак А.М. Огуз–наме. М., 1959; Рашид ад–Дин Фазлаллах. Огуз–наме. Пер. с перс., пред и коммент. Р.М. Шукюровой. Баку, 1987; историческую основу дастана об Огуз–хане см.: Бернштам А.Н. Историческая правда в легенде об Огуз–кагане // Советская этнография. 1935. № 6. – С.33–43; Шукюрова Р.М. Сведения «Огуз–наме» о завоевании тюрками Азербайджана и сопредельных стран // Известия АН Азербайджанской ССР. Серия истории, филологии и права. 1982. № 3; иную точку зрения об Огуз–хане, как поздней мифологеме, призванной подчеркнуть единство тюрок, см.: Dobrovits M. Ibid. – p. 269–277.

36. Кононов А.Н. Родословная туркмен... – С.39.

37. Там же.

38. Кононов А.Н. Родословная туркмен... – С.45.

39. Утямыш–хаджи. Чингиз–наме... – С.91; Кононов А.Н. Родословная туркмен... – С.44.

40. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов... – С.204.

41. Утямыш–хаджи. Чингиз–наме... – С.91.

42. Кононов А.Н. Родословная туркмен... – С.44.

43. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов... – С.204.

44. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов... – С.203–204.

45. Подробнее см.: De Weese D. Islamization...– p. 321–408.

А.Г.Мухамадиев

Монеты как источник по изучению преемственности денежного дела Поволжья V–XV вв.

Число находимых в Поволжье и Приуралье монет поистине огромно. Это – монеты тюрко–татарских государств и империй Евразии с центрами, расположенными в Поволжье. Когда, разбирая древние монеты, сотруднику Эрмитажа было сообщено, что автором изучены более 30 тыс. монет и древних форм денег, ему эта цифра показалась несколько преувеличенной. Однако сюда включены лишь те монеты, которые не только прочитаны, но и взвешены на весах, т.е. прошедшие метрологические исследования. Весь этот материал является интересным и важным для изучения различных этапов средневековой истории Поволжья и Приуралья.

Монеты являются ценным источником по определению имен правителей, чеканивших их, названий городов, где располагались монетные дворы, даты чеканки и т.д. В современной нумизматике не менее важным является использование монеты как источника по дополнительной метрологической информации для установления возникновения денежного обращения, денежно–весовых систем и, наконец, установления происхождения и связей денежно–весовых систем разных стран и периодов. Это не просто дань моде в современной нумизматике, а необходимость. Монеты чеканились из драгоценных металлов, следовательно, их цена или стоимость зависела от их веса. Если золотая или серебряная монета была в два или более раза тяжелее, то во столько же раз больше можно было покупать на нее. Не знать весовую систему древних монет – то же самое, что не знать счет и соотношение между собой современных денег.

Таким образом, удалось установить преемственность денежно–весовых систем Поволжья и Приуралья следующих периодов: именьковский (V–VII вв.), хазарский (VIII–X вв.), булгарский (X–XIII вв.), золотоордынский (XIII–XV вв.), казанский (конец XIV–XV вв.), которые тесно связаны друг с другом.

1 период. Собственная чеканка монет начинается в VIII в. в Хазарском каганате. Однако хазарский чекан возник не в готовом виде. Ему предшествовали в Поволжье и Приуралье первые отлитые деньги собственного производства – бронзовые слитки. Около села Ширбет, недалеко от булгарского городища, обнаружен клад бронзовых слитков в количестве 73 экземпляра. Они обнаружены рядом с меднолитейной мастерской, следовательно, изготовлены в «денежном дворе», расположенном в центре большого именьковского селища.

Бронзовые слитки клада представлены трехгранными брусками длиной 18,5 см и весом от 70 до 111 г. Заслуживает внимания весовая норма изготовления слитков. Из 69 целых слитков 4 экз. весят от 98 до 160 г., с преобладанием веса 102–106 г (29 экз.). Следовательно, можно сделать вывод, что бронзовые слитки были изготовлены весом в 25 весовых драхм (4,26 х 25 = 106 г), или как одна четвертая более крупного стандартного веса – фунта в 426 г.

Бронзовые слитки, как металлические деньги, получили широкое распространение. Встречаются слитки более крупного размера. В Удмуртском НИИ хранится слиток такой же формы, но гораздо тяжелее. Он, как и ширбетский, трехгранный, с утолщением в средней части. Длина – 42 см, ширина в средней части – 2 см, вес – более 400 г, т.е. слиток изготовлен в один фунт.

Для Среднего Поволжья хронологические рамки обращения слитков – III–V вв. Принадлежащие гуннам Тураевские курганы, где обнаружены слитки, датируются III–V вв., а слитки Ширбетского клада –V–VII вв., хотя в отдельных регионах слитки обращались до XII в.

Как показывают клады и отдельные находки бронзовых слитков, в Среднем Поволжье под влиянием интенсивно поступившего драгоценного металла в указанный период сложилась собственная денежно–весовая система. Ее появление было связано со складыванием и развитием феодальных отношений в Хазарском государстве, одним из центральных районов которого являлось междуречье Волги, Камы и Белой, где обитали именьковские племена.

2 период. Монетное дело в Хазарском государстве прошло ес-

тественный путь развития от грубоватых подражаний выработки собственных типов монет. Однако появление хазарской чеканки происходило в более сложной политической обстановке. Наиболее ранние хазарские монеты появились еще в VI в. как подражания византийским монетам. Это был начальный этап освоения собственной чеканки. Однако хазарские подражания византийским монетам не привели к выпуску собственных монет. Этому помешали как внутренние, так и внешние события, связанные с усилением позиций мусульманских купцов в хазарских городах и арабо–хазарскими войнами, которые завершились в конечном итоге официальным принятием в 737 г. каганом мусульманской религии. В такой ситуации, естественно, целесообразным было прекращение чеканки монет византийского образца и освоение чеканки куфических монет – дирхемов, которые завоевали прочное место в торговле Восточной Европы.

Такая переориентация имела далеко идущие последствия: административный центр каганата был перемещен в Поволжье, в городах которого было много мусульман–ремесленников и торговцев, где скрещивались пути торговых людей, идущих из Китая и Средней Азии, из стран Запада и Малой Азии.

Древнейшая для Поволжья драхма в 4,26 г, из расчета которого отливались упомянутые бронзовые слитки, восходит к весовому стандарту – фунту в 409,5 г. Их взаимосвязь явная: драхма в 4,26 г – это 1/96 часть указанного фунта. Но фунт в виде фракции в 4,095 г тесно связан с ратлом (литрой) в 327,6 г, 80–й частью которого является (327,6 : 80) = 4,095 г). Из этого же расчета чеканились собственно хазарские дирхемы VIII–IX вв. весом около 3,4 г, составляющие 1/96 ратла (327,6 : 96 = 3,41 г).

Мы подошли к истокам системы весов и мер раннего Поволжья. Она сложилась под влиянием римско–византийской системы еще в период образования Хазарского государства.

Древнейшие известные величины – ратл в 327,6 г и фунт в 409,5 г – определяли всевозможные весовые изменения монет. Хотя ратл в 327,6 г несколько заслонен довольно сложной денежно–весовой системой, в частности, системой мискаля в 4,095 г., нужно сказать, что в основе не только денежной, но и всей весовой системы Поволжья булгарского, золотоордынского и казанского периодов ле-

жит именно данный, введенный еще в хазарский период, ратл.

3 период. В кладах Среднего Поволжья основная масса относящихся к булгарскому периоду монет состоит из подражаний саманидским, чеканенным в IX–X вв. Они продолжали обильно выпускаться и в период чеканки собственных монет булгарами в течению всего X в., что является несколько неожиданным. Подражания по количеству составляют основную массу монет кладов X в. Поволжья. Естественно предположить, что массовые подражания монетам правителей Туркестана X в. чеканены булгарами. Довольно много монет, чеканенных от имени Насира бин Ахмеда (914–943 гг.). Р.Р.Фасмер даже отмечал, что известно лишь немного монет с именем его преемников[1]. Это положение верно лишь относительно кладов со сравнительно ранними монетами–подражаниями. На Семеновском селище обнаружен, например, клад второй половины X в., в котором основную массу монет составляют монеты Мансура бин Нуха (961–976 гг.).

Трудность определения подражаний обычно состоит в том, что их нелегко отличить от оригиналов, а по качеству металла они даже лучше. В этом состояла, видимо, задача как хазарских, так и булгарских монетчиков. Для них наиболее важным было то, что новочеканенные монеты не выделялись среди масс куфических дирхемов, чтобы население и торговые люди охотно бы их принимали.

С конца X в. прекращается чеканка монет в Булгаре, постепенно исчезают из обращения и ввозимые из восточных стран куфические дирхемы. Такое явление было вызвано ухудшением экономического положения мусульманских стран. Это положило начало так называемому безмонетному периоду.

В Поволжье и Приуралье известно более десятка кладов круглых слитков–балышей. Клады состоят обычно из целых и разрубленных на куски разного размера слитков, свидетельствующих об отсутствии в данный период в обращении монет. Клады серебряных слитков относятся к XI–XII вв., т.е. безмонетному периоду.

Уже в предмонгольский период булгарам удалось преодолеть серебряный кризис и начать чеканку монет от имени багдадского халифа Насир ад–Дина (1180–1225 гг.). Выпускались первоначаль-

но медные, а позднее и серебряные монеты. Еще перед нумизматами прошлого века встал вопрос о возможности чеканки монет булгарами в предмонгольский период. Но данный вопрос невозможно было решить, опираясь лишь на изучение надписей на монетах. Проведенный автором сравнительный языковой анализ надписей и особенно метрологические исследования, позволили выявить не только значимость монет, выпущенных от имени Насир ад–Дина, но и определить, что они относятся именно к предмонгольскому периоду денежного обращения.

4 период. Первые монеты Золотой Орды появились в Булгаре как перечеканенные монеты Насир ад–Дина с именем каана Мунке (1251–1257). Перечеканивались лишь медные монеты, т.к. серебряные монеты, выпущенные от имени Насир ад–Дина, сразу же исчезли из обращения в период монгольских походов. От имени Мунке чеканились также и серебряные монеты.

Таким образом, прямая связь традиционного денежного дела Поволжья и Золотой Орды несомненна. Монеты стали чеканиться не по желанию какого–либо монгольского или золотоордынского хана, как полагают некоторые историки, а как результат высокого уровня развития товарно–денежных отношений. Тот же каан Мунке, к примеру, при всем желании не сумел бы возродить денежное обращение в метрополии – в Монголии. Среди монголов–кочевников такой необходимости просто не существовало.

Золотоордынские монеты в Булгаре чеканились раньше, чем в других городах по двум причинам. Во–первых, в 1223 г. после разгрома монголами русских князей на Калке победоносные войска ворвались в Поволжье, но попали в засаду и были разгромлены наголову. Это имело важное значение для сохранения производительных сил Поволжья, так как при Чингис хане использовалась тактика «выжженной земли». При его наследниках монгольские ханы уже ограничивались сбором дани. Во–вторых, вследствие этого в Поволжье сохранилось плотное оседлое население и было много булгарских и хазарских поселений и городов, где ощущалась потребность в денежном эквиваленте, где была развита различная торговля и привычное денежное обращение, появившееся задолго до монголов. Город Булгар как и до монгольского наше-

ствия, на долгие годы остается основным центром чеканки монет в Золотой Орде.

5 период. Довольно сложной является денежно–весовая система XV в., т.е. казанского периода. Археологические и нумизматические исследования показали, что практически со второй половины XIV в. административным центром Среднего Поволжья становится город, расположенный на кремлевском мысе современной Казани. Это было связано с упадком и разрушением древнего Булгара в период распада Золотой Орды.

Становление Казани, как нового административного центра края с 70–х гг. XIV в., подтверждается и массовым обрезанием находившихся в обращении монет непосредственно с 70–х гг. XIV в.

Монеты казанского монетного двора с официальным обозначением места чеканки как «Булгар» появляются в начале XV в., в период правления ставленника Идегея – хана Шадибека (1400–1407 гг.).

Многочисленные монеты Булгара (Казани) выпущены от имени 12 ханов XV в. Первые десять из них являлись золотоордынскими ханами.

Монеты собственно Казанского ханства чеканились с 30–х гг. XV в. от имени хана Гаязетдина (1422–1445 гг.). Его монеты, в отличие от монет других ханов первой половины XV в., чеканены только на казанском монетном дворе и главное отличие их – наличие на оборотной стороне особой казанской тамги, которая отсутствует на казанских монетах Барака или Улу Мухаммеда до взятия им Казани в 1445 г.

Литература

1. Фасмер Р.Р. О монетах Волжских Болгар X века // ИОАИЭ. – Т.33.– Казань, 1925. – С.47.

И.В.Зайцев

Историография истории отношений постордынских «юртов» с Россией и Османской империей

История Золотой Орды (Улуса Джучи) и государств, образовавшихся в результате ее распада, привлекала внимание исследователей давно. В отечественной и зарубежной исторической науке имеется большое число трудов, посвященных политической, социальной, экономической и культурной истории, источниковедению истории Улуса Джучи. Широкую известность приобрели фундаментальные труды Й. Хаммера–Пургшталя, Б.Шпулера, А.Н.-Курата, А.Беннигсена, Ш.Лемерсье–Келькеже, В.В. Вельяминова–Зернова, В.Д.Смирнова, В.В.Бартольда, М.Г.Худякова, М.Г.Сафаргалиева, М.А.Усманова, А.П.Григорьева, А.М.Некрасова, Э.С.Кульпина и др. Историография истории отношений постордынских государств с Россией и Османской империей (как отечественная, так и зарубежная) довольно обширна и важна для изучения данной темы. Однако работы, целиком посвященные анализу этих отношений в период XV– первой половины XVI в., практически отсутствуют. Если в отечественной исторической науке вопросы внешней политики Московского государства на Востоке (особенно ее военный аспект) разработаны достаточно неплохо, то специальных исследований целей и интересов Османской империи по отношению к Казанскому, Астраханскому, Сибирскому ханствам, Ногайской и так называемой «Большой» ордам, не существует.[1] Эти цели, хотя и формулировались историками, но почти всегда попутно, нередко голословно, часто с использованием данных только русских источников без привлечения османских материалов и источников, происходящих непосредственно из государств бывшего Улуса Джучи. Однако, по справедливому замечанию М.А.Усманова, «Два огромных государства – Джучиев Улус и Османская империя – некоторое время почти соседствовали, но мы еще мало знаем об их дипломатических взаимоотношениях, вероятно, в силу следующих причин: во–первых, архивы джучид-

ских ханов не сохранились, а документы внешних сношений турецко–османских правителей еще не обследованы полностью; во–вторых, интересы набирающих силу османских правителей были обращены прежде всего на Запад (Византию и Балканы), а слабеющие сарайские ханы были заняты преимущественно внутренними проблемами и конфликтами на востоке и севере, т.е., говоря о джучидо–османских дипломатических связях, мы должны учитывать как неблагоприятность международных условий для их всестороннего развития, так и малочисленность сохранившихся документов» (Усманов 1988:127).

Специальных работ, суммировавших данные отечественной и зарубежной историографии и посвященных анализу происхождения и развития концепций отношений постордынских юртов с Московским государством и Османской империей, также не существует. Можно указать лишь относительно недавнюю работу С.Х.Алишева, однако в ней рассмотрены лишь отечественные труды (да и то неполно), касающиеся только истории присоединения народов Поволжья к России и их дальнейшего существования в составе Российской империи. Работа С.Ф.Фаизова посвящена анализу турецких трудов по истории русско–османских и русско–крымских отношений в XVI–XVII вв. (Фаизов 1989). Несколько ценных замечаний о характере советской историографии, касающейся восточной политики Москвы в средние века, внесли А.В Фишер (Fisher 1970:XI–XII), а также М.Рывкин (Rywkin 1988: XII). Все это делает изучение историографии истории отношений постордынских тюркских государств с такими мощными империями позднего средневековья, как Османская и Российская, самостоятельной и весьма актуальной задачей.

В наш обзор сознательно не включены работы, посвященные истории московско–касимовских отношений. Это вызвано тем, что история Касимовского ханства – уникальный пример превращения своего рода контрибуции, наложенной Улуг–Мухаммадом на плененного Василия, в орудие московской политики по отношению к Казани, Крыму и Большой Орде. История Касимова несколько выделяется из общей канвы развития постордынских государств, а именно поэтому нуждается в специальном расмотрении (см. Вельяминов–Зернов 1863–1887; Шишкин 1891, Зотов 1893).

В развитии темы в русской, советской и российской (постсоветской) историографии можно выделить несколько периодов.

Истоки историографических концепций классической российской исторической науки XVIII – нач. XXв. и историографии советского периода следует искать в XVI–XVII вв. Их происхождение тесно связано с результатами осмысления событий современниками, попытками исторического синтеза, предпринятыми российскими интеллектуалами конца XV – XVII вв, часто причастными к осуществлению государственной политики в постордынском пространстве. Именно к концу XV–началу XVI вв. относятся важные изменения в восприятии общественным сознанием Московского великого княжества взаимоотношений Москвы с «татарами» (Амелькин 1992). Тесная связь первых «исторических» трудов, рисующих отношения Московии с государствами Улуса Джучи и Османской империей, с официальной идеологией Московского великого княжества, естественно, сделала эти труды, если можно так выразиться, «российскоцентричными» и наложила отпечаток на развитие российской историографии XVIII – XX вв., которая долго не могла отойти от заданных в XVI–XVII вв. схем.

Едва ли не первой попыткой российской исторической мысли оценить цели и задачи Османской империи в Восточной Европе стало сочинение под названием «Сказание о брани венециан противу турецкого царя», сохранившееся в составе сборной рукописи бывшего собрания П.И.Савваитова (РО РГБ Q.IV.412), опубликованное Н.А.Казаковой (Казакова 1975). Сочинение делится на три части: первая часть – вводная, вторая представляет собой перевод с латыни истории турок. Центральная часть, как предполагает Н.А.-Казакова, восходит к латинскому источнику, названному в предисловии «Предсуждением латинским» и созданном, вернее, переработанном, в Польше из сочинения, связанного с кругом средиземноморской литературы. «Очевидно, неизвестный прототип был посвящен описанию войны или какого–то крупного сражения между венецианцами и турками, изложение же истории турок входило в Сказание лишь в качестве составной части» (Казакова 1975:65). Сказание, вероятно, возникло в Венеции и было посвящено сражению у Наварина (12 августа 1499 г.), затем переработано в Польше (или даже переведено там на русский), описание венеци-

ано–турецкой войны опущено, после чего осталось только изложение османской истории и заглавие сочинения. В России было добавлено введение и послесловие (Казакова 1975: 65–66). Латиноязычный источник русской версии датируется Н.А. Казаковой вторым десятилетием XVI в. (не позже правления султана Селима).

Третья часть сочинения наиболее важна для нашей темы. Она представляет собой «публицистическое послесловие, в котором, – по мысли Н.А.Казаковой, – составитель русской версии произведения излагает свои мысли о планах турок и, в частности, о планах, касающихся России» (Казакова 1975:64). «На конце же сего писанного, поне же мне сице во ум прииде, яко не неведомо есть о двоерядном турецком к сему пресловущему царству [т.е. в Россию – И.З.] посольстве, иже, яко мне видится, в ложь, толко подсмотрения для, учинены суть, яко легце и светле от тех послов речем познатися и уразуметися может, и сие тоя ради вины, да италиан и венециан оставльше и сложився с татары, царство сие [т.е. Россию – И.З.] покорят и свободен приступ имеют по Аламании во Италию. Чает бо, съветом иных, сиречь русаков, у него пребывающих, научен, легчае себе Итталию, Францию, Испанию и Аламани. Покорити мощи, аще преже сие царство, сиречь Руское обджит. Того ради ни единою, но двожды посла своего, подсмотрениа деля, яко же Моисей своих подзорщиков в землю обетования посылал. Мы же о сей вещи сумнение чиним» (Казакова 1975:70). Таким образом, стратегия турок, описанная в русском послесловии, предполагает, по мысли автора, прекращение наступления на Венецию, подготовку к наступлению на Италию, Францию, Испанию и Империю, для чего необходимо, соединясь с татарами, завоевать Россию.

Рукопись датируется концом XVI – нач. XVII в., но сама русская версия, по мнению Н.А.Казаковой, относится к более раннему времени. Ситуация, описанная в произведении, согласно Н.А.-Казаковой, соответствует 20–м гг. XVI в. Упомянутое двукратное посольство – возможно, две миссии Скиндера, в котором русские официальные круги подозревали простого шпиона, подосланного «смотрити мест на Дону ставити город» (Дунаев 1916:77), и, добавим, первого проводника (или даже возможного автора) идеи

турецко–татарского союза, направленного против России. Целью автора послесловия (выходца с Западной Руси, как считает публикатор), возможно, было оказание воздействия на политические круги России для вовлечения страны в антитурецкую лигу (Казакова 1975: 66)[2].

Не обошел вниманием возможность участия Османской империи в судьбах постоордынских государств (в частности Казани) и автор «Казанской истории». В главе 41 этого произведения – «О бывшей вести у Турскаго царя о Казани, и о царицы, и о послании его к мурзам нагайским» (ПЛДР1985:422,424) приводятся выдержки из турецко–ногайской переписки накануне взятия Казани русскими: письмо султана ногайским мурзам и ответ последних султану. Султан призывает ногаев к оказанию помощи Казани и войне за веру с Москвой. Абсолютно «промосковский» ответ мурз султану с отказом помогать Казани наполнен славословиями в адрес русских, московского государя («точен бо есть он тебе во всем: и богатством, и силою») и христианства. Еще Г.З.Кунцевич, один из наиболее вдумчивых исследователей этого источника, писал: «Можно видеть, что в главе 41–ой есть несомненная доля исторической правды; в ней передается то, что было известно в свое время о сношениях мусульманских повелителей с главою правоверных, султаном турецким. Разумеется, автор передаёт лишь общий смысл совершавшегося....Откуда почерпнуты эти сведения, от татар или русских, из устных ли источников или письменных? Склоняюсь к мнению, что от татар и притом преимущественно из устных источников. Для Казани вопросом жизни были сношения о помощи. Конечно, и в Москве внимательно следили за сношениями между татарами и султаном, но знали больше об этом деле государеве, кому следовало. Устных сведений из непосредственного сношения с татарами в Москве было, без сомнения, несравненно менее, чем в татарской Казани» (Кунцевич 1905:385–387). По моему мнению, «переписка» султана с Ногайской Ордой, вошедшая в состав «Казанской Истории» принадлежит к тому же жанру псевдоисторической литературы, созданной в кругах, близких к Посольскому приказу, что и «ярлык» Ахмада Ивану III, легендарная переписка Грозного с султаном, цикл посланий султана европейским монархам, «Повесть о двух посольствах» и др., относящихся к XVII в. В этом убеждает анализ

формальной структуры писем, ничего общего не имеющих с памятниками собственно джучидской канцелярской традиции, а представляющих собой русскую литературную версию переписки, причем ее источником служили не устные татарские предания, а синхронные документы Посольского приказа (при этом не обязательно османо–ногайской переписки). Сама «Казанская история» некоторыми исследователями (Keenan 1967(I);1968) датируется, в противоположность традиционной точке зрения, не второй половиной XVI в, а более поздним периодом – не ранее середины XVIIв. (Плюханова 1995:180), что согласуется с моей точкой зрения на «переписку» султана с ногаями, вошедшую в состав этого памятника. Таким образом, послание султана и ответ на него, – памятник, рисующий представления официальных (или полуофициальных) русских политических кругов сер. XVII в. на события вековой давности, т.е. может служить источником для изучения восприятия русским обществом более позднего времени событий середины XVI в.

В 1692 г. Андрей Лызлов закончил свою «Скифскую историю», значительное место в которой он уделил вопросам отношений России с постордынскими юртами и Турцией. Вслед за созданием антитурецкой Священной лиги, включавшей и Россию, заключением Вечного мира с Польшей и Крымскими походами В.Голицина, интерес к этой теме возрос. Лызлов, пожалуй, первым после Казанского летописца, касается взаимоотношений Казани с Турцией и Крымом и насчитывает в Казани четыре группировки, борющиеся за власть: московскую, крымскую, ногайскую и турецкую (Чистякова 1990:366). «К 20–м гг. XVI в. Лызлов относит вмешательство Крыма во внутренние дела Казанского ханства, что, по его мнению, осложнило борьбу Руси за Казань» (Чистякова 1990:371). Русско–турецкие отношения конца XV в. видятся А.И.Лызлову мирными: Мехмед II после взятия Константинополя хотел стать повелителем мира, но «с московским же великим государем князем Иоанном Васильевичем дружбу хотящи имети, слышащи о великой славе его, и мужестве, и победах над окрестными супостаты, лета 6990–го посла к нему послов своих о мире и любви с подарками немалыми. Иных же не престаяше воевати» (Лызлов 1990:227). По А.И.Лызлову турецко–русские отношения обострились лишь после завоевания Казани и Астрахани, причем

султан вынашивал агрессивные планы под прикрытием идеи защиты ислама: «Сие же слышав наивяшщий всех бусурманских народов и нечестивыя их махометанские прелести защитник Селим султан турецкий, хотящи сих нечестивых царство обранити, паче же рещи, яко ненасытный змий хотящи всех челюстьми своими пожрети и сих себе покорити, присылал многия своя воинства под Астрахань, хотящи градом и всею Ордою обладати» (Лызлов1990: 108,112), «хотящи мститися над московским великим государем царем и великим князем Иоанном Васильевичем всея России самодержцем победы и пленения от прежних великих государей московских на единородных своих Великия татарския Орды жителей и взятии Казанскаго царства» (Лызлов 1990:250).[3]

Весьма важной вехой в изучении Турции и, в частности, ее интересов в Северном Причерноморье, Северном Кавказе и южнорусских степях, стал труд Дмитрия Константиновича Кантемира (1673–1723), сына молдавского господаря, избравшего Россию местожительством после Прутского похода Петра I. Его «История Оттоманской империи» была написана в 1714–1716 гг. и около 1721 г., по просьбе Петра, переведена на русский, но перевод остался в рукописи и служил источником информации для русских политических и научных кругов. Дм. Кантемир одной из основных причин османской активности в Крыму и на Кавказе и, в частности, османского похода 1484 г. в Черкесию, уничтожившего почти все центры пополнения рядов египетских мамлюков, считал османо–египетское противостояние. Турки в условиях вражды с мамлюками, всеми средствами пытались подорвать экономический и военный потенциал Египта. Отсюда стремление контролировать черноморские рынки (центры продажи живого товара) и прилегающие районы Северного Кавказа (источник поступления мамлюков) (Cantemir 1743:95). Рассмотрение османской активности в Северном Причерноморье в связи с турецко–египетским противостоянием (начавшимся, примерно, с 60–х гг. XV в.) чрезвычайно плодотворно и практически игнорировалось исследователями.

Российские историографы XVIII в. (Рычков 1767; Татищев 1966 и др.) внесли мало нового в осмысление османо–джучидо–московских отношений, эксплуатируя старую схему их развития и пользуясь в основном русскими источниками (летописями, Казан-

ской историей, сочинениями Курбского, Лызлова и др). Об интересе русской общественной мысли XVIII в. к войнам Ивана Грозного и отражении этого интереса в историографии и художественной литературе писала Г.Н.Моисеева (Моисеева 1980:216–217). Однако, именно В.Н.Татищев уделил внимание попыткам Венеции привлечь Большую Орду к союзу против османов и роли в этой акции Москвы (Татищев 1966:37–38,45). В 1768 г. был опубликован перевод с немецкого труда Г.З. Байера «Древния азовские и крымския известия», выполненный И.К.Таубертом. В этом труде определенное место было уделено Астраханскому походу крымских и османских войск 1569 г. Автор считал, что основной целью Селима было овладение удобным стратегическим путем через Прикаспий для нанесения удара по Ирану, «однако, может быть, что он и другое намерение имел». Поскольку затея с Волго–Донским каналом потерпела крах, турки осадили Астрахань (Байер 1768:90–92). Тема османско–татарского «реванша» во второй половине XVI в. в трудах историков звучит еще не столь определенно, как позднее.

Российская историография XIX в. также почти не анализировала отношения постордынских образований с Московским государством и Турцией, значение присоединения народов Сибири и Поволжья к России. Работы этого периода в основном посвящены выяснению конкретной хронологии событий, выявлению и публикации источников. Вместе с тем, в изучении присоединения к России нерусских народов историки основное внимание уделяли последнему моменту борьбы, оставляя в стороне предшествующую историю регионов, народов, государств. Это была не история государств, образовавшихся в результате распада Золотой Орды и вошедших впоследствии в состав России, а история поглощения их Россией. Значение присоединения народов Поволжья и Сибири к Московскому государству оценивалось как победа цивилизации над дикостью, культуры над варварством. Вопрос о добровольности присоединения, о роли Османской империи в событиях второй половины XV–XVI вв., ее связях с постордынскими ханствами, почти не поднимался.

Н.М.Карамзин первый из русских историографов XIX в. связал историю собственно России с теми государствами, которые

образовались в результате распада Улуса Джучи – прежде всего с Казанью и Крымом. В «Истории государства Российского» историк остановился и на попытках Сикста IV через московского великого князя привлечь хана Золотой Орды к войне с османами. Н.М.Карамзин упрекал московских политиков XV в. в том, что падение Константинополя не заставило их осознать турецкую опасность: «Тогдашняя политика наша не славилась прозорливостию, и за ближайшими опасностями не видала отдаленных: Улусы и Литва ограничивали круг ее деятельности...все прочее составляло для нас мир чуждый, предмет одного любопытства, а не государственного внимания». Именно Н.М.Карамзин впервые подверг анализу внешнюю политику Ивана III и пришел к выводу: «Тут ясно открылась мудрость Иоанновой политики, которая неусыпно искала дружбы Ханов Таврических, чтобы силою их обуздывать Ахмата и Литву» (Карамзин 1998:38–46, 87).

С.М.Соловьев, анализируя причины невозможности завоевания Крыма Россией в XVI веке (идея, приверженцами которой были во второй половине 50–х гг. многие приближенные Ивана IV, а какое–то время, видимо, и сам царь), отмечал роль Турции как сдерживающего фактора в движении российского государства на юг, наступлении на Крымское ханство. «Казанские народцы были предоставлены сами себе в восстаниях против Москвы: ногаи не могли доставить им сильной помощи, крымцы еще менее. Но крымского хана в походах его на московские украйны провожали янычары турецкие; турецкое войско должно было защищать его в Крыму, как магометанского владельца и как подручника султанова: следовательно, деятельная наступательная война с Крымом влекла необходимо к войне с Турциею, которая была тогда на самой высокой степени могущества, пред которою трепетала Европа; могло ли Московское государство при тогдашних средствах своих бороться с нею, вырвать из рук ее Крым и защитить потом от нее это застепное завоевание? Иоанн видел невозможность этого» (Соловьев1960:496). По мнению С.М.Соловьева, Крым предпринимал попытки отвлечь Россию от продвижения на восток (т. е. на мусульманские ханства Поволжья), но они не удались, «деятельно помогать Казани и Астрахани, сильными полками вести оборонительную войну без надежды на грабеж не нравилось раз-

бойникам: они умели только раздувать восстания на Волге и не умели их поддерживать, вследствие чего Казань и Астрахань стали московскими городами» (Соловьев 1960: 490).

В.О.Ключевский вообще обошел тему московско–джучидо–османских отношений, противоречий держав в Причерноморье и Поволжье и русских завоеваний на Востоке в XVI в.

Н.Костомаров, посвятивший специальное исследование личности Ивана IV, остановился на интереснейшем моменте истории Восточной Европы второй половины XVI в. – попытках (или только задумках) московского правительства завоевать после Казани и Астрахани Крым и стать, таким образом, единственным наследником Улуса Джучи в Европе. Н.Костомаров детально разобрал обстоятельства этого начинания и пришел к выводу о том, что только нерешительность лично Ивана IV помешала успешному завершению дела (Костомаров 1989:9–14). Историк специально остановился на перспективах развития русско–турецких отношений в случае захвата Москвой Крыма. «Нельзя сказать, чтобы Московское государство, овладевши Крымом, никак уже не могло сойтись дружелюбно с Турциею. Турция была сильна, но Турция была падка на выгоды. Если бы московский государь, сделавшись обладателем Крыма, предложил Турции выгодные условия, даже известный постоянный платеж за тот же Крым, ...то едва ли бы Турция не предпочла мирную сделку трудной войне. А если бы и не так, если бы пришлось Руси воевать с Турцией, война эта представляла бы для Турции гораздо более затруднений, чем всякая другая в Европе....Турции нелегко было воевать на Русском материке» (Костомаров 1989:13–14).

В 1877 г. в Москве выходит книга Г.Перетятковича, не свободная от ошибок, но, вместе с тем, во многом по–новому оценивавшая события XV–XVI вв. в Поволжье. Г.Перетяткович совершенно правильно раскрыл интересы Московского государства и Крыма по отношению к другим постордынским государствам и верно связывал успехи русской политики в Казанском ханстве (до смерти Абд ал–Латыфа) с тем, что «она отчасти...сходилась с выгодами крымских ханов, которые через Нурсалтан..породнились с претендентами на казанский престол, жившими в России...Между тем со смертию Летифа общность выгод крымских и русских в отноше-

нии к Казани рушится и каждая партия начинает преследовать отдельно свои интересы. Крымские Гиреи начинают стремиться к тому, чтобы соединить в руках своей фамилии Казань и Астрахань. Русские же выгоды, напротив, не могли допускать подобного соединения татарских юртов, лежавших в соседстве с Россиею: для России удобнее было, если бы они враждовали между собою и добивались союза с нею на врага, который и для нея мог быть таковым» (Перетяткович 1877:159). Таким образом, по мысли Г.Перетятковича, смысл московской политики на Востоке сводился к недопущению «соединения соседних царств в руках Гиреев» (Перетяткович 1877:159). Основные причины падения Казани и Астрахани Г.Перетяткович видел во внутреннем устройстве этих государств как политических организмов, этнической и религиозной пестроте их населения и слабости центральной власти (Перетяткович 1877:206;217).

Е.П.Карнович в труде «Покорение царства Астраханского» (впервые опубликован в 1885 г.) писал об активном вмешательстве Османской империи в дела Астраханского и Казанского ханств, а также Ногайской Орды во второй половине 40–х гг. XVI в. Султан будто бы «обещал прислать в Астрахань царя от своей руки. При этом он поручил до времени астраханцам и защиту Казани, но они, охраняя свои торговые выгоды, желали избежать войны с Москвою...Ямгурчей, прельщенный обещаниями турецкого султана, пристал к крымскому хану и к ногайскому князю Юсуфу, считавшими себя под покровительством Турции...» (Карнович 1896:4). Однако, Е.П.Карнович не снабдил эти утверждения ссылками на источники. К 1563 г. автор относит намерение Сулеймана «отнять сперва у Москвы Астрахань, а затем и Казань», подсказанное султану князем Ярлыгашем, беглецом из Астрахани. Проект соединения Дона и Волги в 1569 г. также рассматривается Е.П.Карновичем в связи с желанием османов подчинить себе Астрахань, а потом и Казань (Карнович 1896:11).

Наиболее ярким достижением российской исторической науки в разработке интересующей нас темы стала монография В.Д.Смирнова «Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII в.», вышедшая в 1887 г. Значение труда В.Д.Смирнова состоит в том, что он впервые привлек к исследованию ос-

манские и крымские исторические сочинения и, что наиболее важно, письмо Мехмеда II хану Ахмеду, абсолютно правильно при этом установив, что письмо адресовано не сыну Хаджи–Гирея, как предполагал Й.Хаммер, а хану Золотой (т.е. Большой) Орды (Смирнов 1887:270–273).

Определенное внимание османо–русско–казанским отношениям уделил Ш.Марджани. Рассматривая события 1524 г. (отъезд Сахиб–Гирея в Стамбул, занятие казанского престола Сафа–Гиреем), он писал, что Турция тогда и не думала поддерживать Казанское ханство против России (Марджани 1885). Турция вообще не считалась соперником Москвы в деле развития политических контактов с постордынскими государствами, хотя возможность соперничества допускалась. Например, казанский историк Х.Атласи (Атласов) писал, что султан Сулейман допустил большую ошибку, не предпринимая никаких действий в поддержку Казани в середине 20–х гг. XVI в. (Атласов 1920: 130). Уделил этому вопросу внимание и Р. Фахретдин (Фахретдин 1995:90–91). В противоположность татарским историкам российские ученые не подвергали сомнению факт принятия Казанью османского покровительства. Ольга Лебедева считала, что инициатива при этом исходила от хана Сахиба, а для Сулеймана его предложение было «соблазнительным» (Lebedeff 1899: 43). Надежды на султана Сулеймана, способного объединить мусульман под «священным знаменем Мухаммеда» для защиты Казани от Московского государства, возлагались и позже, перед самым падением ханства; «горячо обещал свою помощь» и крымский хан Девлет–Гирей (Lebedeff 1899:66).

М.С.Грушевский в своей «Истории Украины–Руси» сомневался в реальности попыток привлечь Хаджи–Гирея к борьбе против Турции, хотя ставил под сомнение и возможность тесных политических контактов между Турцией и Крымом до его завоевания османами (в частности реальность османо–татарского договора 1454 г.). «При Хаджи–Гирее отношения с Турцией не были улажены ...Магомет уважал Крым землею золотоордынской. При Хаджи–Гирее единственным союзником Крыма была Литва» (Грушевский 1993:310–311). По мнению М.С. Грушевского, контакты с Турцией в Крыму возникают только со смертью Хаджи Гирея.

Выдающийся русский востоковед В.В.Бартольд в работе «Тур-

ция, ислам и христианство», впервые опубликованной в 1915 г., также отмечал слабую активность Турции в решении «постордынского вопроса» Россией: «В XVI веке султаны, занятые борьбой с Западной Европой и Персией, не обратили почти никакого внимания на завоевание русскими нескольких мусульманских государств в бассейне Волги и в Сибири; исключение представляет только неудачный поход Селима II под Астрахань (1569 г.)» (Бартольд 1966:429).

Годом позже, в труде «История Турции и ее литературы» А.Е.Крымский уделил внимание попыткам европейских государей и папы в XV в. втянуть Крымское ханство в антиосманский союз, сведения о которых сохранились у Длугоша. По мнению А.Е.Крымского, участие Крыма в этом союзе было вполне реально[4], а из папского посольства 1466 г. в Крым ничего не вышло, потому что в том же году хан умер, а дети его подняли междоусобие. «Вполне вероятно, что самый факт сношений крымского хана с крестоносцами тогда же не ускользнул от ведома Мехеммеда II; и, пожалуй, тогда же, в 1466 г., это лишний раз подчеркнуло ему достаточно неприятную опасность, могущую угрожать османам со стороны Крыма при разгоревшейся морской войне их с Венецией» (Крымский 1916:177).

После Октябрьской революции до конца 30–х гг. в исторической науке господствует концепция М.Н.Покровского, согласно которой дореволюционная Россия являлась «тюрьмой народов», присоединение народов Сибири, Поволжья, Средней Азии и Кавказа к Российской империи было явлением реакционным, происходило насильственно, являлось для нерусских народов завоеванием, абсолютным злом. Присоединенные территории являлись колониями. Анализ причин завоевательной политики России на Востоке строится на основе концепции «торгового капитализма». «Захват великого волжского пути – завоевание Казани и Астрахани – отвечал требованиям торгового класса как нельзя лучше, – писал М.Н.Покровский, – Средние землевладельцы с завистью смотрели на черноземное Поволжье, охотно готовые променять на него выпаханный суглинок примосковских уездов... А так как казанцы, кроме того, и беспокоили Русь, то, значит и предлог есть отличный, чтобы с ними расправиться» (Покровский 1923:246–247).

Борьба России с поволжскими ханствами, Крымом и Сибирью рассматривается как этап захватнической колониальной политики царизма. «Овладеть вновь путем «из Варяг в Греки», захватить Черное море, а с ним Босфор и Дарданеллы – вот в чем была истинная сущность восточной политики России», – писал А.Е.Мачанов. Препятствием в достижении этих целей было Крымское ханство, следовательно перед Москвой вставала задача завоевания Крыма. Для Османской империи Крым, по А.Е.Мачанову, был «барьером для сдерживания русских и других народов» (Мачанов 1929: 10, 20). Турецко–татарский поход 1569 г. рассматривался как операция, направленная прежде всего против Ирана (Акчокракли 1928: 190–192). Соответственно дореволюционная историография критиковалась за «тенденциозность» и «патриотический фанатизм, который доводит изложение фактов до карикатурного искажения». «От подобных тенденций, – писал М.Г.Худяков, – не свободен даже такой авторитетный ученый, как С.М.Соловьев» (Худяков 1991:14). В «Истории гражданской войны в СССР», вышедшей в 1937 году, говорилось: «В XVI–XVIII столетиях русский царизм, отражая интересы господствующих классов, предпринимает широкие военные походы на земли Среднего Поволжья и Нижнего Поволжья, осуществляет покорение Сибири...» (цит. по: Алишев 1990:12).

Имперская идеология СССР нуждалась в ином историческом обосновании, оправдании актуальной активной внешней политики «здоровым национализмом». По словам К.Симонова, «Покровский отвергался, а на его место ставился учебник истории Шестакова не потому, что вдруг возникли сомнения в тех или иных классовых категориях истории России, а потому, что потребовалось подчеркнуть силу и значение национального чувства в истории и тем самым в современности, в этом и был корень вопроса. Сила национально–исторических традиций, в особенности военных, была подчеркнута в интересах современной задачи» (цит. по Артизов 1991:107), под которой в то время, по мысли К. Симонова, понималась угроза нацистской Германии. Вводится тезис о «наименьшем зле» для покоренных народов со стороны России по сравнению с угрозой завоевания извне. Еще один вновь введенный термин – «расширение» (применительно к Русскому государству),

«нивелировавший и эластично скрывавший вместе с формулой о «наименьшем зле» характер всех и всяких внешнеполитических акций великих князей и царей». Возможность переоценки внешнеполитических ходов государства на протяжении его многовековой истории стала с использованием формул новой схемы практически неограниченной. Насаждается идея прогрессивности централизации, эта идея «с конца 30–х гг. распространялась на прошлое России, когда, с одной стороны, была развенчана школа Покровского, а с другой – реставрирована история как наука, превращенная, однако, в форму государственного и партийного идеологического оружия» (Хорошкевич 1991:88). В 1937–1939 гг. происходит коренной пересмотр русской внешней политики, все войны превращаются в оборонительные, а присоединения народов к Русскому государству – в «наименьшее зло» для них. Главной причиной активной политики России на Востоке в трудах историков надолго становится внешняя опасность со стороны осколков Золотой Орды и Турции. Борьба России с ними оценивалась как имеющая международное значение. Появляются работы, призванные продемонстрировать реальность этой угрозы. В 1939 г. в тезисах доклада «Восточная политика Ивана IV», прочитанного на научной сессии, посвященной 120–летию ЛГУ, И.И.Смирнов писал: «Актуальность восточного вопроса во внешней политике Московского государства определяется фактом наличия системы татарских государств, возникших на развалинах Золотой Орды и стремившихся к гегемонии в Восточной Европе...Стремясь не допустить разгрома Казанского ханства, Турция активно вмешивается в казанский вопрос и выступает в роли организатора *коалиции турецко–татарских ханств* (sic!) против Московского государства...Разгром Казанского и Астраханского ханств Московским государством является относительно прогрессивным в двояком отношении: а) он укреплял политическую независимость русского национального государства, устранял угрозу *воссоздания турецко–татарской гегемонии* на Востоке Европы... б) включение народов Поволжья в состав Московского многонационального государства – меньшее зло, чем существование их в Казанском ханстве «с точки зрения исторических перспектив». (Смирнов 1939:92–93; выделено мной – И.З.). Характерна терминология ав-

тора: Крым и поволжские ханства считаются им «турецко–татарскими». Возникает тезис о турецкой опасности для Москвы; Турция рассматривается как лидер и организатор широко организованного блока, направленного в первую очередь против России. Возникновение этого положения, которое многие годы вслед за этим будет старательно доказываться, видимо, связано с международной обстановкой в предвоенное время и началом войны. Турция, связанная с Германией, рисовалась во враждебных тонах (подобно тому, как борьба с фашистской Германией в идеолого–исторической литературе того времени рассматривалась как эпизод извечного противостояния «славянства» и «германства»). Не случайно, именно Великая Отечественная война послужила мощным толчком к активной идеологической работе над русской средневековой историей и, в частности, образом Грозного и военными успехами Русского государства на Востоке.

Анализируя политическую обстановку в Казанском ханстве, И.И.Смирнов, наряду с группировкой аристократии, делавшей ставку на союз с Россией, крупной политической силой считает партию, «ориентировавшуюся на Крымское ханство и Турцию, как силы, способные оказать мощную поддержку Казани в ее борьбе с Россией и укрепить позиции Казанского ханства, претендовавшего на политическую гегемонию в Поволжье» (Смирнов 1948). Если в работах конца 30–х гг. подчеркивалось, что актуальность восточного вопроса во внешней политике России при Иване IV определялась фактом наличия системы постордынских государств, «стремившихся к гегемонии в Восточной Европе» (Смирнов 1939:92), то вскоре историки главным претендентом на первенство в регионе стали считать Турцию, а эти государства послушными орудиями в осуществлении замыслов Османских султанов. Вопрос о золотоордынском наследстве, судьбе тюркских государств, образовавшихся в результате распада Улуса Джучи, начинает увязываться с характером русско–турецких отношений (Смирнов 1946:120). «Присоединение к Русскому государству Казани и Астрахани прежде всего было чрезвычайно болезненно воспринято в Турции, и не только потому, что население этих стран было мусульманским. Держать Русское государство в окружении своих вассалов представлялось крайне заманчивым для султанской Турции в период

ее наивысшего военного расцвета в XVI в.» (Смирнов Н. 1946:103). И.И.Смирнов пишет о «коренных противоречиях между Русским государством и Турцией в их отношениях к татарским государствам Восточной Европы: Казани, Астрахани и Крыму» (Смирнов 1948:44–45). Отношения двух стран с этими государствами трактуются как определяющие для характера русско–турецких отношений. Например, казанские события весны 1524 года (Сахиб–Гирей «заложился» за султана), по мнению И.И.Смирнова, знаменовали «собой поворот в русско–турецких отношениях от дружественных к враждебным. Поворот этот определялся активизацией восточноевропейской политики Турции, которая провозглашением своего протектората над Казанью выражала стремление выступить в роли гегемона в системе татарских государств Восточной Европы. Эта политика Турции неизбежно должна была привести ее к столкновению с Русским государством, одной из важнейших задач которого являлось уничтожение татарских государств, возникших на развалинах Золотой Орды и постоянно угрожавших России новыми набегами» (Смирнов 1946:120). Начинается поиск турецких шпионов в XVI веке (Максим Грек), продиктованный, видимо, шпиономанией военного и послевоенного времени (Смирнов 1946:119–125). Тезис о всемирно–исторической роли Москвы в борьбе с постордынскими государствами и Турцией был немедленно подхвачен историками восточноевропейских стран, втянутых после Второй мировой войны в орбиту советской политики. Так, И.Мацурек писал: «Русская политика XV–го века все больше руководствовалась лозунгом решительной борьбы с турко–татарской сферой. Значение этой деятельности для развития истории, для спасения европейской культуры и для малых среднеевропейских народов в их борьбе с турками во время безразличного отношения европейского Запада к турецкой опасности является вполне очевидным» (Мацурек 1953:157). Не стоит подробно говорить о полной зависимости этой концепции от политической ситуации в послевоенной Европе.

В этот период определенное внимание османо–ордынским отношениям в XV веке уделил К.В.Базилевич, впервые в отечественной историографии использовавший в работе тексты переписки турецких султанов с ханами Большой Орды, незадолго до того

опубликованные А.Н.Куратом. К.В.Базилевич настаивал на активности и агрессивности внешней политики Порты в восточноевропейском регионе. Причем, по мнению К.В. Базилевича, в Турции поначалу ориентировались на хана Большой Орды Ахмада, которого считали повелителем всего Улуса Джучи (Базилевич 1952:114–115). «Между оттоманскими падишахами и Золотой Ордой существовали давние отношения и при дворе Мухаммада недостаточно ясно представляли степень обособленности Крыма от основных частей Джучиева улуса. Поэтому верховным главою Крымского улуса турки считали золотоордынского хана...В Константинополе, очевидно, выжидали и выбирали из претендентов того, кто менее способен был проявить самостоятельность и больше должен был чувствовать власть и покровительство падишаха» (Базилевич 1948:37,41).

Н.А.Смирнов отмечал, что враждебные отношения, «сложившиеся в конце XV в. между Крымом и Большой (Золотой) Ордою после того, как Крым стал вассалом Турции, убедительно доказывают, что ни Крым, ни тем более Турция не могут претендовать на наследство Большой (Золотой) Орды: на территории, примыкавшие к бассейну Волги, и тем более на территорию Северного Кавказа, зависимость которого от Золотой Орды всегда была достаточно призрачной» (Смирнов Н.1948:5). Видимо, следуя логике автора, такие претензии могла предъявлять Россия. По мнению Н.А. Смирнова, «уже в начале XVI в. турки планировали вторжение в Юго–Восточную Европу [т.е. на Северный Кавказ и Нижнее Поволжье – И.З.], «в течение всей первой половины XVI в. шли оживленные переговоры, которые сводились к тому, чтобы сколотить блок Крыма, Казани и Астрахани под покровительством Турции против России и ее союзников – кочевых племен южных степей. Однако Россия опередила Турцию. Она овладела Казанью и Астраханью и установила дружеские связи с народами Кавказа и Ираном раньше, чем Турция и крымский хан сумели преградить ей путь» (Смирнов Н.1948:11).

В освободительной войне в Поволжье после присоединения региона начинают разграничивать «два в корне различных по своей природе движения: 1) борьбу татарских феодалов за реставрацию Казанского ханства, носящую реакционный характер» и «2)

борьбу народов Поволжья против феодального гнета за независимость, являющуюся прогрессивным движением» (Смирнов 1939:93). Концепция «наименьшего зла», по мнению С.Х.Алишева, до Великой Отечественной войны господствовала в исторических трудах и учебной литературе (Алишев 1990:13). В ходе войны на волне политики «русского» патриотизма и нагнетаемого «панславизма» происходит дальнейший отход от идеи насильственного завоевания нерусских земель. Указывается на положительные аспекты присоединения, прогрессивность создания многонационального государства. Политика Ивана Грозного, в том числе и восточная, оценивается положительно.

В 1951 году М.В. Нечкина в письме «К вопросу о формуле «наименьшее зло», опубликованном в журнале «Вопросы истории», поставила под сомнение ставшую уже расхожей формулу. Согласно ее точке зрения, этот термин не адекватен основному положению постановления жюри правительственной комиссии: основным содержанием постановления было указание о прогрессивности присоединения. После статьи М.В.Нечкиной журнал напечатал еще ряд выступлений историков по этому вопросу, большинство которых поддерживало ее мнение. Однако письмо М.В.Нечкиной (и вся дискуссия вокруг него) подвергалось и критике, причем с еще более ортодоксальных позиций. Л.Максимов в статье, опубликованной в журнале «Большевик» (1952 №13), высказал мнение, что письмо М.В.Нечкиной и дискуссия вокруг него внесли лишь путаницу в давно решенные марксистско–ленинской исторической наукой вопросы. Л.Максимов выделил две противоположные тенденции в процессе присоединения других народов к России: «прогрессивную тенденцию хозяйственного сближения народов в рамках общероссийской капиталистической системы» и, с другой стороны, насильственный характер присоединения и «военно–феодальные» методы «национально–колониальной политики царизма».

В том же 1951 году выходит статья К.Наякшина, построенная как критический отзыв на учебник по истории СССР под редакцией проф. А.М.Панкратовой, вышедший годом ранее и выдержанный, по мнению автора, в духе «так называемой школы Покровского». К.Наякшин процесс централизации в России (т.е. и

процесс вхождения в ее состав других народов) рассматривает как реакцию на внешнюю опасность. «Борьба в Поволжье,– пишет автор,– была прежде всего борьбой против султанской Турции и ее крымско–казанских и астраханских холопов. Турецкие башибузуки стремились к мировому господству. Под властью султана они хотели объединить все земли, где жили *мусульмане и смешанные с ними народы* (sic !) (выделено мной – И.З.), и отуречить их» (Наякшин 1951:109). Автор в запале даже смешивает этническую принадлежность с религиозной. К.Наякшин пытался доказать, что перед народами поволжского региона стояла реальная опасность быть завоеванным турками. «Переход Поволжья под власть Турции означал бы полное опустошение и превращение края в такое же «дикое поле», в какое турки и крымцы превратили в XIV – XVII вв. обширнейшие и богатейшие земли по среднему и нижнему течению Дона и Днепра» (Наякшин 1951:110). Таким образом, присоединение к России для татар, башкир, мордвы, марийцев было единственным выходом, единственным средством спасения. В 1552 г. России «удалось покончить с разбойничьим гнездом турецкой агентуры, которое долгое время держалось в Казани» (Наякшин 1951:110). Освободительную борьбу народов Поволжья в 1552–1556 гг. К.Наякшин рассматривал не как борьбу с «местным населением», а как войну с «недобитыми остатками казанских феодалов, выходцев из Золотой Орды, т.е. с осколками этой орды» (Наякшин 1951:110). С.Алишев считал, что тезис о турецкой опасности для народов Поволжья, впервые выдвинул именно К.Наякшин (Алишев 1990:15). Однако подобные соображения появились ранее, К.Наякшин просто послушно следовал образцам, выражая некоторые идеи более радикально, чем предшественники. В советской исторической литературе окончательно утвердилась идея о безусловной прогрессивности присоединения и турецкой опасности как определяющем факторе этого процесса. В 1953 г. на расширенном заседании сектора истории ИЯЛИ КФАН СССР, на котором присутствовали ведущие историки Казани, все выступающие открещивались от формулы «наименьшее зло», но в то же время говорили об опасности турецкого порабощения Средней Волги в XVI в. (Алишев 1990:15). В 1954 г. те же мысли высказал С.О.Шмидт в работе «Предпосылки и первые годы «Казанской

войны», основанной на материалах кандидатской диссертации. «Борьба Русского государства в середине XVI века с Казанским ханством и стоящими за его спиной султанской Турцией и Крымским ханством является значительным фактором в истории образования и укрепления в России централизованного государства... Дальнейшая централизация государства переплеталась с борьбой против остатков Золотой Орды и новой турецкой опасности..., эта борьба была вызвана, прежде всего, потребностью самообороны от нашествия султанской Турции и ее сателлитов » (Шмидт 1954:187–188). По мнению С.О.Шмидта, рост «международного престижа Руси совпал по времени с расцветом турецкого могущества и возникновением проблемы взаимоотношений между европейскими государствами и Турцией», и Россия рассматривалась в Европе как потенциальный союзник. С XVI века Турция стала претендовать на гегемонию в Восточной Европе. «После распада Золотой Орды не прерывалась тесная взаимосвязь между правящими кругами татарских юртов на южных и восточных границах Русского государства. Султанская Турция старалась еще больше скрепить эту связь для того, чтобы казанскому, крымскому, астраханскому ханам и ногайским мурзам под руководством султана «всем заодин Москву воевати». «Широко задуманный план турецко–крымско–казанского наступления на русские земли» вырабатывается в 1520–е годы (Шмидт 1954:191–193, 199; см. также Шмидт 1964: 540).

Солидарен с С.О.Шмидтом был и Г.Д.Бурдей, когда писал о войне в Поволжье в 1552–1557 гг.: «...татарские феодалы ...делали ставку на поддержку феодальной знати других народов Поволжья, и главным образом, на поддержку Турции и Крыма. Турция и Крым также стремились восстановить в бывшем Казанском ханстве турецко–крымское влияние, поработить народы Поволжья, не допустить укрепления и утверждения России в Поволжье, вырвать военными и дипломатическими средствами из ее рук Казань и Астрахань». Значение присоединения Казани и Астрахани к России Г.Д.Бурдей видел в том, что «своевременно был предотвращен захват Поволжья Турцией и Крымом и разгромлены их планы использования Поволжья для дальнейшего усиления агрессии против России», а народы Поволжья были освобождены от «окон-

чательного порабощения турецкими ассимиляторами...» (Бурдей 1954:34–36; см. также Бурдей 1953: 3,6,11,13). В корне меняется оценка Астраханского похода 1569 г. По мнению Г.Д.Бурдея, «основной его целью был захват русских земель, русского полона, отторжение Астрахани и Казани, воссоздание мусульманских ханств и включение их в состав Турецкой империи, установление турецкого господства в Поволжье» (Бурдей 1953: 16; см. также Алекберли 1961: 60). Еще более обстоятельно эти взгляды были изложены Г.Д. Бурдеем в работе 1956 года (Бурдей 1956:183–205). С начала 50–х гг. тезис о безусловной прогрессивности присоединения поволжских народов к России и предотвращении тем самым угрозы установления в регионе «крымско–турецкого феодального владычества» канонизируется и уже как непреложный факт переносится в официальную, идеологически выверенную учебную и справочную литературу (см. Очерки по истории Башкирской АССР 1956:64–65), соответствующие пассажи появляются и в переизданиях уже выпущенных работ, если при первых изданиях эта тема была трактована иначе или обходилась (второе издание «Истории ТатАССР» 1955 г., переиздание монографии Н.Ф.Калинина «Казань» в том же году и др.; см. Алишев 1990:16). Пожалуй, только М.Г.Сафаргалиев в статье «Присоединение мордвы к русскому централизованному государству» подверг сомнению тезис о турецкой опасности в регионе в период присоединения (Сафаргалиев 1964:19–20). Последующие труды (напр. Вереин 1958) малоинтересны с точки зрения развития концепции.

В отечественной историографии 60–х – 80–х гг. (вплоть до начала 90–х гг) положение об агрессивных планах Турции в отношении Поволжья и угрозе прямого завоевания Османской империей этого региона звучит уже не столь определенно, хотя ее стремление к вмешательству в дела постордынских государств, а в результате и к гегемонии в Восточной Европе, утверждается постоянно. Например, в монографии И.Б.Грекова отмечается: «...поставив на крымский престол одного из сыновей Хаджи–Гирея, Мехмед II не забывал о существовании и других татарских улусов, прежде всего Астрахани и Большой Орды. Для политики султанской Турции этих лет были характерны, видимо, какие–то колебания и поиски. В эти годы турецкая дипломатия стремилась

нащупать наиболее надежные способы проникновения на территорию Восточной Европы, старалась всемерно расширить круг своих союзников и вассалов. Именно в этой связи и находится попытка Мехмеда II установить сотрудничество с Астраханью еще в 1466 г., а также попытки посадить на крымский престол хана из правящего рода Большой Орды» (Греков 1963:152). В коллективной монографии «Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго–Восточной Европы в XV – XVI вв.: главные тенденции взаимоотношений», вышедшей в свет в 1984, о политике Мехмеда после захвата стратегических пунктов Крыма в 1475 г, говорится так: «Стремясь расширить и укрепить свое влияние в Восточной Европе, он не довольствовался подчинением Крыма. Теперь перед ним стояла задача установить контроль и над другими улусами бывшей Ордынской державы, в частности над одним из главных улусов на нижней Волге – Большой ордой. Чтобы превратить этот улус в своего вассала, султан в 1476 г. санкционировал политическое сращивание Волжского юрта с Крымским» (Османская империя 1984:75).

Довольно много внимания османо–ордынским отношениям уделил А.П.Григорьев. По его мнению, со взятием 29 мая 1453 г. Константинополя «турецко–ордынские связи, возникшие еще в XIV в., получили теперь новое развитие. Султан Мехмед II сделал ставку на крымского хана Хаджи–Гирея, рассчитывая на его содействие в деле завоевания причерноморских государств и имея в перспективе планы дальнейшего продвижения на запад, север и восток» (Григорьев 1987:52).

Д.С.Кидырниязов, определяя роль ногайцев в русско–турецких отношениях в XVI в., писал: «Это был период, когда Турция и Крымское ханство стремились подчинить своему влиянию ногайцев и вовлечь их в антирусскую коалицию», но «Турция не могла удовлетворить экономические нужды Ногайской Орды; она могла только закабалить ее, превратить в объект жестокой эксплуатации. Поэтому экономическое тяготение ногайцев к России, активная деятельность русской дипломатии и успехи ее (sic!) восточной политики в середине XVI в. предопределили провал попытки Турции создать антирусскую коалицию с Ногайской Ордой» (Кидырниязов 1991:124–126; ср. Кидырниязов 1993: 64).

Л.Н.Гумилев, отмечая наличие в Казани накануне ее присоединения к России двух «партий» – «прорусской, капитулянтской» и «антирусской, ориентировавшейся на турецкого султана», считает, что «антирусскую партию правильнее было бы назвать фантазерской, потому что турецкий султан, владения которого в Восточной Европе ограничивались бассейном Черного моря, оказать военную помощь не мог никак: его войско до Казани просто не в состоянии было дойти. Тем не менее, сторонники Турции одержали верх» (Гумилев 1992:295). Следуя в целом классической схеме, Л.Н.Гумилев, однако, отходит от нее в вопросе реальности турецкой угрозы для России в Поволжье (симптом разложения идеи).

В настоящее время наблюдается явный отход от предвзятой схемы османо–русско–ордынских отношений. Высокая степень заинтересованности и участия Турции в судьбе постордынских государств (за исключением Крыма), агрессивная политика Османской империи по отношению к народам Поволжья и России подвергаются сомнению. Оценки действий турецкой дипломатии в восточноевропейском регионе становятся более сдержанными, хотя интересы Порты в регионе не отрицаются. «При всей противоречивости политики отдельных ханств, в их взаимоотношениях с Русью были определенные общие моменты. Отчасти они вытекали из схожего кочевого и полукочевого быта большинства ханских подданных, но в не меньшей степени были связаны с их конфессиональной принадлежностью. По существу против усиления Русского государства выступала мусульманская периферия Восточной Европы.

Последнее обстоятельство и должно было придавать большое значение деятельности ханств в глазах османских султанов» (Мейер 1996:70–71).

По мнению Д.С.Кидырниязова, «ни одно из мусульманских государств Восточной Европы не могло остаться равнодушным к падению Казанского ханства: Турция, Крым, Ногайская Орда, Астраханское ханство – все были опечалены гибелью мусульманского государства в Среднем Поволжье и старались оказать ту или иную поддержку единоверным и единоплеменным собратьям» (Кидырниязов 1997:52).

Центр тяжести антирусской политики на Востоке смещается в

работах историков из Стамбула в Бахчисарай (Ермушев 1997:131). «Крымское ханство с момента своего возникновения и по начало XVIII в. стремилось к положению своего рода великой державы. В этом ключе и можно рассматривать его попытки в XVI в. собрать под своей эгидой другие «осколки Золотой Орды»: прежде всего Казань и Астрахань...Политика же Османской империи на Востоке подчинялась одной главной задаче – одолеть Иран. Так было до середины XVII в., поэтому на завоевание Северного Кавказа турки на могли отвлекать силы» (Краснов 1997: 102–104).

Мягче звучат оценки территориальных приобретений двух стран (России и Турции) в зоне общих геополитических интересов (Орешкова 1996: 41–42). Наряду с традиционной констатацией идеологической подоплеки агрессивности московской политики XVI в. по отношению к постордынским государствам, главной причиной завоевания Казани и Астрахани Московским государством некоторые исследователи считают глубокий социально–экологический кризис, который начал ощущаться в русских землях начиная с середины XVI в. (Пантин 1994:109–120; Кульпин 1998; ср. Покровский 1923:246–247).

Справедливо критикуются работы 50-х – 60-х гг., часто жертвовавшие фактами ради абстрактной схемы. Например, С.Х.Алишев , имея в виду роль Турции в событиях середины 20–х гг. XVI в. в Казани, пишет: «Турция тогда была занята завоеваниями на Средиземном море и на Балканах...Сахиб–Гирей сам действительно был вассалом турецкого султана, но это не имело никакого отношения к Казанскому ханству. Ясно, что словесное объявление не означало установления турецкого протектората, но в русской историографии возникла теория о турецкой опасности и протекторате Турции над Казанским ханством. В том же 1524 году хан Сафа–Гирей дал шертную грамоту Василию III, признав свою зависимость от Москвы... Думается, что вообще не было никакого протектората» (Алишев 1995:64–65).

Еще более определенно высказался по этому поводу М.А.Усманов в беседе с В.Трепавловым, опубликованной на страницах журнала «Родина»: «...что касается «прокрымской», «протурецкой» партий... Если бы они реально существовали , то отношения между Москвой и Казанью развивались бы иначе. Я не вижу особой

активности со стороны Крыма. «Турецкая партия» в Казани вообще была придумана в 50–х годах XX века, когда в истории стали искать так называемое «наименьшее зло». Будь «турецкая партия», или турецкие интересы реальными, османский султан повернул бы свои войска с Балкан и из Африки на север» (Усманов 1997:43–44). Движение России на восток оценивается как завоевательное (Алишев 1995 (II): 30–33).

Вместе с тем наблюдаются попытки реанимации традиционной схемы анализа русской политики на Востоке. Так, В.Н. Ковин следующим образом характеризует внешнеполитические задачи России после 1480 года: 1) воссоединение с землями, находящимися в составе Великого княжества Литовского, ранее входившими в пределы Киевской Руси; 2) надежная защита южных и восточных рубежей страны от набегов; 3) укрепление статуса на международной арене. Поскольку на западе государства были сильны и организованы, «Русскому государству был открыт путь только на восток, где соседи находились на более низком уровне общественной организации» (Ковин 1995:40). По мнению автора, до 20–х гг. XVI в. «интересы Русского государства и Османской империи не соприкасались. Не доходя до противоречий, они пересекались в вопросах об автокефалии русской церкви, связях Руси со славянскими народами, интересах внешней торговли и отношениях с Крымским ханством. Столкновение интересов произошло, когда Казанское ханство объявило себя в вассальной зависимости от Османской империи: теперь все, что происходило между Москвой и Казанью, касалось султана. Этим был заложен конфликт, растянувшийся на длительное время. Османская империя не могла сразу оценить изменившуюся ситуацию, и только к 1530 году была выработана новая стратегия по отношению к Русскому государству: произошел отход от благожелательной позиции к враждебной» (Ковин 1995:41). Неспокойной в отношениях Османской империи и России была и вторая половина XVI в. Военные действия то прекращались, то вспыхивали с новой силой. Крайним выражением обострившегося конфликта были войны 1569–1572 гг. и 1598 г. По мнению В.Н.Ковина, целью Османской империи в них являлось «*возвращение* (выделено мной. – И.З.) поволжских степей и ослабление Руси. Реализовать свои притязания против-

никам Русского государства не удалось» (Ковин 1995:41). Автор выдвигает своеобразную концепцию «оправдания империи», согласно которой захватническая политика России, колонизация новых земель и насильственное присоединение территорий диктовались невозможностью мирного сосуществования русского государства с осколками Золотой Орды – постоянным очагом напряженности. «К завоеванию Казани подталкивали внешние политические интересы (невозможность мирного, спокойного существования), а не насущные хозяйственные потребности в новых землях...». Только военная нейтрализация и, в конечном счете, аннексия, по мысли автора, были неизбежны в развитии отношений России с постордынскими юртами (Ковин 1995:41). Подобной точке зрения близок и взгляд А.Б.Кузнецова на восточную политику России в 30–х гг. XVI в. (Кузнецов 1997). Несколько односторонне трактуются события 70–х гг. XV в. Ю.Г.Алексеевым. По его мнению, гибель Джучиева Улуса (к которой привели политический союз Москвы с Крымом и «нейтрализация» Казани), «открывшая путь для включения необозримых малолюдных пространств Северной Азии в систему европейской христианской цивилизации, – одно из крупнейших событий не только русской, но и всемирной истории, определивших перспективы развития человеческого общества» (Алексеев 1994: 78).

В развитии зарубежной историографии темы разброс во мнениях был не столь велик. Турецкие авторы прежде всего обращали внимание на агрессивность внешней политики Москвы. Это сочеталось с убеждением в том, что Московское государство до первой четверти XVI века не рассматривалось в Османской империи как серьезная политическая сила на юго–востоке Европы. В коллективном труде Турецкого исторического общества «Tarih.Yeni ve yakin zamanlari» («История. Новое и новейшее время»), изданном в Стамбуле в 1933 г., утверждалось, что в период правления Сулеймана I «не было оказано сопротивление подъему Московского государства, ставшего позже основным виновником падения Османского государства» (цит. по Фаизов 1989:136). По мнению С.Айверди, султан Мехмед Фатих «первым почувствовал опасность, которая должна была придти из пустых и необжитых степей». Опасность заключалась в возможности русских нашествий,

«не совместимых ни с государственным правом, ни с человеческим сознанием». Завоевав Кафу, «великий правитель поставил преграду притязаниям Москвы, хотя в то время никто не считался с маленьким и слабым Московским княжеством» (цит. по: Мейер 1996:69–70). Х.Иналджик писал: «Османы не обращали внимание на огромное расширение Московии, которая до 1530–х гг. была второразрядной силой (second–rate power) в Восточной Европе, как на опасность с севера, и даже поддерживали союз между Московией и Крымским ханством против Ягеллонов, которые угрожали оттоманскому суверенитету в Крыму. В 1497 г. они даровали московитам свободу торговли в Османской империи. Но когда в 1530–е Московский великий князь и крымский хан начали войну за обладание бывшими территориями Золотой Орды в бассейне Волги, хан стремился, чтобы Османы осознали эту опасность. Но только в середине XVI столетия Османы пришли к пониманию того, что продвижение русских угрожает их позициям в бассейне Черного моря и на Кавказе. После того, как Иван IV принял титул царя в 1547 г., он завоевал и присоединил мусульманские ханства бассейна Волги – Казань в 1552 и Астрахань в 1554–1556 гг., – продвинувшись до Терека на Северном Кавказе и положив основание Российской империи. В этом регионе царь нашел союзников среди черкесов и ногайцев; на западе в 1543 г. Петру Рареш, молдавский воевода, стремился к защите со стороны Москвы; и, наконец, в 1559 г. казацкий вожак Димитраш предпринял попытку захватить крепость Азов, северный аванпост Османской империи [имеется, вероятно, в виду поход Дмитрия Вишневецкого на Азов, под которым он разбил 250 крымцев, пробиравшихся в Казанскую область (Соловьев 1960:495) – И.З.]. Вследствие этих успехов московское царство стало наследником ханства Золотой Орды, как первоклассная сила в Восточной Европе, распространившая свое влияние на османские владения на Кавказе и в регионе Черного моря» (Inalcik1973:39)[5]. Сходным образом завоевание Казани, Астрахани и попытки России утвердиться на Северном Кавказе оцениваются в «Истории России» А.Н.Курата (Kurat 1993:157).

Установление дипломатических контактов между Турцией и Россией объясняется С. Фишером как попытка османской внеш-

ней политики обезопасить свои северные рубежи. «Этот эпизод османских внешних связей – еще одна иллюстрация осторожности Баязида и его готовности мириться с наглостью до той поры, пока был жив Джем. Конечно, вероятность того, что Иван III смог бы достичь владений Джема, или напрямую помочь ему в его стремлениях вытеснить Баязида с трона, была мала, но очевидно, что нужна была расчетливая политическая мудрость, чтобы принять дипломатический выпад от царя в то время, когда государство могло подвергнуться нападению со стороны Египта, Италии или Балкан» (Fisher 1948:35). Действительно, в это время фигура Джема, как возможного ставленника антитурецкой европейской коалиции в Константинополе в случае успеха крестового похода, активно используется папами и европейскими монархами (Mowat 1928: 10–11).

Специально следует остановиться на точке зрения французских исследователей А. Беннигсена и Ш.Лемерсье–Келькеже. В ряде специальных статей, посвященных международным отношениям на юге Восточной Европы в XVI веке, и публикаций новых архивных документов по истории Крымского и Казанского ханств, Турции и России авторы выступили с оригинальной концепцией развития межгосударственных связей в регионе. По мнению А.Беннигсена и Ш.Лемерсье–Келькеже, в XV веке история Крымского ханства определялась прежде всего взаимоотношениями Гиреев с ханами Золотой, а после 1480 г. – Большой Орды, которые вторгались на полуостров. Для того, чтобы избежать этого конфликта, крымские ханы вынуждены были искать союзников. «Они не могли опираться на Османскую империю, далекую и безразличную. Поэтому они искали помощи соседних христианских государств. Сначала при Хаджи–Гирее, помощи Польско–Литовского государства, а затем, между 1480 – 1515 гг., – помощи Москвы». Проблема сюзеренитета волжских чингизидов над Крымом отпала окончательно после 1502 года, когда Менгли–Гирей в союзе с Иваном III разгромил Сарай. «Начиная с Гиреев главы рода их кузенов начинают править над другими государствами, разделяя старый улус Бату, – Казань, Касимов, Астрахань и Тюмень в Сибири, но альянс между Крымом и Московией, который позволил разрушить Большую Орду, длился еще 10 лет, т.е. столько же, сколько жил

Менгли–Гирей.... В 1515 г. между Крымом и Московией начинается продолжительный конфликт за обладание старым улусом Бату, козырями которого были Казанское и Астраханское ханства, и который закончился в 1593 г. победой Московии». Авторы полемизируют с российскими историками, затрагивавшими эту тему: «Вопреки тому, что утверждало большинство русских дореволюционных и советских историков, Оттоманская империя не принимала никакого участия в этой борьбе». Высокую Порту оставляло равнодушным «собирание» [авторы употребляют русское слово – И.З.] «монгольского наследства в Восточной Европе» ее вассалом (Крымским ханством). «Ни один из основных конфликтов не противопоставлял ее далекой Московии, источником драгоценного меха, основным потребителем которого была Порта». До конца XVI века, по мнению А. Беннигсена и Ш. Лемерсье–Келькеже, османская стратегия в Восточной Европе определялась единственным интересом – поддержать свободу сообщения на протяжении огромного торгового и военного пути Восток–Запад, соединявшего ее дунайские владения с Дагестаном и Центральной Азией, которая, с одной стороны, позволяла повернуть север иранского фронта на Кавказ, а с другой, – обеспечить обмен с Туркестаном, «Turk Eli» (Bennigsen, Lemercier–Quelquejay 1972: 323–324). Польский исследователь Л. Подгородецкий также отмечает, что Османская империя не принимала участия в борьбе за собирание золотоордынского наследства, потому что была занята завоеваниями других территорий, однако поддерживала Крым в его стремлении к господству над татарскими «юртами» Восточной Европы. Участниками этой борьбы были, наряду с Крымским ханством, Московское великое княжество, а также Казань, Астрахань, Литва и Польша (Podhorodecki 1987: 83). Эдвард Кинан прямо писал: «Нет доказательств какого–либо эффективного османского контроля над московско–татарскими отношениями в этот период; идея пан–мусульманского союза смешна». Завоевание Казани (то же можно сказать и про Астрахань), – замечает ученый, – никогда бы не произошло без потворства (по весьма прозаическим причинам собственных интересов) тех же мусульман–татар (Keenan 1967: 549). При общем скептическом отношении к возможности установления турецкого протектората над Казанским ханством неко-

торые исследователи все же утверждали, что сам факт предложения со стороны Сахиба имел место (Pelenski 1974: 36). Многие зарубежные авторы специально останавливались на идеологических аспектах русского завоевания Казани (Sevcenko 1967; Pelenski 1974; Huttenbach 1988).

С.М.Кортепитер в монографии, посвященной османскому «империализму», утверждал, что в начале XVI в. османские султаны, вынужденные иметь дело с противниками на западе, юге и востоке, предоставили решение проблемы причерноморских степей крымским ханам. Последние активно стремились к собиранию золотордынского наследства. Османские же султаны обращали на Москву мало внимания, имея ее в виду в качестве потенциального союзника, которого можно использовать для того, чтобы «подрезать крылья» своим крымским вассалам (Kortepeter 1972:17). Лишь падение Казани, Астрахани, а особенно северокавказские события 50–х гг. XVI в. всерьез встревожили Порту. По мнению Кортепитера, основой государственных отношений в восточноевропейских степях в это время была экономика: московские купцы могли предложить степнякам гораздо больше, нежели крымские. «Только османские торговцы могли заполнить эту экономическую брешь», но крымские татары, «продолжая фикцию золотоордынских прерогатив» и чиня препятствия на пути ровных отношений с Османами, должны были, таким образом, отвратить от себя степной рынок, а также османских торговцев» (Kortepeter 1972: 17).

Ричард Пайпс, автор краткой истории русского политического устройства («Russia under the old Regime»), так характеризовал внешнюю политику Москвы: будучи вассалом Джучидов, московские князья расширяли свою территорию в основном за счет покупок земель или взятия их за долги. «С тех пор Москва росла за счет захватов. Освободившись от ордынского господства, Москва стала вести себя в духе усвоенных у Орды понятий о поведении суверенной державы» (Пайпс 1993:111). «Есть кое–какие указания на то, что первые цари смотрели на себя как на наследников монгольских ханов. Хотя под церковным влиянием они иногда ссылались на византийский образец, они не называли себя преемниками византийских императоров... Уже во время последнего наступления на Казань и Астрахань Иван называл их своей вотчиной;

это утверждение могло значить лишь одно – что он смотрел на себя, как на наследника хана Золотой Орды....По московским понятиям, настоящий суверен должен был отвечать трем условиям: происходить из древнего рода, занимать трон по праву наследования и не зависеть ни от какой другой власти, внешней или внутренней....В конечном итоге, предъявляемым Москвой высоким требованиям отвечали лишь два властителя: турецкий султан и ее собственный великий князь» (Пайпс 1993: 105–108).

Примерно с тех же позиций рассматривает расширение Московского государства и А.Каппелер. Говоря о борьбе «наследников» Золотой Орды, он пишет: «Важнейшими соперниками были Большая Орда, как формальный наследник владений на Нижней Волге, Крымское и Казанское ханства, а также Ногайская Орда и более слабые и меньшие Астраханское и Сибирское ханства. В этих раздорах участвовали также Великое Московское княжество, бывшее, собственно, одной из частей Золотой Орды, Польско–Литовское государство и (скорее за кулисами и на заднем плане) Османская империя» (Каппелер1997:27).

О схожести статуса царя и султана, в целом политической структуры и идеологий двух стран писал в работе, посвященной московско–османским отношениям в XVI–XVII вв., А.В.Фишер. Это обстоятельство долгое время было одной из причин сохранения мирных отношений между Москвой и Стамбулом. По мнению историка, степные земли к северу от Черного моря были естественным объектом соперничества двух «экспансионистских» империй, окружавших их. Однако, «турецкие военные предприятия осторожно избегали лобовых атак на север. Только в 1569 г. планировался поход на территорию, занятую царями, против Астрахани, но в этом случае Московия не была врагом, а всего лишь препятствием на пути к достижению Сулейманом цели соединить Каспийское море с его собственным Черным». Тенденциозность русских летописей и османских хроник А.В.Фишер объясняет тем, что в обоих случаях «историки представляли свои сочинения внутри общепринятой идеологической рамки. Взаимная злоба и неприятие историографических концепций уживалась с мирным сосуществованием и отсутствием ярко выраженных конфликтов» (Fisher 1973: 208–212).

Поход турецких и крымских войск на Астрахань в 1569 г вызывал особое внимание в зарубежной историографии. Еще Й.Хаммер уделил этому событию определенное место в своем труде (Hammer 1828: 531). Согласно точке зрения П.Коулза, его причиной было недовольство некоторых османских государственных деятелей и стратегов плачевным состоянием северопричерноморских степей в результате грабительских набегов крымских татар, превративших край в пустыню (Coles 1968: 165). По мнению А.Беннигсена и Ш.Лемерсье–Келькеже, «борьба крымских ханов за отвоевание Казани и Астрахани не закончилась в 1556 году. В течение более 30 лет Гиреи пытались вытеснить московитов с татарских земель средней и нижней Волги». Апогей этой деятельности приходится на 1568 –1574 гг. (Bennigsen, Lemercier–Quelquejay 1972: 324). Традиционно астраханскую экспедицию, анализируя степень заинтересованности в ней Османской империи, связывают с ирано–турецкой войной. Так, в монографии И.Х-.Узунчаршылы поход 1569 г. оценивается как военная операция по овладению стратегически важным путем в Среднюю Азию и рассматривается автором, прежде всего, в контексте османо–иранских отношений (Uzuncarsili 1954: 34). Специальную работу посвятил этому событию А.Беннигсен. Автор считает эту военную экспедицию направленной, прежде всего, на овладение путем через Нижнюю Волгу и отрицает ее антироссийский характер. По мнению А. Беннигсена, интересы Турции в Восточной Европе были второстепенными, Турция была в то время заинтересована в сохранении мира с Россией, в котором нуждалась тогда и Россия. Если в событиях астраханского похода и присутствовало стремление нанести удар именно по России, то стремление это исходило от Крымского ханства, но не от Турции (Bennigsen 1967:441–442). Сходная точка зрения была высказана А.Беннигсеном и в статье, написанной в соавторстве с Ш.Лемерсье–Келькеже. Авторы отрицают какое–либо официальное участие Османской империи и в походе Девлет–Гирея на Москву, закончившемся разрушением столицы: «В противовес утверждениям русских и советских историков, особенно А.А.Новосельского, которые считали, что «Девлет–Гирея подтолкнули к войне против России турецкое правительство и татарские феодалы» [со ссылкой на: Новосельский 1949:26],

этот крупный поход ни в коей мере на входил в военную стратегию Оттоманской Порты, интересовавшейся в то время конфликтом с Сефевидским Ираном. Этот поход был исключительно татарским предприятием» (Bennigsen,Lemercier–Quelquejay 1972: 324. См. также статью Т. Гёкбильгина в публикации им письма бейлербея Кафы Касим–паши падишаху 1569 г. (Gokbilgin 1970). Г. Хаттенбах, напротив, усматривал в экспедиции 1569 г. цель султана «переутвердиться по крайней мере на Нижней Волге» (Huttenbach 1988:67).

А.Н.Курат посвятил походу 1569 г. специальную статью. Историк считал, что Османская империя до середины XVI в. не вмешивалась в русско–казанские и русско–крымские отношения и не препятствовала военному усилению Москвы. Фактором сдерживания роста могущества Московского великого княжества с точки зрения османских султанов выступало, по мнению А.Н.Курата, Крымское ханство. Однако к середине XVI в. ситуация изменилась: усиление русских позиций в Причерноморье, Прикаспии и на Северном Кавказе вызвало беспокойство османов. События 1569 г. стали следствием возникших между Москвой и Стамбулом противоречий в вопросе о судьбе этих областей. Тем не менее, для Османской империи, в отличие от Московского государства, это предприятие большого значения не представляло и не шло ни в какое сравнение с военными кампаниями турок в других регионах мира (Kurat 1961: 10–23).

В монографии А.Н.Курата, посвященной истории России, автор выделяет причины астраханского похода: важность района в стратегическом отношении, угроза Северному Кавказу и пути через Нижнюю Волгу со стороны Ирана, нападения донских казаков, от которых последние астраханские ханы бежали в Азак (Kurat 1993:160).

В статье Х.Иналджика «Истоки османо–русского соперничества и строительство канала Дон–Волга», опубликованной в 1948 г., видный турецкий историк доказывал, что до середины XVI в. интересы Османской империи в Восточной Европе, которые проявились еще в середине XV в., ограничивались в основном поддержанием баланса сил между Крымским ханством и Московским великим княжеством. Изменение равновесия в сторону Москвы и продви-

жение русских на юг создавало угрозу империи. Таким образом, поход 1569 г. и попытка строительства канала Волга–Дон, были реакцией Турции на угрозу с севера, хотя и несколько запоздалой (Inalcik 1948: 352–363).

Вопреки мнению некоторых отечественных историков, я не вижу большого противоречия между точками зрения А.Н.Курата и Х.Иналджика и полемики в этом вопросе: оба историка подчеркивают вынужденный характер похода с турецкой стороны (как ответ на усиление Москвы в Прикаспии и на Черном море), оба фактически утверждают, что Турция до середины XVI в. не принимала активного участия в отношениях Московского государства с Джучидами. Декларативное утверждение Х.Иналджика об активности позиции Османской империи на севере с середины XV в. фактически опровергается его же тезисом, что вся эта активность сводилась лишь к поддержанию паритета сил между Москвой и Бахчисараем.

В целом в трудах зарубежных исследователей истории османо–московско–ордынских отношений проводится мысль о том, что Османская империя до 1560–х гг. не принимала непосредственного участия в делах государств Улуса Джучи, ее интересы сосредотачивались в основном в сфере обеспечения безопасности черноморской навигации, поддержания баланса сил в Восточной Европе, где проводником ее политики было Крымское ханство. Несколько разнятся взгляды историков по вопросу об Астраханском походе 1569 г. Эта военная инициатива видится либо как запоздалый ответ Османской империи на продвижение Москвы на юго–восток (Иналджик, Курат), либо как «чисто татарское предприятие», в котором османы не были сильно заинтересованы (Беннигсен, Лемерсье–Келькеже), либо как эпизод османо–сефевидского противостояния (Узунчаршылы). Все зарубежные авторы отрицают агрессивность Турции по отношению к Московскому великому княжеству и ее стремление к завоеванию Северного Причерноморья, Прикаспия и южнорусских степей.

В результате рассмотрения источников по истории отношений постордынских государственных образований с Московским великим княжеством и Османской империей, а также историографии данной темы, можно сделать несколько замечаний (см. Зай-

цев 1998).

Распад гигантской империи Джучи в корне изменил расстановку сил в Восточной Европе. Гибель мощного государства вызвала к жизни несколько новых государственных образований, немедленно начавших делить между собой сферы влияния в регионе. Этот процесс сопровождался выходом из–под власти Джучидов Московского государства и его дальнейшим усилением, а также ростом могущества Османской империи, долгое время впоследствии претендовавшей на первенство в мусульманском мире и осуществлявшей экспансионистскую политику по отношению к соседним христианским и мусульманским государствам.

В 70–80–х гг. XV в. на главенство среди постордынских «юртов» претендуют три силы: шейбанид Сайид Ибрахим (Ибак), сын Кучук–Мухаммада Ахмад (хан так называемой «Большой» Орды) и потомки крымского хана Хаджи–Гирея. Эти государства в борьбе за первенство в разделе наследства Джучи ведут активную дипломатическую деятельность, заключая союзы и вступая в конфликты не только между собой, но и с «третьими» силами, не входившими в орбиту политического тяготения Улуса Джучи. К ним, прежде всего, принадлежали Османская империя и Великое княжество Литовское.

Турция напрямую вмешивается в конфликт между Джучидами. Однако, это вмешательство было вызвано, в первую очередь, желанием контролировать важнейшие порты, а также стратегические и торговые пути Приазовья и северного побережья Черного моря, нежели стремлением Османов к гегемонии в постордынском пространстве. Этим объясняется как аморфность и нежелание Стамбула принимать участие в политических распрях Джучидов и московских великих князей, так и устойчивые мирные отношения Турции и России на протяжении почти всей первой половины XVI века. В результате вмешательства Османской империи в споре выигрывает Крым. С начала XVI в. (после разгрома остатков «Большой» Орды в 1502 г.) Крымское ханство начинает претендовать на лидерство среди «татарских» «юртов» Восточной Европы и во многом определяет ход событий в остальных постордынских ханствах и Руси.

Московское государство, как вассал Джучидов, некоторое вре-

мя стояло в стороне от борьбы за раздел наследства своего сюзерена, и его интересы сосредотачивались в основном в области обороны собственных границ от претендентов на главенство в бывшем Улусе Джучи. Однако в 80–х годах XV века во внешней политике Руси происходят важные изменения. Экономически окрепшая Москва, снабженная к тому же импульсом национального возрождения и имперской идеологией, представлявшей собой синтез византийского политического мышления и монгольских традиций государственного строительства, начинает активную борьбу за гегемонию в Восточной Европе.

Восточноевропейские тюркские государства, образовавшиеся в результате распада Золотой Орды, к началу XVI в. вынуждены были считаться с возросшим стремлением великих князей московских к политическому влиянию в регионе – с одной стороны, а с другой – перспективой развития связей с Турцией (прежде всего при посредстве Крыма) и оказались, таким образом, в ситуации выбора политической ориентации: прорусской или прокрымской. Однако этот конфликт практически не оказал негативного воздействия на развитие русско–османских отношений, которые вплоть до 60–х гг. XVI в. продолжают носить мирный характер.

Для объективной оценки внешней политики постордынских тюркских государств Восточной Европы необходимо привлечение не только русских источников, но и документов, характеризующих отношения этих государств с Османской империей, а также с Польшей и Великим княжеством Литовским. Только в этом случае возникает возможность анализировать внешнюю политику постордынских «юртов», выявить уникальность и специфику их положения на международной арене в XV–XVI веках.

Примечания

[1] Несколько особняком стоит Крымское ханство, где турецкое присутствие было очевидным и поэтому нашло подробное отражение в трудах историков (Смирнов 1887).

[2] Датировка Н.А. Казаковой русской версии Сказания серединой 20-х гг. мне представляется не до конца убедительной, хотя и вероятной. Политическая ситуация, описанная в произведении, в равной степени может отражать события и конца 60–х – 90–х гг. XVI в.: астраханский поход

1569 г., впервые продемонстрировавший реальную возможность соединения сил османов и Крыма, направленного против России; поход 1588 г. и два турецких посольства в Москву (1589 и 1594 гг.). Кроме того, именно к концу XVI – началу XVII в. относится распространение так называемой «псевдоисторической» или «легендарной» темы в русской литературе, связанной с Турцией (легендарные – переписка Ивана IV с турецким султаном, цикл грамот турецкого султана к европейским государям, «Повесть о двух посольствах», переписка запорожских казаков с султаном (Каган 1955;1957;1958). Произведения этого жанра были очень тесно связаны с документами Посольского приказа и, скорее всего, создавались его сотрудниками. «На всем протяжении XVII в. там не прекращаются поиски типа нового официального произведения, формулирующего государственную теорию», но, по мысли М.Д.Каган, одновременно в Посольском приказе создаются и сочинения указанного жанра, демонстрирующие то, «как воспринимались вопросы внешней политики рядовыми служащими Посольского приказа» (Каган 1957:262). Именно в конце XVI – начале XVII в. в этой литературе четко формулируется тезис о враждебности Турции России, агрессивности ее устремлений в регионе Восточной Европы, возможности совместного наступления Османской Империи и государственных образований, распавшегося Улуса Джучи против России. «Примерно с конца XV в. – со времени свержения татарского ига, – пишет М.Д.Каган, – антитурецкая тема звучит как тема защиты суверенитета национального государства» (1957:261). «Сказание о брани венециан противу турецкого царя» очень близко по духу произведениям литературы Посольского приказа (особенно циклу грамот турецкого султана к европейским государям). Однако, даже если русская версия сочинения относится к самому концу XVI в. или даже к началу XVII в., то все равно следует согласиться с мнением Н.А.Казаковой о том, что Сказание, наряду с Повестью о взятии Царьграда и несохранившимся произведением «некоего немчина», о котором писал Максим Грек в 1523 году, – один из самых ранних памятников турецкой темы в русской литературе XVI в. (Казакова 1975: 66).

[3] С 1475 г. Турция начинает строительство в Причерноморье и под Азовом крепостей, что, по мнению Е.В. Чистяковой, комментировавшей рассуждения А.И.Лызлова по этому поводу, «повлекло за собой наступление Турции на «Московския православныя монархии» (Чистякова 1990:370). Однако у самого А.И.Лызлова смысл высказывания прямо противоположен: «А вся сия крепости содела поганый, имеющи великое опасение от Московския православныя монархии» (Лызлов 1990:130)

[4] «Не совсем понятно, – пишет А.Е.Крымский о соответствующем месте у М.С.Грушевского, – почему М.С.Грушевский сопровождает слова Длугоша недоверчивым восклицательным знаком» (Крымский 1916:177 прим.)

[5] Интересно, что представление о Российском государстве, как наследнике Улуса Джучи, или, даже более глобально, монгольских имперских традиций, было характерно для представителей русского «евразийства» (напр., для Савицкого). Кажется, именно «евразийцы» впервые сформулировали этот тезис, который потом (вероятно, вполне независимо от них) получил распространение в западной историографии.

Литература

1. Акчокракли О. Про перший проект спороди Волго–Донського канала у XVI сторіччі. – Східній Світ. – 1928, №2. –Харків.

2. Алекберли М.А. Борьба украинского народа против турецко–татарской агрессии во второй половине XVI – первой половине XVII веков. – Саратов, 1961

3. Алексеев Ю.Г. Падение Джучиева Улуса. – Исторический опыт русского народа и современность. Мавродинские чтения. – СПб.,1994

4. Алишев С.Х. Исторические судьбы народов Среднего Поволжья: XVI–начало XIX века. – М.,1990

5. Алишев С.Х. Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV–XVI вв. – Казань,1995 (I)

6. Алишев С.Х. Продвижение России на Восток в XVI веке. – Россия и Восток: проблемы взаимодействия. – Ч.1. – Челябинск, 1995 (II)

7. Амелькин А.О. Татарский вопрос в общественном сознании России конца XV – первой половины XVI вв. (по материалам агиографических сказаний и памятников фольклора). – АКД. – М.,1992

8. Артизов А.Н. Критика М.Н.Покровского и его школы (к истории вопроса). – История СССР, 1991, №1

9. Атласи Х. Казан ханлыгы. – Казан,1920

10. Базилевич К.В. Ярлык Ахмед–хана Ивану III.– Вестник Московского университета 1948 №1

11. Базилевич К.В.Внешняя политика русского централизованного государства. Вторая половина XV в. –М.,1952

12. [Байер Г.З.] Древния Азовския и Крымския известия. Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова от создания сего города до возвращения онаго под Российскую державу. – СПб., 1768

13. Бартольд В.В. Сочинения. – T.VI. Работы по истории ислама и Арабского халифата. – М.,1966

14. Бурдей Г.Д. Борьба России против султанской Турции и ее вассала Крымского ханства в XVI веке (50–70–е гг.). – АКД. – Б.м.,1953

15. Бурдей Г.Д. Борьба России за Среднее и Нижнее Поволжье в XVI веке. – Преподавание истории в школе, 1954 №5

16. Бурдей Г.Д. Взаимоотношения России с Турцией и Крымом в период борьбы за Поволжье в 40–50 годах XVI в. – УЗ Саратовского государственного университета – Т.XLVII. – Харьков, 1956

17. Бурдей Г.Д. Была ли русско–турецкая война 1569 г. «пьесой без начала и конца». – История СССР, 1964, №3

18. Вельяминов–Зернов В.В. Исследование о Касимовских царях и царевичах. – ч. I–IV. – СПб, 1863–1887

19. Вереин Л.Е. Присоединение Нижнего Поволжья к Русскому государству. Начало строительства русской Астрахани. – Астрахань, 1958

20. Греков И.Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV–XVI вв. – М.,1963

21. Грушевський М.С. Історія України–Руси. – Т.IV. – Київ, 1993 (репринтное воспроизведение издания – Київ–Львів,1907)

22. Гумилев Л.Н. От Руси к России: очерки этнической истории. – М.,1992

23. Дунаев Б.И. Преподобный Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI в. – М.,1916

24. Ермушев А.М. К вопросу об активизации политики России в отношении Казанского ханства (1545 –1546 гг.) – Гуманитарные науки и образование: проблемы и перспективы. Метериалы I Сафаргалиевских научных чтений. – Саранск, 1997

25. Зайцев И.В. Документальные источники по истории отношений постордынских тюркских государственных образований с Россией и Османской империей (XV–пер.пол. XVI в.) – Автореферат канд. дисс. – М., 1998

26. Зотов О.В. Московская Русь: геополитика в «Сердце земли» (о ранней микромодели империи). – Россия и Восток: проблемы взаимодействия. – Ч.1. – М.,1993

27. Каган М.Д. «Повесть о двух посольствах» – легендарно–политическое произведение начала XVII в. – ТОДРЛ. – Т.XI. – М.–Л.,1955

28. Каган М.Д. Легендарная переписка Ивана IV с турецким султаном как литературный памятник первой четверти XVII вв. – ТОДРЛ. – Т.XIII. – М.–Л.,1957

29. Каган М.Д. Легендарный цикл грамот турецкого султана к европейским государям – публицистическое произведение второй половины XVII в. – ТОДРЛ. – Т.XV. – М.–Л.,1958

30. Казакова Н.А. Новый памятник турецкой темы в русской литературе XVI в. – Памятники культуры. Новые открытия. 1974. – М.,1975

31. Каппелер А. Собирание земель Золотой Орды в 16–18 веках. – Tatarica. Звездный час татарской истории. – №1, зима 1997/1998 – Казань, 1997

32. Карамзин Н.М. История государства Российского. – T.IV–V. – М.,1993–1998

33. Карнович Е.П. Покорение царства Астраханского. – Астраханский сборник, издаваемый Петровским обществом исследователей Астраханского края. – Вып. I. – Астрахань, 1896

34. Кидырниязов Д.С. Ногайцы в русско–турецких отношениях в XVI веке. – Восток: прошлое и будущее народов. IV всесоюзная конференция востоковедов. Тезисы докладов и сообщений. – T.II. – М.,1991

35. Кидырниязов Д.С. Из истории русско–ногайских отношений в XV–XVI вв. – Историко–географические аспекты развития Ногайской Орды. – Махачкала, 1993

36. Кидырниязов Д.С. Из истории взаимоотношений ногайцев с казанскими татарами в XVI в. – Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. – Труды международной конференции. – T. III. – М.,1997

37. Ковин В.Н. Истоки развития России по имперскому пути: восточный вопрос во внешней политике русского государства в конце XV – XVI веков. – Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Ч.1. – Челябинск, 1995

38. Костомаров Н. Личность царя Ивана Васильевича Грозного – Исторические монографии и исследования. Кн.I – М.,1989

39. Краснов А.В. Проникновение Османской Порты и ее вассалов на Северо–Западный Кавказ в XVI – нач. XVII вв. – Археология, архитектура и этнокультурные процессы Северо–Западного Кавказа. – Екатеринбург,1997

40. Крымский А.Е. История Турции и ее литературы. – М.,1916

41. Кузнецов А.Б. Россия и Ногайская Орда в 30–х гг. XVI в. – Гуманитарные науки и образование: проблемы и перспективы. Материалы I Сафаргалиевских научных чтений. – Саранск, 1997

42. Кунцевич Г.З. История о Казанском ханстве или Казанский летописец. – СПб.,1905.

43. Лызлов А.И. Скифская История. – М.,1990

44. Марджани Ш. Мустафад ал–ахбар фи эхвали Казан ва Булгар. – Казан,1885

45. Мацурек И. Турецкая опасность и Средняя Европа накануне и во

время падения Константинополя. – Byzantinoslavica. – XIV. – Prague, 1953

46. Мачанов А.Е. Борьба царской России и Турции за обладание Крымским ханством. – [Симферополь], 1929

47. Мейер М.С. Основные этапы ранней истории русско–турецких отношений. – Османская империя: проблемы внешней политики и отношений с Россией. – М., 1996

48. Моисеева Г.Н. Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. – Л.,1980

49. Наякшин К. К вопросу о присоединении Среднего Поволжья к России – ВИ. 1951. № 9

50. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVIIв. – М.–Л.,1948

51. Орешкова С.[Ф]. Османская империя и Россия. К вопросу о формировании культуры межгосударственных отношений в евразийском пространстве. – Евразия: Народы. Культуры. Религии. – 1996, № 1 (4)

52. Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго–Восточной Европы в XV–XVI вв.: главные тенденции политических взаимоотношений. –М.,1984

53. Очерки по истории Башкирской АССР. – Уфа, 1956

54. Пайпс Р. Россия при старом режиме. – М., 1993

55. Памятники литературы Древней Руси – М.,1985

56. Пантин В.И. Русь и тюркские государства Поволжья: взаимоотношения природы и общества. – Генезис кризисов природы и общества в России. – Вып. 2.: Материалы 2 научной конференции «Человек и природа – проблемы социоестественной истории». – М.,1994

57. Перетяткович Г. Поволжье в XV и XVI веках (очерки из истории края и его колонизации). – М.,1877

58. Плюханова М. Сюжеты и символы Московского царства. – М.,1995

59. Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен .–Т.1.– М–П., 1923

60. Рычков П. Опыт Казанской истории древних и средних времян. – СПб.,1767

61. Сафаргалиев М.Г. Присоединение мордвы к русскому централизованному государству – УЗ Мордовского ун–та –1964

62. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. – СПб., 1887

63. Смирнов И.И. Восточная политика Ивана IV.– 120 лет Ленинградскому государственному университету. Научная сессия. Тезисы докладов.–Л.,1939

64. Смирнов И.И. К вопросу о суде над Максимом Греком – ВИ, 1946, № 2–3

65. Смирнов И.И. Восточная политика Ивана III –ИЗ. –Т.27.–1948

66. Смирнов Н.А. Россия и Турция в XVI–XVII вв. –Т.1.– (УЗ МГУ, вып.94). – М.,1946

67. Смирнов Н.А. Кабардинский вопрос в русско–турецких отношениях XVI–XVII вв. – Нальчик, 1948

68. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. – Кн. III, Тт.5–6. М.,1960

69. Татищев В.Н. История Российская. – T.VI. – М.–Л.,1966

70. Усманов М.А. К истории Джучидо–Османской дипломатической документации – Советское востоковедение. Проблемы и перспективы. – М.,1988

71. Усманов М.А. 1997 – Беседа В.В.Трепавлова с М.А.Усмановым «Соседи называли их «татарами» – Родина, 1997, № 3–4

72. Фаизов С.Ф. Современная турецкая историография о русско–турецких и русско–крымских отношениях XVI–XVII вв. – Историографический сборник. – Вып.14. – Проблемы политической истории России и зарубежных стран. – Саратов,1989

73. Фахретдин Р. Казан ханнары.– Казан,1995

74. Хорошкевич А.Л. Опричнина и характер Русского государства в советской историографии 20–х – середины 50–х годов. – История СССР, 1991, №6

75. Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. –(воспроизведение текста первого издания 1923 года).–М.,1991

76. Чистякова Е.В. А.И.Лызлов и его «Скифская история». – Лызлов А.И. Скифская История. – М.,1990

77. Шишкин Н.И. История города Касимова с древнейших времен. – Рязань, 1891

78. Шмидт С.О. Предпосылки и первые годы «Казанской войны» (1545–1549) – Труды МГИАИ.–Т.6.– М.,1954

79. Шмидт С.О. Восточная политика России накануне «Казанского взятия» – Международные отношения. Политика. Дипломатия. XVI–XX века. – М., 1964

80. Bennigsen A. L'expedition turque contre Astpakhan en 1569 – Cahiers du monde russe et sovietique (далее CMRS). 1967, vol. VIII, № 3

81. Bennigsen A., Lemercier–Quelquejay Ch. Le khanat de Crimée au debut du XVI siècle. De la tradition Mongole a la suzerainete ottomane. – CMRS, 1972, vol. XIII, № 3

82. Cantemir Demetrius. Histoire de l'impire othoman on se voyent causes

de son aggrandissement et de sa decadence. Traduite en franşais par M. de Joncquieres. – T.II. – Paris,1743

83. Coles P. The Ottoman impact on Europe. – L.,1968

84. Fisher A.W. The Russian annexation of the Crimea. 1772–1783. – Cambridge,1970

85. Fisher A. W. Muscovite–Ottoman relations in the sixteenth and seventeenth centuries. – Humaniora Islamica. An annual publication of Islamic Studies and the Humanities. – Vol. I (1973). – Mouton–The Hague–Paris, 1973

86. Fisher S.N. The Foreign Relations of Turkey 1481–1512. – Urbana,1948

87. Gokbilgin T. L'expedition ottomane contre Astrakhan en 1569 – Cahiers du monde Russe et Sovietique –Vol. XI, №1 – Paris–La Haye, 1970

88. Hammer J. von Geschichte des Osmanischen Reiches.– Bd.3.– Pest,1828

89. Huttenbach H.R. Muscovy's Conquest of Muslim Kazan and Astrakhan, 1552–1556. The Conquest of the Wolga: Prelude to Empire. – Russian Colonial Expansion. – L – N–Y., 1988

90. Inalcik H. Osmanli–Rus rekabetinin mensei ve Don – Volga kanali tesebbusu.– Turk Tarih Kurumu. Belleten, 1948, C. XII, №46

91. Inalcik H. The Ottoman Empire. The classical Age 1300–1600. – London,1973

92. Keenan E.L.(Jr.) Muscovy and Kazan: Some Introductory Remarks on the Patterns of Steppe Diplomacy – Slavic review. – v. XXVI. – №4, – dec.1967

93. Keenan E.L. The Paradoxes of the Kazanskaya Istorya –The Annals of the Ukrainian Academy of Science in the US. – Vol.XXXI–XXXII. – N–Y,1967 (I)

94. Keenan E.L. Coming to Grips with the Kazanskaya Istorya. – The Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Science in the US. – Vol. XI, № 1–2. – N–Y,1968

95. Le Khanat de Crimee dans les archives du Musee du palais de Topkapi. – Paris,1978

96. Kortepeter C.M. Ottoman Imperialism during the Reformation: Europe and Caucasus. – N–Y –L.,1972

97. Kurat A.N. The Turkish Expedition to Astrakhan in 1569 and the Problem of the Don –Volga canal. – The Slavonic and East European Review, 1961, vol.40, № 94

98. Kurat A.N. Rusya Tarihi. – Ankara,1993

99. Lebedeff O. de Abrege de l'Histoire de Kazan offert aux membres du

XII–me congres des orientalistes. – Roma.,1899

100. Lemercier–Quelquejay Ch. Les khanats de Kazan et de Crimee face a la Moscovie en 1521. – CMRS. 1971, vol. XII, № 4.

101. Mowat R.B. A History of European Diplomacy. 1451–1789. – L.,1928

102. Pelenski J. Russia and Kazan. Conquest and imperial Ideology (1438–1560s). – The Hague–Paris,1974

103. Rywkin M. Preface. – Russian Colonial Expansion. – L – N–Y., 1988

104. Sevcenko I. Moscovy's conquest of Kazan: two views reconciled. – Slavic review. – v. XXVI. – №4, – dec.1967

105. Uzuncarsili H. Osmanli tarihi. Cilt 1–4. – Ankara, 1947–1956

Мария Иванич

«Дафтар–и Чингиз–наме» как источник по истории кочевых обществ

Сборник *Дафтар–и Чингиз наме* известен в научном мире еще с начала XIX века. Он содержит три повести, родословную Едигея, перечисление местопребываний ханов и событий типа летописи. В первых двух повестях рассказывается о таких значительных личностях мировой истории, как Чингис–хан и Тамерлан, главные герои других – поволжские исторические лица. Объектом моего исследования является только повесть о Чингис–хане.

Прежние исследования уже выяснили, что сборник *Дафтар*, составленный на рубеже XVII и XVIII веков, содержит мало исторически достоверных сведений. Его можно воспринимать, скорее, как литературную обработку сильно фольклоризированных преданий, чем источник исторических данных[1]. Не отрицая этого факта, хотелось бы все же указать на то, что в данном произведении сохранилось большое число опосредованной информации, которая не встречается в других источниках.

Знакомому с историей тюркских народов читателю хорошо известно из исследований В.В.Трепавлова, что монгольское общество переняло государственный строй тюркских и уйгурских каганатов, развило его, а затем передало в наследство Золотой Орде и образовавшимся из нее государствам[2]. Несомненно, что и мир монгольских преданий унаследовал элементы этих культур иногда без изменений, иногда в раздробленной форме. С течением времени различные культурные слои перемешались, но в редких случаях они надстраивались друг над другом в таком же порядке, как и элементы государства. Одним из таких исключительных случаев является *Дафтар–и Чингиз–наме*, в трехчастном построении которого – в повестях о Дуйын–Байане, Чингиз–хане и родах, выбравших его ханом, – отражаются древнетюркские, монгольские и золотоордынские сказания.

Первый слой – повесть о Дуйын–Байане. Дуйын–Байан рождается от красавицы, которую держали в тереме за закрытыми

дверями и окнами и которая зачала его сверхъестественным образом от солнечного луча. В этой части нетрудно узнать известный из сказания о происхождении предполагаемых предков уйгуров гао–гюй[3] мотив о заточении в башне красавицы, а также распространённый в Евразии от тунгусов через персов до греческой мифологии мотив зачатия от луча. Эта легенда была популярна не только у степных народов, но через купцов дошла до самой Италии и стала известной частью *сказаний круга Аттилы*[4]. Это – основание, на которое накладывается уже монгольский слой: сказание о происхождении Чингиза.

Согласно сохранившейся в *Дафтаре* легенде, Чингиз–хан родился сверхъестественным образом. Его отец, Дуйын–Байан умер, но после смерти спустился в шатер своей жены Алангу с неба в виде яркого луча, а затем в образе волка удалялся оттуда с криком «чингиз, чингиз!». От этого посещения родился затем Чингиз[5]. Эта сверхъестественная тотемистическая версия о происхождении Чингиз–хана в монгольских и персидских летописях в соответствии с предписаниями буддизма и ислама проявлялась в антропоморфном переосмыслении. В *Сокровенном сказании монголов* луч света превращался в *светло–русого человека*, а от тотемического животного осталось только одно сравнение: «удалялся, словно желтый пес»[6]. Историческое значение этой части *Дафтара* состоит именно в том, что в нём сохранилось, вероятно, более раннее (может быть оригинальное), монгольское предание о зачатии от луча и предка–волка. Одну ветвь этой традиции представляет *Чингиз–наме*, другую – исторические работы, написанные для Тимуридов[7]. В любом случае, это доказывает, что в среде поверхностно-исламизированных тюркских племен продолжала жить легенда о Чингиз–хане, отличающаяся от дошедшей до нас в *Сокровенном сказании монголов* канонизированной традиции.

Третий, самый поздний слой *Дафтара,* является уже плодом истории Золотой Орды. В нем по поводу Чингис–хана рассказывается как об основателе в степи новой империи (улус). Известно, что для основания новой империи необходим, прежде всего, харизматический вождь. Харизму предает Чингизу его сверхъестественное происхождение, приличный правителю внешний облик

(*ǰäbrā'il körkli erdi, yüzin körgän kiši artïndïn öläyin der erdi, qašïnda olturġanlar may deg irür erdi*) и его справедливость[8]. Согласно *Чингиз–наме,* признаками хорошего властителя являются: доверие к бекам и старейшинам родов, строгое соблюдение общественной иерархии, справедливость. Так как братья Чингиза не соблюдали этот прицип, роды восстают и поддерживают Чингиза. По своим личным качествам Чингизу предстоит унаследовать отцовский трон, но братья покушаются на его жизнь. Опасаясь за свою жизнь, Чингиз скрывается на реке Текелик. Родоначальники, для которых стало нестерпимо тиранство старших братьев, после различных испытаний находят Чингиза и призывают его на ханский трон.

Из этого отрывка ясно, что, хотя вся повесть построена на приходе Чингиз–хана к власти, она мало связана с известной из *Сокровенного сказания* борьбой за власть, которую Чингиз–хан вел с различными монголо– и тюркоязычными племенами. И это не случайно. В *Дафтаре* Чингиз становится ханом не благодаря своим усилиям, он приходит к власти по призыву глав родов, беков. В этой части отражается практика Золотой Орды, где ханы садились на трон с согласия беков и с помощью беклерибека. Чингиз–хан здесь не историческое лицо, а идеализированный степными тюркскими племенами прототип хорошего правителя. Можно сказать, что эта часть *Чингиз–наме* представляет собой своеобразное «степное *зерцало королей*», которое преследует дидактические цели, показывая на примере Чингиза признаки хорошего и плохого правителя.

Немалый интерес вызывают и родоначалники, пришедшие, по *Дафтару,* за Чингизом:

Уйшин–Майкы–бек.

Уйшин–Майкы–бек – одно из реальных лиц, упомянутых в *Дафтаре*. Он был одним из четырех военачальников, которых Чингиз передал своему сыну Джучи. У Рашид ад–Дина он выступает под именем Байку; происходил из рода хушин и командовал правым крылом войска Джучи, то есть в любом случае жил в первой половине XIII века[9]. Согласно татарским шаджаре, Майкы – сын Джейельхана[10]. В башкирских шаджаре Майкы–бек сын Тюмен–бека, прародителя племени Табын[11]. Не случайно перечисление родоначальников начинается с Уйшин–Майкы–бека. В нашей

истории именно он попросил у Аланго ее кольцо и этим подтвердил Чингизу, что беки посланы действительно от нее. Кольцо и тот факт, что Уйшин–Майкы–бек мог садиться рядом с Чингизом на телегу, означали, что в будущем он займет роль беклерибека.

Калдар–бек.

Калдар–бек также является исторической личностью. Согласно татарским шаджаре, он перекочевал в XIV веке из района Крыма и Черного моря в улус Булгар Золотой Орды[12]. Он был потомком хана Бачман/Пачман, который в 1237 году оказал сопротивление монгольским завоевателям. Хан Бачман принадлежал к роду ёлберли/ёлперли восточных кыпчаков. По исследованиям Д.М.Исхакова, относящиеся к Казанскому ханству источники упоминают Калдар–бека среди Арских князей. Это значит, что Калдар–бек был одним из четырех карачи–беков и мог быть вождем татарских кыпчаков[13]. В *Чингиз–наме* Калдар–бек простой, незнатный человек. Он – сын Ялына, за которого заплатили окорок животного и подарили Аланго. Хорошо известную из *Сокровенного сказания монголов* параллель *Чингиз– наме* дополняет тем, что приписывает Калдар–беку изобретение и изготовления повозок[14]. Незнатное происхождение такой значительной исторической личности, как Калдар–бек, можно объяснить тем, что во время составления *Чингиз–наме* институт карачи–беков был давно забыт.

Урдач–бек.

Урдач–бек был прародителем башкирского племени Минг. Его полное имя в *Чингиз–наме* Минг Садаклы Урдач–бек, то есть Урдач–бек с тысячью колчанов. Согласно *Чингиз–наме,* он получил это имя потому, что был весьма богатым человеком и когда шел в бой, брал с собой войско с тысячами стрелков из луков[15]. По Р.Г.Кузееву, он перекочевал на север после 1358 года из района Сырдарьи. Предположительно Урдач–бек идентичен Санаклы–хану, которого источники упоминают на Сырдарье[16].

Кыпчак–бек.

В случаях имен типа Кыпчак–бек трудно решить, обозначает ли это имя только главу данного племени, или это – его собственное имя. Р.Г.Кузеев полагает, что в средние века вождей племен нередко называли этнонимом племени, главой которого они были. Кыпчаки – этнос, который присутствует у всех степных народов

Юго–Восточной Европы. В нашем случае можно предположить, что речь идет о племени кыпчаков юго–восточных башкиров, потому что они имеют те же атрибуты рода, что и кыпчаки, упомянутые в *Чингиз–наме*[17].

Тамйан–бек.

Тамйан–бек глава рода юго–восточных башкиров Тамйан, который, согласно шаджаре, в 951/1553–54 году, а на самом деле в 1552 г. покорился Ивану Грозному после взятия Казани[18].

Кераит–бек.

Кераит–бек – глава подвергшегося тюркизации племени монгольского происхождения, которое было как среди татар, так и среди башкир и казахов[19].

Буркыт–бек.

В татарских шаджаре упоминается как Боркит/Бортик/Буркат/Буртак–бек. Согласно шаджаре, буркуты перекочевали из Крыма в район Урала. Сохранилось два варианта шаджаре Буртак–бека. Родовые атрибуты во втором варианте идентичны с упомянутыми в *Чингиз–наме*[20].

Тимур–Кутлу–бек.

Предполагается, что Тимур–Кутлу–бек тождествен хану Тимур–Кутлугу, который с 1397 по 1400 г. был ханом Золотой Орды[21].

Мутйан–бек.

Имя Мутйан–бек – результат чередования в имени Муйтен. Муйтен-бек – прародитель племени юго–восточных башкиров Усерган, сын Токсаба. Согласно шаджаре племени Усерган, прародитель племени Муйтен жил в долине Сырдарьи. Оттуда они перекочевали на Арал, а затем с Арала на запад. Муйтен считается не только прародителем племени Усерган, но и всего башкирского народа[22].

Тангут–бек.

Тангуты покорились Чингиз–хану перед его смертью в 1227 году. Упоминание о них здесь – явный анахронизм[23].

Среди десяти родоначальников, которые отправились за Чингизом, девять представляли свои роды, в то время как один, Калдар–бек, был особым посланником матери Чингиза Аланго. Однако не весь улус был согласен с избранием нового хана. Среди противников были, естественно, старшие братья Чингиза Бодончар,

Кагынчар, Салчут и присоединившийся к ним Конгырат–бек. Здесь *Чингиз–наме* явно переосмысливает некоторые места *Сокровенного сказания* и Рашид ад–Дина. Согласно *Сокровенному сказанию,* у Алан–гоа после смерти мужа родились трое сыновей: Бугу–Хадачи, [Бухачу]–Салчжи и Бодончар. Таким образом, Бодончар никак не старший брат, а прародитель рода Борджигин, из которого происходил и сам Чингиз–хан. Салчут – не собственное имя, а имя монгольского племени (Салджиут), представители которого считали своим предком Салджи. Имя Кагынчара не встречается ни в одном упомянутом историческом источнике. Имя Бодончар–Кагынчар – двойное имя, обозначающее два лица, состоящие в родственных отношениях. Можно встретить подобные имена и в других повестях, входящих в наш сборник, например, Амет–Хамет, Ихсан–Инсан. Эта традиция до сих пор сохранилась в татарских семьях[24].

Четвёртый противник Чингиса – Конгырат–бек, глава самого влиятельного в Золотой Орде, подвергшегося тюркизации, монгольского племени. Его значение иллюстрирует тот факт, что ханы Джучиды часто брали из этого племени жен, а тамга конгыратов в дальнейшем стала тамгой династий, вышедших из Золотой Орды[25].

Несмотря на искаженное имя Кагынчара, всё же в рассказе о четырех родах, выступавших против Чингиз–хана, есть доля истины. Из *Сокровенной истории монголов* известно, что против Чингиза и Онг–хана заключили союз действительно четыре племени (катакин, салджуит, дурбан, татар) и в 1201 году выбрали Джамука гур ханом. Согласно Рашид ад–Дину, к этому союзу присоединился и Конгырат–бек[26].

Если внимательно рассмотреть список родоначальников, которые выбирали Чингиза ханом или выступали против него, можно заметить, что, наряду с полулегендарными прадедами и историческими личностями, встречающимися в других источниках XIII века, в тексте упоминаются и лица, о которых достоверно известно, что они жили в конце XIV века. Таким образом, маловероятно, что описанные в *Дафтаре* родоначальники соответствуют вождям союза, действительно существовавшего в конце XVII века. Еще менее вероятно, что они представляют определенный народ. Эту часть *Чингиз–наме* надо рассматривать как слепок исторической

памяти конца XVII века. Однако это нисколько не мешает нам делать общие выводы о союзе, созданном Чингиз–ханом и присоединившимися к нему племенами.

После избрания хана он и главы родов заключили союз. Это был союз равных, о котором образно говорили таким сравнением: хан дорожит своими беками, «как бровью над глазом» (*beglärni tamāmïsïn köz üstündä qašï teg körür erdi*). После совместного пира они держали совет о дальнейших действиях. Первым шагом было физическое уничтожение противников. Это не обязательно означало полное истребление. Хотя старейшин четырех родов, не принявших Чингиза и убили, их сыновей помиловали, чтобы не оборвались их роды[27].

Затем следует самая интересная часть нашего источника – как победители организовали новый улус? Обращает на себя внимание тот факт, что сыновей побежденных не отлучили от власти. Они стали равноправными членами союза племен и так же участвовали во всем, как и остальные. В процессе преобразований один из десяти родов исчез (Тангут). К девяти родам присоединились оставшиеся в живых сыновья четырех вождей–противников Чингиза, плюс два главы башкирских родов (Бурджан–Бек и Джорматы–Бек), о которых ранее не упоминалось. Таким образом, новый союз состоял из 15 родов.

На основе анализа родовых имен можно установить, что состоящий из 15 родов союз племен показывает типичную для степи смесь тюркских и монгольских элементов. Так как речь идет о Поволжье, естественно, что в нем сильнее представлены роды, относящиеся к языковой ветви кыпчаков, которые позднее войдут в этнический состав башкир, татар и казахов. Монгольский элемент представлен пятью родами, к тому времени подвергшимися сильной тюркизации: Конгырат, Кереит, Кият, Катай и Салчут.

Первой задачей правителя было выделить родоначальникам территории кочевья (*орун–макам*), однако наш источник, к сожалению, их не перечисляет. Под их власть были отданы группы народов (*baẃ baẃ ẖalq qïlïb ayurdï*). Каждому роду было выделено дерево и птица–тотем, тамга и уран. На основе анализа названий деревьев территорию проживания этих родов можно отождествить с Поволжьем, в то же время наличие таких южных пород деревь-

ев, как сандал, платан указывает на то, что род перекочевал с юга. Связь между деревом рода и птицей–тотемом недавно исследовала венгерский этнограф–монголист Каталин Кёхалми[28] (Kőhalmi Katalin) на примере предка Чингис–хана Бодончара. По параллелям, присутствующим в сибирском фольклоре, она показала, что дерево рода – это место, где находятся души будущих членов рода в образе птиц. Если они пытаются убежать оттуда, душа шамана племени в образе хищной птицы собирает их и снова вешает на дерево. Таким образом, дерево и птица символизируют собирание народов и рост власти рода и улуса. Этой теории немного противоречит тот факт, что, хотя большая часть птиц рода, упоминаемых в *Дафтаре,* хищные, однако, среди них есть несколько, не относящихся к этой категории (гусь, журавль и голубь).

Два других атрибута: уран (боевой клич) и тамга (знак собственности) служили физическому выживанию и материальной безопасности рода. В бою, в темноте члены рода узнавали друг друга по урану. С помощью тамги обозначалось имущество рода. Из чего мог происходить уран? Треть урана составляют названия племен (Токсоба, Барлас, Алач, Конгырат, Байконгырат). Р.Г.Кузеев считает, что это – названия племен, из которых выделился род. Например, из названий племен половцев арабские источники, в первую очередь, упоминают племя Токсоба, название которого затем стало ураном у башкирского рода кипчаков. Уран с именами птиц и зверей (ак тоган, arbörü), могут быть тотемистического происхождения и служить призывом на помощь к тотемистическому предку. Остальные ураны являются или призывающими на битву, кличем (салават), или означают какое–то свойство (аруджан). В нашем случае нет примера перехода тамги в уран и, наоборот, как у башкирских родов[29].

С помощью тамги обеспечивалось имущество рода. На каждом животном стоял знак владельца. С помощью тамги обозначали и родовую принадлежность на надгробных памятниках[30]. Кроме этого тамга означала своеобразную политическую легитимность. Известно, что в Крымском ханстве крымские роды собирались на выборы хана в месте под названием Кайалар Алты (Под скалами), там, где на скале были высечены тамги родов. Сходное культовое место мог обозначать в юго–восточной Башкирии уста-

новленный на горе «Имен» – дубовый столб, на котором были выжжены тамги семи племен, образующих племенной союз юго–восточных башкир[31].

Ханы Золотой Орды чеканили свои тамги на монетах, а на грамотах крымских ханов на печатях была вырезана так называемя «тарак тамга»[32]. Таким образом, тамга проделала у тюркских народов длинный путь от знака собственности до символа государственного суверенитета.

По жанру *Чингиз–наме* относится к большой группе эпических произведений степных народов, в которых относящиеся к языковой ветви кыпчаков возводят свое происхождение к Чингиз–хану, а относящиеся к огузам, к Огузу–хану и связывают свои легенды с этими личностями[33]. Это не значит, однако, что кыпчаки знали только *Чингиз–наме* и наоборот. Абульгази, например, в своих произведениях пользовался обоими источниками. Так как эти произведения рассказывают о народах, живших в примерно одинаковых условиях, в них много общего: объяснение родовых имен, порядок раздачи мяса на общей трапезе, упоминание тамги и онгон родов. Эти составные элементы проявляются в произведениях не в одинаковых пропорциях. Например, в отличие от *Огуз–наме*, объяснение родовых имен не является важным элементом. *Чингиз–наме*, которое занимается этим всего в двух случаях (Кият Бек и Минг Садаклы Ордач Бек)[34], также не содержит описания традиций общей трапезы. Однако тамга и птица рода во всех произведениях имеют основополагающее значение (как важнейшие атрибуты рода). Если сравнить 24 тамги из *Огуз–наме* у Рашид ад–Дина и 15 из *Чингиз–наме*, выяснится, что только два из них (хамза и куюшкан/подхвостик) совпадают. При сравнении с данными Абульгази также только две тамги общие (айтамга и куюшкан). Это говорит о том, что авторы не копировали друг друга, а давали реальные тамги известных им родов.

Если определить место *Чингиз–наме* среди упомянутых произведений, во–первых, можно установить, что в то время как *Огуз–наме* Рашид ад–Дина и Абульгази скорее рассказывают историю империй, которые образовались в результате покорения различных народов, *Чингиз–наме* сосредоточивается на родовой истории. Во всяком случае, это единственный источник, в котором од-

новременно присутствуют все четыре основных признака родов: дерево и птица рода, его уран и тамга. В *Огуз–наме* встречаются лишь птица и тамга рода и, за исключением единственного упоминания, нигде не встречается уран. Очень важной особенностью является то, что *Чингиз–наме* приводит не только графическое изображение тамг, но и последовательно всегда дает их имя (несколько примеров этого можно найти и в башкирских шаджаре). В большинстве случаев изображение соответствует названию, что одновременно указывает на происхождение тамги. Важный вопрос: насколько дерево, птица, уран и тамга Чингиз–хана, представленные в *Дафтаре,* соответствуют исторической реальности. Уже М.А.Усманов обратил внимание на то, какими точными знаниями о времени рождения и смерти Чингиз–хана обладал анонимный автор и предполагал, что он должен был располагать о нем и другими исторически достоверными сведениями. Из–за скудности имеющихся в наших руках данных, пока невозможно решить этот вопрос.

Насколько нам известно, в других источниках нет примера того, чтобы хан раздавал родоначальникам снабженный различными именами предмет вооружения, *sawut*, т.е. кольчугу, для того, чтобы они внушали страх врагам. Это место *Чингиз–наме* весьма трудно интерпретируется. Не ясно, называли ли каждую кольчугу своим именем потому, что они были очень ценными, или имена были связаны с имеющимися на кольчугах изображениями. Возникает также вопрос, что это были за изображения – тамга или тотем. Для обоих случаев имеются параллели. В написанном уйгурским письмом в XIV веке *Огуз–наме* имя тамги Огуз–хана *buyan*[35]. Значение слова *buyan* заслуга. *Buyan*–тамга Огуз–хана позднее появляется в *Чингиз–наме*, но не в качестве тамги, а как название *sawut* Чингиз–хана. Итак, можно предположить, что первоначальный знак *buyan*–тамга попал на его кольчугу, после чего эту кольчугу стали называть также *buyan–sawut*.

Другой пример – Уйшин–Майкы–бек. Имя *sawut* Уйшин–Майкы–бека *sïgïr*. По–турецки *sïgïr* значит вол и можно предположить, что на подаренной родоначальнику кольчуге была изображена голова вола[36]. Изображение тотемического предка на кольчуге или на щите имеет параллель и в одной венгерской летописи (Képes

Krónika–Иллюстрированная Летопись) 1358 года, в которой на щитах и панцирях венгерских родначальников встречаются изображения тотемических птиц рода[37]. Интересно, что первые венгерские короли сохранили эту традицию и после принятия христианства, но символика изменилась: вместо тотемического животного на щитах и кольчугах появился венгерский герб с тремя холмами и шестиконечным крестом. Не случайно также, что этот знак носили только первые короли дома Арпадов, которые воевали с печенегами и половцами.

Как ни привлекательны эти объяснения, беда в том, что их нельзя распространить на остальные кольчуги. Как, например, объяснить название принадлежащего Джурмати бию *sawut*'а *on karïš* (десять пядей), или *sawut* Урдач–бека *čäčägöz*. Возникает также вопрос, относилось ли дарение кольчуги вообще к ритуалу назначения главы рода? Откуда предводитель союза племен взял столько кольчуг, была ли это военная добыча? Можно согласиться, что хан дарил кольчуги, хан определял земли для жительства и он же распределял среди родов покоренные народы. Однако остальные атрибуты рода: дерево, птицу, тамгу и уран, только память народа приписывает Чингиз–хану, ведь они возникли в процессе внутреннего развития родовой системы.

Несмотря на множество неразрешенных вопросов, *Дафтар–и Чингиз–наме*, как уникальный исторический источник народов Поволжья, ни с точки зрения содержания, ни по своим литературным достоинствам ни в чем не уступает гораздо более известному *Огуз–наме.* Казанский и Сегедский университеты готовят совместное критическое издание этого произведения в надежде, что после опубликовании текста источника и его факсимиле, *Дафтар–и Чингиз–наме* вскоре окажется в центре внимания тюркологических исследований.

Примечания

1. М.А.Усманов, Татарские исторические источники XVII–XVIII века. Казань, 1972, 97–133.

2. В.В.Трепавлов, Государственный строй Монголской империи XIII века. М., 1993.

3. Н.Я.Бичурин, Собрание сведений о народах. М.–Л., 1950. Том 1.

214–215.

4. Eckhardt, Sándor: Attila a mondában (Аттила в сказаниях). In: Attila és Hunjai (Аттила и его Гунны). Под ред. Németh Gyula. Budapest 1940. 143–216, особенно 170–175.

5. Согласно классификации Tamura Jitsuzy, непорочное зачатие известно у тунгусских и монгольских народов, происхождение от волка можно показать из легенд тюркских и монгольских народов. Liu Mau tsai: Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost–Türken (T'u–küe). I–II. Göttinger Asiatische Forschungen. Band 10. Wiesbaden 1959, 461.

6. Козин С.А. Сокровенное сказание монголов. М.–Л., 1941, 81.

7. Ivanics, Mária: Das neugefundene Altan Debter? (Textkritische Untersuchungen zum Daftar–i Činggis name). In: Historical and Linguistic Interaction between Inner–Asia and Europe. Studia uralo–altaica 39. Szeged 1996, 127–137. Dobrovits, Mihály: The Turco–Mongolian Tradition of Common Origine and the Historiography in Fifteenth Century Central–Asia. In: Acta Orientalia Hungarica 47 (1994), 269–277.

8. Полезно сравнить с принципами, которых придерживался крымский историк, Nidai Remmal Hoca: «Padişahlıġın bir kač levāzimi olur. Biri oldur ki, nesebi âli ola. Atadan ataya šah bin šah ola. İkinci hüsn–ü cemal sahibi ola. Üçünci akil ve dana ola. Dördünci sözine muhkem ola. Altïncï memleketin düşmandan saklıya. Yedinci ahdïna vefa eyleye». Özalp Gökbilgin, Tārih–i Sāhib Giray Hān. Ankara 1973, 35.

9. Рашид–ад–Дин. Сборник летописей. I/2. 1952, 274 и II. 1960, 76.

10. М. Әхмәтҗанов: Татар шәҗәрәләре. Казан, 1995, 29–31, 54. Усманов, 1972, 189.

11. Указанные здесь дерево, птица и уран рода совпадают с данными в *Чингиз–наме*. Р. К. Кузеев: Башкирские шеджере. Уфа , 1960, 156.

12. Имя Калдар–бека встречается в трех из шести вариантов татарского шаджаре Кара–бека. Әхмәтҗанов, 1995, 12–27.

13. Әхмәтҗанов 1995, 12. Д. М. Исхаков: О происхождении «Арских князей» и их месте в этнополитической структуре Казанского Ханства. См.: Заказанье: Проблемы истории и культуры. Казань 1995, 95–98.

14. ЛО ИВАН, В344. 36 б.

15. В монгольском войске только начальники самого высокого ранга, как, например, Боорчи–нойон, глава правого крыла располагали собственной тысячей воинов. Рашид–ад–дин I/2. 1952, 267.

16. Кузеев 1960, 189–90.

17. Дерево, птица и уран совпадают, но тамга не «тарак тамга», а буква «дал» арабского алфавита. Р.Г.Кузеев: Происхождение башкирского народа. М., 1974, 112–117, 355.

18. Кузеев 1960, 101, 182. Кузеев 1974, 112–113.

19. Әхмәтҗанов 1995, 28. Кузеев 1974, 179–181.

20. Дерево, птица и тамга рода совпадают, а уран не указан. Әхмәтҗанов 1995, 42–46. В варианте под названием *Чингиз–наме* это имя встречается в форме Borqitay.

21. Б.Д.Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.–Л. 1950, 378–83.

22. Кузеев 1974, 129, 138–154.

23. Козин 1941, 189–91.

24. Р.Н.Мусина: Дети в татарской сельской семье // Историческая этнография татарского народа. С.В.Суслова, Р.К.Уразманова (ред.). Казань 1990, 110–129.

25. Греков, Якубовский 1950, 100. Кузеев 1974, 182. Однако тамга Конгырат оглы Сенгле ей не идентична (см. таблицу).

26. Козин 1941, 116. Рашид ад–дин I/1, 106. I/2, 117.

27. В *Сокровенном сказании монголов* всех татар перебили, «равняя ростом к железной чеке» (Козин 1941, 123). Рашид ад–дин приводит другое предание, более близкое к *Чингиз–наме*. I/1, 106–107.

28. Kathe U. Kõhalmi, Sibirische Parallelen zur Ethnographie der Geheimen Geschichte der Mongolen. In: L. Ligeti (red.) Mongolien Studies. Bibliotheca Orientalia Hungarica XIV. Budapest 1970, 247–264. Козин 1941.

29. Кузеев 1974, 253.

30. Башки, Имре. Тамги и этнические названия (Вклад тамга–знаков в этногенезе татар.) Татарская археология 1997, № 1, 129–155.

31. Кузеев 1960, 194.

32. М.А.Усманов: Жалованные акты Джучиева Улуса. XIV–XVI вв. Казань 1979, 140.

33. При сравнении пользовалась следующими изданиями: W. Bang–G. R. Rachmati, Die Legende von Oghuz Qaghan. Sitzungsberichten der Preussischen Akademie der Wissenschaften Phil.–Hist. Klasse, XXV. 1932, 683–724. Ebulgazi Bahadur Han, Secere–i Terakime. Hazirlayan Zuhal Kargi Ölmez. Ankara 1996. Рашид–ад–дин, Сборник летописей. том 1. кн. 1. М.–Л., 1952, 80–91.

34. «İmdi kimäni kiya atïb bozgan üčün Qïyat Tumaul Märgän teb ayturlar» B 344, 8v. «Ming sadaklï Ordač yanï ming temäklik andïn kaldï Ordač Biy gayät dä bay kiši erdi uruška čïkar bolsa ming sadaklï kisi birlä čïkar erdi» (B 344, 46r).

35. «Män sin–lär–kä boldum kaǵan, alalïng ya dakï kalkan, damǵa biz–gä bolsun buyan, kök böri bolsun–gil uran» Совпадение заметил уже Щербак. A.M.Scerbak: On the Shief Totem of Ancient Turks (mainly on the basis

of a linguistic material). Türk Dilleri Araştïrmalarï 3 (1993), 203–211.

36. Как известно, на гербе древней Молдавии, в основании которой большую роль играли кыпчаки, также можно видеть голову вола. Dimitrie Cantemir: Moldva leírása. Bukarest 1973, 59. Дмитрий Кантемир: Описание Молдавии. (глава VII. о животных)

37. Képes Krónika [Иллюстрированная Летопись]. Budapest 1964.

Имя	Дерево	Птица	Уран	Тамга	ms. B 344	Савут
Кият Бодончар оглы	лиственница	сокол	аруджан	мотовило		кала
Сенгле Конгырат - Бек оглы	яблоня	голубчатик	конгырат	луна		айколтук
Уйшин - Майки- Бек	ильм	стервятник	салават	носилька		вол
Урдач - Бек	береза	ястреб	алач	ребро		чечегöз
Тамян - Бек	тополь	ястреб перепелятник	тутйа	крюк		куйлексе
Кыпчак - Бек	вяз	беркут	токсаба	гребень		кökйака
Джорматы-Бек	тальник	мышелов	актайлак	синлисинек		он карыш
Кереит - Бек	липа	гусь	арбцру	глаза		уйылма
Мутйан - Бек	рябина	журавль	байконгырат	подхвостик		катыкабак
Бурджан - Бек	дуб	коршун	актоган	джагылбай		коскач
Буркыт - Бек	клен	удут	бурудж	амза		кöрлеч
Катай - Бек Кагынчар оглы	можжевельник	коршун	тайлак	сиру		боз калпак
Калдар - Бек	сандал	голубь	арнав	ковш		чакатургай
Салчут - Бек	ясень	кцйулду	барлас	дом		койурджак
Темир - Кутлу - Бек	ольха	сорока	табан	полугребень		бузав баш
Чингис - хан	платан	ястреб	джанкаба	голова птицы		буйан
Огуз - хан			кökбöри	буйан		
Йочи						каратав
Чадай						алтун сандук
Керäй						бектер
Тули						

Д.М.Исхаков

Родословные и эпические произведения как источник изучения истории сословий Улуса Джучи и татарских ханств

Одной из важнейших научных задач исторической науки является установление реальной картины социальной стратификации позднезолотоордынских татарских обществ и ее связи с более ранними социальными структурами. Применительно к Казанскому и Касимовскому ханствам удалось проследить деление государствообразующих этносов в этих этнополитических образованиях на «татар», бывших верхним сословием, и на «чернь» – ясачников, называвшихся в каждом из них по–разному в зависимости от предшествующей этнической ситуации[1]. Генезис и динамика сословных (на самом деле – этносословных) групп, существовавших в ханствах, заслуживает пристального внимания в связи с тем, что без их изучения невозможно реконструировать процесс складывания татарских этнических общностей средневековья. Между тем, в советской историографии основное внимание уделялось крестьянскому сословию, причем в угоду сложившимся схемам этнического развития татар оно рассматривалось в русле булгарской теории. Сословие же феодалов, исходя из классового принципа, всегда считалось подозрительно–чуждым элементом, недостойным специального исследования. В итоге татарские общества Волго–Уральского региона XV–XVI вв. не получили полноценной исторической характеристики.

Накопленные к настоящему времени материалы показывают, что без изучения феодального («татарского») сословия разобраться в сложной структуре социальной организации, характерной для позднезолотоордынских татарских обществ, не представляется возможным. Эта организация была явно связана с ключевыми формированиями, восходившими к периоду Золотой Орды (Улуса Джучи)[2]. Поэтому исследование верхнего (феодального) сословия, правившего в Казанском, Касимовском, думаю, что и в Крымском ханствах, позволяет установить преемственность между Улусом

Джучи и образовавшимися после его распада татарскими государствами. Ниже этот вопрос будет рассматриваться применительно к Казанскому ханству. Многие источниковедческие проблемы, возникающие в этой связи, подлежат специальному обсуждению по ходу анализа конкретных данных.

Арские князья в Казанском ханстве

В первый раз они упоминаются в русских летописях в 1489 г. при описании присоединения Вятской земли к Московскому государству: «...а Вятчан больших людей и з женами и з детьми изведоша, да и Арских князей». Далее сообщается, что «князь великий (Московский – Д.И.) ... Арьских князей пожаловал... отпустить въ *свою землю* [3] (выделено мной – Д.И.). Уже в конце XIX в. отдельные исследователи обратили внимание, что в некоторых русских летописях, например, Рязанской, «арские князья» названы «князьями Татарскими»[4]. После 1489 г. та группа «арских князей», которая была близка к Вятской земле, вошла в состав Русского государства, что видно из ряда документов. Об этом, например, говорит духовная грамота великого князя Ивана Васильевича (1504 г.): «...Да сыну же своему Василью даю Вяцкую землю всю, городы и волости, и со всем, что к ней потягло, и с арскими князьями, как было при мне»[5]. Кроме того, такой же вывод можно извлечь из анализа опубликованных жалованных грамот «арским князьям» первой половины XVI в.[6]

Рассматриваемая группа «Арских князей» была сосредоточена в крупном населенном пункте с укрепленным городком – Нукрате (другое название – Карино), расположенном в бассейне р.Чепцы недалеко от г.Слободского. Приведу лишь отрывки из жалованных грамот, говорящих об этом. Так, в наиболее ранней из сохранившихся грамот (1505 г.) речь идет об «арских князьях», но в тексте они один раз названы «князьями в Карине»[7]. В грамоте Василия Ивановича, отправленной в 1522 г. на Вятку в «Слободской городок», прямо сказано: «каринские князья... которые живут в Слободском уезде»[8]. Потомки этих князей до конца XVIII в. отчетливо помнили о принадлежности своих предков к группе «арских князей». Например, в «Наказе», подготовленном в 1767 г. для Ека-

теринской комиссии, служилые татары Слободского уезда писали: «Предки наши были Арские князья, и до взятия еще царем Иваном Васильевичем города Казани... в вечное подданство подписались служить великому князю Василию Ивановичу»[9]. Историческая память в данном случае не подводила татар, тем более, что они опирались на имеющиеся у них на руках тексты жалованных грамот[10]. Поэтому можно присоединиться к мнению такого знатока истории Вятского края, как А.А.Спицын, который полагал, что до 1489 г. рассмотренные выше «Арские князья» входили в состав Казанского ханства, но затем перешли на русскую службу, впрочем, «тянули больше к Казани, чем Москве»[11].

Но другая часть «Арских князей» продолжала находиться на территории Казанского ханства. Центром их был г.Арск, о чем свидетельствует летописное описание за 1496 г., рассказывающее о походе севшего на казанский престол хана Мамука совместно с «Казанскими князьями», на Арск: «...царь Мамукъ...прииде...ратию подъ Арский городок. Арские же князья града своего не здаша, но бишася съ ними крепко...»[12]. Следующие упоминания «Арских князей» относятся к 1531 г., когда они были выделены казанскими послами в Москве как самостоятельная политическая сила (группа) в Казанском ханстве[13]. В последний раз двое «Арских князей» в летописях появляются в 1552 г. Один из них – «Богодан князь Арский» был среди тех знатных лиц, которые пытались уговорить оставшихся в Казани после ухода оттуда хана Шах–Гали, договориться с московскими боярами[14]. Другой – «Арский князь Явуш» находился среди тех, кого казанский хан Едигер–Мухаммед в 1552 г. отправил на Арскую засеку, чтобы не пропустить русские отряды «на Арьское»[15], т.е. в направлении г. Арска. Посылка князя Явуша для прикрытия арского направления не была случайной – в «Казанской истории» говорится, что при взятии в 1552 г. русскими г. Арска в плен попали «князей арских 12, и воевод черемисских 7, и земских людей лутчих избравшие сотников старейшин 300 и всех до 5000 человек»[16].

Показательно, что находившиеся в г.Арске «Арские князья» распоряжались весьма крупным контингентом, включающим и чисто военные подразделения из казаков (на это намекает выражение «людей лутчих», «сотников старейшин» – детальнее см.ниже). Сам

г. Арск был весьма укрепленным населенным пунктом, так как про него в «Казанской истории» сказано: «...острог старый..., аки град тверд, и з башнями и з бойницами». Там находилось «много людей» и острог «берегли велмо, и не бе взиман ни от коих же ратей»[17]. Центральное положение Арска по отношению к территории Арской даруги, его укрепленность, наличие в нем целой группы «Арских князей» со множеством воинских людей позволяет высказать предположение, что город был административным центром этой даруги.

Теперь постараемся выяснить происхождение «Арских князей». Основная информация об этом заложена в сохранившихся генеалогиях представителей этой группы[18]. Но эти генеалогии имеют два недостатка: во–первых, они довольно запутаны и не содержат каких–либо хронологических указаний; во–вторых, имеющиеся родословные почти полностью связаны с той частью «Арских князей», которая проживала в Нукрате (Карино)[19]. Однако разные группы «Арских князей» были тесно связаны друг с другом. Прежде всего, необходимо обратить внимание на одно замечание П.Сорокина, глубоко исследовавшего в конце XIX в. вопрос об «Арских князьях». Он писал, что потомки ветви этих князей – Касимовы из д.Карино (Нукрат), «считают первыми переселенцами в Карино Касима Газыева, будто бы из Арска»[20]. Хотя Касима к числу «первых переселенцев» в Нукрат (Карино) отнести невозможно[21], показательно само выведение его в народной традиции «из Арска». Заслуживает внимания и присутствие в общей генеалогии «Арских князей» имени упомянутого выше на территории Казанского ханства «Арского князя» Явуша в форме «Чуаш» – «Чуваш»–бек. Этот факт важен потому, что не позже 1512 г. отношения между «Арскими князьями», оставшимися на Вятской земле, которая после 1489 г. фактически вошла в состав Московского государства, и Казанским ханством временами могли быть враждебными[22]. Наконец, из генеалогий, записанных в 1784 г. в Нукрате (Карино), видно, что дети Хусаина, чьи братья Мурсеит и Мавлямберди жили в конце XV – начале XVI вв., «в Арской округе... в деревне Шабулате», т.е. на землях Казанского ханства.

Выяснение хронологических рамок генеалогии «Арских князей» дело непростое. Для проведения такой работы центральную

часть этих генеалогий необходимо разделить на две части – до звена Кара–бека и начиная с него. Дело в том, что более древняя часть шеджере (до Кара–бека) датируется весьма приблизительно, тогда как датировка второй половины генеалогии (начиная с Кара–бека) может быть перепроверена и введена в исторические рамки на основе сохранившихся жалованных грамот, эпиграфических и актовых материалов. Сами генеалогические таблицы приводятся в упрощенной форме (см. таблицу 1), так как главная цель в данном случае не выяснение подлинности всех звеньев шеджере, а определение примерной даты жизни известных по документам личностей, фигурирующих в родословных. В конечном счете на этой основе должна быть выяснена общая хронологическая канва генеалогий «Арских князей».

Как видно из генеалогических линий I и II, от известных по историческим документам потомков Кара–бека Малыша (1505 г.), Мурсеита (1505 г.), Сейтяка (1498–1555 гг.) до самого Кара–бека (бея) есть два поколения, время жизни которых может быть примерно определено: судя по данным XVI в., на одно поколение «Арских князей» в этом столетии приходилось 25–40 лет (медиана – около 32 годов), что укладывается в стандарты, применяемые обычно в генеалогических изысканиях – 25 лет на одно поколение. Но прежде чем использовать эти подсчеты приведу высказывание потомка Мурсеита (через его сына Деняша), проживающего в Нукрате (Карино): «У нас имеется шеджере, которое велось с 867 года (1462–63 гг. – Д.И.). Это родословное было длинным, как палас. На самом верху там стояло имя предка Мирсаита...»[23]. Видимо, 1462–63 гг. – это время рождения Мирсаита (Мурсаита) или дата начала его родословной[24]. Отсюда вывод: Кара–бек мог жить в конце XIV – начале XV вв.[25]. Генеалогическая линия III, связь которой с Кара–беком остается невыясненной, до известного по жалованным грамотам Газа бия (Ших) – Мансурова сына, имеет также три поколения, восходя к началу XV в. Правда, эта генеалогия более запутана и ее верхние два «звена» могут быть оспорены. Тем не менее, сохранился документ от 1787 г., посвященный «отыскиванию княжеских прав» татарами д.Нукрат (Карино) Слободского и д.Кестым Глазовского уездов Вятской губ., в котором упоминаются «князья Альзановы» (д.Нижний Погост – часть Нукра-

та) и «князья Альзаковы» (д.Кестым)[26]. Если учесть, что в указанных селениях жили потомки Газы бия (в д.Нижний Погост были и потомки других князей), то в «Ализане» (Агзяне) шеджере можно видеть именно этого князя «Альзана» (Альзака). Стало быть, предок Газы бия Ализан в народной традиции признавался родоначальником части «Арских князей».

Более древняя часть родословной Кара–бека была изучена М.А-.Усмановым и М.И.Ахметзяновым[27]. Последний опубликовал несколько версий шеджере Кара–бека, позволяющих провести реконструкцию родословной по центральной линии до звена «Бачтан (Бачман) султана»: Кара бик – Ханбар (Канбар) бик – Калдар (Калдур) бик – Балым бик (солтан) – Бачтан (Пачман) солтан (хан). М.И.Ахметзянов высказал мнение, что упоминаемый в родословной Бачман султан является предводителем кыпчаков, оказавших в 1237 г. сопротивление войскам Батый хана в низовьях р.Волги. Правда, от Кара–бека до Бачмана числа поколений маловато. Но в родословной они могли сократиться, в т.ч. из–за путаницы в коленах – а некоторые признаки такой путаницы в отдельных вариантах генеалогий Кара бека наблюдаются. В пользу того, что речь в родословных идет о Бачман султане, говорит историческое предание, записанное П.И.Рычковым у башкирского старшины К.Мулакаева (из Ногайской «дороги» Уфимского уезда), опиравшегося на «татарскую историю», бывшую у него. Там «Басман хан» называется «ногайским ханом», но место его жительства указывается как «Актюба». Оно помещается в 6 верстах от г. Оренбурга[28]. В татарской исторической традиции, отраженной в «Дафтар–и Чингиз–наме» (XVII в.), этот факт признается: «Актюба есть юрт Пачман хана», – сказано в источнике[29]. Между тем, исторический Бачман султан, являвшийся предводителем (эмиром) племени «ольбурлик» из «народа Кыпчак», погиб в низовьях реки Волги[30], где, как известно, есть р.Ахтуба. По данным П.Голдена, olberli (olperli) – это часть правящей группы у восточных кыпчаков («диких половцев»), оказавшихся в Поволжье между 1115–1150 гг.[31]. Судьбу этой группы в период Золотой Орды прослеживает М.И.Ахметзянов, на основе анализа генеалогий пришедший к выводу, что эта группа кыпчаков в золотоордынское время вначале оказалась в Причерноморье и в Крыму, а затем (около 1380–х

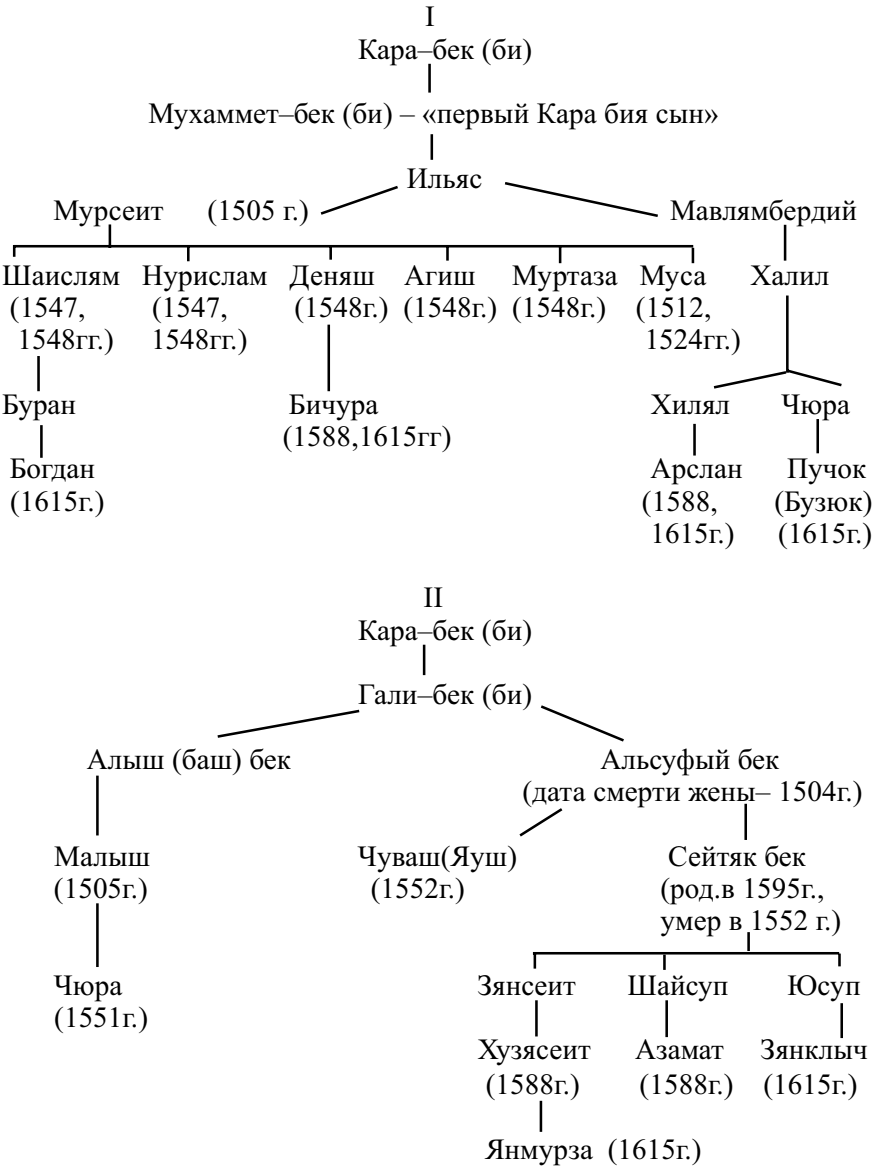
гг.) мигрировала в Волго–Уральский регион, попав в район низовьев рек Белой (Агидель), Яика и Сакмары[32].

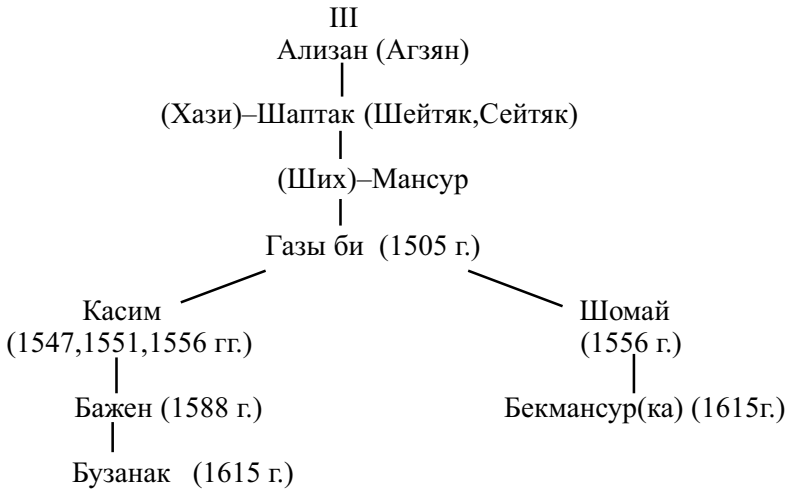
Присутствие кыпчаков в этом районе подтверждается и другими материалами. В частности, имя Калдар–бека, деда Кара– бека, фигурирует среди имен предводителей племен, сохранившихся в «Дафтар–и Чингиз–наме»[33] и явно локализованных в Поволжье. Кроме того, М.И.Ахметзянов в своей новой работе привел данные, показывающие, что и отец Кара–бека – Ханбар–бек, жил в районе р.Камбарка (по которому назван и п.Камбарка в Удмуртии)[34]. Я, со своей стороны, могу добавить, что в лице Балым–бека мы, быть может, имеем дело с легендарным правителем Балымерского городища – «Балым гозей» (Балым – Мәлүм хуҗа)[35]. Не исключено, что встречающиеся в 1367–68 гг. в титулатуре великого князя Нижегородского Дмитрия Константиновича (умер в 1383 г.) сочетание «болгарской и болымецкой» (князь)[36], образовано во второй части от «Балынгуза» (Балымуз ~ Балымес), происходя от имени Балым~Балын бека. Да и название «Балымер» явно производное от него же, означая, по–видимому, «крепость Балыма» (Балым+ыр~ор; последнее слово в тюркских языках обозначает «укрепление, крепость»).

Кыпчакское происхождение Кара–бека и его потомков – «Арских князей» – вытекает не только из генеалогий. Дополнительным аргументом, подтверждающим принадлежность Бачмана и его потомков к кыпчакам, служит существование у башкир рода «Бушман кыпчак» – части племени кыпчак[37]. Территориально в конце XVIII в. «Бушман–кипчакская волость» соседила с «Кипчакской волостью» (Бугурусланский уезд Оренбургской губ.)[38]. Далее, антропонимия из родословной Кара– бека содержит ряд имен, встречающихся именно у тех народов, которые говорят на кыпчакских языках[39].

В некоторых вариантах родословных «Арских князей» нашел отражение высокий статус Кара бека. В частности, в деле, посвященном разбору вопроса о «княжеском и мурзинском» происхождении татар из с.Нукрата (Карино), приводится следующий отрывок из родословной: «...о роде Арасланова от *хана* (выделено мной – Д.И.) Кара бия; у него было 2 сына – Мухаммет и Гали, у Мухаммета Ильяс, у него 2 сына: Мурсеит, Мавлюмберди». Кроме того, в

Таблица 1. Генеалогии «Арских князей»*





* В скобках указаны годы упоминания звеньев родословной в документах. У Сейтяк бека отмечены годы рождения и смерти. Кроме того, он известен по

одной из родословных напротив имени внука Кара–бека Алыш–бека есть приписка – «баш бик», т.е. главный бек. Не соответствует ли это определение титулу «улу бий»? Вполне возможно. Да и сам титул «бек» среди потомков бека передавался не всем – из родословных видно, что один из сыновей Кара–бека был только мурзой. В дальнейшем титул «бек» сохранялся у потомков Гали–бека, который был явно младше Мухаммет–бека, «первого Кара бия сына»[40]. Такая система весьма напоминает передачу «юрта» старшему в клане карача–беев, отчетливо прослеживаемую в Крымском ханстве[41]. Выделение в летописном сообщении 1531 г. «Арских князей» в самостоятельную группу, на мой взгляд, также говорит о том, что они были карача беями, так как в этом сообщении в лапидарной форме перечислены имевшиеся в Казанском ханстве даруги.

Поэтому я считаю, что Кара–бек и другие «Арские князья» принадлежали в Казанском ханстве к одному из кланов карача– беев, а именно, к клану Кыпчак. Этот клан и владел Арской даругой ханства, являвшейся княжеством Кыпчаков. Его территория до 1489 г. доходила до р.Чепцы, но затем несколько сократилась, ох-

ватывая, тем не менее, значительную зону, которая и была известна в начале XVII в. как Арская «даруга». На конце этой даруги «сидели» удмурты, а в центре – «Арские князья» с подчиненным им тюркским населением. Последнее включало в свой состав и «арских татар» – во всяком случае они известны в XVI в. в Нукрате (Карино)[42]. Эти «арские татары», отличные от «Арских князей», были тоже служилым населением. В источниках эти две группы между собой не смешиваются. В Нукрате (Карино) отмечаются еще «чуваши» (XVI – начало XVII вв.), отношение которых к «арским татарам» не вполне ясно, но в ряде случаев те и другие выделены как самостоятельные группы[43]. Это важно потому, что на территории Казанского ханства в 1551 г. отмечаются «Чюваша Арьская»[44], скорее всего, бывшие жителями Арской даруги. Следовательно, на территории Арской даруги кроме «арских чуваш» могли быть и собственно «арские татары» (не князья). Во всяком случае, на это намекает то место из «Казанской истории», где говорится о «сотниках старейшин 300», под которыми надо понимать рядовых татар–казаков. «Арские наездники, казаки» времен взятия Казани в 1552 г. упоминаются в одном татарском предании, написанном в XIX в.[45] Нахождение в Арске во время его осады в том же году 5000 человек (в некоторых редакциях «Казанской истории» говорится 15000), также предполагает значительную военную силу, находившуюся в распоряжении «Арских князей». Об этом же говорит и эффективная оборона «Арских князей» против войск хана Мамука в 1496 г., когда они «града своего не здаша... бишася...крепко»[46]. В данном случае подразумеваются собственные военные силы «Арских князей», так как хан Мамук наступал на Арск вместе с «Казанскими князьями».

Судя по генеалогиям «Арских князей», Арская даруга возникла с самого начала формирования Казанского ханства. Так, Мирсаит (Мурсаит) мог находиться в Нукрате (Карино), бывшем северным форпостом Арской даруги, уже в 1462 г. Нахождение «Арских князей» в Арске к 1496 г. при упоминании в 1469 г. в составе «всей земли», подчиненной хану Ибрагиму, отдельной «Вотяцкой», т.е. «Арской» единицы[47], подкрепляет этот вывод. Я не исключаю, что клан Кыпчак был в числе правящих еще в период существования Булгарского вилайета Золотой Орды, оказавшись в составе

Казанского ханства в результате трансформации вилайета в конце XIV – первой половине XV вв. в новое этнополитическое образование – ханство.

Чура (Чора) батыр: проблема личности и места в феодальной иерархии Казанского ханства

Чора (Чура) батыр – герой распространенного среди многих кыпчакоязычных народов (татар, башкир, ногайцев, казахов, узбеков) дастана. Этот дастан, как эпическое произведение, уже замечен исследователями[48]. Однако личность самого Чора батыра, фигуры, несомненно, реальной, не стала предметом отдельного изучения[49]. Между тем, имеющиеся источники не только позволяют реконструировать важнейшие данные об историческом прототипе героя дастана, но и поднять более широкую проблему о месте Чора батыра в феодальной иерархии тюрко–татарских обществ первой половины XVI в. Существуют две группы источников, на основе которых можно решить поставленные задачи: русского происхождения (летописи, главным образом, Патриаршая или Никоновская, и сочинение XVI в. «Казанская история») и тюркоязычные, в свою очередь подразделяющиеся на две подгруппы – дастаны «Чора батыр» (в ногайском, казахском, башкирском, крымско–татарском, поволжско–татарском, добруджинско–татарском вариантах) и «Идегей», генеалогии Чоры, сохранившиеся у крымских и поволжских татар, а также башкир[50].

Изучение вопроса о личности Чура (Чора)–батыра возможно лишь на основе генеалогий, исторических преданий и дастанов, связанных с ним.

Одно из таких преданий было записано М.И.Ахметзяновым в д.Большая Карагузя (Зур Кәраүҗа) Зеленодольского района Татарстана[51]. Там говорится, что «отцом Кәраүҗа был Кара би. Кара би владел деревней Карабаево» («Карабай авылында ил тотып яшәгән»). Его сын Кәраүҗа поселился на месте д.Малая Карагузя». Далее в предании сообщается о том, как трое сыновей Кәраүҗа основали разные деревни – старший, по имени «Кара Төмән», положил начало д.Каратмен; второй (его звали «Чура бием») обосновался на месте современной деревни Большая Ка-

рагузя (Зур Кәрауҗа), где есть «яма Чура бия»; третий из сыновей поселился на месте д.Кульбаш (Күлбаш*)*. М.И.Ахметзяновым была опубликована еще одна версия предания, которое, при совпадении с первым в общих чертах, имеет и некоторые отличия[52]. Например, старшим сыном Кәрауҗа там назван Чура би. При рассказе о его поселении в Б.Карагузя говорится о построении им укреплений («Чура би үр казып шунда урнашкан»). Место поселения второго указано как д.Яки (Җәке). Еще одно предание из этого цикла приводится А.Рахимом в числе «татарских летописей»: ...(961 г.) (1553–54 гг. – Д.И.). (Чура батыр 3 года воевал)... После того богатырь Чура, выйдя из Газана, совершил второй намаз придя в деревню Карабай (в этом Карабае (ныне) живут русские; по–русски называют Караваево). Придя оттуда вечером ночевал в д.Кол–Сеид... После того пришел в Чурилино. Там жил недолго»[53].

Практически все населенные пункты (исключение составляет Чурилино), упоминаемые в изданиях, расположены недалеко друг от друга. Деревни Карагузя (в источнике – «Корок Коза») и Яки в 1602–1603 гг. фигурируют в составе деревень «Галицкие ж и Алацкие дороги»[54]. Они же, но с добавлением д.Каратмен, отмечены в переписной книге 1678 г., но в числе селений Галицкой «дороги»[55]. Правда, в промежуточной переписной книге (1646 г.) д.«Карок Козя» числится среди деревень Алатской «дороги»[56]. Сложнее обстоит дело с д.Чурилино. Одна деревня под этим названием в 1565 г. была населена «новокрещенами». Но она позже находилась в составе Арской «дороги», в удалении от других населенных пунктов, упоминаемых в преданиях. В то же время в «Памяти» за 1604 г. «деревня Чюрильня» как будто бы отнесена к «Галицкой и Алацкой дороге». Не исключено, что речь идет о разных деревнях, имеющих одинаковое название. Поэтому и д.Чурилино можно отнести к кругу населенных пунктов, входивших в число деревень «Галицкой и Алатской» даруги. Очевидно, все перечисленные селения существовали уже в период Казанского ханства[57].

К настоящему времени известны два варианта родословных Чура батыра. Один из них связан с уже рассмотренным преданием. Оно обнаружено и опубликовано М.И.Ахметзяновым («Кара Гуҗа шәҗәрәсе»)[58]. Другое шеджере опубликовано как «башкирс-

кое»[59], но из содержания родословной видно, что потомки Чуры в конце XVIII в. жили в д.Бикбау, расположенной в устье р.Ик. Это селение упоминается в надписи на надгробном памятнике (1895 г.) из с.Какри–Елга Азнакаевского района Татарстана, где сказано: «В 930–м году по хиджре (1523–24 гг. – Д.И.), во время Буляр хана, истинный мусульманин из типтярского рода Туйыш в деревне Бикбау»[60]. Скорее всего, это та д.Бикбулова, которая в конце XVIII в. была населена башкирами и тептярями, и относилась к Тугузской тюбе Енейской волости[60]. Поэтому в дальнейшем эту родословную я буду обозначать как «башкирско–тептярскую». На первый взгляд, в родословных, представленных в таблице 2, кроме имени «Чура», ничего общего нет. Однако имя «Чура батыр» из генеалогии 1 совпадает с именем главного героя распространенного среди кыпчакоязычных народов дастана «Чора батыр». Отца же эпического Чора батыра звали «Нәрик» (Нарәң, Нурек, Нарик)[62]. Имя Нәрек присутствует в генеалогии II. Уже одно это позволяет протянуть цепочку: эпический Чора батыр – Чура батыр (Чура) из генеалогий – исторический Чура (Чюра) Нарыков. На самом деле для такого отождествления оснований значительно больше. Поэтому я перейду к конкретным материалам на этот счет.

Главное внимание необходимо уделить фигуре жившего в Казанском ханстве в первой половине XVI в. князя Чуры (Чюры) Нарыкова. В первый раз князь Чюра упоминается среди трех лиц, прибывших в качестве послов хана Сафа–Гирея в Москву в марте 1526 г.[63]. Затем Чюру, уже с указанием его фамилии – Нарыков, но без конкретизации титула, мы видим во главе большого (по летописи – «великая рать») казанского отряда, захватившего Жиланский городок (скорее всего, этот отряд действовал в рамках общего похода Сахиб–Гирея на Муром и на нижегородские земли.[64] Зимой 1540 г. (видимо, в феврале – марте) на «Костромские места» приходил другой большой отряд. «Казанских людей» (это были: «казанцы», т.е. татары, «черемиса» и «чуваша»), всего из 8000 человек, во главе с Чюрой Нарыковым. Зимой 1544–45 г. состоялся очередной поход «Казанских людей», на этот раз на «Володимерские места». В летописных сообщениях и других источниках сказано, что у них «в головах» находились «князь Казаньской» Амонак и Чюра Нарыков[65]. 29 июля 1545 г. имя Чюры Нарыкова упо-

Таблица 2. Родословные Чуры (Чура–батыра)

I **Шеджере Кара Гужи**	II **Башкирско–тептярское шеджере**
Кара би	
Кара гужа	Күкәс
Чура би	Нәрек
Чура батыр	Чура
Ресмәт	Уразбакты
Кадермәт	Узи
Гыйззатулла	Кайбиш
Сәйфулла	Хакберди
Нигъматулла	Нурмөхәммәд
Вәлиулла (1851–1921)	Морадбакый
	Габделнасыр (ок. 1779г.)
Габдулла (род. в 1915г.)	Шиһәбетдин
	Хәбибетдин (умер в 1194 г. по хиджре)

минается в летописях в связи с присылкой из Казани в Москву русского боярина с предложением государственного значения. Хотя титул Чюры в данном случае также не указан, он выступает как важная фигура: от имени князя Кадыша и его лично в Москву было отправлено послание с предложением прислать рать; писавшие обещали «царя (хана Сафа–Гирея – Д.И.) и крымцев тридцати человек», оставшихся в Казани, выдать русским. Следующее упоминание Чюры Нарыкова относится к 17 января 1546 года – он назван среди «казанцев», приславших в Москву грамоту и просивших на престол хана Шах–Гали[67]. В ответном послании московского великого князя содержалось обращение к трем знатным казанцам, от которых была эта грамота[68]. Эти данные показывают, что Чура (Чюра) Нарыков входил в число высшей знати Казанского ханства. В последний раз имя Чуры (Чюры) Нарыкова появляется в Патриаршей (Никоновской) летописи 20 сентября 1547 года: приехавшие служить к Ивану IV знатные татары, в числе которых находились и «Чюрины братья Нарыкова», привезли весть о том, что «царь (Сафа–Гирей – Д.И.) въ Казани побилъ Чюру–князя и иных многихъ...»[69]. Интересные данные о смерти князя Чюры Нарыкова содержатся в «Казанской истории». Вначале там говорится о том, что этот князь о хане Шах–Гали «пожеле...сердцем и душою и препаде ко царю (т.е. хану – Д.И.) правдою нелестною, добру помощь ему дал советом..., избавляя царя от неповинныя смерти». Затем рассказывается, как Чура помогал этому хану бежать из Казани, проводив его по Волге. Причем он, якобы, сказал хану: «Аз, царю, вместо тебе умру в Казани, и моя буди глава во твоея место главы. Ты же мною да избавлен буди и не забуди мене, егда будеши преже меня на Москве, пред самодержцем станеши, вспомяня мя ему и о себе». Чура сам тоже хотел бежать за ханом Шах–Гали и сказал ему, чтобы хан ждал его в определенный день в заранее оговоренном месте. Князь собрался со своими домочадцами, с 500 «служащих рабов», а всего воинов («ратников») с ним было до 1000 человек, и бежал спустя 10 дней за ханом. Однако тот его не стал ждать. Казанцы снарядили погоню за Чурой, был сильный бой, во время которого убили Чуру, его сына и «всех отроков его»; в Казань обратно возвратились лишь жены князя и его рабыни[70]. Отзвук этих событий прослеживается и в преданиях, связанных с

«шеджере Кара–Гужи», где сказано: «...за то, что отец Чура батыра Чура би изменил казанскому хану, тот влил в его рот расплавленное серебро, заявив: получай причитающееся, а то тебе (все) не хватало»[71].

Князья Чура Нарыков и Кадыш были инициаторами приглашения на казанский престол хана Шах–Гали, поэтому не удивительно, что взявший Казань с помощью ногайских войск хан Сафа–Гирей «побил» своих противников[72]. Если иметь в виду, что хан Шах–Гали, посаженный на казанский трон 13 июня 1546 г., просидел там ровно один месяц[73], дата смерти Чуры Нарыкова приходится на середину июля этого года.

Таким образом, князь Чура Нарыков жил в Казани и принимал активное участие в политической жизни Казанского ханства между 1526–1546 гг.

Теперь обратимся к вопросу о тождестве Чуры Нарыкова русских документов и Чора батыра дастанов, решаемого на основе генеалогий. Согласно русским источникам, отцом князя Чуры был Нарык, поэтому он и в «Казанской истории» назван «Нарыковичем». В дастанах отцом Чора батыра также выступает Нарык (Нәрік, Нурек, Нарәң, Нарик). Лишь в генеалогии, обнаруженной в Татарстане М.И.Ахметзяновым, отцом Чуры батыра назван Чура би. Однако под последним тоже может скрываться Нарык. Дело в том, что в варианте дастана о Чора батыре, распространенном среди добруджинских татар, при отчетливом высказывании о том, что отцом Чуры (Чоры) был Нарык, в одном месте Чора представляет себя так: «Я Чура, сын Чуры» (Чура улы Чурамын). Но это определение идет сразу после имени Ир–Нарык, как бы в связке с ним[74]. Похоже на то, что Чора батыр именно своего отца Нарыка называет «Чурой». В одном из крымско–татарских вариантов дастана также сохранилось обращение к Нарыку как к «Чоре»[75]. Думаю, что тут это слово применено в смысле вассала – такое его употребление в средневековой тюркской литературе Поволжья известно[76]. В таком случае в отмеченной выше генеалогии под «Чура бием» также надо понимать Нарыка.

Далее обратимся к вопросу о социальном статусе Чуры Нарыкова. Как уже указывалось, он дважды назван в летописях князем (1526, 1547 г.). «Казанская история» дает более детализированную

информацию по данному вопросу – Чура там не только признается «большим князем», но и «властелем казанским», имеющим «власть... надо всеми казанцы». Кроме того, в источнике он еще именуется и «храбрым воеводой»[77]. Заслуживает внимания и описание в «Казанской истории» момента бегства Чуры Нарыкова, когда с ним находилось 1000 «ратных» людей, включая и 500 «служилых рабов»[78]. На основе этих данных можно заключить, что Чура Нарыков являлся крупным феодалом.

Эпический Чора батыр сохранил признаки, отражающие его высокое социальное положение. Прежде всего, в казахском варианте дастана Чора назван «беком»[79], что в русской титулатуре соответствует князю. В рукописной татарской «летописи», переписанной в 1864 г. Нурмухаметом сыном Азмедзяна, «Чура батыр» назван сыном «Малика»[80]. В данном случае «Малик» – это, скорее всего, не имя собственное, а определение социального положения – «хозяин, глава, владелец». В то же время отец Чоры – Нарык, в шеджере башкир племени (рода) тамьян–катай определен как «мирза»[81].

Если верна наша реконструкция сведений из генеалогий «Кара Гужи», то отец Чоры, как и один из его предков, имел титул «би»[82]. В принципе сведения из шеджере башкир племени (рода) тамьян–катай не противоречат остальным данным о титуле отца Чоры, так как мурза с течением времени мог стать беком (бием). Наиболее показательный пример тому – из семьи Чуры Нарыкова: один из братьев Чуры – Ислам, в 1549 г. являвшийся мурзой, к 1552 г. стал «князем»[83]. Из общего ряда сведений о титуле Нарыка выпадает только сообщение казахского варианта дастана, где отец Чоры неоднократно именуется «ханом»[84]. Но этот случай нельзя признать исключительным – как я уже отметил, родоначальник клана Кыпчак Кара би (бек) в некоторых случях также именовался «ханом».

Чора практически во всех версиях дастана фигурирует как «батыр». В поволжско–татарском варианте дастана «батыром» именуется и отец Чоры – Нарык[85]. По–видимому, это воинское звание[86], нашедшее отражение и в «Казанской истории», в которой Чура назван «воеводой». Титул Чуры Нарыкова – князь (бек, би) – не противоречит его званию «воеводы» (батыра), так как знатное лицо, будучи князем, могло одновременно быть и воеводой.

Для установления места князя Чуры Нарыкова – Чора–бека в системе феодальной иерархии Казанского ханства следует проанализировать данные о его клановой принадлежности, которые имеются только в дастанах и в косвенном виде – в некоторых из шеджере. Но этот вопрос в дастанах довольно запутан, и его решение не лежит на поверхности.

С одной стороны, Чора выступает как представитель рода (племени) «тама», что видно из высказываний героя дастана (в виде ответа на вопрос об его «асыл»[87], т.е. его происхождении, но не семейно–родственном, а о родоплеменном):

1. Асылымны сорасаң,-
   Кукес углы тамамән (поволжско-татарский вариант)

2. Асылымны сорасаң,
   Кырымдагы Көкешле Тамганың
   Куылган бер улымын (добруджинско-татарский вариант)

3. Коюмнинъ адыни сорасанъ
   Кокушли кок Тамалыман (крымско-татарский вариант)

4. а) Асылымди сорасанъ,
      Ай тамгалы Тамаман
   б) Асылымди сорасанъ,
      Ноькис улы Тамаман (ногайский вариант)

5. Асылым артык аргынмын.
   Берги атамды сурасан,
   Көк нарлы танамын (казахский вариант)[88].

Из приведенных вариантов несколько отличается лишь дастан, записанный среди казахов, но и он содержит строку, где речь идет о группе «тана». Можно полагать, что правильное название этой группы – «тама», а этнонимы «тана» (казах.) и «тамга» (добр.–тат. – «тама») являются лишь его вариантами[89].

По–видимому, подразделение «тама» входило в более обширную группу, название которой Кокуш–Кукес–Көкеш или Ноькис. Хотя предпочтительнее трактовать этот этноним как нокус–нукус[90],

приходится учитывать и казахскую традицию, согласно которой, один из предков Шора батыра – Тама, происходил от Кугиса (Көгіс)[91].

Одновременно эпический Чора батыр, как только что было показано, в казахской версии дастана выступает как «аргын». Эта линия родоплеменных связей Чора батыра присутствует и в ногайском варианте дастана: «Мен аргын–ман, аргын ман», – заявляет герой дастана[92]. Информация, содержащаяся в казахском и ногайском вариантах дастана, находит неожиданное подкрепление в двух родословных, последняя из которых крымско–татарская:

Шеджере «Кара–Гужа»

Кара би
|
Кара Гужа
|
Чура би
|
Чура батыр

Родословная крымских Аргынов

Кара–коджа бэк
|
Адил бэк — Али Шукур бэк
|
Аджи Ямгурчы бэк (1551 г.)
Джан–Мамбет бэк — Кара бэй (1585 г.)

Связь между двумя родословными идет через звено Кара–Коджа–бека (Кара Гужа). Этот бек в Крымском ханстве считался родоначальником одного из кланов карача–беев – Аргынов[93]. В татарской версии эпоса «Идегей» в нескольких местах[94] о Кара Кужа бие устами хана Тохтамыша также говорится как о главе Аргынов:

1) Аргыннарның башы идең
Кара Кужа батырым.
2) Кара Кужа Аргын би.

Когда в эпосе описывается время сына Идегея, Нурадына, то опять упоминается Кара Кужа...[95].

Приходится признать, что информация о клановой принадлежности Чора батыра противоречива. Но в дастанах можно найти

некоторые детали, которые помогают расшифровать истинную клановую принадлежность Нарыка и его сына Чоры. Так, из варианта дастана «Шура батыр», записанного в конце XIX в. известным татарским фольклористом А.А.Диваевым среди казахов Чимкентского уезда, видно, что люди из рода (племени) «тама» выступают как «верные слуги» Нарикбая, пасшие его скот[96]. Несмотря на то, что в этой версии дастана грозный противник Чора батыра – Али бий, глава 40 тысяч «айрактинцев», обращаясь к Чоре, вопрошает: «Ты не таминец ли, прикочевавший?», таминцы предстают то как «народ», то как слуги Нарыка и Чоры[97]. Понятно, что сеньоры – в данном случае Нарык и его сын Чора – могли иметь иное, чем слуги, происхождение. На это намекает и следующее высказывание Чоры в ответ на реплику Али бия о его принадлежности к группе «тама»: «Прошу не называть меня сыном таминцев, а величать сыном Бога»[98]. Отсюда и вторая линия родо–племенной принадлежности Чоры – аргынская. Она отчетливо представлена не только в дастанах, но и подкрепляется родословной крымских Аргынов. Не лишним будет отметить, что в крымско–татарских версиях дастана «Чора батыр», Кокушле Тама (варианты: Кокушле Кок Тама, Кокушле Кой Тама) в ряде случаев обозначается как место проживания (поселения) Нарыка, а не как обозначение его этнической принадлежности[97].

Думаю, что на самом деле Чора батыр являлся представителем клана Аргын. В то же время установление сложной взаимосвязи групп «тама» и «аргын» остается задачей будущих исследований.

Учитывая, что сеть населенных пунктов, имеющих отношение к Чора (Чура) батыру и к его родственникам, располагалась на территории Галицкой даруги[100], именно Галицкую даругу следует признать княжеством Аргынов в Казанском ханстве. При изучении вопроса о Галицкой «даруге» обнаруживается, что ее территория, по сравнению с другими даругами, имеет урезанный характер. Кроме того, источники четко не отделяют эту «дорогу» от соседней Алатской «дороги». Например, в «Записи от 1564–65 гг. д.Ибря отнесена к «Галицкой и Латской (Алатской)» дороге Казанского уезда[100]. То же самое видим и в писцовой книге 1602–1603 гг., в которой часть населенных пунктов отнесена к «Галицкой и Алацкой дороге», хотя из текста документа следует, что су-

ществовала и вполне самостоятельная «Дорога Алацкая»[102]. Она упоминается и в писцовой книге 1567–68 гг.[103]. Тем не менее, отдельная Галицкая даруга в более ранний период известна. Например, в 1553 г. в Патриаршей (Никоновской) летописи есть следующее сообщение: «А на Галицкой дороге за Казанию рекою»[104]. Так как в этом источнике вслед за приведенным сообщением речь идет о «дорогах» Арской, Ногайской и Чювашской, т.е. о реально существовавших в Казанском ханстве даругах–княжествах, то и в Галицкой «дороге» надо видеть такую же административно–территориальную единицу. Именно о ней, по моему мнению, говорится в «ногайских делах», относящихся к 1550 г. В документе (это – грамота Ивану IV детей князя Ногайской Орды Юсуфа, Юнуса и Алия мурз) ногайская знать предлагает Москве организовать совместный поход на Казань («Казань воевати»), взяв на себя вторжение на земли Арской даруги. Ивану IV при этом отводится следующая роль: «...а твоя бы рать Окречскую дорогу, да Ногайскую дорогу, да Якийскую дорогу отняли»[105]. «Якийская дорога» тут была названа по населенному пункту Яки. Последний известен из писцовой книги 1602–1603 гг.[106] По переписной книге 1646 г. эта деревня фигурирует в составе Алатской «дороги»[107], тогда как по переписной книге 1678 г. она включена в число селений Галицкой «дороги»[108]. Поэтому в «Якийской дороге» надо скорее видеть «Галицкую дорогу». Кстати, «Галицкая дорога» отмечена и в дозорных книгах В.Белкина (1601–1602 гг.)[109]. Населенный пункт под названием «Яки»[110], как я покажу далее, выполнял функцию ее центра. Мне представляется, что Галицкая даруга подразумевается и при описании событий, связанных с «посылкой по улусам» в 1553 г., когда «государь послал по всем улусам чернымъ людямъ ясачнымъ жаловалные грамоты опасные, чтобы шли къ государю, не бояся ничего»[111]. В результате, в начале «прислали... Арьские люди бити челом... з грамотью...». К ним были посланы сын боярский М.Козаринов и Камай – «мырза Казанский», которые вернулись обратно 10 октября 1553 г., «а с ними многие Арьские люди». Последние «царю государю били челом... И царь государь черных людей и Арьских пожаловал, ясаки на них велел имети прямые, какъ было при Магмедемне царе». Тогда же «луговые люди изъ Якъ и изо многихъ месть... приехали..., какъ и Арские, хотять го-

сударева жалованиа. И царь и государь их пожаловал по тому же»[112]. В первом случае в Патриаршей (Никоновской) летописи и в Царственной книге речь явно идет о населении Арской даруги. Во втором случае «луговые люди из Як» – это население Галицкой даруги. Правда, допустимо и такое толкование, когда под «луговыми людьми» из территории с центром в Яках могут скрываться жители сразу двух даруг – Алатской и Галицкой. Но в целом при описании событий 1553 г. все же надо иметь в виду общий контекст, который больше предполагает приход «бити челом» отдельными даругами. Да и в той же Патриаршей (Никоновской) летописи в том же году говорится о посылке «детей боярских» на «Побережную сторону ясаков брать»[113]. Между тем, из текста летописи отчетливо видно, что к «побережным людям» относились жители «Чювашской» и «Нагайской» даруг[114].

Несмотря на достаточную представительность материалов, свидетельствующих о самостоятельности Галицкой даруги, ее «привязанность» к другой – Алатской даруге требует своего объяснения. По этому поводу можно высказать две гипотезы. Первая заключается в том, что смешение территорий двух даруг во второй половине XVI в. было связано с искусственным расчленением после 1552 г. центральной зоны территории Казанского ханства на две части – на Казанский и Свияжский уезды. Допустимо предположить, что Галицкая даруга имела продолжение на Нагорной (Тау ягы) стороне, где возник Свияжский уезд. Во–первых, к такому выводу подталкивает сама конфигурация Галицкой даруги – территориально она проходила юго–западнее Алатской даруги, близко подходя к Волге. При этом татарских селений в ее составе было значительно меньше, чем в других «дорогах» («урезанный» характер Галицкой «дороги»). Во–вторых, в 80–х годах XIX в. известный исследователь татарского языка А.Безсонов оставил следующее замечание относительно татарского населения «Галич җулы» – Галицкой «дороги» и «Тау җулы» (Нагорной «стороны»): «...в верхней одежде жителей этих двух сторон преобладают черный, темносерый и синий... цвета». Одновременно он констатировал, что у жителей–татар других «дорог» (Ногай җулы, Җөрей җулы, Арча җулы и Алат җулы) в одежде наблюдается «преобладание белого цвета»[115]. Ясно, что в данном случае обнаруживается

некое культурное единство населения Нагорной стороны и Галицкой «дороги». В третьих, во время похода 1540 г. в рати Чуры Нарыкова кроме татар («казанцев») находились не только марийцы («черемиса»), но и чуваши, что, на мой взгляд, подтверждает распространение его юрисдикции и на Нагорную сторону. Но возможно и другое объяснение «слитности» Галицкой и Алатской «дорог». На примере Крымского ханства известно, что некоторые кланы в этом государстве к XVI в. пришли в упадок. Не произошло ли нечто подобное и в Казанском ханстве? В этом случае владения захудалого «рода» могли быть присоединены, возможно, силой, к владениям усилившегося клана. Некоторые данные позволяют мне не отбрасывать и такую возможность.

Чура Нарыков, как явствует из изложеных материалов, оказывается карача–беем. Существование крымской линии Аргынов, бывших в Крымском ханстве также карача–беями, подкрепляет эту точку зрения. Отдельные места из эпоса «Чора батыр», распространенного среди крымских татар, прямо говорят, что герой дастана в «Казань» прибывает из «Крыма»[116]. Но в то же же время в версиях дастана, записанных среди добруджинских татар, отец Чоры – Нарык, признается переселенцем в Крым (в приграничную зону «Кокешле Тамга») из Казанского ханства[117]. Поэтому, когда Чора батыр отправляется в «Казань», он приходит «в отцовский юрт» («Атам йорты Казанга»)[118]. В данном случае «юрт» отца Чора батыра – это Галицкая даруга. Казахская версия дастана «Шура батыр» также признает, что первоначальным местом проживания Нарыкбая был «город Казан»[119]. Когда Чора (Шура) батыр убивает Али бия, ему предлагается «отъехать в Казань», где его «ждет бесчисленное множество таминцев, во главе с ...дядей Исым бием». Когда Чора (Шура) батыр прибывает «в Казань», там он другому своему дяде – Кариббаю, дарит «несметное количество драгоценных вещей»[120]. Как видим, и в казахском варианте дастана сородичи Чоры (Шуры) жили в Казанском ханстве и были способны выставить большое войско в 6 тысяч человек[121]. О том, что Чора–бек, как, видимо, и его отец, был одним из карача–беев, может свидетельствовать и следующее место из генеалогии башкир подразделения тамьян–катай: «...мирза по имени Нурек из потомков Жагылбая казахского рода, переселился с устья Бухары к

реке Уил на озеро Сон Салпар. Нурек–мирза был очень богатым... У Нурек мирзы... от жены по имени Танисула родился сын Сура, несколько лет спустя еще один – Ширин...»[122]. Не исключено, что под вторым «сыном» Нурек–мирзы скрывается название еще одного, хорошо известного в позднезолотоордынских (татарских) государствах, в том числе и в Казанском ханстве, клана карача–беев – Ширинов. Далеко не случайными являются слова автора «Казанской истории» о том, что Чура Нарыков являлся «большим» князем, «властелем Казанским», «воеводой». В этом перечне даже последнее определение имеет смысл – в татарских ханствах «воеводой–князем» («орыш бие») считался именно карача–би[123]. Между тем, приведенные выше летописные сообщения 1539, 1540, 1544–45 гг. как раз свидетельствуют, что Чура–бек являлся военным предводителем.

В дастанах содержатся и некоторые намеки, позволяющие раскрыть причину того, что небольшой размер территории Галицкой даруги объясняется не только преобразованиями второй половины XVI в. Во многих версиях дастана «Чора батыр» (в добруджинско–татарском, поволжско–татарском, крымско–татарском, казахском) Нарык уходит из своей родины после убийства сына бека или хана[124]. Хотя родина эпического Нарыка не всегда «Казань» (иногда это «Эдил» – «Этил»)[125], уход его не выглядит добровольным. Чаще всего отъезд Нарыка объясняется притязаниями со стороны некоего «мирзы», «бека» или хана на его жену. В одной из казахских версий дастана «Нэрек» герой отъезжает, боясь, что его жену отнимет «ногаец» (ногайлы)[126]. Кажется эти данные позволяют конкретизировать причины отъезда отца Чора батыра – Нарыка – из Казанского ханства. Как я уже указывал, князь Чора (Чюра) в Казанском ханстве известен между 1526–1546 г. Уже в период проживания молодого Чора батыра «в Крыму», в «Кокешле Там(г)а», его отец предстает в дастанах пожилым человеком. Поэтому время его жизни надо отнести к концу XV в. Именно тогда в Казанском ханстве происходили большие изменения (1480–1490–е годы), связанные с низложением хана Ильгама, которые могли привести к отъезду Нарыка из государства. Но «юрт» Нарыка сохранился, что подтверждается не только данными дастанов о возвращении Чора батыра «в Казань» – в «отцовский юрт», на-

хождение там его родственников с множеством «таминцев», но и ролью реального Чуры Нарыкова в Казанском ханстве.

Тем не менее, этот «юрт» мог быть несколько урезан в размерах. Не исключено, что Аргынов в ханстве потеснили Мангыты. Вряд ли случайна боязнь эпического Нарыка какого–то «ногайца». Далее, Чура Нарыков был настроен против хана Сафа–Гирея, находившегося в тесных контактах с Ногайской Ордой. Наконец, из письма ногайского мурзы Юнуса (1549 г.) видно, что в период вынужденного нахождения хана Сафа–Гирея в Ногайской Орде (январь–июль 1546 г.) он за помощь в возвращении ему казанского престола пообещал ногайской знати не только «Мангытский юрт», но и «Горную», и «Арскую» стороны[127]. Между тем, «Горная сторона», может быть, частично могла находиться под юрисдикцией Аргынов. Поэтому такой шаг хана Сафа–Гирея, оставшийся, кажется, реализованным не полностью, можно расценить как желание передать часть владений враждебных ему Аргынов в руки своих союзников Мангытов.

Некоторые аспекты становления института карача–беев в Казанском ханстве

Несмотря на то, что еще в трудах В.В.Вельяминова–Зернова и М.Г.Худякова высказывалось мнение о присутствии в Казанском ханстве четырех кланов карача–беев во главе с беклери–беками Ширинами[128], формирование этого важнейшего социального института в рамках данного государства остается изученным недостаточно.

Опираясь на уже рассмотренные выше сведения, мне бы хотелось внести некоторую ясность в вопрос о становлении в Казанском ханстве системы карача–беев.

Как известно, так называемые «дараг–князи» присутствовали в составе группы Улу–Мухаммеда с самого его изгнания из Большой Орды: в 1438 г. два таких князя – Усеин Сараев и Усень–Хозя – отмечены во время белевского «сидения» опального хана[129]. Потомки первого из них впоследствии оказались в Казанском ханстве, что доказывается посланием митрополита Ионы в Казань (около 1455–1456 гг.), в котором фигурирует князь Шаптак Сарае-

вич[130], очевидно, родственник (сын?) названного Усеин Сараева. Так как он упоминается в связи с «пошлинами» за «рухлядь» (меха), т.е. делами, имевшими отношение к функциям даруги, есть основания видеть в князе Шаптаке одного из дарага (даруга)–беков. Я думаю, что, если учесть возможность нахождения даруга–беки в ведении карача–беев[131], можно говорить о функционировании системы карача–беев в Казанском ханстве со времени его политического оформления. О существовании этого института в ханстве во второй половине XV в. свидетельствуют несколько фактов.

Первый из них связан с данными о выезде после низложения русскими в 1487 г. хана Ильгама, «Алегамовых царевых людей» (Алказыя, Тевеккель сеита, Касим сеита, Бегиша с сыном Утешем и «многих их товарищей») в Ногайскую Орду, затем, частично, в Тюменское ханство[132]. Из послания крымского хана Менгли–Гирея в Москву (1509 г.) выясняется, что упомянутые в этой связи Бегиш и Утеш были Ширинами, причем Утеш прямо определяется как «Карачь»[133]. Другой факт относится к 1496 г., когда шейбаниду Мамуку оказали содействие четыре «Казанских князя» – Калимет, Урак, Садыр и Агиш[134]. По меньшей мере один из них – князь Урак – был из числа карача–беев. Дело в том, что под 1499 г. русские летописи называют его «князем Казанских князей»[135], т.е. беклери–беком. Он уже с 1489 г. известен как крупная политическая фигура[136]. Да и двое других князей – Калимет и Садыр, первый – прямо, другой – косвенно, упоминаются в 1490 г. среди казанской знати[137]. Об «Арских князьях», фигурирующих в летописном сообщении 1496 г. отдельно, уже говорилось. В случае, если допустить, что указанные четыре «Казанских князя» были представителями самостоятельных кланов карача–беев, клан Кыпчак, скрывающийся под названием «Арские князья», оказывается пятым структурным образованием системы карача–беев. Учитывая усиление Мангытов в ханстве с последней четверти XV в.[138], подобная трактовка возможна. Но первоначально клановая организация во главе с карача–беями в Казанском ханстве была, скорее всего, четырехзвенной. Такой вывод вытекает из анализа данных, освещающих этнополитическую историю Золотой Орды, особено ее Булгарского вилайета, второй половины XIV – начала XV в.

При обсуждении поставленного вопроса более пристального

внимания заслуживает информация о ранней истории клана Кыпчак («Арских князей»). Я уже указывал на возможность тождества имен Балым бека и Балын гози (Мәлүм хуҗа), что позволяет говорить о территории Булгарского вилайета. Сюда следует добавить ряд данных, которые указывают на неслучайность этого соответствия. В свое время А.Рахим записал предание, в котором речь идет о трех «родоначальниках», основавших, выйдя «из Болгар», «г.Касимов», «с.Ура» и «с.Нократ»[139]. Если оставить в стороне Касимов, то в двух последних селениях жили потомки «Арских князей». По поводу их выхода «из Болгар» отмечу, что по родословным Кара бека видно проживание его предков и его самого достаточно близко к району расположения исторического Биляра и Балымера. В частности, в одной из версий родословной говорится: «Балым султан жил у Ика. (Он) владел (аяк бәйләп торды) обеими сторонами Ика и Зая»[140]. В другой редакции шеджере владениями Балым бека, его сына Калдар бека и его внуков названы земли у р.Агидели (Ак Идел буенда нәксадә рузгар иткәннәр). Далее, место проживания Кара бека и его братьев указывается более конкретно, но также в бассейне р.Агидели[141]. Связь Балым бека и его потомков с Биляром (или Балымером) обнаруживается и при анализе «Дафтар–и Чингиз–наме».

Согласно этому источнику, при осаде Тимуром города «Булгара» (Биляра) его правителем был «хан Самат» из племени «барадж»[142]. Это же имя содержится и в шеджере племени юрматы (датировка 1564–65 гг.), где речь идет о «юрте хана Амат Хамата», расположенном в бассейне рек Зая и Шешмы[143]. Похоже, что Амат~Хамат~Самат – это одно и то же, к тому же историческое лицо. Можно высказать предположение, что им является тот самый Амат, сын Айсы (Гайсы), которому посвящен отдельный дастан в «Дафтар–и Чингиз–наме»[144]. М.А.Усманов полагает, что отцом Амата был зять хана Узбека Иса бек (Иса–гурган). Он же считает, что в астраханском князе Салчее (летописный «князь Астроканьский Салчей»)[145] надо видеть сына вышеназванного Амата[146]. По косвенным данным[147] выскажу предположение о принадлежности Исы~Айсы бека (гургана) к племени конграт. Нахождение конгратов на территории Булгарского вилайета во времена хана Узбека видно и из одной династийной хроники, опубликованной

Ю.Брегелем[148]. Там же указано, что под руководством нойона конгратов находились и кыпчаки, а также мангыты. По–видимому, позже многие из этих групп вошли в Ногайскую Орду. В то же время из версии шеджере «Тамьян бия», опубликованной М.И.Ахметзяновым[149], прослеживается не только близость древних частей родословных Кара–бека и Тамьян бия, но и контакты с мангытами:

I Тамьян бий. II Кара Мангыт бий. III Калдар (Калдра) бий. IV Йулдар бий. V Мангытай бий. VI. Про последнего сказано: «дети Балыйн бия, сына Мангытай бия, следующие: 1) Каќатин, 2) Апатин, 3) Унчазай, 4) Карай (Карќай), 5) Сермәт». Как видим, хотя места поколений частично перепутаны (Калдар бий оказался старше Балыйн бия), в родословной повторяются три имени, характерные для шеджере клана Кыпчак из Казанского ханства.

Несмотря на легендарность части приведенных сведений, они позволяют извлечь дополнительную информацию из уже известных источников. Так, в главе повести об Аксак–Темире из «Дафтар–и Чингиз–наме» содержится рассказ о покорении Тимуром Булгара, где сообщается о казни хана Абдуллы и его 124 «великих беков». При этом четверо из беков (Икбал, Кул–Али, Хаши и Маркаш) названы «самыми старшими»[150]. Именно после этого сообщения говорится об осаде Тимуром Булгара (Биляра) во главе с его правителем Саматом, о чем уже говорилось. В данном случае, имея в виду «укорененность» клана Кыпчак в окрестностях Биляра (возможно, в Балынгузе) не позже середины XIV в., явного внимания заслуживает число отмеченных «самых старших беков»[151]. К тому же в Булгарском вилайете в конце XIV в. фиксируются именно 4 основных города (Булгар, Жукотин, Казань, Кирменьчук)[152], в двух из которых известны самостоятельные группы князей – «Болгарские князи» и «Жукотинские князи»[153]. Не говорит ли это о том, что в возглавлявшихся отдельными группами князей городских центрах (они могли иметь и сельские округа) надо видеть «стольные» города отдельных административно–политических образований, в совокупности образовавших Булгарский вилайет? Такое допущение мне представляется возможным.

Отсюда можно полагать, что хан Улу–Мухаммет (или его сын Махмутек) в Булгарском вилайете накануне его преобразования в

самостоятельное ханство застал готовую социальную структуру из четырех «княжеств». Скорее всего, число основных кланов карача–беев в группе, возглавляемой Улу–Мухамметом (она иногда определялась и как «Орда»[154]), перед ее окончательным закреплением на территории Булгарского вилайета, также равнялось четырем. Напомню, что в 1438 г. у этого хана отмечаются двое «дараг князей». Позже у его сына Касима также выделяются 2 князя, один из которых имел явное отношение к внутреннему административному делению Касимовского ханства[155]. В Крымском ханстве таким же образом двое из карача–беев (Ширины и Барыны) считались старшими («изначальными»)[156]. Особое значение этих двух кланов видно и из крымско–татарской версии эпоса об Идегее, согласно которой в убийстве раненого Идегея участвуют татарские мурзы «Барын» и «Ширин». Частично эта информация перекликается и с данными «Дафтар–и Чингиз–наме»[157]. Но на самом деле институт карача–беев как в Крыму, так и в Казанском, а также Касимовском ханствах, был четырехзвенным, состоя первоначально из кланов Ширин, Барын, Аргын и Кыпчак. Скорее всего, к двум «старшим» карача–беям были каким–то образом «прикреплены» двое «младших» (похоже, что это связано с делениями войск на два крыла – правое и левое).

Причина идентичности клановых структур этих ханств раскрывается в сочинении «Чингиз–наме» автора первой половины XVI в. Утемыш–хаджи, указывающего, что «Ширин, Барин, Аргун (и) Кыпчак были давними, со времен предков, элями Тохтамыш–оглана»[158]. Это сообщение должно быть принято во внимание, так как основатели Крымского и Казанского (следовательно, и Касимовского) ханств находились в близком родстве с ханом Тохтамышем: дед Тохтамыша Кутлук–Ходжа и прадед Улук–Мухаммеда Тулук–Тимур были родными братьями; Улу–Мухаммед находился в близком родстве (двоюродные братья) и с крымскими ханами[159]. К тому же, Улу–Мухаммед в 1421 г. был провозглашен ханом в Крыму, причем при активном участии кланов Ширин и Барын[160]. Нельзя поэтому исключать того, что Улу–Мухаммед, как один из близких родственников Тохтамыша, в наследство от предков получил части тех же самых «элей». Хотя допустимо предположить, что эти четыре клана прибыли в Булгарский вилайет вме-

сте с «ордой» хана Улу–Мухаммета, не меньшее основание имеет и другая гипотеза о том, что идентичные кланы ко времени прибытия туда хана Улу–Мухаммета уже правили на территории вилайета. Об этом могут свидетельствовать не только данные о пребывании клана Кыпчак в районе Булгарского вилайета в XIV в., но и отступление хана Тохтамыша в 1395 г. «в сторону Булгара»[161]. К тому же, по некоторым данным, и отец Улу–Мухаммета – Хасан оглан («Ичкеле Хасан») – мог править в Булгарском вилайете[162], что повышает вероятность появления в Булгарском вилайете до прихода туда Улу–Мухаммета, или его сына Махмутека, частей «илей», доставшихся хану Тохтамышу от предков. Толчком к решению данной проблемы могло бы, возможно, послужить выяснение родственных и, вероятно, клановых связей «Казанского князя Либея», являвшегося «вотчичем» и убитого в 1446 г. сыном хана Улу–Мухаммета Махмутеком[163]. Но недостаточность источников не позволяет пока существенно продвинуться в этом направлении[164].

Литература

1. Подробнее см.: Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго–уральских татар XV–XVII вв.). Научное издание.– Казань, 1998.

2. Перечень новейших исследований на этот счет см.: Там же.– с.12–13.

3. ПСРЛ.– Т.13. Патриаршая или Никоновская летопись.– М.: Наука, 1965.– с.221.

4. Спицын А. Свод летописных известий о Вятском крае // Календарь Вятской губернии на 1884 г.– Вятка, 1883.– с.175. Такая же традиция наблюдается и во «Временнике» конца XVII в. (См.: Труды Вятской УАК.– Вып.3.– Вятка, 1905.– с.38).

5. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.– М.–Л.: Изд–во АН СССР, 1950.– с.437.

6. Столетие Вятской губернии.– Т.2.– Вятка, 1881.– с.22–29; ГА Кировской обл., ф.712, оп.13, ед.хр.66.– лл.12–13; ф.583, оп. ед.хр.344, л.118, оп.1, ед.хр.289, т.1, лл.109–113; ф.170 (Вятская ученая архивная комиссия), оп.1, ед.хр.11.– с.4, 9–11.

7. ГА Кировской обл., ф.583, оп.4, ед.хр.344.– л.118.

8. ГА Кировской обл., ф.170, оп.1, ед.хр.11.– с.4.

9. Труды Вятской УАК.– вып.III.– Вятка, 1907.– с.49.

10. Они приводятся там же.– с.48–50.

11. Спицын А. Вятская старина. 1. Татары в истории Вятского края.– Вятка, 1884.– с.5.

12. ПСРЛ.– т.11–12.– с.243. Патриаршая или Никоновская летопись.– М.: Наука, 1965.– с.243.

13. ПСРЛ.– т.13.– с.56.

14. Там же.– с.176.

15. Там же.– с.202.

16. Казанская история.– М.–Л.: Изд–во АН СССР, 1954.– с.132.

17. Там же.

18. О них см.: Исхаков Д.М. От средневековых татар... – с.38.

19. Исключение составляет одно историческое предание, сохранившееся среди башкир Ногайской «дороги» Уфимского уезда и напечатанное П.И.Рычковым (См.: Рычков П.И. История Оренбургская (1730–1750).– Оренбург, 1896.– с.68–69). На него обращали внимание и другие исследователи (Әхмәтҗанов М. Татар шәҗәрәләре (беренче китап).- Kазан, 1995.- 12-18 бб.).

20. Сорокин П. Арские князья в Карине // Календарь и памятная книга Вятской губернии на 1895 год.– Вятка, 1894.– с.62.

21. Исхаков Д.М. От средневековых татар... – с.39.

22. См.: там же.

23. Татар халык иҗаты. Риваятьләр һәм легендалар.- Kазан, 1987.- 76 б.

24. Дополнительные данные см.: Исхаков Д.М. От средневековых татар... – с.40.

25. Исхаков Д.М. Нократ татарлары //Казан утлары, 1990, № 3.– 176 б.

26. Столетие Вятской губернии. 1780–1880. Сборник материалов к истории Вятского края.– Вятка, 1880.– с.253.

27. Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв.– Изд–во Казанского ун–та, 1972– с.181–186; Ахметзянов М. Татарские шеджере (Исследование татарских шеджере в источниковедческом и лингвистическом аспектах по спискам XIX–XX вв.).– Казань, 1991.– с.43, 144–147; Его же. Татар шәҗәрәләре...– 12–28 бб.

28. Рычков П.И. История Оренбургская...– с.68–69.

29. Усманов М.А. Татарские исторические источники.– с.116; Әхмәтҗанов М. Татар шәҗәрәләре.- 25 б.

30. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды.– Т.II. Извлечения из персидских сочинений, собранных

В.Г.Тизенгаузеном и отработанные А.А.Ромасковичем и С.Л.Волиным.– М.–Л.: Изд–во АН СССР, 1941.– с.24, 35 (Сообщения Джувейни, Рашид ад–Дина).

31. Golden Peter B. Cumanica II: The olberli (olperli); The Fortunes and misfortunes of Inner Asian nomadic clan // Archivum Eurasiae medii aevi:– vol.6, 1986.– pp.5–30; Его же. The polovci Dikii // Harvard Ukranian studies.– vol.III–IV, Part 1. 1979–1980 – pp.296–306. Анализ этого сообщения см.: Исхаков Д.М. О происхождении «арских князей» и их месте в этнополитической структуре Казанского ханства // Заказанье: проблемы истории и культуры.– Казань, 1995.– с.95–98.

32. Әхмәтҗанов М. Татар халкы оешуда нугайларның катнашы // Идел, 1992, № 3-4.- 65 б.; Его же. Татар шәҗәрәләре... - 15 б.

33. Әхмәтҗанов М. Нугай Урдасы һәм аның татар этник тарихына мөнәсәбәте // Из истории Золотой Орды.- Казань, 1993.- 146 б.

34. Әхмәтҗанов М. Татар шәҗәрәләре...- 26 б.

35. О нем подробнее см.: Исхаков Д.М. От средневековых татар... – с.40.

36. Акты социально–экономической истории Северо–Восточной Руси конца XIV – начала XVI вв.– Т.3.– М.: Наука, 1964.– с.335.

37. Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения.– М.: Наука, 1974.– с.53—59, 114, 179. Подразделение «бушман» имелось и в составе казахов (см. там же).

38. РГАДА, ф.1355, оп.1, ед.хр.932.

39. Ахметзянов М.И. Татарские шеджере...– с.84–85.

40. Исхаков Д.М. От средневековых татар... – с.41.

41. Manz Beatrice F. The clans of Crimean Khanat. 1466–1532 // Harvard Ukranian Studies.– vol.2,3, 1987.– p.308; Inalchic K.H. The Khan and tribal aristocracy: The Crimean Khanat under Sahib Girai // Harvard Ukranian Studies.– vol.2–4, part 1, 1979–80.– pp.445–466; Сыроечковский В.Е. Мухамед–Герай и его вассалы // Учен.зап. Московского ун–та.– Вып.61. История.– т.2, 1940.– с.34–35.

42. Исхаков Д.М. От средневековых татар... – с.41.

43. Исхаков Д.М. Татаро–бесермянские этнические связи как модель взаимодействия булгарского и золотоордынско–тюркского этносов // Изучение преемственности этнокультурных явлений.– М., 1980.– с.16–38.

44. ПСРЛ.– т.13.– с.166,467.

45. Износков И.А. Список населенных мест Мамадышского уезда // Труды IV Археологического съезда в России.– т.1.– Казань, 1884.– с.122.

46. ПСРЛ.– т.11–12.– с.247.

47. Там же.– с.122.

48. Paksoy H.B. Chora Batir: A Tatar Admonition to Future Generations // Studies in Comparative Communism.– 1986, vol.19, n.3–4.– pp.253–265.

49. Даже в такой детальной работе, как «Очерки по истории Казанского ханства» М.Г.Худякова, о нем имеются только несущественные замечания.

50. Детальнее об источниках см.: Исхаков Д. Чора батыр – кто он? // Татарстан, 1997, № 12.– с.24–30.

51. Татар халык иҗаты. Риваятьләр.- 160 б.

52. Әхмәтҗанов М. Җиде бабаңны беләсеңме? //Ялкын, 1994, № 1 - 3-4 бб.

53. Рахим А. Новые списки татарских летописей (1930 г.) // Архив ИЯЛИ им.Г.Ибрагимова, ф.18, оп.1, ед.хр.6.– список № 5.– лл.51–52.

54. Писцовые книги Казанского уезда 1602–1603 годов. Публикация текста.– Казань, 1978.– с.166,169,177,197,201,202.

55. РГАДА, ф.1209, ед.хр.6447.– лл.378–3–444.

56. РГАДА, ф.1209, ед.хр.6444.

57. Исхаков Д.М. От средневековых татар... – с.53.

58. Әхмәтҗанов М. Җиде бабаңны...

59. Шарипова Э.Я. Башкирские шеджере из Рукописного фонда ИИЯЛ БФ АН СССР // Письменные памятники Башкирии (Историко–филологические исследования).– Уфа, 1982.– с.139–141.

60. Ахметзянов М.И. К этнолингвистическим процессам в бассейне р.Ик (по материалам шеджере) // К формированию языка татар Поволжья и Приуралья.– Казань, 1985.– с.61.

61. РГИА, ф.1355, оп.1, ед.хр.1879. Сейчас это село входит в состав Мензелинского р–на Татартана.

62. Исхаков Д. Чора батыр...– с.25.

63. ПСРЛ.– т.13.– с.45.

64. Кунцевич Г.З. История о Казанском царстве или Казанский летописец. Опыт историко–литературного исследования (Летопись занятий Императорской Археологической комиссии, вып.16).– СПб., 1905.– с.326; Разрядная книга 1475–1605 гг.– т.1, ч.II.– М.: И–т истории АН СССР, 1977.– с.281. Эти два события взаимоувязал А.Г.Бахтин. (См.: Бахтин А.Г. XV–XVI вв. в истории Марийского края.– Йошкар–Ола, 1998.– с.85). Замечу, что при этом некоторые источниковедческие проблемы с точной датировкой времени похода хана Сафа–Гирея сохраняются.

65. ПСРЛ.– т.22. Русский хронограф.– ч.1. Хронограф редакции 1512 года.– СПб., 1911.– с.524–525; Шмидт С.О. Продолжение хронографа 1512 года // Исторический архив, VII.– М.–Л., 1951.– с.288,290; Разряд-

ная книга 1475–1605 гг.– с.284. Определение месяца похода 1540 г. принадлежит А.Г.Бахтину (Указ.раб.– с.85). В источниках есть только указания на совершение этого похода «тое же зимой» или «тое же весной».

66. Там же.– с.147.

67. Там же.– с.148.

68. Это были: сеит Абеюрган, князь Кадыш и Чюра (Чура) Нарыков.

69. ПСРЛ.– т.13.– с.148. Братья Чуры известны по источникам (Исхаков Д.М. От средневековых...– с.53).

70. Казанская история...– с.80–82.

71. Әхмәтҗанов М. Җиде бабаңны... - с.14.

72. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг.– Махачкала, 1995, с.293–294.

73. ПСРЛ.– т.13.– с.148–149.

74. Чура батыр. Татар халык дастаны // Идел, 1993, № 6.– с.20–21.

75. Чорабатыр // Къырымтатар халкъ агъыз яратыджлыгъы. Хрестоматия.- Ташкент, 1991.- 58 б.

76. Усманов М.А. Татарские исторические источники...– с.94.

77. Казанская история...– с.80,82.

78. Там же.– с.90.

79. Шора // Батырлар жыры.- т.5. Кырымның кырык батыры (Мурын жураудан жазылган муралар).- Алматы: Жазушы, 1989.- с.341.

80. История Татарии в документах и материалах.– М., 1937.– с.123.

81. Хусаинов Г.Б. Шеджере как историко–литературный памятник // Башкирские шежере (Филологические исследования и публикации).– Уфа, 1985.– с.15.

82. См., например: Әхмәтҗанов М. Җиде бабаңны...

83. ПСРЛ, т.13.– с.176,202.

84. Шора...– с.340,342,348,354. См. также: Нәрік // Батырлар жыры.– т.5.– с.306–336.

85. Чура батыр хикәяте // Татар халык ижаты. Дастаннар.- Казан, 1984.- 108 б.- с.108.

86. В Ногайской Орде это было именно так (См.: Кочекаев Б.–А.Б. Ногайско–русские отношения в XV–XVIII вв.– Алма–Ата: Наука, 1988.– с.41).

87. Асыл – в татарском яз. – «главный признак, сущность чего–либо, очень хороший»; асыл сөяк – «аристократия, знать». (Татар теленең аңлатмалы сүзлеге. Т.1.- Казан, 1977.- 79 б.).

88. Исхаков Д.М. От средневековых татар... – с.54.

89. Подразделения «Тама» и «Ябы–Тама» отмечены в Ногайской Орде в 1555 и 1553 гг. (ПДРВ.– ч.IX.– СПб., 1793.– с.117; ПДРВ, ч.X.– СПб.,

1795.– с.23). Правда, в казахском дастане «Нэрік» Тана является сыном Тама (Нэрік...– с.320). Но в одной из казахских версий дастана «Шура батыр», записанной А.А.Диваевым, подданные Нарыкбея (Нареке) именуются «таминцами» («Тама»). (См.: Этнографические материалы, собранные и переведенные А.А.Диваевым // Сборник материалов для статистики Сыр–Дарьинской области.– т.IV.– Ташкент, 1895.– с.1–2).

90. В данном случае я учитываю существование в Ногайской Орде улуса «Нюкус» (отмечен в 1562 г.– см.: ПДРВ.– ч.X.– с.258–259).

91. Батырлар җыры.- т.5.- с.259-260.

92. Шора батыр // Ногай халик йырлары.- М.: Наука, 1969.- с.77.

93. Лашков Ф.Ф. Исторический очерк крымско–татарского землевладения // Известия Таврической УАК.– № 23, 1895.– с.129.

94. Идегәй. Татар халык дастаны.- Казан, 1988.- 42,47 бб.

95. Там же.– 206 б.

96. Этнографические материалы...– с.1,5.

97. Там же.– с.1,6,33,36,49,59,81,87.

98. Там же.– с.43.

99. См., например, варианты дастана, опубликованные В.В.Радловым (Образцы народной литературы северных татарских племен. Собраны В.В.Радловым.– Ч.VII. Наречия Крымского полуострова.– СПб., 1896.– с.124,127,129,170,172,182). То же самое можно обнаружить и в другой версии дастана, записанной среди крымских татар (Кърым татар халкъ...– 61 б.).

100. Подробнее об этом см.: Исхаков Д.М. От Средневековых...– с.55. Татарское название «дороги» звучало как «Гарч юлы» (См.: Там же.– с.53).

101. Ермолаев И.П. Казанский край во второй половине XVI–XVII вв. (Хронологический перечень документов).– Казань: Изд–во Казанского ун–та, 1980.– с.16. Другие примеры такого же рода, см.: Там же.– с.27,33,37,39,47,49.

102. Писцовая книга Казанского уезда. 1602–1603 годов...– с.153,160; Чернышев Е.И. Селения...– с.280.

103. Ермолаев И.П. Казанский край... – с.18.

104. ПСРЛ.– т.13.– с.215.

105. ПДРВ.– ч.VIII.– Спб, 1793.– с.278.

106. Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 гг. ...– с.169,177,197,202. Служилые татары «из Яков» отмечаются и в писцовой книге 1565–68 гг., но там не указана «дорога», куда это селение относилось (См.: Материалы по истории Татарской АССР. Писцовые книги города Казани 1565–68 гг. и 1646 г.– Л.: Изд–во АН СССР, 1932.–

с.52).

107. РГАДА, ф.1209, ед.хр.6444.

108. РГАДА, ф.1209, ед.хр.6447.

109. Документы по истории Казанского края из архивохранилищ Татарской АССР (вторая половина XVI – середина XVII в.). Тексты и комментарии.– Казань: Изд–во Казанского ун–та, 1990.– с.77).

110. Варианты написания – Аки ~ Яки. Татарское название – «Җәке».

111. ПСРЛ.– т.13.– с.221,516.

112. Там же.– с.222,516.

113. Там же.– с.229.

114. Там же.– с.239.

115. Безсонов А. О говорах Казанского татарского наречия и об отношении его к ближайшим к нему наречиям и языкам // ЖМНП, 1881, ч.216, № 8.– с.224–225.

116. Исхаков Д.М. От средневековых татар... – с.55.

117. Чура батыр. Татар халык дастаны.– 15 б.

118. Там же.– с.21. Об этом говорится и в ногайской версии дастана: «атанъ юрты Казанга» (Шора батыр // Ногай халк йырлары.– с.75).

119. Этнографические материалы...– с.1; Шора...– с.366.

120. Этнографические материалы...– с.49,64,81.

121. Там же.– с.81.

122. Хусаинов Г.Б. Шеджере...– с.15–16.

123. Исхаков Д.М. От средневековых татар... – с.68.

124. Там же.– с.52.

125. Образцы...– ч.VIII.– с.170.

126. Нәрік // Батырлар жыры.- т.5.- с.313.

127.ПДРВ.– ч.VIII.– с.273–274.

128. Вельяминов–Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах.– ч.II.– СПб., 1864.– с.412–420; Худяков М. Очерки по истории Казанского ханства.– Казань, 1990.– с.188–190.

129. ПСРЛ.– Т.11–12.– с.24.

130. Акты исторические, собранные и изданные Археологическою комиссиею.– Т.1.– СПб., 1841.– с.497.

131. Обоснование этого мнения см.: Исхаков Д.М. От средневековых татар... – с.14.

132. Сборник РИО.– Т.41. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою Ордами и с Турциею.– Т.I.– С 1474 по 1505 гг. Эпоха свержения монгольского ига в России.– СПб., 1884.– с.84, 94, 118.

133. Сборник РИО.– т.95. Памятники дипломатических сношений

древней России с державами иностранными.– Т.II. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турциею (1508–1521 гг.).– СПб., 1895.– с.73. Замечу, что между 1491–1492 гг. в Ногайской Орде отмечается сестра Мухаммет–Амина, бывшая, скорее всего, замужем за «Бикечем мырзою» (Сбрник РИО.– Т.41.– с.133).– Похоже, что этот мурза и был Ширином Бигишем.

134. ПСРЛ.– Т.11–12.– с.242–243.

135. Там же.– с.250.

136. Тогда князь Урак командовал отрядом в 700 человек, посланным ханом Мухаммет–Амином в помощь московским войскам, действовавшим против вятчан (ПСРЛ.– Т.37. Устюжские и Вологодские летописи XVI–XVII вв.– М.: Наука, 1982.– с.50,96).

137. Я имею в виду Канымета, брата князя Итяка и Имир мурзу, брата Садыра в составе войск хана Мухаммет–Амина (См.: Сборник РИО.– Т.41.– с.116).

138. См.: Исхаков Д.М. От средневековых татар... - с.16-31; Его же. Идел-Урал буе һәм Себер татарларының этник тарихларындагы уртаклыклар //Мирас, 1998, № 3.- 78-93 бб.

139. Рахим А. Булгаро–татарские памятники в Вятском крае //Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТАССР.– вып.–4.– Казань, 1930.– с.56.

140. Әхмәтҗанов М. Татар шәҗәрәләре...- 22 б.

141. Там же.– 12 б. См. также: Исхаков Д.М. От средневековых..– с.41.

142. Усманов М.А. Татарские исторические источники...– с.113.

143. Башкирские шежере.– Уфа, 1960.— с.27–28.

144. Разбор этого сюжета см.: Усманов М.А. Татарские исторические источники...– с.114–16.

145. ПСРЛ.– т.11–12.– с.24.

146. Усманов М.А. Татарские исторические источники...– с.115.

147. См.: Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды.– Т.I. Извлечения из сочинений арабских.– СПб., 1884.– с.282,295,350; Т.II.– с.87,89,109,151–152.

148. Bregel I. Tribal traditions and dynastic history // Asian and African studies. Journal of the Israel Oriental Society.– vol.16, 1982.– pp.357–398.

149. Әхмәтҗанов М. Нугай Урдасы...- 149 б.

150. Усманов М.А. Татарские исторические источники...– с.112–113.

151. Имя одного из них (Маркаш) отложилось в Западном Закамье в виде топонима «Моркваши».

152. ПСРЛ.– Т.11–12.– с.164. Это не означает, что в Булгарском ви-

лайете не было других городков («градов»), просто перечисленные центры были основными, наиболее важными. Именно поэтому они и попали в русские летописи.

153. ПСРЛ.– Т.9–10.– с.232; ПСРЛ.– Т.11–12. Под «Казанскими князьями», известными из тех же источников, кажется, подразумеваются те же самые «Булгарские князья» (Обсуждение этой проблемы см.: Исхаков Д. Казан ханлыгы тарихының билгесез битләре // Мирас, 1993, № 10.– 44–46 бб.).

154. ПСРЛ.– Т.11–12.– с.65.

155. Исхаков Д.М. От средневековых татар...– с.189,195.

156. Сыроечковский В.Е. Мухаммед–Герай...– с.29; Manz Beatrice F. The clans...– p.286.

157. Усманов М.А. Татарские исторические источники...– с.82,85.

158. Утямиш–хаджи. Чингиз–наме /Факсимиле, перевод, транскрипция, текстологические примечания, исследование А.П.Юдина. Комментарии и указатели М.Х.Абусеитовой.– Алма–Ата: Гылым, 1992.– с.115.

159. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды.– Саранск, 1960.– с.196; Исхаков Д. Казан ханлыгы...– 43 б.

160. Сафаргалиев М.Г. Распад...– с.195.

161. Там же.– с.154,174.

162. Исхаков Д. Казан ханлыгы...– 44–46 бб.

163. ПСРЛ.– т.8. VII. Продолжение летописи по Воскресенскому списку.– Спб., 1859.– с.114. Вариант решения, предложенный А.–З.Валиди Тоганом по поводу этого князя, не является достаточно убедительным (См.: Вәлиди-Туган Ә. Башкорттарзың тарихы. Төрк һәм татар тарихы.- Өфә, 1994.- 24 б.). Этот вопрос обсуждался также в ряде моих статей (См.: Исхаков Д. Нократ татарлары // Казан утлары, 190, № 3.– 177 б.; Его же. Комментарии к статье Ю.Шамилоглу «Формирование исторического сознания татар: Шигабуддин Марджани и образ Золотой Орды // Татарстан, 1991, № 10.– с.29; Его же. Казан ханлыгы... 44–46 бб.; Его же. Ключевой этап татарской истории // Татарстан, 1997, № 3.– с.16).

164. Об этих князьях «казанских» я сделал специальный доклад, тезисы которого опубликованы (См.: Титулы «князь Болгарский» и «князь Казанский» // Болгар и проблемы изучения древностей Урало–Поволжья. 100–летие А.П.Смирнова.– Болгар, 1999.– с.86–87; Из истории титула «Булгарский князь» // Актуальные проблемы истории государственности татарского народа.– Казань, 2000.– с.46–49). Полный текст доклада должен быть скоро опубликован в г.Уфе.

В.В.Трепавлов

Этнотерриториальное деление Дешт–и Кипчака в позднем средневековье (по материалам ногайско–русской дипломатической переписки)

Административное деление Улуса Джучи давно и успешно изучается историками. Эта тема, в отличие от многих прочих, достаточно легко раскрывается на материалах средневековых источников. Общепризнанной основой деления территории и населения в Золотой Орде (как и во всей Монгольской империи) была улусная система, досконально проанализированная Г.А.Федоровым–Давыдовым.[1] Сам термин «улус» пришел в государственность Дешт–и Кипчака из монгольской старины, из доимперских времен, когда он обозначал «народ, данный во владение».[2] Позднейшее развитие данного понятия расширило его семантику: «удел», «государство», «провинция государства», «селение». Сейчас можно считать, вероятно, твердо установленным, что Золотая Орда XIII – XIV вв. делилась на правое и левое крылья, а те, в свою очередь, на улусы. Эта общая схема верно отражает принцип административного построения государства, но нуждается в подробной расшифровке. Скажем, в XIV в. сформировались четыре большие провинции – улусы (улусбекства): Сарай, Крым, Хорезм и Дешт–и Кипчак.[3] Но если первые три являлись сравнительно небольшими, и каждая из них действительно могла управляться канцелярией одного улусбека, то огромный Дешт нуждался в какой–то более разветвленной администрации. Именно на этих кочевых землях сохранялось деление на уделы ордынских аристократов – та самая улусная система, что была введена после монгольского завоевания. Вообще левое крыло Улуса Джучи гораздо дольше сохраняло архаичные черты кочевого быта и, соответственно, социальной жизни, по сравнению с западной частью державы.[4]

К концу XV в. на западе левого крыла сформировалась Ногайская Орда (Мангытский юрт) – политическое образование восточ-

ных кипчаков, возглавлявшееся знатью эля мангытов, потомками золотоордынского беклярибека Эдиге. Ногаи представляли собой типичных номадов со всеми присущими кочевому миру особенностями общественного устройства, образа жизни и отношений с соседями. С исторической точки зрения население Ногайской Орды оказалось наследником жителей именно консервативного левого крыла; и для изучения Золотой Орды ногаи примечательны как носители традиций той части Джучиева Улуса. Изучая Ногайскую Орду, мы можем экстраполировать присущие ей явления на более ранний период XIII (?) – XV вв. Эта исследовательская операция принципиальна для историков–медиевистов, поскольку, во–первых, ногаи создавали свою кочевую державу не с родоплеменного «нуля», а выйдя из недр джучидской государственности[5]; во–вторых, об административном делении Дешт–и Кипчака позднезолотоордынской эпохи практически ничего не известно. Правда, сохранились отрывочные и разбросанные по множеству документов сведения о владениях отдельных беков и султанов в разных районах степей между Яиком и Иртышом. Но эти кратковременные объединения являлись рудиментами улусной системы Джучидов и не отражали главных принципов деления земли и народа, так как, несмотря на периодическое возникновение и распад таких объединений, стабильное население в степях сохранялось и, очевидно, имело какую–то более прочную основу для консолидации, чем военные кампании царевичей–Чингисидов.

Абсолютное большинство источников, связанных с Ногайской Ордой, отложилось в русских дипломатических архивохранилищах. Послания, привозимые от правителей Орды (биев) и аристократов–мирз, переводились с тюрки и переписывались в черновые столбцы, а затем аккуратно переносились в особые Посольские книги. До нашего времени сохранились такие книги по связям России с ногаями за XVI в. (с хронологическими лакунами) и столбцы за некоторые годы XVII в. Арабописьменные оригиналы ногайских грамот по большей части утрачены, и в Российском государственном архиве древних актов их содержится ныне лишь около трех десятков. Поэтому разбирая административное устройство Ногайской Орды, исследователь поневоле вынужден полагаться в основном на русские переводы, при этом максимально

используя возможности сопоставления их с уникальными уцелевшими оригиналами на тюрки. Трудность такого сопоставления заключается в «добросовестности» переводчиков: многие ногайские термины передавались русскими понятиями, а адекватность подобной передачи зависела от эрудиции, кругозора, словарного запаса функционеров Посольского приказа. В любом случае, историк, взявшийся за изучение Дешт–и Кипчака XV – XVII вв., должен постоянно учитывать их «посредничество» и не полагаться на русские версии документов целиком, безоговорочно.

Административное деление Ногайской Орды почти не затронуто в литературе, если не считать предположения А.И.–М.Сикалиева о существовании в ней десяти областей–санов [6] и буквального понимания некоторыми авторами информации австрийского дипломата XVI в. С.Герберштейна о трех «областях» во главе с мирзами Саид–Ахмедом, Хаджи–Мухаммедом и Шейх–Мамаем в 1520–х гг.[7] В одной из своих работ я постарался показать, что в соответствии с кочевой государственной традицией, территория и народ ногаев делились на правое и левое крылья[8]. Но таковыми вовсе не являлись Большие и Малые Ногаи[9], как посчитал отчего–то В.М.Викторин.[10] Сами жители Ногайской Орды называли эту структуру «он сол (халкы)» (народ правой и левой руки).[11] «Прадеда нашего Едигея князя карачеи, а словут онсол, и многово улуса люди» [12] включали отнюдь не всех ногаев, а лишь эль мангытов и первоначально (до середины XV в.) ассоциированные с ним эли. Как правило, они служили самой верной опорой биям в противостоянии с мятежными мирзами. В 1556 г. бий Исмаил именовал «правой и левой стороной около меня вблизи» тех, кого «ещо отец (т. е. предок. – В.Т.) мои было собрал».[13] При этом подданные, включенные в Мангытский юрт позднее середины XV в., – едисаны и едишкульцы – не считались народом онсол.[14] По отношению к ним ногаи из исторического ядра Орды порой рекомендовали себя не именами своих племенных элей, а именно принадлежностью к онсол.[15] Но структура Орды требовала обязательного распространения крыльевой структуры на все владения, поэтому управляемые мангытами степи (за исключением Башкирии) тоже были поделены на два крыла – возможно, как признак подчиненности их именно элю мангытов, обладавшему двумя крыльями. Поэтому

Большие Ногаи и утверждали, будто «вместе с нами Казыева улуса [и] Шихмамаева роду онсол словет» [16], то есть отколовшиеся Малые Ногаи и так называемые Алтыулы (потомки бия Шейх–Мамая в Западном Казахстане) воспринимались как часть единого ногайского народа.

В историографии утвердилось мнение, будто Ногайская Орда состояла из улусных общин–элей, трактуемых не одинаково. Например, для К.П.Калиновской и Г.Е.Маркова это «племена–улусы», то есть улусы объединяли представителей одного племени[17]; по мнению Е.П.Алексеевой, наоборот, «улусы представляли собой уже не родовые объединения, а феодальные образования» во главе с наследственными «феодалами–мурзами».[18] Однако применение понятия «улус» к описанию административной структуры ногаев, на первый взгляд, не бесспорно. Дело в том, что слово «улус» в арабописьменных ногайских документах не встречается, хотя постоянно фигурирует в их русских версиях, а также в воеводских отписках и посольских донесениях. Оно вставлялось в тексты московскими и астраханскими переводчиками для пояснения этнонимов или социальных терминов (скажем, русское «улусные люди» соответствовало ногайскому «халк» или «иль халкы» (народ)). Российские администраторы и приказные клерки применяли его скорее по традиции, в силу привычки, оперируя терминами золотоордынской эпохи и, может быть, по аналогии с татарскими ханствами. Попробуем разобраться, правомерно ли экстраполировать улусную систему на Ногайскую Орду. Для начала сравним переводы с оригиналами. —

1) УЛУС в переводе / ХАЛК в оригинале:

«Алея мурзы **улусной ево человек** томинского родства Келеи» / «Али мирзанынг **халкы** тама Келей» (т.е. таминец Келей **(из) народа** Али–мирзы);

«**Улусы наши** калмыки взяли» / «**Халкымызны** калмак алды» (т.е. **наш народ** калмыки взяли); «Каная князя **улусы**» / «Канай бий **халкы**» (т.е. **народ** бия Каная)[19];

2) УЛУС в переводе / КАРА ХАЛК(Ы ИЛЬ) в оригинале:

«улусные люди» / «кара халк» (т.е. черный народ); «улусные черные кочевные люди» / «кара халкы иль» (т.е. эль черного народа)[20];

3) УЛУС в переводе / ИЛЬ (ХАЛКЫ) в оригинале:

«У нас животов нет, и лошадей нет, **и улусов нет**» / «Бизде малда йок, якида йок, **ильде йок**» (т.е. у нас нет ни скота, ни лошадей, **ни элей**); «**безулусные** мирзы» / «**ильсиз калкан** мирзалар» (т.е. мирзы, **оставшиеся без элей**); «**улусные** люди» / «**иль** халкы» (народ эля) [21];

4) УЛУСЫ в переводе / КИШИ в оригинале:

«жены мои и **улусы**» / «**кишимиз**» (т.е. наши люди)[22];

5) УЛУСНЫЕ ЛЮДИ в переводе / НУКАР в оригинале:

«Шеидяковы **улусные люди**» / «Шидак мирзанынг **нукар**» (т.е. **слуги** Шидак–мирзы)[23]

Строго говоря, в отношении Ногайской Орды следует вести речь не об улусах, а об элях, то есть о совокупности кланов одного племени. Эти кланы имели различный таксономический масштаб и обладали собственной иерархией. О подобном внутреннем делении в источниках есть мимолетные упоминания. Утемиш–хаджи писал о более ранней эпохе: «(А уйгур) был *эль* с многочисленными и сильными **родами** и **племенами**», где «роды» передано через «*кауми*» (единственное число «*каум*»), «племена» – через «*кабиле*».[24] Вефик–паша указывал на деление улусов на или, илей на *уймаки*, последних, в свою очередь, на бои, а тех на *уруки*.[25] Ногайские грамоты не содержат указаний на подобное деление. Племенные эли обычно фигурируют в них как относительно монолитные структуры, и только в первой половине XVII в. начинает просматриваться их внутренняя неоднородность. При этом все они сохраняли незыблемую кипчакскую этническую основу.

Роды и племена кипчаков оказались в первой половине XIII в. под властью монгольских завоевателей, став основным человеческим ресурсом для строительства джучидской улусной системы (прочие тюрки–кочевники – огузы, карлуки, алтайские народы – были немногочисленны по сравнению с ними). Дешт–и Кипчак был поделен на «нутаги» (монг.), или «юрты» (тюрк.) – обширные зоны пастбищных угодий, предоставленные монгольским племенам. Некоторая (едва ли значительная) часть степи, не охваченная этой разверсткой, оставалась закрепленной за кипчаками, предками будущего ногайского эля кипчак. Неизвестно, сколько именно монгольских семей переселилось на казахстанские и поволжские

просторы. Во всяком случае, средневековые источники оперируют даже не десятками, а единицами тысяч –совершенно мизерным числом по сравнению с аборигенами. Естественно, номады–пришельцы в течение первых полутора столетий существования Золотой Орды ассимилировались в огромной массе местных жителей. Однако кипчаки практически утратили домонгольское племенное деление и стали обозначаться посредством этнонимов тех монгольских племен, в нутагах (юртах) которых им довелось очутиться. Кочевавшие в нутаге мангутов стали мангытами, оказавшиеся в зоне хонкиратов –кунгратами, найманов – найманами, кереитов – кереитами, или кереями, и т. д. Относительно мирная и безопасная жизнь в империи Джучидов на протяжении второй половины XIII – первой половины XIV вв. вызывала благоприятные демографические последствия. Старые эли множились, делились и ветвились; появлялись патронимии, различавшиеся по именам патриархов (темир–ходжа, тогунчи–улы и т.п.) или по тамгам.

По самым разным документам удается выяснить, что в составе Ногайской Орды прямо упомянуты шестьдесят шесть элей[26] и присутствие еще по крайней мере четырех (кулачи, телеу, уйгур, чимбай) восстанавливается по косвенным данным. Вместе с их подразделениями для XVI – XVII вв. насчитывается сто тридцать девять наименований. Сами ногаи в XVII столетии называли себя народом ста сорока улусов (в русском переводе), то есть элей[27]; Эвлия Челеби, говоря о временах, предшествовавших приходу в Поволжье калмыков, тоже упоминал «сто сорок племен ногайского народа».[28] Вероятно, это и было *изначальным* количеством родоплеменных подразделений Орды, поскольку уже в начале XVII в. под началом большеногайского бия пребывало только четырнадцать из них (бурлак, кипчак, китай, кунграт, минг, найман, туркмен – и еще семь не названы в источнике).[29]

Названия элей в русских переводах ногайских грамот XVI – XVII вв. часто сопровождались словом «родство». Оно явно добавлялось для пояснения экзотичных тюрко–кипчакских этнонимов. Сами ногаи писали свои этнонимы чаще всего без дополнительных определений (ср. русские выражения «томинское родство», «кипчатцкое родство», «китайское родство», «кереицкое родство» в переводах и ногайские «тама», «кипчак», «китай», «ке-

реит» в оригиналах [30]). Лишь изредка применялись уточняющие категории, дабы подчеркнуть принадлежность эля к более крупному этническому подразделению. Так, в послании казыевского мирзы Бия Мамаева 1632 г. русская фраза «Шеидяковы **улусные люди иланлы** трукменского **родства**» соответствует ногайской «Шидак мирзанынг **нукар илан** туркман таифа»[31], то есть Шидак–мирзины **слуги (из рода) илан (из) племени** туркмен. Кроме того, наименования некоторых элей сопровождались элементом «улы/оглы» (дети, потомки). Русские интерпретаторы в таких случаях путались: бай**улы** у них передавалось как «баи**ул**уцкое родство», и в то же время тогунчи–**улы** и юсуф–**улы** – как соответственно «тогунчицкое **родство**» и «Юсупово родство», то есть «улы» иногда удостаивалось специального перевода[32].

При указанных особенностях передачи ногайской терминологии едва ли можно однозначно увязывать улусную систему ногаев с их родоплеменной структурой. Встречающееся же в русскоязычных документах выражение «улусы такого–то родства» [33] является результатом добросовестного заблуждения приказных функционеров, домысленным ими терминологическим оформлением тюркских текстов, потому что в последних слово «улус» в подобном контексте, очевидно, вообще не употреблялось. Тем не менее, как ни парадоксально, при изучении Ногайской Орды современные исследователи едва ли смогут без него обойтись. Дело в том, что в ней существовали элементы удельной системы. В удел мирзе определялся в первую очередь какой–то контингент населения (как правило, составлявший один эль) и лишь во вторую – место кочевий этого контингента; территориальная ипостась данных пожалований выражалась в указаниях маршрутов перекочевок. Эли и маршруты распределял периодически созываемый бием съезд знати (в том числе и для самого бия [34]). Во времена стабильности Орды и усиления бийской власти случались и единоличные пожалования от лица верховного правителя [35], а в периоды ослабления и упадка предпринимались попытки передоверить этот важнейший признак кочевого суверенитета русским властям.[36] Уделы, следовательно, представляли собой в принципе отчуждаемые владения, однако известно и закрепление элей за наиболее сильными и удачливыми семьями мирз. В этом случае после смерти держателя

удела население последнего переходило под начало потомства покойного; если же сироты оказывались малолетними, то до их возмужания под надзор старших родичей или воспитателей–аталыков.[37] Кроме того, братья умершего мирзы вправе были рассчитывать на полагающихся «на их пай улусных людей».[38] Стало быть, эль превращался в удел лишь при условии и после того, как он передавался в управление какому–нибудь мирзе: «без мурз в улусех у них быть не мочно».[39] При пленении или изгнании этого мирзы врагами население удела стремилось прибиться к другому знатному владетелю (что нередко приводило к тяжелым конфликтам среди ногаев), а по возвращении прежнего владельца, случалось, вновь собиралось вокруг него.[40]

Единственная устойчивая удельная структура связана, пожалуй, лишь с персоной верховного бия. Изредка в документах проскальзывают упоминания о наследственной принадлежности главе Ногайской Орды четырех «улусов» – «Сеит, Хоза, Базар, Сараичук»[41]. Сарайчук постоянно фигурирует в источниках, это зимняя резиденция («столица») правителя. Упоминаются и «базарские люди», «базарники»; например, по словам бия Исмаила в 1562 г., они «в улусех моих оприченная казна моя».[42] Видимо, речь о населении орду–базара – кочевой летней ставки. «Сеит» и «хоза» – возможно, какой–то аналог вакуфных земель, находившихся под покровительством бия. Духовные иерархи, сеиды и ходжи, обладали многочисленными подданными, собственными стадами и выделенными под них пастбищами.

Как нам следует обозначать такие уделы в Ногайской Орде? Английский путешественник середины XVI в. Э.Дженкинсон писал об ордах – отдельных группах, на которые «распадались» ногаи; «каждая орда имела особого правителя, называвшегося мурзой»[43]. Однако понятие «орда» в русской научной терминологии не употребляется в таком значении. В том–то и состоит парадоксальность решения данной частной проблемы: по всем внешним параметрам рассматриваемые удельные держания являлись ни чем иным как *улусами*, и можно утверждать, что у ногаев вполне сформировалась улусная система. Основные ее характеристики вполне совпадали с удельно–провинциальным делением степных территорий Золотой Орды XIII – XV вв. и, несомненно, были унасле-

дованы из джучидской государственности. Однако ногайская правящая элита не принадлежала к потомству Чингисхана, поэтому не обладала правом распределения улусов и владения ими. Оттого подвластные эли и обозначались нейтральным «(кара) халк» – (подданный) народ.[44] Таким образом, историкам не остается ничего другого, как последовать примеру русских средневековых переводчиков: заменить многообразные эвфемизмы ногайских грамот словом «улус». Для современных авторов оно так же понятно и привычно, как для подьячих Посольского приказа и астраханской Съезжей избы XVI – XVII вв.

Литература

[1] Федоров–Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С.111–114.

[2] Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов: Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934. С.97.

[3] Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII – XIV вв. М., 1985. С.163, 166, 167.

[4] Федоров–Давыдов Г.А. Указ. соч. С. 138 – 141.

[5] Об этой преемственности см.: Кононов А.Н. Родословная туркмен: Сочинение Абу–л–Гази, хана хивинского. М.; Л., 1958. С.44; Трепавлов В.В. Ногайская альтернатива: от государства к вождеству и обратно // Альтернативные пути к ранней государственности. Владивосток, 1995.

[6] Сикалиев А.И.–М. Ногайский героический эпос. Черкесск, 1994. С.36, 37,70,233.

[7] Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988, С. 179; Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос: Избранные труды. Л., 1974. С.441, 442; Перетяткович Г.И. Поволжье в XV и XVI веках: (Очерки из истории края и его колонизации). М., 1877. С.135; Kappeler A. Moskau und die Steppe: das Verhältnis zu den Nogai–Tataren im 16. Jahrhundert // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 1992. B. 46. Berlin. S. 89.

[8] Трепавлов В.В. Нурадины Ногайской Орды // Историко–географические аспекты развития Ногайской Орды. Махачкала, 1993.

[9] Большие Ногаи (Большая Ногайская Орда) – часть ногайской державы, которая осталась под властью верховного бия после междоусобной смуты 1550-х гг. Малые Ногаи (Малая Ногайская Орда, Казыев улус) – политическое объединение, образованное выходцами из Ногайской Орды на Северо–Западном Кавказе и в Приазовье в 1570-х гг.

[10] Викторин В.М. Правое и левое крыло Ногайской Орды в истории

взаимодействия западных и восточных групп ногайцев // Основные аспекты историко–географического развития Ногайской Орды. М.; Терекли–Мектеб, 1991.

[11] Об аналогичной системе в Золотой Орде см.: Трепавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи XIII в.: (Проблема исторической преемственности). М., 1993. С.87 – 94, 99; Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV – XVI вв. Казань, 1979. С.206 – 208; Федоров–Давыдов Г.А. Указ. соч. С.49, 50,138 – 141.

[12] Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф.127. Оп.1. Д.8. Л.240.

[13] Там же. Д.4. Л.376 об.

[14] Там же. 1622 г. Д.3. Л.29.

[15] См. например: там же. Оп.1. Д.8. Л.347.

[16] Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606 г. – 17 июля 1610г.). М, 1914. С.213.

[17] Калиновская К.П., Марков Г.Е. Ногайцы: этнокультурные проблемы и межнациональные отношения // Вестник МГУ. Сер.8. История. 1991. №4. С.61

[18] Очерки истории Карачаево–Черкесии. Т.1. Ставрополь, 1967. С.143; Очерки истории Ставропольского края. Т.1. Ставрополь, 1986. С. 117.

[19] РГАДА. Ф.127. Оп.1. 1633 г. Д.1. Л.125, 126, 128, 130 – 132.

[20] Там же. 1637 г. Д.1. Л.18, 23; 1644 г. Д.1. Л.254, 261.

[21] Там же. 1613 г. Д.3. Л.15, 31; 1632 г. Д.1. Л.102 об., 173, 174; 1642 г. Д.5.Л.19.

[22] Там же. 1641 г. Д.8. Л.3, 5.

[23] Там же. 1632 г. Д.1. Л.172.

[24] Утемиш–хаджи. Чингиз–наме. Алма–Ата, 1992. С.103, 130, XXII.

[25] Бартольд В.В. Сочинения. Т.2. Ч.2. М, 1964. С.394.

[26] Аз, аксюрют, алчин, бадай, байис, байулы, батар, баяут, борлак, бодрак, булачи, буркут, бутас, джалаир (ялаир), джуют, дуван, дурмен, казак, канглы, кара–китай, кат, катаган, келечи, кенегес, кенекей, кени–терк, кереит (керей), кигит, кипчак, киргиз, киргин, кирк, китай, кишлик, кият, кула аян, кунграт, маджар, мангыт, машкир, меркит, месит, минг, найман, нукус, онгут, сарай (сарайчик), сиджиут, солут, тама, темир–ходжа, тогай, тогунчи, тойтюбе, туркмен, турчак (тургак?), узбек, уймаут, уйшун, чат, чалджиут, чубалачи, чумишлы, шакманчи, шемерден, юз.

[27] РГАДА. Ф.127. Оп.1. 1630 г. Д.3. Л.3.

[28] Эвлия Челеби. Книга путешествия: (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в.). Вып.2. М., 1979. С. 162.

[29] Акты времени правления царя Василия Шуйского. С. 179.

[30] См., например: РГАДА. Ф.127. Оп.1. 1629 г. Д.1. Л.321; 1632 г. Д.1. Л.132.

[31] Там же. 1632г.Д.1.Л.169,172.

[32] Там же. 1629 г. Д.1. Л.321; 1632 г. Д.1. Л.167.

[33] См., например: там же. Оп.1. Д. 11. Л.3 об. и сл.; 1587 г. Д.2. Л.37; 1628 г. Д.2. Л. 133; Акты времени правления царя Василия Шуйского. С.167.

[34] См., например: Акты времени правления царя Василия Шуйского. С.167, 184.

[35] См., например: РГАДА. Ф.127. Оп.1. Д.4. Л.123 об.; д.5. Л.126 об., 130; д.6. Л.96, 174.

[36] См., например: там же. Д.6. Л.207, 207 об.; 1639 г. Д. 12. Л.369.

[37] См., например: там же. Оп.1. Д.8. Л.64 об., 68 об., 384; 1627 г. Д.2. Л.185,303; 1631г. Д.2. Л.23.

[38] Там же. 1626 г. Д.2. Л.185.

[39] Там же. 1623 г. Д.1. Л.38.

[40] См., например: там же. 1628 г. Д.1. Л.352, 353; 1630 г. Д.3. Л.5, 6.

[41] Там же. 1623г. Д.3. Л.15.

[42] Там же. Оп.1. Д.2. Л.12; д.6. Л.84 об.

[43] Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Л., 1937. С.169.

[44] Та же терминологическая коллизия, вызванная династической «второсортностью» правящего клана ногаев, наблюдалась и в титулатуре Ногайской Орды (см.: Трепавлов В.В. Указ. соч. С.47 – 49).

Барбара Келлнер–Хайнкеле

Кто был Абдулгаффар ал–Кирими (Заметки о крымско–татарском историке XVIII века)*

Предствленные вниманию читателей заметки являются, по сути дела, собранием биографических данных о совершенно неизвестном крымско–татарском авторе XVIII века – Абдулгаффаре ал–Кирими. До сих пор не было предпринято ни одной серьезной попытки составить полное представление о том, какое место в истории он занимал, и о времени, к которому он принадлежал.

До недавнего времени о крымско–татарском ученом и историке ал–Хадж ‘Абдулгаффаре бин ал–Хадж Хасан бин ал–Хадж Махмуд бин ал–Хадж ‘Абдулваххаб ал–Кирими было известно только то, что расцвет его деятельности приходился на XVIII век. Более 7О лет тому назад Франц Бабингер в своей работе «Историки Оттоманской империи и их труды»[1] посвятил этому человеку «über dessen Lebensgang nicht viel bekannt zu sein scheint» десять с половиной строк, неправильно приведя при этом имя его деда. Как сообщает Ф.Бабингер, Абдулгаффар составил комментрий к 40 хадисам[2] и в 1157/1744 г. написал на старо–турецком языке историю крымско–татарских ханов под названием «Умдет ал–ахбар фи тарих ут–татар». Бабингер, кроме того, приписывает Абдулгаффару работу по всемирной истории, также написанную в 1157/1744 г. под названием «Умдет ат–таварих», высказывая предположение, что первый упомянутый труд по истории крымско–татарских ханов, вероятно, являлся отрывком из этой большой работы или ее частью.

Рукопись под названием «Умдет ал–ахбар», посвященная всемирной истории, хранится в библиотеке Сулеймание в Стамбуле[3] . Те ее части, которые касаются Золотой Орды и Крымского ханства, были опубликованы в 1343/1924–25 г. Неджиб Асим Беем в приложении к «Тюрк тарих энджумени меджмуасы» под названием «Умдет ат–таварих», что объясняет почему Бабингер был не-

* Перевод с английского языка А.А.Арслановой.

сколько сбит с толку.

Современные авторы, изучающие историю Крымского ханства, использовали «Умдет ал–ахбар» Абдулгаффара, во многих случаях полагаясь на печатное издание Неджиб Асим Бея. Совсем недавно Юлай Шамильоглу обратил внимание на принципиальное значение, которое имеет этот источник как для изучения истории Золотой Орды, так и для возникших после ее падения государств[5]. В этом контексте он особо отмечает, что Абдулгаффар, «сильный сторонник правящего рода Ширин», наряду с «Умдет ал –ахбар» составил также историю этого рода в Крыму (с.91). Это утверждение особенно ценно, так как после правления династии Гереев клан Ширин утвердил в пределах ханства наиболее влиятельную единоличную власть, существовавшую в течение нескольких веков. Тем не менее, до сих пор не существует ни одного исследования, посвященного происхождению этого рода и его исторической роли[6].

Как можно выгодно использовать «Умдет ал–ахбар», продемонстрировал Девин Де Вииз в своем фундаментальном труде «Исламизация и исконная религия в Золотой Орде»[7]. Де Вииз имел в своем распоряжении уникальный стамбульский манускрипт «Умдет ал–ахбар» Абдулгаффара вместе с его частью, которая была опубликована Наджиб Асим Беем, причем в этом последнем тексте фактически не выявлены расхождения с манускриптом, по крайней мере, в тех отрывках, которыми Де Вииз воспользовался в своей работе[8].

Этот, довольно поздний труд крымско–татарского автора стал источником основополагающего и оригинального материала для повествования Де Вииза, которое развертывается вокруг Баба Туклеса, легендарного святого XIV века, которому в некоторых преданиях приписывается введение ислама в Золотой Орде во времена правления Узбек хана (1313–1341). В то же время оказывается, что фигура Баба Туклеса веками служила делу поддержания чувства этнической идентичности среди различных тюркских народов, особенно ногайцев. Де Вииз считает Абдулгаффара оттоманским ученым, имевшим доступ к письменным или устным источникам, или же и к тем и другим, некоторые из которых сейчас нам уже недоступны или до настоящего времени не выявлены. Так,

для изучения истории первых ханов Улуса Джучи, Абдулгаффар опирался в основном на историю Утемиш Хаджи (XVI в.), главный источник повествования о Баба Туклесе. Однако он «не просто повторял мнение Утемиш Хаджи, но, вместо этого, опускал или изменял те данные, которые там имелись или старался вводить материал из других источников, когда это было возможно»[9]. Де Вииз детально показывает, что причины, по которым Абдулгаффар переработал повествование о Баба Туклесе, не всегда ясны. В некоторых случаях крымский автор мог не до конца понять используемый источник или источники, так как он уже не был знаком с терминологией или повествованиями, которые относились к доисламским религиозным традициям Внутренней Азии, а также с особой атмосферой, царившей среди тюркских кочевников на ранних этапах их исламизации.

Книга Де Виизе попала мне в руки в то время, когда я вернулась к теме, которой занималась ранее, а именно – к истории крымских татар XVIII века[10]. Ранее я изучала автобиографические заметки крымско–татарского царевича – Саид Герей Султана, написанные в 1755–1758 гг.[11]. В эти заметки принц включил несколько отчасти забавных, отчасти раздраженных комментариев о своих современниках в Крыму и в степи, населенной ногайскими племенами, о сановниках, племенных вождях, ученых и дервишеских шейхах[12]. Среди ученых Саид Герей лично знал некого Гафури Эфенди, который был членом клана Ширин, наиболее выдающейся и влиятельной из знатных династий Крыма, довольно часто противостоявшей правящим ханам. Принц подробно пишет об образованности Гафури Эфенди и его карьере на службе у нескольких ханов и в конце отмечает: «В то время, как я пишу эти строки, Эфенди сидит в своем доме в Карасу и что–то пишет (*te'līf ve taṣnīfe meshghuldürler*). Это правда, что его речь искренна, а его утверждение не имеет недостатков (*sokhnan–i rāst ve müdde ʻā–i bī–kem ü kāst*). Нет сомнения, что никто в Крыму его не любит. Он не только очень ученый и добродетельный, но также образован в специальных науках (*mačārif–i jüziyyede*). Он преуспел в многочисленных работах. Говорят, что он написал в прозе подробную историю чингизидских ханов и джучидских султанов и сокращенный рифмованный вариант»[13]. Очевидно, принц не ви-

дел этих рукописей. В то время я не смогла идентифицировать этого Гафури Эфенди и отложила решение этой задачи.

Недавно я вернулась к биографическим заметкам Саид Герея с тем, чтобы сделать обзор ученых, включая Гафури Эфенди и дервишеских шейхов, живших и творивших в Крымском ханстве в первой половине XVIII века[14]. Только позднее, на следующей стадии, при сравнении нескольких источников времен правления не очень влиятельного крымско–татарского хана Саадет Герея III (правил в 1717–1724)[15], мне стало ясно, что, возможно, сущестует связь между автором «Умдет ал–ахбар» Абдулгаффаром ал–Кирими и неким Кирими Гафури, упомянутым Халим Гирей Султаном (ум. в 1239/1823–24) в качестве одного из источников при составлении его труда «Гюлбюн–и ханан», широко известной серии биографий Герей ханов от начала их правления до падения этой династии[16]. В этом контексте я, в конце концов, обнаружила, что некоторые биографические детали, которые Саид Герей в автобиографических заметках относит к Гафури Эфенди, совпадают с информацией Абдулгаффара ал–Кирими, которую он дает о себе во введении к своей работе «Умдет ал–ахбар».

При более пристальном чтении «Умдет ал–ахбар», особенно раздела, в котором повествуется о ханах, начиная с XVIII века до 1740 г.[17], было обнаружено поразительное число автобиографических заметок, которые Абдулгаффар сделал мимоходом, когда, по существу, писал историю ханов, своих современников. Теперь нам представляется оправданным идентифицировать Абдулгаффара ал–Кирими, давно известного автора, с Кирими Гафури, источником Халим Гирея и с ученым Гафури Эфенди, о котором писал Саид Герей в своих автобиографических записках.

Во введении к своему труду «Умдет ал–ахбар» Абдулгаффар говорит, что правивший в то время хан Селим Герей ибн Каплан Герей (1743–1748) разгневался на него по совершенно неизвестным и необъяснимым причинам и выслал его в загородное имение в деревне Сафа Кунграти. Позднее хан подверг Абдулгаффара домашнему аресту в его доме в Карасу возле Бахчисарая. Через некоторое время Абдулгаффар был выслан в крепость Согуджак (на Черноморском побережье Абхазии), ужасное, по его словам, место, где ему пришлось испытать все возможные страдания и горе

(*her bār khavf–i jān ve ḥasret–i khānüman ile ṣāḥib–i reni ü cana*). Тем не менее, он смог написать там большое число трудов на религиозные и исторические темы. Среди них – «Умдет ал–ахбар», всемирная история, по его словам, от начала мироздания до правления османского султана Махмуда I (1730–1754 гг.), которая включала историю четырех улусов чингизидского рода с особым акцентом на крымских ханах от Хаджи–Герей хана (правил с перерывами в 1430 ? –1466 гг.) до Менгли–Герея II (1737–1739 гг.) и Селамет– Герея II (1740–1743) (с.5–6)[18]. Далее наш автор перечисляет письменные источники, в которых он искал информацию и упоминает заслуживающие доверия свидетельства очевидцев, которые он сам проверял (с.6–7)[19]. Он также упоминает, что был очевидцем целого ряда событий (с.9).

После этих вступительных замечаний в работе не содержится дополнительных ссылок автора на самого себя до 1123/1711 г., то есть до времени правления Девлет–Герей хана II (1708–1713 гг.). В конце июля 1711 г. русскому царю Петру I пришлось капитулировать на реке Прут перед лицом превосходивших сил османской армии. Абдулгаффар на семи страницах дает нам подробное описание Прутской кампании, так как, по его словам, он принимал в ней участие вместе с 40000 других татарских воинов (с.147–154). Само по себе это описание не добавляет ничего нового к нашим знаниям о победе турок на Пруте, но оно представляет собой интересное суждение очевидца, сурово критикующего грубые ошибки османского военного руководства. Год проведения этой кампании также мог бы дать нам ключ к определению даты рождения Абдулгаффара: не позднее начала 1690–х годов.

Следующий случай, когда Абдулгаффар говорит о себе – это когда хан Девлет–Герей II вместе с главой рода Ширин–ал–Хадж Джан Темур Бегом отправился в карательную экспедицию против неуправляемых черкесских племен на Кубани (с.154–155). Дата не приводится, но, вероятно, это произошло ненамного позже Прутской кампании, потому что другая экспедиция, в которой Абдулгаффар также участвовал, упоминается в 1124/1712 г. (с.155). В этом контексте наш автор довольно подробно говорит о великолепном приеме, оказанном этому экспедиционному войску турецким комендантом в Азовской крепости (с.155–156), которую Петр

I был вынужден вернуть Оттоманской империи по условиям мирного договора 1712 г., после его поражения на Пруте. Однажды добившись успеха и игнорируя мирное развитие оттомано–российских отношений, крымские войска глубоко проникли на русскую территорию, беря добычу везде, где они проходили. Абдулгаффар рисует здесь живую картину опасностей и препятствий, с которыми пришлось встретиться участникам набега (с.156–158). Фактически этот отрывок представляет собой больше, чем просто историческое отражение обычных пограничных вторжений; он является миниатюрой, в которой проявилось сострадание к жестоким степным правителям.

Затем мы читаем о приключениях Абдулгаффара в главе о Са'адет Герей хане III (1717–1724 гг.). Наш автор упоминает, что он занимал должность *кади* во владениях рода Ширин, к которому принадлежал, и что он был должным образом информирован о событиях 1724 г. (с.164). Эти события начинались как восстание некоторых представителей клана Ширин, переросшее затем во всеобщее восстание аристократии и бунт простого народа, что привело к бегству хана и его свержению османским правительством. Не вызывает сомнения, что Абдулгаффар был очевидцем развития этих событий, хотя это и не означает, что он был беспристрастен. Тем не менее, его рассказ о правлении Са'адет–Гирей хана III гораздо более объективен, чем «единодушная» критика, содержавшаяся в османских источниках[20].

В 1735 г. Абдулгаффар смог совершить паломничество в Мекку, после чего получил титул «ал–Хадж» (с.173). Это произошло тогда, когда он занимал должность «диван катиби» (секретарь совета) при Каплан–Герей – хане I (третье правление в 1730–1736 гг.). Из контекста становится ясным, что Абдулгаффар был близок к хану (с.179) и очень не любил его преемника – Фетх Герей хана II (1736–1737 гг.), которому также служил в качестве «диван катиби» (с.179)[21]. В мае 1736 г., на ранних этапах турецко–русско–австрийской войны, которая закончилась Белградским мирным договором (1739), русская армия захватила укрепления в Перекопе (Ор кал'еси) и вторглась на Крымский полуостров, где сожгла и разграбила основные города – Гозлев (Евпатория), Бахчисарай и Акмесджид (Симферополь). Еще во время осады Перекопа хан от-

правил Абдулгаффара в Гозлев к только что прибывшему туда командующему османским флотом, с просьбой о помощи. Хотя османы в большей степени были заинтересованы в развертывании своих кораблей под защитой крепости Кефе (Кафы), тем не менее, они послали несколько морских флотилий для укрепления Перекопского гарнизона. Эта информация очень интересна еще и тем, что османские источники, полагающие, что на хане лежала личная ответственность за катастрофу, вызванную русским вторжением, приводят в качестве одной из ее причин, как и свержения хана вскоре после этого в августе 1736 г. то, что он не принял бы помощь османского флота[22].

Абдулгаффар вновь встретился с османами зимой 1149/1736–37 гг. После успешного рейда на территорию России новый хан Фетх–Герей II (1736–1737 г.) послал большое число подарков и рабов в Стамбул. Абдулгаффар был членом этого посольства и участвовал не только в аудиенции, данной султаном Махмудом I, но также встретился с высшими оттоманскими сановниками (с.180–181). В 1150/1737 гг. хан отправил Абдулгаффара в качестве своего эмиссара в ставку османских войск на равнине близ крепости Картал[23], где он узнал о критической ситуации в войсках османов (с.183).

Тем временем Фетх Герей хан II был свергнут и на престол во второй раз взошел Менгли–Герей II (1737–1739 гг). Еще в Картале Абдулгаффар получил позволение османов участвовать в делегации, которая должна была приветствовать нового хана в сентябре 1739 г. в Монастире, близ Бабадаги в Добрудже (с.183).

В последний раз мы слышим об Абдулгаффаре в контексте его хронологического описания, когда Селамет–Герей хан II (1740–1743 гг.) назначил его кади (с.193). После этого сообщения повествование прерывается.

Имеется четыре небольших дополнения, приложенных к печатному варианту рукописи. В первых трех Абдулгаффар представляет краткую и сочувствующую историю рода Ширин с перечислением 26 лидеров этой знатной семьи и их сыновей, начиная от Ректемур Бега (XIV в.) вплоть до внуков ал–Хадж Джан Темур бега, бывших современниками Абдулгаффара (с.193–203). В этом контексте Абдулгаффар подчеркивает, что он приводит имена толь-

ко основных представителей семьи, так как его материал недостаточен для того, чтобы дать полное генеалогическое древо (с.195).

Для того, чтобы сравнить сведения, которые приводит Абдулгаффар о своей жизни, рассмотрим теперь жизнь Гафури Эфенди, как о ней написал Саид–Герей Султан в своих автобиографических записках (TSG, fol.100a). Мы узнаем, что он принадлежал к роду Ширин, вышел из Сапа Кунграт и учился вместе с учеными того времени. По терминологии принца, это означает, что Гафури Эфенди получил образование не в Османской империи, а в Крыму.

Во–первых, в неустановленный период он занимал должность *кади* при Джан Темур Беге, главе рода Ширин, вожде племенной аристократии. Когда Фетх–Герей I (1736–1737) взошел на престол, он назначил Гафури Эфенди своим *диван эфендиси* (главой канцелярии), то есть одной из ключевых фигур в правительстве. «В год битвы» (то есть османской осады находившегося в руках русских Картала, в 1737 г.) хан послал Саид Герея с миссией в османскую ставку в Картале. Именно в это время (сентябрь 1737 г.) Менгли–Герей II вернулся с Родоса для второго правления (1737–1739), и оба – и принц и Гафури Эфенди – были среди людей, приветствовавших его в деревне Монастир в окрестностях Исакча (Добруджа, на Дунае). Оттуда новый хан отправился к реке Турда (Днестр) и далее для осады крепости Озу (Очаков). Оттуда хан выехал для участия в военной кампании на реке Бозук [24]. На некоторое время Саид Герей и Гафури Эфенди стали попутчиками, затем Гафури Эфенди ушел с ханом на Бозук, тогда как Са'ид Герей остался в Аккермане. После смерти Менгли–Гирея II (декабрь 1739 г.) новый хан Селамет Герей II (1740–1743) назначил Гафури Эфенди *кади* при *калга (galgha*) (заместителе хана) Селим Гирей Султане. Когда Селамет Герей был свергнут и Селим Герей II (1743–1748) наследовал ему в качестве хана, между правителем и Гафури Эфенди возникли разногласия (nifaq), в результате чего последнего заключили на некоторое время под домашний арест, а позднее выслали в крепость Согуджак.

В конце повествования принц приводит некоторые подробности о заслугах Гафури Эфенди как ученого, особо подчеркивая, что он не видел ни одной из многочисленных исторических и ре-

лигиозных работ Эфенди, которые тот создал. Тем не менее, он выделяет историю чингизидов и джучидов в прозе и стихах, упомянутые выше, и, вдобавок, переводы работ по каноническому исламскому праву (*shir'at al–Islām*), а также сборник основных религиозных правил и предписаний (*qavā'id*). Среди многих работ Гафури Эфенди в области специальных наук (*ma'arif–i jüz'iyye*) принц лично видел только перевод «Хайат ал–хайаван» и «Хильят ар–рауд»[25], но так как он не точен в отношении авторов и названий, в данном случае идентификация оригинальных трудов представляет определенную трудность. Более всего принц восхищался поэзией Гафури Эфенди. Он даже называет его главой крымских поэтов и Баки своего времени[26]. К сожалению, ни одной строчки приписываемой ему поэзии до нас не дошло. Так как Са'ид Герей писал эти заметки о Гафури эфенди около 1755–1758 гг., мы имеем случай «terminus post quem» в отношении даты смерти Абдулгафара, или же Гафури эфенди.

Если не «Умдет ал–ахбар», то интересная биография Абдулгаффара заставляет нас понять, что он был не совсем татарским вельможей. Важно отметить, что Абдулгаффар возвысился в Крыму, в самом главном аристократическом роде Ширин. Позднее он работал как на знаменитого главу этой семьи – ал–Хадж Джан Темур Бега, так и на нескольких ханов, выполняя судейские и дипломатические функции. В то же время он узнал, что такое война как по своему собственному опыту участия в экспедициях в район Кубани, так и из рейдов в степные районы, предпринимавшихся татарами, казаками, калмыками и ногайцами. Он также участвовал в войнах между османами и союзными Россией и Австрией. Он ездил в Стамбул и наблюдал жизнь османского двора. Он также имел опыт паломничества к святым местам Хиджаза. В своей работе «Умдет ал–ахбар» Абдулгаффар демонстрирует обширные знания арабских, персидских и тюркских источников, некоторые из которых нам уже недоступны, и тех материалов, которые он, возможно, использовал для своих исторических заметок, относившихся к роду Ширин. Наконец, Абдулгаффар, несомненно, обладает чувством сострадания и даже юмора, например, когда он описывает страдания своих крымских и ногайских товарищей в зимних походах, или когда в саркастической поэме разъясняет слож-

ные политические отношения между османами и русскими.

Примечания

1. Franz Babinger, Die Geschichtsschreiber der Osmanen und ihre Werke, (Leipzig,1927),p/270.

2. Эти сведения приводятся без дальнейшей ссылки из работы Брусали Мехмед Тахира «Os̲mān̄li Mü'ellifleri III, (Стамбул, 1342/1923–24), c. 100, s.v. «'Abdulghaffār b. Hasan Qirimī». В тюркоязычном мире наиболее популярное собрание Сорока хадисов, важного жанра исламской религиозной литературы, принадлежит сирийскому ученому Мухи ад–Дину ан–Навваи (631/1233–676/1277); cf. Abdülkadir Karahan (ed.), Kirk hadis, (Ankara, 1985).

3. Эсат Эфенди, no.2331. В моем распоряжении не было этой рукописи. Для более полных сведений об этой рукописи см.: Devin De Weese, Islamization and Native Religion in the Golden Horde. Baba Tükles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition, (University Park, Penn.,1994), pp.145,353.

4. Türk Tārīkh Enjümeni Mejmu'asi, 'ilāve 11, (Istanbul, 1343/1924–25), 207 pp., в дальнейшем сокращено как TTEM. Неджиб 'Асим не объясняет во введении к своему изданию почему он изменил название «Умдет ат–теварих» (Опоры историй). 'Абдулгаффар называет свой труд «Умдет ал–ахбари л–му'тебер (Опоры истинных традиций или историй), см.TTEM, c.9.

5. Юлай Шамильоглу «The Umdet ul–ahbar and the Turkic Narrative Sources for the Golden Horde and the Later Golden Horde», в : Hasan B.Paksoy (ed.), Central Asian Monuments, (Istanbul, 1992),pp.81–93 (Schamiloglu 1992).

6. Тем не менее, ранняя история «правящих кланов» Крымского ханства до 16 века изучалась, см.: Юлай Шамильоглу «The Qaraçi Beys of the Later Golden Horde: Notes on the Organization of the Mongol World Empire», в «Archivum Eurasiae Medii Aevi» 1V, 1984, pp.283–297; Halil Inalsik: «The Khan and the Tribal Aristocracy: The Crimean Khanate under Sahib Giray 1», in Harvard Ukrainian Studies 111/1V,1,1970–1980 (= Eucharisterion, Essays presented to Omeljan Pritsak on his Sixtieth Birthday by Colleagues and Students, ed.by Ihor Sevcenko and Frank E.Sysyn), pp. 445–466; Beatrice Forbes Manz, «The Clans of the Crimean Khanate, 1466–1532», in Harvard Ukrainian Studies П,1,1978,pp.282–309. См.также: Schamiloglu 1992,pp.90–92;'Alexandre Bennigsen at al. (eds.), Le khanat de Crimée dans les archives du musée du palais de Topkapi, (Paris, 1978), passim; Alan W. Fisher, The Crimean Tatars, (Standford, 1978), pp.21–23.

«Умдет ал–ахбар» Абдулгаффара ясно показывает, что крымская аристократия все еще продолжала оказывать заметное влияние на крымскую политику первой половины 18 века, что и привело в конечном счете к присоединению ханства к Российской империи.

7. См. сноску 3.

8. De Veese 1994, p.145, сноска 178.

9. De Veese 1994,p.354. Де Вииз допускает, что у ‘Абдулгаффара был доступ, среди прочих, к традициям хальветийских шейхов в Крыму (с.361). Сам ‘Абдулгаффар в своем труде не упоминает о каких–либо личных связях с дервишескими орденами. Однако в современном источнике хальветийская ложа упомянута в связи с центральным городом клана Ширин Карасу, где у ‘Абдулгаффара был свой дом (см.ниже), cf. Barbara Kellner–Heinkele, «Crimean Tatar and Nogay Scholars of the 18th Century», in Michael Kemper, Anke von Kügelgen, Dmitriy Yermakov (eds.), Muslim Culture in Russia and Central Asia from the 18th to the Early 20th Centuries, (Berlin, 1996) (= Islamkundliche Untersuchungen, 200), pp.279–296, здесь с.288–289 (Kellner–Heinkele 1996 a). Эта статья основана на сведениях, данных в «Тарих» (ca.1755–1758) Са’ид–Герей Султана (соответственно сокращено в TSG), уникального манускрипта, хранящегося в Staatsbibliothek в Берлине, Hs.or.oct. 923, часть 3 (=fol.87 a–135 a); см. Türkische Handschriften, Teil 1, beschrieben von Barbara Flemming, (Wiesbaden, 1968), (=Verzeichnis der Orientalischen Handschriften in Deutschland, ХШ,1),pp.227–228, no.284. Халим Герей (ум. в 1823 г.) указывает в своем труде «Гулбун–и ханан» (издание: Стамбул 1287/1870, с.97), что Менгли Герей хан П (правил в 1724–1730, 1737–1739 гг.) дал привилегии Хальветийскому монастырю в Карасу.

10.Barbara Kellner–Heinkele, «St.Petersburg and the Steppe Peoples. Diplomatic Correspondenses of the 18th Century from the Arkhiv Vnesnej Politiki Rossijskoj Imperii in Moscow,» in Giovanni Stary (ed.), Proceedings of the 38th Permanent International Altaistic Conference (PIAC), Kawasaki, JAPAN: August 7–12,1995, (Wiesbaden, 1996), pp.219–236.

11.Barbara Kellner–Heinkele, Aus den Aufzeichnungen des Sa’id Giray Sultan. Eine zeitgenössische Quelle zur Geschichte des Chanats der Krim um die Mitte des 18.Jahrhunderts, (Freiburg im Breisgau,1975) (=Islamkundliche Untersuchungen,28).

12. TSG, особенно fol.94 a–104 b.

13. TSG, fol.100 a, строка 16–22; cf. Kellner–Heinkele 1975, pp.119,226–227.

14. Kellner–Heinkele 1996 a (см. сноску 9).

15.Barbara Kellner–Heinkele, «Portraits of a Ruler»: Sa’adet Gerey Khan

Ш», должна выйти в: Festschrift for Halil Inalcik on his 80th Birthday.

16. Gülbün–i Khanan, p.5.

17. TTEM, pp.133–193.

18. TTEM, pp.5–6. «Умдет ал–ахбар» не посвящена какому–то определенному хану, по крайней мере, согласно изданию Неджиб ‘Асима. В своем введении ‘Абдулгаффар просто говорит: «В этом 1157 [то есть 15 П 1744] году, «когда его величество Герей (!) хан б. Каплан Герей отправился в свою резиденцию в землю Крым и в то время, когда этот смиренный слуга был членом ‘улемы, убежища верности, он [хан] – по причинам, которые я не знаю и которые я вовсе не осознавал – загорелся силой гнева и вспышками ярости [...]» (с.5). Так как все члены династии Гиреев носили личные имена, то, в данном случае, или имеется опечатка в имени хана, или же лакуна в рукописи, которую Неджиб ‘Асим не воспроизвел. Имя хана надо читать как Селим Герей хан (II, правил в 1743–1748 гг.), он фактически был сыном Каплан Герей хана 1 (правил в 1707–1708, 1713–1716,1730–1736). Неджиб ‘Асим, однако, воспроизводит эту лакуну, или, скорее строки, которые были стерты (силик) в рукописи (с.6,10). В первом случае ‘Абдулгаффар говорит о хане, сыне ал–Хадж Селим Герея 1 (правил в 1671–1678, 1684–1691,1692–1699,1702–1704), до правления которого он хочет довести свой «Умдет ал–ахбар». Последняя глава труда действительно посвящена Селамет Герею II б. ал–Хадж Селим Герею 1 (правил в 1740–1743 гг). В конце своего вступления (с.10) ‘Абдулгаффар, вероятно, говорит о человеке , которого он хотел почтить своим трудом, но его личность нельзя установить, так как некоторые места утрачены.

19. TTEM, pp.6–7. Вероятно, ‘Абдулгаффар хорошо знал мусульманскую классику. Он указывает, среди других, труды на арабском языке:»-Ат–Табари (839–923), ал–Мас’уди (умер в 956 г.), Абу л–Фиды (1273–1331), Ибн аш–Шихна (ум.в 1485 г.), на персидском языке: Фирдоуси (ум. ок. 1025–26 гг.), ал–Байдави (13 в.), Шараф ад–Дина ‘Али Йазди (ум. в 1434–35 гг.), Мирхонда (ум. в 1498 г.), на османско–турецком языке: Нешри (15 в.), Лутфи Паши (ум. в 1562–63 ?), Мустафа ‘Али (1541–1600), Хезарфенн (ум.в 1691 г.); см. также Де Вииз 1994, с.354, сноску 80. Интересно, что произведения ат–Табари, ал–Масуди, ’Али Йазди и Мирхонда также считались авторитетными историческими трудами в Центральной Азии, по крайней мере, в Хивинском ханстве, где они были переведены на чагатайский язык в 19 веке. См. Barbara Kellner–Heinkele, «Glimpces at the Cultural Life of 19th Century Khiva» в: Rocznik Orientalistyczny XLIX,2,1994, pp.119–127, здесь сс.123–124.

20. TTEM, pp.162–165; cf.Kellner–Heinkele, «Portraits of a Ruler»», в:

Festschrift Inalcik с дальнейшими ссылками; см.также: В.Д.Смирнов. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII столетии (Одесса,1889), сс.30–38 как наиболее полное, доступное нам описание Са'адет–Гирея III, основанное на современных османских историях Мехмеда Рашида (ум. в 1735 г.), Кючюк Челебизаде Исма'ил 'Асима (ум.в 1760 г.), Сеййид Мехмеда Ризы (ум. в 1756 г.) и более позднего крымского источника Халим Герея (ум. в 1823–24 гг.), но не на «Умдет ал–ахбар» 'Абдулгаффара.

21. Должности «Диван катиби», или «диван эфендиси» среди высшей знати ханского окружения следовали после муфтия, кади–'аскера и кади Бахчисарая. Вероятно, он был образован в каллиграфии и искусстве составления писем (инша'), однако его также могли использовать в дипломатических миссиях. См.: Kellner–Heinkele 1996 a, pp.282–283.

22. Сеййид Мехмед Риза (es–Seb 'us–seyyar takhbar miluk Tatar опубл.: Мирза Искендер б.ал–Казим Бек (ред.), Казань, 1248/1832, сс.339–342) отсылает по этому вопросу к неустановленному крымскому шейху, который в письме докладывал Верховной Порте о многочисленных грубых ошибках, совершенных ханом, крымско–татарскими лидерами и населением до и во время русского нашествия; ср. Смирнов 1889, сс.56–59; Joseph von Hammer–Purgstall, Geschichte des Osmanischen Reiches 7, (Pest,1831), pp.474–478.

23. Южная Бессарабия, напротив Исакчи (Isaccea) возле слияния рек Ялпух и Дунай.

24. Эта река осталась неустановленной. 'Абдулгаффар упоминает в этой связи два похода на казацкие степи, предпринятые в 1711 и 1712 гг. из Азака (Азов) (с.152,156). Он также говорит о походе, упомянутом здесь Са'ид–Гиреем, из Озу (Очаков) в конце 1737 г. (с.170). Таким образом, она может быть локализована в регионе к северу от этих двух крепостей.

25. Под «Хайат ал–хайяван», возможно, он подразумевает хорошо–известную пара–зоологическую энциклопедию ад–Дамири (умер в 1405–06 гг.);'cf. EI II (1961) s.v. «ал–Дамири» (Л.Кнопф). «Хильят ар–равд» мог относиться к «Хильят ал–аулийа ва–раудат ал–асфийа» османского ученого Веджди Ахмед Эфенди (1633–34); cf. Brusali Mehmed *ṭ̄a*hir, 'O*s̲mā*nli mü'ellifleri II (Istanbul, 1333/1915),p.50.

26. К настоящему времени Баки (1526–1600) широко признан как величайший представитель османской классической поэзии.

Виктор Остапчук

Хроника Реммаля Ходжи «История Сагиб Герей хана» как источник по крымско–татарским походам*

Понятно, что на конференции, проводимой в великом городе Казани, целью которой является изучение источников по истории Улуса Джучи, главное внимание будет сосредоточено на районе Идиля или Волги, особенно на Казанском ханстве. Особенно важно, что большее внимание сконцентрировано на центральных землях Золотой Орды, поскольку они отчасти игнорировались, по крайней мере, с точки зрения западной науки. С другой стороны, мы не должны забывать, что Крымское ханство, несмотря на тот факт, что ему посчастливилось быть самым долгоживущим из государств, наследников Улуса Джучи, также получило гораздо меньше внимания в исторической науке, чем оно того заслуживает. Здесь мы намерены сосредоточить внимание на источнике, связанном с правлением Сагиб Герея (1532–1551), ранее бывшего ханом Казани (1521–1524). В связи с общим наследием Крымского и Казанского ханств и их тесными связями во многих сферах, то, что здесь будет сказано о первом, будет интересно и тем, кто посвящает свои научные усилия последнему. В любом случае, уместно, что Крымское ханство тоже будет представлено на этом собрании, посвященном истории Золотой Орды.

Тема, которую мы намерены здесь рассмотреть, с одной стороны, является одной из самых больших для утверждения прославления Улуса Джучи и, конечно, вообще чингисидских государств, тем не менее, с другой стороны, ее причиной были и остаются сохраняющиеся во многих историографических традициях антипатия и пристрастие по отношению к этим государствам. Мы имеем в виду их способ ведения войны. Все, кто изучал, например, первоначальное монгольское продвижение по Восточной Европе,

* Перевод с английского языка А.А.Арслановой. Написания имен собственных и тюркских слов из источника даются в авторском варианте.

были поражены не знающим себе равных превосходством их военной машины, сокрушающими победами, которые даже сегодня часто выявляют признаки негодования, или, по крайней мере, сожаления у историков, которые происходят из обществ, потерпевших от них поражения. Даже в 14–16 вв., то есть приблизительно до эффективного введения порохового оружия, татары были труднопреодолимыми в своей военной доблести. Появление мушкетов и пушек еще долгое время не означало, что они перестали быть силой, с которой нужно считаться. Так или иначе, до конца 15 века они выиграли гораздо больше битв, чем проиграли. Несмотря на явные достижения монголов и татар в военном искусстве, имеется много аспектов в том способе ведения ими войны, который ускользает от нашего понимания. За исключением доблести в реальном бою, монголы и татары были мастерами в технике дальних походов. Для крайнего примера скажем, что западная кампания 1221–1223 гг., возглавлявшаяся генералами Джебе и Субедеем, в которой относительно незначительные силы в 20–30 тысяч человек, выполнявшие по существу разведывательную миссию, проехали верхом около пятнадцати тысяч километров и выиграли более дюжины главных битв, обычно против превосходящих сил противника. Джеймс Чеймберс, автор книги о монгольских завоеваниях, назвал этот поход «наиболее выдающимся достижением кавалерии в истории войн»[1].

Конечно, Крымское ханство и его военные отличались от первоначальной Монгольской империи и ее военной машины. Тем не менее, крымские татары были мастерами длительных военных экспедиций. И хотя наиболее обычным и удачным для них были длительные экспедиции через черноморские степи в Московию или на украинские земли Речи Посполитой, они также проводили операции на менее знакомой территории – не только на Кавказе, но и, по приказанию османов, в Центральной Европе – на венгерском и в восточной Анатолии – на иранском фронтах. Все эти экспедиции требовали мастерства в организации, определенного знания путей и территории противника, способности выживать в трудной окружающей обстановке и так далее. Это были не столько «набеги» кочевников, жадных до добычи, а скорее хорошо спланированные и тщательно проведенные военные операции. До сих пор

мы имеем только поверхностное знание о том, как крымские татары преодолевали свои длительные походы. Многое из того, что мы думаем, что знаем, основано на скудных фактах – часто одном–двух свидетельствах современников, чья информация необязательно была получена из первых рук.

Здесь мы хотели бы выдвинуть на передний план сведения о крымско–татарских военных экспедициях, сохранившиеся в хронике Кайсуни–заде Мехмед Нидаи, более известного, как Реммаль («геомант, астролог») Ходжа, «Тарих–и Сагиб Герей хан», или «История хана Сагиб Герея». К сожалению, так как большинство архивов Крымского ханства погибли, у нас нет возможности получить такое же хорошее понимание крымского военного дела, какое, например, мы получаем для понимания османского, относительно которого сохранились тысячи документов и реестров («дэфтэр»)[2]. Вместо этого, мы по большей части вынуждены собирать по крупицам сведения из повествовательных источников, связанных с ханством, из которых также сохранились лишь немногие. К счастью, хроника, которую мы помещаем здесь в центр нашего внимания и которую мы считаем одним из великих трудов XVI в. в османской историографии (мы говорим «османской», потому что автор был османом и язык хроники является османско–турецким), является очень богатым источником по крымскому военному делу, а также по другим темам. Хотя хроника Реммаля Ходжи известна ученым с прошлого века[3], они начали более полно оценивать ее значение только в прошлом поколении. Она была опубликована Озальпом Гьокбильгином в 1973 г., хотя и в издании, полном опечаток и ошибок, и только с неглубоким комментарием[4]. В том же году О.Гьокбильгин опубликовал монографию о политической истории Крымского ханства во время правлений Сагиб Герея и Девлет Герея, которая в отношении первого хана широко базировалась на сведениях Реммаля Ходжи, и ценность хроники, как источника о крымском военном деле, становится очевидной[5]. Однако именно Х.Иналджик в своей переломной статье о политике Крымского ханства дал нам до настоящего времени самое полное представление о великолепном сочинении Реммаля Ходжи – «Тарихе» – как об историческом источнике[6]. Более того, хотя статья Х.Иналджика в основном посвящена крымской

политике, он также уделяет внимание военным вопросам, особенно вооруженным в османском стиле мушкетами войскам Сагиб Герея и полевой артиллерии (крымская армия может быть разделена на две части – меньшая, мушкетное войско, включающее пехоту и бегов («ич оглан, ички бэглэри»), подданых хану, и более крупная часть – племенная кавалерия аристократичных карачи бегов). Здесь мы в основном сконцентрируемся на аспектах крымских военных операций, особенно на небоевых аспектах походов, таких, как организация, передвижение, протокол и ритуал. Интересна будет информация о быте или даже о ежедневной жизни («la vie quotidienne»). Мы менее остановимся на аспектах, уже затронутых Х.Иналджиком, и отсылаем читателя к его работе. Хотя наши знания о крымско–татарском военном деле все еще не очень продвинуты, о нем имеются некоторые достойные внимания научные достижения. Кроме работы Х.Иналджика мы хотели бы отметить два других исследования, имеющих отношение к крымско–татарскому военному делу: работу В.Е.Сыроечковского о Мухаммад Герее, основанную на опубликованных материалах московского Посольского приказа[7], и работу о крымско–татарских набегах на северные страны – Речь Посполиту (то есть в основном Украину) и Московию – написанную Лесли Коллинз на основе польских, русских и других не–османских источников[8].

До того, как продолжать далее, необходимо несколько слов посвятить хану Сагиб Герею, Реммалю Ходже и его хронике. Сагиб Герей был третьим сыном великого Менгли–Гирея (правившего с перерывами между 1466 и 1476, а затем в 1478–1514) который стал ханом Крыма. Как было указано ранее, между 1521 и 1524 гг. Сагиб Герей был ханом Казани. Долгое правление Сагиб Герея в Крымском ханстве характеризовалось утверждением власти хана и попыткой ограничить силу четырех главных крымских племен, так называемых «карачи», и ногаев, которые располагались в степях вне Крымского полуострова. Большую часть лет между своим ханством в Казани и в Крыму Сагиб Герей провел при или рядом с османским двором – он совершил хадж и даже участвовал в походе Сулеймана против Габсбургов в 1532 г. Таким образом, он, очевидно, неплохо знал османское государство и общество, которое послужило образцом для его видения Крымского ханства – силь-

ного централизованного государства вокруг власти хана, по модели османского султаната. Реммаль Ходжа, прекрасно образованный османский ученый, присоединился к Сагиб Герею, когда он отправился из Стамбула в Крым в 1532 г. и служил ему астрологом, врачом и близким советником на протяжении всего его правления[9]. Его хроника широко основывается на собственных данных, как очевидца; то, что не основано на его свидетельствах, как очевидца, можно предположительно отнести к сведениям других участников событий. В сравнении с большинством других хроник, посвященных Крымскому ханству, будь то османских, или татарских, «Тарих» является выдающимся трудом, так как его автор предпочитал давать относительно четкое описание событий и снабжать конкретными деталями, нежели загромождать свой труд демонстрацией напыщенного стиля и риторики. «Тарих» является сокровищницей информации не только о крымской политике, институтах, военном деле, но также о быте населения ханства и даже его соседей (особенно народов северо–кавказского региона), а также о географических условиях. Что касается крымских военных дел, мы замечаем здесь, что именно походы занимают центральное место в «Тарихе» – приблизительно две трети работы посвящено описаниям походов: подготовке, организации, движению на данный театр военных действий и обратно, самому бою и другим действиям, относящимся к данным кампаниям, таким, как церемонии и торжества. По большей части информацию о крымской политике, институтах и быте в целом можно обнаружить именно в рассказах Реммаля Ходжи о военных походах и о всем, что их касается.

Чтобы оценить многообразие крымско–татарских военных мероприятий во время правления Сагиб Герея, как представлено в «Тарих», было бы полезно пересказать некоторые из описаний Реммаля Ходжи о татарских походах. Пределы статьи препятствуют этому, однако, в любом случае, текст и перевод О.Гьокбильгина дает в достаточной мере необходимый доступ к изложению летописцем этих мероприятий. Целью этой статьи является дать аналитический обзор о некоторых чертах крымско–татарской военной машины, то есть дать очертания «анатомии» крымско–татарских военных кампаний со ссылкой на их физическое окруже-

ние. Мы попытаемся отобрать в «Тарих» содержащиеся в нем конкретные данные о военных делах. По теме с такой скудной фактической базой важна любая конкретная, засвидетельствованная деталь. Важной для нас является не только информация, дающая новую картину какого–то аспекта поведения татар на войне, но также информация, которая могла бы быть по существу такой же, как та, что дается другими первостепенными источниками. Это так, потому что часто нашими источниками конкретной информации о Крымском ханстве, являются, например, такие путешественники, как М.Литвин, д'Асколи и Боплан, которые, хотя и были современниками и в некоторой степени наблюдателями, также собирали сведения от других наблюдателей, то есть это были данные, которые могли быть как общеизвестными, так и ложными слухами. Более того, эти путешественники так или иначе являлись посторонними людьми по отношению к ханству. Часто их свидетельство по данному аспекту татарской жизни является единственным подобным, и оно могло быть просто фальшивым, имеющим отношение к прошлому или редкому случаю, или же относящимся к явлению, ограниченному определенным временем или местом. Конечно, мы склонны доверять правдивости этих авторов, испытывая недостаток в лучшей альтернативе и, полагаясь на традиционную природу татарского общества, надеемся, что их картина может быть приложима к другим периодам. Эта потенциальная проблема может относиться к информации, данной в документах посольского приказа, например, в отчетах московских послов[10]. Когда совершенно оригинальный, независимый источник, как «Тарих», исходящий из ханства, дает информацию, которая поддерживает или является практически идентичной с той, которую дают источники, исходящие из–за пределов ханства, результат вначале может показаться не таким интересным, как сведения, которые являются новыми и беспрецендентными. Однако подобные повторяющиеся данные фактически являются более ценными, так как позволяют начать построение исторической совокупности, а не действовать в соответствии с единичными фактами. Следовательно, изолирование конкретных, как мы надеемся, аутентичных деталей соответствующих событий и быта ханства, имеет первостепенное значение. Между тем, на этом, все еще недоста-

точно разработанном этапе в изучении крымско–татарского военного дела, мы будем избегать обобщений о природе татарского военного искусства. Из–за ограниченного объема данной статьи более полное сравнение сведений в «Тарихе» с другими источниками будет проведено в другом месте. Иными словами, главной целью в данном случае является исследование «Тариха» по конкретным данным и демонстрация богатства его информации, которая может быть основой и стимулом для дальнейшей работы над этим и другими источниками о крымско–татарской практике войны[11].

* * *

В целом в «Тарихе» описаны девять походов. Чтобы дать читателю представление о течении событий и чтобы сделать более понятными дальнейшие ссылки на них, мы даем следующие синопсисы[12]:

1. Молдавия, 1538: это – тот самый поход, который лично возглавлялся султаном Сулейманом Великолепным для подавления и свержения нелояльного молдавского воеводы Петру Рареша. Одним из результатов этой экспедиции было отделение южной Бессарабии или Буджака от Молдавии и оккупация Ози или Очакова османами. Сагиб–Герею было приказано присоединиться к экспедиции и, конечно, он участвовал в ней с крымско–татарскими войсками, однако только после восстановления крепости на перешейке Перекоп (Ор, Ор Агзы) для того, чтобы защитить Крым от угрозы вторжения ногайцев в его отсутствие. Повествование Реммаля Ходжи дает немного конкретных деталей о реальном военном вкладе Сагиб Герея в эту османскую кампанию за исключением того, что он говорит нам о том, что помогал в поиске мятежного воеводы и дает приблизительный путь его преследования. Гораздо больше информации он дает о приготовлениях и движении к Молдавии и из нее, а также о встрече там крымского хана с османским султаном[13].

2. Черкесия, 1539: в ответ на атаки черкесов против мусульман около Темрюка, Сагиб Герей мобилизовал свои войска, пересек Керченский пролив и отправился наказывать черкесов. По пути хан встречается с Кансавуком, вождем черкесского племени Джаней. Хан намеревался жестоко наказать его за неконтролирование

непокорных черкесов, ответственных за набеги возле Темрюка (согласно хронике, Кансавук был османским вассалом, и за жалования и символы власти от Порты он должен был держать местных черкесов под контролем). Однако Кансавук ухитряется спастись, предложив доставить значительное число рабов султану, хану и османскому бегу Кефе (Кафа, т.е. Феодосия). Хотя экспедиция на высокий Кавказ оказалась безуспешной в достижении провинившихся черкесов (см.ниже), на обратном пути Сагиб Герей позволяет своим войскам захватить ясырь из числа черкесского населения[14].

3. Северные страны (Литва, возможно Московия), зима 1539–1540 гг.: поход, возглавлявшийся сыном Сагиб Герея – Эмин– Гиреем, но под надзором его опекуна («аталык»), некоего Ибрагима паши. Его целью был набег на одну из северных стран ради захвата пленников. Не ясна точная территория, против которой был направлен этот налет, возможно это была Московия, но более вероятно, что против Великого княжества Литовского, которое в то время обладало значительными территориями к востоку от Днепра[15]. В любом случае, поход оказался успешным в смысле захвата богатой добычи, особенно пленников, но имеет место катастрофическое возвращение из–за чрезвычайных условий зимы и из–за набега ногайцев (подробности см.ниже)[16].

4. Московия, 1541: при подстрекательстве московского изменника князя Семеона Бельского Сагиб Герей отправляется в поход в надежде перейти Оку и углубиться глубоко в Московию. В то время возможность успеха кажется очень большой, так как Бельский обещает показать татарам неглубокий брод на реке Оке, тогда как защищающиеся московские войска не зная, где татары планируют ее перейти, распределят свои силы среди многих возможных бродов. Тем не менее, из–за недоверия между Сагиб Гереем и Баки бегом, вождем мангытской ветви ногайцев, никто из них не отваживается первым перейти Оку, опасаясь измены и атаки со стороны другого. В то время момент неожиданности был утерян и московиты, обнаружив местоположение татарской армии, приводят свои мушкетные и артиллерийские войска на предполагаемое место брода и срывают вторжение. На обратном пути татары захватывают некоторый ясырь[17].

5. Черкесия (племя Джаней), 1542 (?)[18]: невыполнение обязанностей вождя Джаней – Кансавука в предоставлении ежегодного подкрепления рабами и другие нарушения приводят Сагиб Герея к организации еще одной экспедиции на Кавказ. Попытки Кансавука сдержать гнев и решительность хана отправкой своих послов с обещанием точно доставить богатый ясырь отвергнуты ханом. Когда Сагиб Герей проходит в горы, черкесы предпринимают ночной набег на его войско. Однако черкесы разгромлены и крымцы возвращаются с большим числом пленников[19].

6. Кабарда (Кабартай), 1544 (?)[20]: Эльбозады, кабардинский вождь, собственное племя которого восстало против него, прибывает ко двору Сагиб Герея с просьбой о помощи в подавлении и наказании мятежников. Сагиб Герей соглашается и на этот раз движется к Кавказу по суше (Перекоп/Ор – Днепр – Азак (Азов) в устье Дона – через кубанские степи). Тактикой в этом походе является – прибыть на поля Кабарды («Кабартай мэзра'лари») во время уборки урожая («орак заманы»), когда большинство кабардинцев будут находиться в полях, собирая урожай и, таким образом, их будет легко захватить. Тем не менее, крымские войска прибывают слишком рано, так что тактика не является вполне успешной. Ночная атака кабардинцев также оказывается безуспешной (см.ниже) – татары побеждают и возвращаются в Крым с большим число пленников[21].

7. Астрахань, 1545: Ягмурджи, захвативший астраханский трон, атакует караван на его пути из Казани в Крым. Обиженные купцы приходят к Сагиб Герею с жалобой. Возмущенный таким вмешательством в торговлю между Казанью и Крымом, Сагиб Герей готовит полномасштабный поход на Астрахань. Астрахань захвачена благодаря полевой артиллерии Сагиб Герея и его мушкетным войскам. Ягмурджи бежит, тогда как часть его свиты и окружения взяты в Крым с обещанием, что им не будет нанесен вред[22].

8. Ногайцы, 1546: по существу оборонительная экспедиция, отправленная в степи к северу от Перекопа/Ора для недопущения запланированного ногайцами вторжения на Крымский полуостров. В большой битве крымские татары одерживают верх благодаря пушечному и мушкетному огню, а также жестокому рукопашному сабельному бою (см.ниже). Результатом является разгром

ногайских сил (так называемый «Ногай кыргыны»)[23].

9. Черкесия, 1551: Османская Порта приказывает хану Сагиб Герею снова идти против черкесов, но на этот раз истинным мотивом является выманивание его из Крыма и, таким образом, облегчение его смещения с трона, чтобы посадить нового хана – Девлет Герея (официальной причиной для похода являются жалобы путешественников, возвращающихся из Мекки о том, что на них нападали черкесы). Как и в некоторых предыдущих походах, Сагиб Герей вступает в горы с целью захвата черкесских вожаков, ответственных за эти подозреваемые притеснения. Экспедиция включает инцидент, в котором место, где скрывался черкесский вождь, полностью окружено, тем не менее, тому удается бежать. Это заставляет хана излить гнев на своих командиров. В конце концов татары догоняют своего врага и атакуют. Результатом является большое число пленников. Однако по возвращении Сагиб Герей был покинут своими войсками, его заключают в тюрьму в Таманской крепости и там убивают[24].

* * *

Почти все эти военные походы изображаются Реммалем Ходжой так, как будто они были начаты или спровоцированы внешними силами – приказом османского султана (или подсказкой османского бега Кефе), агрессией, или потенциальной агрессией соседей или подданных ханства, жалобами сторон в соседних землях против их тамошних соперников. Только один поход представлен как отправленный исключительно по инициативе хана – зимой 1539–1540 гг. Сагиб Герей объявил крымским бегам: «Давайте в этом году не лишим себя набегов («акын») и похвального совершения священной войны («газа»)», а затем предложил или перейти Керченский пролив, пока он еще был замерзший, или совершить набег на север[25]. Действительно, в нашей хронике разговор о крымско–татарских экспедициях часто ведется с использованием риторики «газа», или священной войны. По нашему мнению, ссылки на «газа» не всегда обязательно были интерполяциями нашего османского автора. Невзирая на степень мусульманской религиозности татар, ссылки на «газа» могут быть связаны с сознательностью и восприимчивостью к такому мощному оправ-

данию войны. Вдобавок, судя по частым указаниям на ясырь во всей работе и готовности татар к перспективе приобретения ясыря, не будет ошибочным допустить, что часто большей мотивацией кампании был не столько данный внешний повод, сколько сильное желание получить ценный ясырь (больше о ясыре см. ниже).

В некоторых случаях заявления, сделанные Сагиб Гереем, дают некоторую интересную информацию об оптимальном времени похода в этом регионе. Тогда как другие источники настаивают на том, что предпочтительным временем для татарских набегов была зима[26]; удивительно, что в «Тарихе» она упоминается только однажды в данном контексте. Намного чаще как оптимальное время для походов упоминается время сбора урожая. Таким образом, при своем предложении крымским бегам отправиться в поход зимой 1539–1540 гг., Сагиб Герей говорит: «В этой земле («вилайэт») есть два времени для набега: одно – это время сбора урожая («орак заманы»), а другое – зима («кыш еййамыдур»). Накануне молдавского похода 1538 г. Сагиб Герей частично объясняет, почему это было хорошим временем для похода в своем письменном ответе на приказ султана Сулеймана к мобилизации: «... во время сбора урожая мы также перейдем реку Днепр (Ози Суйы) и двинемся к Аккерману..., так как если еще не наступило время жатвы («харман»), то армия будет испытывать нужду»[27].

Для реальной мобилизации сил обычно хан приказывал, чтобы по всему царству были сделаны объявления или призывы в армию («нида»), которые указывали время и место сбора. В большинстве случаев также утверждалось, что каждый солдат должен был принести трехмесячный провиант («азык» или «захире»). Временной предел для завершения мобилизации менялся от пяти, десяти дней до одного месяца. В некоторых случаях указывался особый день месяца, к которому войска должны были явиться (например: «пятнадцатое число месяца»)[28]. В походах, направленных на северные страны, также как и против ногайцев, естественно, местом сбора был Перекопский перешеек, или Ор Агзы (или просто Ор, «Ров»). Тем не менее, хотя при проведении молдавской кампании начальным местом сбора был Ор, где Сагиб Герей сначала восстановил крепость, основным местом съезда был левый берег реки Днепр. Можно предположить, что место сбора было на

полуострове Кыл Бурун (Кинбурнская коса), то есть напротив крепости Ози (Очаков) – это было обычное место пересечения Днепра при движении к Молдавии, хотя «Тарих» не указывает место как таковое. Для восточных походов имелись два разных пути. Когда переходили сушей (поход в Кабарду и Астрахань), местом сбора был Перекоп/Ор. При других кавказских походах проходили Керченский пролив, хотя в посланиях, как их цитирует Реммаль Ходжа, сама Керчь не указывается как место сбора[29].

Мобилизационные послания касались как сил крымских племен, расположенных на всем полуострове (и часто также за пределами полуострова), так и войск самого хана, ядро которых составляли османские янычары и местные крымские рекруты, оба вооруженные мушкетами и получавшие жалование. Относительно племенных войск только в двух случаях масштаб мобилизации был указан в самих призывах к оружию. В черкесском походе 1542 г., где главной целью был захват ясыря, Сагиб Герей предупреждает великих бегов («улу бэглэр»), то есть «карачи бегов» (вождей четырех главных крымских племен), о том, чтобы они приводили только избранных («йарар ньокьор вэ эрэнлэрдэн ихтияр») и не позволяли простым подданым («рэ'айя») вводить себя в заблуждение, присоединяясь к походу, поскольку черкесы – небольшой народ («гарэт эджэгимиз чэркэс аздур») и, таким образом, слишком большое войско могло бы иметь недостаток в добыче[30]. С другой стороны, для астраханского похода была выполнена полная мобилизация, и в ярлыке или приказе, изданном ханом, сказано, без сомнения, с некоторым преувеличением, что «никто не может остаться на земле, весь народ, или армия («халк») должны привести себя в боевую готовность («сэфэр айагын эдуб»), и если есть кто–нибудь, кто не станет рядом с ханом сразу после Ор Агзи (Перекоп), то его собственность должна быть разграблена, а голова сражена». С этого времени ханский «диван» или совет был отложен и во все уголки страны отправлены послания о том, что если какой–нибудь мужчина от пятнадцати до семидесяти лет не успел присоединиться к этому походу, то он столкнется с жестоким смертельным наказанием («мухкэм сийасэт»)[31]. Что касается численности войска, шедшего в поход, то ханские войска насчитывали от 200 до 1000 вооруженных мушкетами пехотинцев и будто бы

10.000 для всех ханских сил, включая служилых бегов, подчиненных ему для службы, тогда как племенные войска, если можно верить цифрам Реммаля Ходжи, насчитывали от нескольких десятков тысяч до 250 тысяч.[32]

Что касается реальных приготовлений, будучи близким помощником хана, Реммаль Ходжа концентрирует большее внимание на приготовлениях войск, непосредственно подчиненных хану, чем племенной кавалерии. Х.Иналджик уже останавливался на османском стиле ханских соединений и их эффективности в бою – янычаров и местных стрельцов–мушкетеров («туфэнгчи»), полевой артиллерии («зарбузан»), повозок, везущих различные необходимые вещи для похода («зарбузан 'арабалары» или «топ 'арабалары», «полевые артиллерийские повозки», или просто «артиллерийские повозки»; джебехане 'арабалары, «повозки для снаряжения»; матбах 'арабалары, «повозки – кухни»; захирэ 'арабалары, «повозки для продовольствия»)[33]. Подобно гусситам, венграм, османам, казакам и другим, так же и войска непосредственно под командованием крымских ханов использовали мощную оборонительную тактику лагеря из повозок (табора), или так называемого «Wagenburg», которая позволяла войску, вооруженному пороховым оружием, противостоять атакующему кавалерийскому войску, численно во многом его превосходившему[34].

* * *

В «Тарих» имеется богатая информация по различным аспектам крымско–татарских военных операций – как боевых, так и не боевых – вне их начальной стадии приготовлений – о передвижении и расположении лагерем, сборе разведочных данных, о специальных военных операциях, экспедициях за добычей, битвах и даже о строительстве крепости. Усиливает ценность повествования Реммаля Ходжи его частое внимание к географическому окружению, в котором происходили операции. Кроме аспектов географии человека (human geography), в данном контексте – движения и выживания в чужом и часто враждебном окружении – как мы увидим ниже, наша хроника часто дает и, надеемся, аутентичные, детали физической географии, также она раскрывает субъективный аспект – восприятие и концептуализацию географии и окру-

жающей среды.

Здесь мы можем дать лишь выборочный образец таких сведений. Реммаль Ходжа предоставляет большую информацию о пересечении рек войсками хана. Мы должны помнить, что Восточноевропейская степная зона, то есть «Дешт–и Кыпчак», не была полностью монотонным, простирающимся простором равнины и холмистой местности, по которой легко было передвигаться, но в значительной степени представляла клочки огромных полей («лоскутное одеяло»), разделенных оврагами и, важнее всего, реками, некоторые из которых были большими и трудными для пересечения. Так, перебраться через такие большие реки, как Днестр, Днепр, Дон и Кубань в их низовьях значительным войском подразумевало тщательную операцию, обычно длившуся сутки и более. Вдобавок, чтобы достичь Кавказский регион обычно было необходимо пересечь Керченский пролив. В разной степени подробности «Тарих» описывает всего одиннадцать различных переходов рек или проливов крымскими войсками – по одному на Днепре, Днестре и на безымянной реке Кавказа, два – через реку Кубань, пять через Керченский пролив, и безуспешную попытку пересечь реку Оку в Московии. В случае с Керченским проливом использовались лодки и корабли, доставленные бегом Кефе. В других случаях даже на такой широкой реке, как нижний Днепр, были построены плоты («сал багла»). Как точно использовались плоты, не указывается, но предполагается, что, как отмечают другие источники, татары помещали свое снаряжение и припасы на плоты, которые привязывали к хвостам коней, а сами держались за их гриву[35]. Каждое военное подразделение должно было пересекать реку вместе. Видно, что хан руководил операцией, так как он изображен активно командовавшим происходящим – он решал когда пересекать реку и порядок, по которому подразделения должны были это делать; когда подошло время начинать операцию, он давал разрешение (использован термин «иджазэт» – «позволение, разрешение») начать переход. Силы четырех главных племен – «карачи», переходили первыми, одно за другим. Часто племена Ширин или Барын переходили первыми. Во всех случаях хан шел после перехода всех главных сил. О некоторых переходах сказано, что у хана была разбита палатка на самой высокой площадке, с которой он

мог следить за операцией[36]. Время операций могло длиться день и часть ночи (Керченский пролив в экспедиции 1539 г.), сутки (Дон в астраханской экспедиции, Керченский пролив в черкесской экспедиции 1551 г.), полтора суток (Керченский пролив в черкесской экспедиции 1542 г.), и в одном случае – три дня (Днепр в молдавской экспедиции 1538 г.). По поводу пересечения реки Кубань возле Темрюка в 1539 г. дана интересная подробность: хан поместил писцов на каждом конце перехода и они подсчитывали число людей в каждом соединении («та'ифэ») до и после его перехода. Всего «было записано» («калэмэ алдылар») 40.000 человек, что предполагает составление списков или «дефтеров» с именами людей, а также позволяло контролировать возможные потери во время переправы[37]. Во время форсированного марша в Кавказских горах при преследовании врага хан решил перейти большую реку ночью. Он приказал разжечь большой огонь для освещения перехода. Во время переправы он разостлал свой молитвенный коврик и сел, наблюдая за операцией[38].

Реммаль Ходжа дает очень подробное описание того, как крымская армия становилась лагерем во время похода – где различные войска устраивались в зависимости от их отношения к хану, как организовывался «Wagenburg» с повозками «араба», сцеплявшимися друг с другом, и как мушкетные войска охраняли ставку хана, патрулируя вокруг нее всю ночь, служа посменно («ньобэтлэ»)[39]. Так как Х.Иналджик уже останавливался на этом моменте, мы не будем далее его здесь разрабатывать и отсылаем читателя к его работе[40]. Однако мы хотели бы отметить еще один пример умения Реммаля Ходжи давать реалистичные сцены быта походов – описывая, как особое войско (см.ниже) во время черкесской экспедиции 1539 г. встало на ночлег в пустынной черкесской деревне, автор дает нам следующую, почти интимную картину: «Здесь и там [люди] зажгли огонь. Некоторые гази заняты рассказом историй, другие распевают Коран («тэлявэт»), пока другие заняты молитвой («ибадэт»)»[41].

Что касается действительного боя, в сравнении с информацией, которую он приводит по другим аспектам походов, Реммаль Ходжа не очень выразителен. В целом в его работе имеется склонность в пользу крымской стороны – не говорится о серьезных по-

ражениях крымской армии в бою, и можно удивляться, действительно ли она была всегда такой победоносной[42]. Самое большое, на что способен противник – это дать жестокий бой, но по трактовке Реммаля Ходжи татары всегда побеждают. Тем не менее, в немногих описаниях битв, которые он дает, какими бы односторонними они ни были, имеются очевидно – аутентичные подробности, раскрывающие методику и искусство боя, а также его непредсказуемость и переменчивую природу. В экспедиции 1544 г. против Кабарды кабардинцы решили произвести ночную атаку на татарский лагерь. Хан и его силы были хорошо защищены лагерем из повозок (табором), включавшим постоянные часовые патрули, вооруженные мушкетами – здесь мы имеем явный пример эффективности порохового оружия и тактики повозочного табора, так как кабардинцы поняли, что атаковать ханский табор было бы бесполезно. Итак, они решили начать неожиданную кавалерийскую атаку на менее защищенный лагерь татарских племенных сил. Однако битва, как описано Реммалем Ходжой, разрешилась настолько же случайными факторами, насколько оружием и тактикой: в бешенстве своей атаки первые волны кабардинских атакующих были растоптаны под копытами лошадей следующих волн. Что касается оружия, отмечена именно татарская стрельба из луков, которой поражали и отражали остатки кабардинских атакующих[43].

В битве с ногайцами 1546 г. мы можем увидеть преимущества над кавалерией, которые давал огонь полевых пушек и мушкетов. Атака двумя соединениями ногайской кавалерии, насчитывавшей всего семь тысяч человек (каждый ногаец имел двух лошадей для сочетания скорости и выносливости), поначалу вносит беспорядок, почти панику в крымское войско. Однако в последний момент Сагиб Герей сумел выстроить свои войска в ряд, лицом к приближающемуся врагу, дать залп из сорока полевых пушек («дарбузан, зарбузан») и продолжить беглым огнем своих мушкетеров. Эта комбинация внесла сильное замешательство и нанесла ущерб врагу. Тем не менее, здесь пороховое оружие необязательно представлено как решающее при исходе этой битвы: в этот момент с нескольких направлений крымская кавалерия обрушилась на ногайцев. Реммаль Ходжа информирует, что битва была слишком

тесной для использования луков, она была решена сабельным («кылыч») боем[44]. Здесь мы подчеркиваем, что ни в вышеупомянутом примере 1544 г., ни 1546 г., хотя огромное значение порохового оружия очевидно, битва не была выиграна только благодаря его использованию – по крайней мере, в глазах Реммаля Ходжи важную роль в итоге также играли дезорганизация или неудача противника, традиционная стрельба из луков и сабельный бой.

Однако Реммаль Ходжа дает гораздо больше сведений об особых миссиях, особенно в Кавказских горах, где обычно было необходимо найти врага, хорошо знавшего как использыват местность как убежище. Возможно из–за того, что ведение военных действий в горах представляло большую трудность для татар, по большей части бывших степным народом, при описании кавказских кампаний Реммаль Ходжа считает нужным сделать всё возможное для описания непривычного и внушающего благоговейный страх альпийского окружения, а также трудностей действия в нем. Это контрастирует с действием в степи, которая, вероятно, была более знакома автору и читателю и поэтому не требовала дальнейшего разъяснения. Так, в отношении первой черкесской кампании (1539) Сагиб Герея нам дается детальное описание трудностей, с которыми столкнулось крымское войско, вступившее в зону кавказских вершин поблизости от горы Эльбрус (Эльбруз). Реммаль Ходжа сообщает читателю, что это – величайшая гора в мире после мифической горы Каф. Он добавляет, что снега на вершине и в подножьях горы Эльбрус никогда не таяли со дня сотворения мира, и ее покрытые снегом склоны простираются на половину пути к району Ширван в Закавказье. Ниже снега имеется зона, где не растут деревья, а ниже ее лес настолько густой, что даже птица там не может пролететь, и дикий осел не может пройти через него. Ниже этой зоны, когда спускаешься к открытой местности («сахра»), можно пройти три дня по горам и долинам только по одной дороге. Прокладывая себе путь в горном районе, татарские войска захватили языка и старались узнать, куда ушли их черкесские противники. Этот пленник обещал привести их к месту возле истока реки Кубань, где, как он утверждал, полностью вооруженные и снаряженные черкесы находились в своей твердыне (которая, согласно сообщению языка, имела ров с остроконечными кольями).

После некоторого колебания, Сагиб Герей решил совершить подъем на эту твердыню. Для этой цели он выбрал особое войско: из каждого соединения («кош») двух человек с лошадью для каждого, тогда как остальная армия должна была остаться в лагере там, где она находилась. С этим особым войском, которое, по словам Реммаля Ходжи, достигало одиннадцати тысяч человек, хан вступил в высокие горы. Местность была такой крутой и узкой, что татары могли продвигаться только гуськом. Под ними была пропасть. Реммаль Ходжа отмечает, что «если бы человек поскользнулся и упал, то он разбился бы на тысячи кусков»; свита Сагиб Герея сообщила хану, что со времени Тимура никто не смог пройти через этот район (здесь мы можем добавить, что если это и правда, то никто, кроме местного горного народа). Войско продвигалось несколько дней, пока совершенно не обессилило, продовольствие истощилось и запало сомнение о правильности пути, указанного языком. Несколько сотен лошадей и несколько десятков человек упали в пропасть. С деморализованным и растерянным войском и его командирами хан в конце концов объявил, что те, кто хочет вернуться, могут это сделать, но он сам хочет остаться в горах на зиму. Однако советники отговаривали его от этого безрассудства. Довод, который они предоставили хану в двух словах, показывает, почему на протяжении всей истории малочисленные горные народы были способны выстоять перед лицом превосходящей мощи соседних государств и империй: «О, наш падишах! Эти [черкесы] – племя [которое насчитывает только] небольшое число людей, у них нет возможности противостоять тебе. Стоит ли обращать на них внимание?... Теперь мало времени и правильнее повернуться и счастливо отправиться в твою страну..., так как черкесский народ («черкес та'ифэси») – голый народ (то есть бедный – В.О.)»[45]. Решив, что такой противник не достоин риска и страдания, принесенного этой экспедицией, и что эти усилия были ниже его достоинства, Сагиб Герей нашел утешение в этих словах и после двухдневного отдыха на третий день вместе со своим особым войском начал спуск с гор для возвращения в Крым. Чтобы компенсировать военный неуспех этой миссии в горах, по возвращении хан позволил своим войскам утешиться в тотальном набеге за ясырем среди черкесского населения, который закончился

захватом обильного ясыря[46].

Хотя в шестнадцатом и семнадцатом веках набеги на северные страны – Московию и украинские земли Речи Посполитой, вероятно, были наиболее обычными крымско–татарскими операциями (чаще всего с целью получения ясыря, для принуждения уплаты «выхода»/«подарков», так называемых поминков, а иногда и с политическими целями), «Тарих» дает относительно немного материала о подобных мероприятиях. Единственным примером экспедиции, отправленной на север исключительно с целью захвата ясыря, был поход зимой 1539–1540 гг., возглавлявшийся Эмин Гереем, сыном хана, возможно, против Литвы (Курел)[47]. Картина, нарисованная Реммалем Ходжой, сходна с той, что дается в других источниках: во–первых, для сохранения энергии ради действительной операции татарская армия медленно двинулась на территорию противника – в этой экспедиции граница была достигнута за двадцать пять дней[48]. После того, как необходимая территория была достигнута, Эмин Герей выделил рейдовый отряд («чапгул»), число людей не указано, с двумя лошадьми для каждого человека[49]. Рейдовый отряд должен был вернуться к главному войску в пределах назначенного числа дней (здесь десять дней). Тем временем командующий Эмин Герей вместе со своим молочным братом («эмэльдэш») и свитой («хасс ньокьорлэри») – всего две тысячи человек – стояли позади, хотя они тоже совершали свои собственные операции, нападая на местные деревни поблизости[50].

Эта же самая северная кампания зимой 1539–1540 гг. дает прекрасный пример степных опасностей. По возвращении из этих успешных набегов нагруженное добычей войско Эмин Герея было застигнуто сильным снегопадом и морозом. Условия были настолько плохими, что, по словам Реммаля Ходжи, «с утра до ночи они могли пройти расстояние [только] в три выстрела стрелы». После указанных сорока дней движения им удалось наконец выйти из пограничья «неверных» (каферун сыныры), но они были совершенно обессилены и не способны двигаться куда–либо дальше. Эмин Герею было необходимо выбрать сто человек и отправиться во главе с ними в Крым за помощью, оставив за собой основную силу (и ее добычу). Между тем, другая степная опасность взяла свою пошлину: как только несчастное главное войско достигло

реки Днепр, мангытские ногайцы, под командованием большого врага хана – Баки Бега – воспользовались его ослабленным состоянием, атаковали и разграбили его. Хотя со временем часть была освобождена свежими силами из Крыма, согласно Реммалю Ходже, четыре–пять тысяч человек погибли исключительно от холода[51].

* * *

Мы уже сделали несколько ссылок на захват татарами добычи в целом и особенно ясыря. Значение института рабства в до–современных исламских обществах, особенно в Османской империи и Крымском ханстве – несомненно. Османы в значительной степени зависели от рабов как от работников в ремесленном производстве и в сельском хозяйстве, как от агентов в торговле и домашних слуг, а также, конечно, как от солдат. Татары тоже опирались на рабский труд, но представляется, что их главныым интересом был настоящий бизнес захвата рабов для широкого османского рынка рабами[52]. Теперь мы знаем, что кроме того имелись значительные секторы экономики ханства, не связанные с захватом и продажей ясыря, и что старая точка зрения о том, что ханство было полностью паразитическим и грабительским, неверно. Однако это не означает, что мы должны преуменьшать значение ясыря для ханства. Уже некоторое время историки сознавали, что рабство в мусульманских обществах не всегда характеризовалось исключительно униженным состоянием, что статус раба регулировался законом, что рабы имели возможность получить свободу и что статус раба султана или богатого хозяина мог повлечь за собой существенную и даже большую привилегию и социальное положение. Надо сказать, есть надежда, что в настоящее время мы можем быть еще более свободно мыслящими по отношению к рабству в Османской империи, как и к ясыру в Крымском ханстве. То есть всегда сознавать тот факт, что в обществах прошлого были свои собственные правила и моральные системы, которые могли совершенно отличаться от наших обществ в этом столетии. Мы не должны скрывать от себя и наших читателей аспекты, которые были, очевидно, неприятными. Да, несомненно, захват и транспортировка ясыря татарами были пугающими и жестокими, хотя, после того, как пленник был продан в рабство, его или ее судьба

могла быть различной. Есть надежда, что дни, когда историки могли полностью осуждать и искажать историческое существование крымских татар из–за их деятельности набегов, навсегда ушли, и мы можем представить реалии прошлого не со злым умыслом, а просто с целью понять их.

Будучи продуктом своего времени и его этических норм, Ремаль Ходжа является великолепным источником об османском и татарском отношении к ясыру. Он не пытается скрывать острый интерес татар к захвату ясыря – без смущения он говорит о большом числе пленников, и после каждой успешной операции он выражает огромное удовлетворение от того, что получение ясыря дало татарам – «сердце народа (или войск [«халк»] – В.О.) было радостным и счастливым». Эти слова – типичный рефрен[53]. До требования своей доли хан всегда старался убедиться, что войска и их командиры получили достаточные части ясыря и другой добычи. Часто также официальным лицам и вельможам в Крыму, которые не участвовали в походе, также давали долю добычи[54]. Несомненно, хан предпринимал меры, чтобы его подданные были удовлетворены в этом отношении, даже если его собственная прибыль должна была быть уменьшена. Если экспедиция была неудачной с военной точки зрения, вероятно, в мыслях татарских воинов она могла бы быть скомпенсирована захватом достаточного ясыря; наоборот, без достаточного ясыря военная победа могла казаться бесплодной[55]. Без сомнения, основой для положительных эмоций, связанных с получением ясыря, был тот факт, что каждый пленник представлял существенную материальную награду; обретение нескольких пленников могло означать рост от бедности к достатку, или от достатка к богатству.

Несмотря на большой энтузиазм по поводу ясыря, «Тарих» описывает ситуации, которые показывают, что поработительная деятельность была ограничена регулированием, наложенным ханом. В целом операции по захвату ясыря не могли быть начаты без позволения хана («иджазэт»)[56]. После возвращения из Молдавии Сагиб Герей запретил своим войскам брать ясырь, вероятно, из–за того, что молдаване были подданными султана. Это произошло вопреки протестам и требованиям татар о том, что без такой возможности многие бедняки, залезшие в долги с целью суметь при-

соединиться к походу, не смогут их выплатить, если им запретят грабить и захватывать ясырь[57]. По дороге в Московию в 1541 г. хан исключил какой–либо захват ясыря до того, как военная цель будет достигнута[58]. В Кабардинской экспедиции 1544 г. имела место другая ситуация, связанная с ясырем: когда «ньокьор» (воин–соратник из особо приближенной групы воинов) Эмин Герея украл раба у скромного человека (названного «факиром»), Сагиб Герей был, вероятно, так оскорблен, что не мог успокоиться до тех пор, пока виновный «ньокьор» не был обнаружен, а раб возвращен. Обидчик затем был подвергнут унизительному публичному наказанию – он был привязан за шею цепью к артиллерийской повозке и выпорот кнутом на каждой остановке при обратном пути в Крым. Хан посчитал обязательным, чтобы вся армия видела это зрелище, и что это может случиться с любым, кто еще посмеет украсть чьего–либо раба[59].

* * *

В своем представлении о крымско–татарских военных походах Реммаль Ходжа не меньшее внимание уделяет протоколу, ритуалу, церемонии и празднованиям, чем он уделяет конкретным военным акциям. Его частые и длинные описания торжеств и празднований – публичных молитв, показа войск, парадов – являются индикатором их важности для османского и татарского менталитета (в этом отношении, вероятно, они не отличались от других народов того времени). Эти действия можно рассматривать как неотъемлемые компоненты похода. Так, когда в 1539 г. Сагиб Герей отправился из своей столицы Бахчесарая против черкесов, мы получаем описание великолепного зрелища: ханские конюхи оседлали лошадей седлами, инкрустированными драгоценными камнями и обрядили их упряжью с золотыми накладками. Были водружены знамена из лошадиных хвостов («туг») и развернуты флаги («санджак»). Тем временем вдоль улиц стояли зрители, наблюдавшие как Сагиб Герей, попрощавшись со своим гаремом, появился из главных ворот своего дворца в церемониальной одежде и опоясанный мечом. Он направился по направлению к Мекке, были произнесены молитвы, затем в последний раз перед отправлением он повернулся в сторону дворцовых ворот. Толпы народа распевали молитвы, когда он, его свита и эскорт – служилые беги

(«ички бэглэри») и янычары – с флагами над ними и с дополнительными лошадями, следующими позади, уходили в свой поход на «газа»[60].

Подобным же образом, до того, как сын Сагиб Герея Эмин Герей отправился в северный поход зимой 1539–1540 гг., Реммаль Ходжа описывает серию торжественных церемоний и праздничных событий. Во–первых, после вручения своему сыну позволения («иджазэт») возглавить поход, хан одел его в богатое церемониальное платье (халат) (церемония «хил'ат»), опоясал золотым мечом и продолжал давать ему советы («насихат») о том, как действовать во время предстоящей экспедиции (поддерживать дисциплину, хорошо инспектировать армию – как ее авангард, так и тыл, и, конечно, всегда быть храбрым). После этого было созвано собрание («мэджлис»). Были принесены кувшины меда, того, что «дает удовольствие для сердца». Несомненно, со скрытым юмором Реммаль Ходжа говорит нам, что в этот момент те, кто не пил, удалились с веселого собрания («сохбэт»). Затем музыканты взяли свои, подобные лютне, инструменты («саз») и начались музыка и танцы. На собрание поспешили люди, любящие удовольствия и развлечения. Посреди веселья хан торжественно представил собранию трех своих сыновей, от самого младшего семилетнего – «Адил Герея, до самого старшего двадцатидвухлетнего Эмин Герея. Всем раздавались подарки, пока собрание длилось весь день и до вечера. На следующий день было организовано такое же собрание («сохбэт») с дальнейшими зрелищами роскошного веселья и опьянения. Так как это происходило накануне отправления, в один момент Эмин Герей попросил у хана позволения удалиться на ночь. После его ухода прием продолжался всю ночь до утра[61].

В случае похода самого Сагиб Герея на Московию в 1541 г. Реммаль Ходжа дает другую картину кануна отправления: после наблюдения за всеми необходимыми приготовлениями хан вернулся в свою особую комнату для уединенной молитвы и медитации («халвэт ханэси») и клал там поклоны всю ночь. С приходом утра он совершил утреннюю молитву (сабах намазы) и вышел из своей молитвенной комнаты чтобы попрощаться с женщинами дворца. После этого он устроил праздничное отправление с фанфарами и парадом, подобным тому, что было описано по кампа-

нии 1539 г.[62].

Имеются сцены празднования и церемонии по другим типам случаев. Приезд армии в дружественную (свою) крепость по пути был отмечен проявлением публичного веселья, так называемого «шенлик», который обычно включал демонстрацию пушечного и мушкетного огня гарнизоном крепости[63]. Победа в бою была, конечно, еще одним поводом для большого праздника. Так, после отражения ночной атаки кабардинцев, указанной выше, крымская армия провела остаток ночи в праздновании («шэнликлэр эттилэр»)[64]. В конце концов, возвращение из похода также было поводом для больших празднований, часто длившихся несколько дней. Они включали банкеты, чтение праздничной хроники, посвященной триумфальному ходу похода («газа–намэ», «зафар–намэ»), раздачу подарков, церемонии «хил'ат» и распределение пленников (ясырь) между элитой ханства[65]. Описывая празднования после астраханского похода, Реммаль Ходжа показывает социальную и психологическую пользу подобных событий: «...были приготовлены кушанья и устроено главное зрелище («гьорюнюш-и 'ам»). Улемы, набожные люди, богатые и бедные («бай у гэда»), горожане и чужестранцы («гариб»), духовные лидеры («имамы») и проповедники («хатибы») все пришли, и на зрелище было полно народу. Все люди возносили молитвы и панегирики («сэна»)». Далее Реммаль Ходжа упоминает чтение Корана и посещение соборной мечети («джами'-и шэриф») и о том, как после окончания зрелища все люди были в своем мире спокойствия, счастья и удовольствия[66]. Здесь, кроме идеализации и преувеличения, Реммаль Ходжа представляет консолидирующую и интегрирующую роль для общества таких празднований, включая его высшие, средние и низшие слои[67]. Важность в крымско–татарском обществе личного участия хана в публичных праздниках также очевидна из замечания Герберштейна о предшественнике Сагиб Герея – Са'адет Герее: «Преданный турецким обычаям, Садах Герей вопреки нравам татар очень редко появлялся на людях и не показывался своим подданным. Поэтому он был изгнан татарами»[68].

* * *

В данном обзоре «Тарих–и Сагиб Гирай Хан» как источника по крымско–татарским походам мы ограничились предложенным

образцом, относящимся к информации, содержащейся в этой хронике. Имеются другие военные действия, по которым в хронике есть сведения, имеются также тонкости и проблематичные моменты в работе Реммаля Ходжи, о которых мы не говорили из–за недостатка места. Для полной оценки данных в хронике необходимо более широкое изучение, которое дало бы также сравнительную перспективу с точки зрения других источников и иных ареалов. Мы хотели бы добавить замечание о соответственной полезности хроник и архивных документов. К сожалению, по нашей теме, противоположно османскому случаю, существует очень мало документов и, насколько известно, совсем нет реестров («дэфтэр»), материалов, которые могли бы дать множество имен, дат, чисел, организационных единиц и так далее. Однако дело также в том, что документы и регистрационные книги, созданные в бюрократиях, редко позволяют личностям калибра Реммаля Ходжи сообщать информацию, которую в деталях подметили его любознательные и проницательные ум и глаз. С помощью хроник, подобных «Тарих–и Сагиб Гирай Хан», мы, несмотря на неминуемые искажения или белые пятна, имеем возможность получить аутентичный и захватывающий взгляд на жизнь общества, которая по большей части оставалась скрытой; взгляд, который не может дать никакое количество архивных докуметов. Несмотря на скудость документов, как М.А.Усманов продемонстрировал в своем классическом исследовании о татарских летописях и других недокументальных источниках[69], здесь также становится очевидным, что благодаря повествовательным материалам мы имеем возможность получить довольно точную картину разных аспектов Улуса Джучи и особенно его великих наследников – Казанского и Крымского ханств.

Примечания

1. James Chambers, The devil's horsemen: the Mongol invasion of Europe, London, 1988, p.20.

2. Достойный внимания пример возможностей, которые дают османские архивы для изучения османских военных походов, имеется в работе Керолайн Финкел. См.: Caroline Finkel. The administration of warfare: the Ottoman military campaigns in Hungary, 1593–1606, Vienna, 1988. Эта

работа также содержит часть, основанную на османских архивных материалах, посвященную экспедициям хана Гази Герея в Центральную Европу.

3. Например, В.Д.Смирнов знал его, но использовал как–то поверхностно в отношении Сагиб Герея и не использовал в качестве источника о структуре и жизни Крымского ханства (В.Д.Смирнов. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. С.–Петербург, 1887, С.XII, 414–422, 425).

4. Tarih–i Sahib Giray Han (Historie de Sahib Giray, Khan de Crimee de 1532 a 1551), под ред. Özalp Gökbilgin, Ankara, 1973 [далее «Тарих»].

5. Özalp Gökbilgin, 1532–1577 yillari arasinda Kirim hanliği'nin siyasi durumu, Ankara, 1973. Предавшись, прежде всего, политике и международным отношениям, Гьокбильгин не уделяет много внимания анализу военных аспектов, хотя его обширные прямые цитирования из Реммаля Ходжи содержат много сведений об этом.

6. Halil Inalcik, «The khan and tribal aristocracy: the Crimean Khanate under Sahib Giray I», Eucharisterion: Essays presented to Omeljan Pritsak on his sixtieth birthday by his colleagues and students, Cambridge, 1980=Harvard Ukrainian Studies 3–4 (1979–1980), pp.445–466.

7. В.Е.Сыроечковский. «Мухаммед–Герей и его вассалы», Ученые записки Московского государственного университета 61 (1940), с.3–71.

8. L.J.D.Collins, «The military organization and tactics of the Crimean Tatars during the sixteenth and seventeenth centuries», War, technology and society in the Middle East, eds. V.J.Parry and M.E.Yapp, London, 1975, pp.257–276. Это исследование также дает ссылки на других авторов, касавшихся татарских набегов.

9. Вышеприведенные замечания о Сагиб Герее и Реммале Ходже в основном основаны на работе: Inalcik, «Khan and tribal aristocracy».

10. Например, те, что были основой для Сыроечковского, «Мухаммед–Герей».

11. Мы готовим более обширное исследование о крымско–татарском военном деле – В.О.

12. Мы включаем только большие экспедиции. Хроника охватывает также более мелкие операции и стычки, например, касающиеся борьбы хана с Ислам Гереем и Баки Бегом.

13. «Тарих», с.25–31. См.также Gökbilgin, «Kirim siyasi durumu», pp.14–17.

14. «Тарих», с.35–45. См.также Gökbilgin, «Kirim siyasi durumu», pp.18–19.

15. Во–первых, при решении вопроса – куда именно должна направ-

ляться экспедиция, Московия или сама Москва названы как одна из возможных целей («Москов мемлэкэтун чапуб Русун тахтгахына эруб») и снова, когда экспедиция находится в пути, она упоминается как «Рус акыны», и говорится, что татары дошли до места рядом с границей «Рус» («Рус сэрхадды»). Однако нет ясного указания на то, что эта граница была перейдена и что они вошли в Московию. Вместо этого татары стараются добыть информацию у «языка», чтобы узнать местонахождение некоего Курела или Корела (Гурела, согласно Гьокбильгину – в оригинале – KWRL) – то ли человека, то ли народа, то ли, возможно, местность под таким названием. Гьокбильгин не пытается идентифицировать это слово и считает, что набег был осуществлен против Московии. Установлению слова могло бы помочь обнаружение других источников об этой особой рейдовой экспедиции, то есть точно определив на основе других источников, где совершали набеги крымские татары зимой 1539–1540 г. Здесь мы можем только предполагать, что имя Курел/Корел могло относиться к Великому княжеству Литовскому (которое в то же самое время контролировало большую часть Украины и Белоруссии). Хотя, например, в древнерусских хрониках литовские правители обычно названы «великими князьями», иногда их также называли «король» (например см. фрагменты летописей в Белоруссии в эпоху феодализма. Сборник документов и материалов в трех томах, 1: С древнейших времен до середины XVII века, Минск, 1959, с.64,84.) Следовательно, возможно, Курел/Корел < король (заметим здесь, что Ярослав Дашкевич готовит исследование подобного термина «Керел», который появляется во многих славянских и других источниках. Обычно его относят к Венгрии, но, по его мнению, Керел происходит от «король» и относится к территории бывшего Галицко–Волынского княжества). Мы замечаем, что османы и крымские татары часто также называют украинцев и белорусов – «рус»; фактически, представляется, что для них термин «рус» был больше указанием на восточных славян, чем только на московитов. Другими словами, сам по себе набег на «Рус» не обязательно означал набег на Московию.

16. «Тарих», с.46–51. См. также Gökbilgin, «Kirim siyasi durumu», pp.19–20.

17. «Тарих», с.56–66. См. также Gökbilgin, «Kirim siyasi durumu», pp.20–22.

18. В целом Реммаль Ходжа дает очень мало дат. Здесь мы следуем датировке, установленной или принятой в работе Гьокбильгина «Kirim siyasi durumu». Необходима дальнейшая работа с другими источниками до того, как смогут быть твердо установленными даты некоторых похо-

дов, описанных в «Тарих».

19. «Тарих», с.72–82. См. также Gökbilgin, «Kirim siyasi durumu», pp.24–26.

20.См. n.18.

21. «Тарих», pp.83–96. См.также Gökbilgin, «Kirim siyasi durumu»,pp.26–27.

22. «Тарих», pp.97–105. См.также Gökbilgin, «Kirim siyasi durumu», pp.27–28.

23. «Тарих», pp.106–113. См.также Gökbilgin, «Kirim siyasi durumu»,pp.29.

24. «Тарих», pp.121–143.

25. «Тарих», p.46.

26. Например, Guillaume Le Vasseur, Sieur de Beauplan, Description d'Ukraine qui sont plusieurs provinces du Royame de Pologne contenues depuis les confins de la Moscouie, jusques aux limites de la Translivanie, Rouen, 1660, pp.41–46 (Украинский перевод с комментарием: Опис України, кількох провінцій Королівства Польського..., Київ, 1990, pp.58–62).

27. «Тарих», с.26,46. Здесь термин «орак заманы» («время серпа») проблематичен. Судя по употреблению слова «орак» («серп»), а так же слова «харман» («ток; жатва»), кажется, речь идёт действительно о жатве. Здесь нужно заметить что операции в Молдавии 1538 г. происходили в сентябре, то есть в период после жатвы. Естественно, жатва в сельскохозяйственных обществах является временем наиболее обильного снабжения продовольствием, это был фактор, с которым нужно было считаться при совершении похода на большие расстояния с большими силами (ср. Archer Jones, The art of war in the western world, New York and Oxford, 1987, pp.46–48). В османских источниках («канун») «орак заманы» и т.п. связывается больше всего с сенокосом (Ö.L.Barkan, Kanunlar, Istanbul, 1945, p.269; H. Inalcik, Osmanlilar'da raiyyet rusumu, Belleten 23 (1979), pp.577–580). Очевидно, этот момент нуждается в дальнейшей разработке. В любом случае, если в летнее время татары зависели от продовольствия крестьян для обеспечения себя едой или коней фуражем, возникает ряд вопросов относительно зимних кампаний.

28. «Тарих», с.26,36,57,72,84,98.

29. В одном случае, в походе 1542 г. против черкесского племени Джаней, крымские войска, вероятно, собрались возле Кефе (Каффа) у Сары Гьол («Желтое озеро»), «Тарих», с.73. В других случаях сказано, что за столько–то дней войска должны отправиться в Керчь.

30. «Тарих», с.72.

31. «Тарих», с.98–99.

32. Inalcik, «Khan and tribal aristocracy», pp.459; «Тарих», 49, 61, 73, 100.

33. «Тарих», с.26,36,74,92.

34. Inalcik, «Khan and tribal aristocracy», pp.459–461. О его эффективном использовании запорожскими казаками см.: Beauplan, Description d'Ukraine..., pp.47–51 (Опис України..., с.63–65).

35. Beauplan, Description d'Ukraine..., pp.50–54 (Опис України..., с.67–68). См.также: Collins, «Military organization», p.267.

36. «Тарих», с.37,124.

37. «Тарих», с.38.

38. «Тарих», с.126.

39. «Тарих», с.26,74,92.

40. Inalcik, «Khan and tribal aristocracy», pp.460–461.

41. «Тарих», с.39–40. Ср. с подобной сценой в черкесском походе 1542 г., «Тарих», с.77.

42. Нежелание сообщать о поражениях своей собственной стороны можно увидеть и в османских хрониках. Например, в описаниях сражений между османскими морскими силами и казаками на Черном море говорится только о тех из них, где предположительно потерпели поражение казаки, что приводит читателя к убеждению, что обратной ситуации не случалось, но мы знаем из других источников, что это было не так. См.: Виктор Остапчук и Олександр Галенко, «Козацькі чорноморські походи у морській історії Кятіба Челеби», Mappa mundi. Studia in honorem Jaroslavi Dashkevych septuagenario dedicata, Lviv, Kyiv, New York, 1996, pp.341–426, особенно с.345, 359–360, 377, 382.

43. В типичной манере наш летописец сообщает, что даже ни единый татарский нос не был окровавлен. «Тарих», с.91–92.

44. «Тарих», с.112.

45. «Тарих», с.43.

46. «Тарих», с.44. Описания трех других экспедиций на Кавказский регион также содержат прекрасный материал о характере тамошних военных операций.

47. По крайней мере, официально поход против Москвы в 1541 г. не казался главным образом направленным на захват ясыря, хотя по пути на север было сделано предложение захватить ясырь до перехода Оки, но Сагиб Герей отверг это. Причина того, почему в «Тарих» записаны немногие походы против северных стран, может быть та, что подобные операции были в основном прерогативой крымских племенных сил и степных ногайцев, а не ханских войск, которым «Тарих» уделяет наи-

большее внимание.

48. «Тарих», с.49. Ср. Beauplan, Description d'Ukraine..., p.42 (Опис України..., с.59); Collins, «Military organization», p.266.

49. Реммаль Ходжа не говорит, почему на человека было по две лошади, но, как известно из других источников, дополнительная лошадь была нужна потому, что им приходилось иметь более свежую лошадь для большей скорости и для использования ее как вьючной при возвращении домой, то есть везти добычу. Ср.Collins, «Military organization», pp.267–268.

50. «Тарих», с.50.

51. «Тарих», с.50–51. Тогда как такие кавалерийские набеги обычно известны под термином «чапгул» (от «чап–», «скакать галопом; совершать набег»), в «Тарих» термин применяется не только к рейдовым экспедициям всадников, но также к особым миссиям ханской пехоты и повозочным войскам. Так, в астраханской экспедиции передовая экспедиционная сила с повозками, полевыми пушками («зарбузан») и янычарами была послана вперед на Астрахань – ее миссия названа «чапгул» («Тарих», с.102). В черкесском походе 1551 г. особое войско, посланное с миссией и состоявшее из 1000 мушкетных стрельцов и 20 «зарбузанов» называлось «повозочный чапгул» («араба чапгулы») («Тарих», с.125–126).

52. О рабстве в Османской империи, включая Крым, см.: Halil Inalcik, «Servile labor in the Ottoman Empire», The mutual effects of the Islamic and Judeo–Christian worlds: the East European pattern, Brooklyn, NY,1979, pp.26–52.

53.«Халкун гьонлю шэн вэ шадман» – «Тарих», с.80, см. также сс.44,128–129.

54. «Тарих», сс.44,80,128–129. У него нет и каких–либо сдерживаний в отношении жестокости татар к своим врагам (подобно как и других народов того времени): иногда упоминаются пытка или экзекуция пленного воина, преступника или даже простых пленных, они даже описываются. Практически все случаи жестокости не беспричинны, а служат цели – или для примера, наказания, или же для отмщения и т.д. – «Тарих», с.78, 93, 127.

55. Явным примером первой ситуации является черкесская экспедиция 1539 г.; успешную молдавскую экспедицию 1538 г. можно было бы считать неудачей, когда бы Сагиб Герей не позволил татарам совершить набег за скотом при возвращении (см.ниже).

56. «Тарих», с.63, 89.

57. Здесь был достигнут компромисс – Сагиб Герей разрешил ограниченный захват скота – одну голову из каждого стада («Тарих», с.31).

58. «Тарих», с.63.
59. «Тарих», с.93–94.
60. «Тарих», с.36–37.
61. «Тарих», с.47–48.
62. «Тарих», с.59–61. Накануне отъезда в черкесский поход 1539 г. Сагиб Герей так же провел всю ночь в своей молитвенной комнате (Ibid., с.36).
63. «Тарих», с.85, 88.
64. «Тарих», с.92.
65. «Тарих», с.30–31, 44–45, 81–82, 95–96.
66. «Тарих», с.105.
67. О значении зрелищ («гьорюнуш») см. также «Тарих», с.32.
68. Сигисмунд Герберштейн. Записки о Московии, пер. А.И.Малеина и А.В.Назаренко. М.,1988, с.184.
69. М.А.Усманов. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв., Казань, 1972.

М.А.Усманов

О некоторых итогах семинара (вместо послесловия)

Международный семинар, посвященный проблемам источниковедения истории Улуса Джучи, завершает свою работу. Он был организован на базе Казанского университета, Института истории АН Татарстана и Общества востоковедов РАН при материальной поддержке Казанского совета народных депутатов.

В работе семинара принимали участие историки из 10–ти стран: Англии, Венгрии, Германии, Египта, США, Тайваня, Турции, Украины, Японии и, естественно, России, включая Татарстан.

В рамках семинара был организован небольшой круглый стол на конкретную тему – историческая география Среднего Поволжья и городов Волжской Булгарии домонгольского периода. Такая двуплановость семинара вызвана тем, что мы, при финансовой поддержке Городского совета Казани, планируем и дальше организовывать цикл международных конференций по актуальным проблемам региональной истории. Так, уже осенью 1998 г. предполагается проведение конференции по исторической географии. При этом мы намерены идти от общего к конкретному тематически, и от близкого к более удаленному в хронологическом плане. Надеемся, что такой подход будет способствовать лучшему осмыслению природы частного в системе (на фоне) общего и значения предыдущих факторов для развития последующих явлений.

Во время семинара было прослушано всего 25 научных докладов, сообщений и около 20–ти выступлений по ним. Позвольте не перечислять все доклады и сообщения, тем более выделяя кого–либо персонально из «общего хора» – они были как хронологически, так и тематически в рамках заявленной проблематики – источниковедение истории Улуса Джучи от битвы на Калке до ликвидации татарских ханств Восточной Европы.

Прослушанные доклады и сообщения были содержательными, интересными и полезными для дальнейшего развития источниковедения истории ханств Восточной Европы. Они показали, что еще

есть много проблем, нуждающихся в специальных разработках. И это вполне понятно, так как долгие годы история Улуса Джучи – почти 300–летний период из прошлого многих народов Евразии – была изучена и освещена, мягко говоря, крайне неравномерно. Отдельные же моменты этого сложного, насыщенного бурными событиями и новыми явлениями периода или вообще выпадали из поля зрения интерпретаторов, или же изображались (особенно в учебниках и пособиях) крайне однобоко, искаженно. Нередко проводилась тенденция игнорирования значения этого периода в судьбе ряда народов Евразийских просторов. В результате всего этого вместо цельной истории у них получились «лоскутки» от истории, плохо связанные между собой. Воистину были правы древние греки своим мудрым изречением: «бывшего даже боги не могут сделать небывшим».

На этот момент внимание обращается не случайно, потому что попытки игнорирования чего–либо реально существовавшего оборачиваются, как правило, против игнорирующих. Если в последнее время резко отрицаются почти все прежние концепции по освещению истории державы Джучидов, то это является своеобразной реакцией на предыдущие попытки умалять, а нередко просто умолчать значение реальных фактов и явлений из прошлого.

Такую же природу, по сути, имеют прозвучавшие в некоторых выступлениях пышные эпитеты в адрес государства Джучидов. Эти личные мнения также являются ответом на те сугубо отрицательные, в сущности резко обвинительные эпитеты, которые долго господствовали под эгидой советского официоза, отравляя тем самым сознание людей противопоставлением одних народов и культур другим.

И ныне модные пышные эпитеты, раздающиеся в популярных публикациях и частных выступлениях, я бы сказал, не являются бесспорными. Ибо никогда реальная действительность крупных стран не состояла лишь из одних плюсов, или, наоборот, только из минусов. Тем более когда речь идет об имперских явлениях. А Золотая Орда была империей. Вряд ли есть необходимость такой подготовленной аудитории пояснять, что такое империя – это мы «проходили» и «проходим» сейчас. Так что к этим эпитетам из отдельных выступлений следует относиться с пониманием, даже

с некоторым сочувствием...

В сущности, мы сегодня пожинаем, хотим того или нет, плоды советского официоза, идеи которого упорно насаждались нашими предшественниками. Нам пора не только осознать, но и последовательно реализовать, утверждать ту идею, по которой история – не поэзия, основанная на эмоциях. Тем более, что историк не может быть прокурором, требующим лишь осуждения кого–либо или чего–либо...

Некоторые доклады имеют больше общеисследовательский или историографический уклон, нежели специально источниковедческий характер. Хотя и такие сообщения, выполненные на богатом источниковом материале, являются полезными для нашей проблематики в целом. Нужно осознать, что слабая разработанность многих проблем из истории Золотой Орды принуждала отдельных докладчиков к решению прежде всего этих, еще недостаточно осмысленных, вопросов. С другой стороны, эти небольшие «отклонения» от заявленной проблематики свидетельствуют о необходимости интенсивной работы по подготовке историков–источниковедов из подрастающего поколения.

В целом, как показал этот первый международный форум по источниковедению истории Золотой Орды и татарских ханств Восточной Европы, семинар оказался весьма своевременным. Ибо он указал как на наши возможности, так и на имеющиеся проблемы. Как показали привлеченные в докладах многочисленные сведения, в особенности вещественные материалы, в результате образования Монгольской сверхдержавы, несмотря на ее кратковременное существование, происходит сложение новой культуры, вобравшей в себя элементы материальной и духовной культур многих стран и народов – от Дальнего Востока до Запада. Это говорит о том, что имеются большие возможности для обогащения источниковой базы истории как супердержавы Чингизидов в целом, так и Улуса Джучи, в частности. То есть истории почти всей Евразии.

Наш семинар носил в какой-то степени «разведовательный» характер: он ставил перед собой задачу поиска действительных коллег по интересам, т.е. заинтересованных лиц в данной области источниковедения. Результаты оказались вполне ощутимыми. По-

этому можно надеяться, что опубликованные материалы семинара будут способствовать дальнейшему развитию поисков, разработок в этом направлении.

В отдельных выступлениях, в обсуждениях прозвучал ряд критических замечаний. В том числе о том, что на семинаре не были специально отмечены деятельность и заслуги наших некоторых предшественников, вносивших неоспоримый вклад в изучение письменных источников по данной проблематике. Справедливая критика. Нормальное развитие науки невозможно без учета опыта и бережного отношения к наследию своих предшественников. Полагаю, что в этом плане весьма полезным было бы проведение в перспективе специальной конференции, посвященной как историографии источниковедения истории Улуса Джучи в частности, так и историографии истории этого государства вообще, в целом. Последний аспект представляет по-моему особый интерес в плане сравнительного анализа позиций российских, советских и зарубежных историков.

Относительная малочисленность молодежно–студенческой аудитории данного семинара объясняется тем, что в настоящее время (23–26 июня) в вузах идет экзаменационная сессия – студентам, видимо, не до конференций. А выбор времени для семинара определялся многими факторами и реальными возможностями.

В обсуждениях были высказаны также интересные предложения, из них особого внимания заслуживают следующие:

I. Проведение таких специальных семинаров и конференций по источниковедению истории тюрко–татарских ханств систематически продолжать и в будущем. Поэтому данный семинар, как предлагает профессор Иштван Вашари, следует назвать «I–м международным семинаром по источниковедению истории Улуса Джучи»; мы, видимо, с благодарностью примем его предложение провести в ближайшие годы II семинар по данной проблеме в Будапеште.

II. Опубликовать материалы этого и будущих семинаров по проблемам источниковедения истории Улуса Джучи как на русском, так и на английском языках. В этом плане весьма своевременными являются предложения докторов Юлая Шамильоглу и Дамира Исхакова.

III. Для сбора и публикации материалов этого семинара организовать редакционный совет из следующих его участников:

1. Иштван **Вашари,**
2. Хансгерд **Гекеньян,**
3. Дамир **Исхаков,**
4. Виктор **Остапчук,**
5. Миркасым **Усманов,**
6. Рафаэль **Хакимов,**
7. Юлай **Шамильоглу.**

Надеюсь, что участники I международного семинара по источниковедению истории Джучиева Улуса выразят свое отношение к этим предложениям.

Подводя общие итоги, позвольте от имени оргкомитета семинара выразить искреннюю благодарность нашим уважаемым гостям, украсившим своим участием и содержательными докладами, выступлениями первый в истории международный научный форум, посвященный проблемам источниковедения истории Улуса Джучи – государства, оставившего глубокий след в прошлом многих народов Евразии. Одновременно я считаю себе за честь от имени всех участников семинара выразить искреннюю благодарность Казанскому совету народных депутатов, руководству мэрии столицы Республики Татарстан за те благоприятные условия, которыми мы пользовались как в процессе подготовки, организации, так и проведения настоящего семинара.

Спасибо всем!

Казань, 26.06.1998

Содержание

М.А.Усманов *(Татарстан, Казань)*
Состояние и перспективы источниковедения истории Улуса Джучи 3
Юлай Шамильоглу *(США, Мадисон)*
Направления в исследовании Золотой Орды 15
Е.И. Кычанов *(Россия, Санкт-Петербург)*
Сведения из « Истории династии Юань» («Юань ши») о Золотой Орде 30
М. Г.Крамаровский *(Россия, Санкт-Петербург)*
Новые материалы по истории культуры ранних Джучидов: воинские пояса конца XII – первой половины XIII вв. (источниковедческие аспекты) 43
Хансгерд Гёкеньян *(ФРГ, Гиссен)*
Западные сообщения по истории Золотой Орды и Поволжья 1223–1556 82
Клаус Хеллер *(ФРГ, Гиссен)*
Золотая Орда и торговля с Западом 111
Колин Хейвуд *(Великобритания, Лондон)*
Некоторые проблемы нумизматического доказательства правлений хана Ногая и Джеки 129
Исанбике Тоган *(Турция, Анкара)*
Джучи хан и значение осады Хорезма как символы законности 146
Чхао Чху–чанг *(Тайвань, Тайбэй)*
К вопросу о взаимоотношениях юаньских и золотоордынских правителей (по данным китайских источников) 188
Иштван Вашари *(Венгрия, Будапешт)*
Жалованные грамоты Джучиева Улуса, данные итальянским городам Кафа и Тана 193
Ю.А. Зеленеев *(Мари-Эль, Йошкар-Ола)*
Источники по этнической истории Улуса Джучи 207

С.И.Валиулина *(Татарстан, Казань)*
Золотоордынский Биляр: начало исследований 216
И.Л.Измайлов *(Татарстан, Казань)*
Формирование этнополитического самосознания населения Улуса Джучи: некотрые элементы и тенденции развития тюрко–татарской исторической традиции 244
А.Г.Мухамадиев *(Татарстан, Казань)*
Монеты как источник по изучению преемственности денежного дела Поволжья V–XV вв. 263
И.В.Зайцев *(Россия, Москва)*
Историография истории отношений постордынских «юртов» с Россией и Османской империей 269
Мария Иванич *(Венгрия, Сегед)*
«Дафтар–и Чингиз–наме» как источник по истории кочевых обществ 314
Д.М.Исхаков *(Татарстан, Казань)*
Родословные и эпические произведения как источник изучения истории сословий Улуса Джучи и татарских ханств 329
В.В.Трепавлов *(Россия, Москва)*
Этнотерриториальное деление Дешт–и Кипчака в позднем средневековье (по материалам ногайско–русской дипломатической переписки) 367
Барбара Келлнер–Хайнкеле *(ФРГ, Берлин)*
Кто был Абдулгаффар ал–Кирими (Заметки о крымско–татарском историке XVIII века) 378
Виктор Остапчук *(Канада, Торонто)*
Хроника Реммаля Ходжи «История Сагиб Герей хана» как источник по крымско–татарским походам 391
М.А.Усманов *(Татарстан, Казань)*
О некоторых итогах семинара (вместо послесловия) 422